

327

Г - 34

ЭРНСТ ГЕНРИ

Гитлер
ПРОТИВ

СССР

COLLECTION 3 1937

327

Г - 34

ЭРНСТ ГЕНРИ

Гитлер
ПРОТИВ
СССР

ГРЯДУЩАЯ СХВАТКА
МЕЖДУ ФАШИСТСКИМИ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ АРМИЯМИ

*С ПРЕДИСЛОВИЕМ АВТОРА
К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ*

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Р. ИХОК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1937

$$\frac{327}{\Gamma 34}$$

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга Эрнста Генри — «Гитлер против СССР», изданная в 1936 г. солидным английским буржуазным издательством «Dent», переизданная в США и выходящая в свет одновременно с советским изданием во Франции на французском и немецком языках и в Голландии, является второй частью трилогии, первая часть которой — «Гитлер над Европой?» (издана в СССР в 1934 г.) — выдержала в Англии три издания и также переведена на основные европейские языки.

Книга трактует наиболее актуальные социальные и военно-политические вопросы международной жизни. Некоторые положения автора могут быть оспорены. Но автор на основе огромного фактического материала разоблачает разбойничьи планы германского фашизма и дает яркий анализ тех сил, которые неизбежно приведут к краху гитлеровского «крестового похода на Восток» и к Ватерлоо гитлеризма в целом. Поэтому книга Генри представляет большой интерес для друзей мира и борцов против фашизма во всем мире.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

«Священный союз» против страны Советов подписан в Берлине 25 ноября 1936 г. План Гофмана—Розенберга—Гитлера для похода на СССР и для раздела мира между двумя или тремя фашистскими «сверх-империями», о котором говорит эта книга, становится острой политической действительностью. Крестовый поход на Москву; захват Азии Японией; возвращение фашистских армий на Запад и диктатура Гитлера над Европой; свержение всех демократий мира и возврат к абсолютизму времен до Великой французской революции—таковы главные черты этого плана, и содержание последнего замысла, порожденного капиталистической системой,—остановить историю и отбросить ее назад.

Человек, который прочел бы об этих проектах 10 лет назад, подумал бы, что часть мира охвачена безумием. В действительности продолжается только, с необычайной быстротой и яркостью, переходный период, вступивший в свою обостреннейшую фазу: международную группировку сил для генерального сражения. Никогда еще слова Маркса и Энгельса «Социализм—или низвержение в варварство» не отражались так четко в действительности, как сейчас. Лагерь варварства организован и мобилизует свои силы на глазах у всех. Поход на СССР—это не только поход на государство Советов, на Красную армию, на русский народ и другие народы между Двиной и Тихим океаном. Это поход на человеческую культуру, в первый раз добившуюся безграничных свобод, на светлое будущее мира. И однако он не страшен—в каких бы формах он ни протекал, каких неизмеримых жертв он бы ни потребовал. «На грубую, чисто техническую стратегию фашизма социалистическая армия ответит технически еще более сильным оружием: укреплениями, танками, самолетами, подводными лодками. Морально, однако, она ответит таким гневом, таким взрывом всей внутренней и человеческой энергии высшего социального порядка, таким негодованием, что в языках пламени этого взрыва механизированная армия

агрессоров превратится в груды пепла». К такому выводу приходит автор этой книги после подробного анализа главных политических, военных, экономических факторов этой борьбы.

В действительности Советский Союз уже начал отвечать, и отвечать двояко. Его первый ответ — Конституция СССР. После «Коммунистического манифеста» 1848 г. не было более громкого призыва к людям создать новое общество, более убедительного обвинительного акта против фашизма. Его услышат и здесь и там. В момент, когда мировой союз фашизма подписывает смертный приговор всей истории цивилизации, всему культурному достоянию — и, в действительности, самому себе, — страна Советов торжественно и спокойно объявляет о начале новой исторической эпохи человеческих прав, свобод и достижений. И если этот ответ обращен к тем, у кого есть еще уши, чтобы слышать, к трудящимся мира, то для глухих ушей фашистских варваров у Советского Союза есть еще и другой ответ, ответ кулаком. Ответ этот — непрекращающийся рост СССР и превращение его в самую могущественную державу мира; в такую силу, которая измеряется не обычными цифрами отдельных стран, а масштабами континента, которой не страшны никакие орды фашистов, откуда бы они ни пришли. «Священный союз» фашистских государств построен на песке, и этот союз сметет приближающийся шторм. Бастион социализма заложен на граните новой истории и новых людей. «Мы не отдадим нашу страну... *Никогда!*» — эта мысль сейчас в умах людей далеко за пределами СССР. В Испании тринадцатилетние мальчики, конторские девушки, мадридские рабочие, андалузские крестьяне умирают на баррикадах с именем Москвы, с именем Сталина на устах. В Германии, в центре фашистского лагеря, революционные рабочие несмотря ни на что готовят освободительное восстание, как когда-то готовили его после 1905 года в царских тюрьмах большевики. Нет, не дойти фашистам до границ СССР. Переходный период развивается с непреодолимой логикой, и проблема «социализм или варварство» будет разрешена. Пусть люди страны Советов спокойно и бдительно ожидают того часа, когда в союзе с рабочими и демократиями других стран они отражат нападение и сметут фашизм с мировой карты.

Эрнст Генри

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К АНГЛИЙСКОМУ И НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЯМ

С некоторого времени наиболее наблюдательные и хорошо информированные люди Великобритании ощущают, что на европейском горизонте собирается *шторм*, который, может быть, очень скоро сметет все прочие тревоги и проблемы нашего века. Все более и более явственно вырисовывается призрак потрясающего огромного столкновения — столкновения, которое произойдет между двумя мировыми формациями, собирающими друг против друга еще более громадные и еще более страшные силы, чем в 1914 г. Собираательные центры этого столкновения — Берлин и Москва, а конфликт, который разразится между ними, охватит, повидимому, территорию, примыкающую к Германии и Советскому Союзу, т. е. Центральную, Северо-восточную и Юго-восточную Европу. Но словно в тени этих держав виднеются силуэты двух великих армий, которые не признают вовсе ни национальных границ, ни географических барьеров и расположены на всем континенте: это — *европейская фашистская армия и европейская социалистическая и демократическая армия*.

Люди, которые испытывают ныне это чувство и в которых оно со времени начала событий в Испании усилилось более чем когда-либо, как правило, не являются ни людьми, страдающими галлюцинациями, ни последователями Герберта Уэллса. Это большей частью люди с очень трезвым умом, со здоровым отвращением к войне, равно как и с глубоко укоренившимся недоверием к легковесному паникерству; наряду с лицами, занимающими официальные посты и имеющими доступ к надежным источникам информации — дипломатами, журналистами, военными наблюдателями, — это также и обычные средние люди, интересующиеся политикой. Но именно эти люди взволнованы гораздо больше, чем обычные профессиональные алармисты, которые выходят из себя по вине синьора Муссолини. Разговоры о грядущем конфликте на

Востоке становятся все громче. Имеют ли они какое-нибудь основание?

Эта книга должна дать положительный ответ на этот вопрос. Автор пытается показать, что картина великого пожара на Востоке далеко не измышление журналистов, что она отражает конкретную реальность, притом реальность к нам близкую, более близкую и гораздо более конкретную, чем это представляется многим из нас. Автор показывает далее, что этот конфликт не может быть ограничен или «локализован» какой-либо одной частью земного шара; дело гораздо сложнее. Событие, надвигающееся на нас, это, по всей вероятности, вторая мировая война, война, которая, вспыхнув на Двине, на Балтийском море, на Дунае, охватит весь континент, не оставит не задетой ни одной страны и не пощадит ни одного государства или группы государств, как бы «изолированы» они ни были.

Такова тема. Это смелый замысел, и он не входил в первоначальные намерения автора. Но в процессе детального изучения современных явлений и событий в Центральной Европе автор почувствовал, что его притягивает к этому выводу словно магнитом. Оказалось, что каждое явление, практически почти каждое событие, в этой зоне непреложно ведет именно к этому выводу, направлено прямо в эту сторону и никуда более. Оставалось только следовать этим указаниям со всей возможной точностью и наметить контуры возможного процесса. Результаты этого исследования и предлагаются вниманию читателя.

Автор не хотел бы, чтобы его книга создала впечатление, что он делал эту работу с холодным сердцем, хотя он старался, конечно, сохранять холодный ум. Автор принадлежит к числу тех, кто верит, что в современном мире, расколотом на два гигантских вражеских лагеря и находящемся на грани своего окончательного преобразования, нет и не может быть политической и социальной беспристрастности. Вместе со многими другими автор находится по одну сторону баррикад. Полный разгром и поражение другой стороны — это его самое страстное желание, потому что только в этом видит он выход для настоящего и надежду на лучшее будущее. Одного только можно требовать от автора при решении столь значительной проблемы: уважения к исторической правде. И, быть может, кроме того — чувства ответственности по отношению к тем читателям, которые ищут в этой книге главного и самого важного для них ответа на вызывающий их величайшую тревогу вопрос о том, как сохранить мир. Эта книга была написана не для того, чтобы напугать их, а для того, чтобы предостеречь.

* * *

«Гитлер против СССР» является одновременно как бы продолжением книги «Гитлер над Европой?» — более ранней работы, появившейся в 1934 г. и пытавшейся обрисовать скрытый социальный процесс, который вызвал неожиданное появление этой силы в сердце Европы; первым результатом этого процесса был разгром германской республики и временное поражение германского рабочего класса. Теперь вырисовывается *вторая стадия* в динамическом развитии той же силы, которая вызовет еще большие разрушения и в более широком радиусе. Метод, примененный здесь автором, напоминает отчасти анализ, которым пользуются в естественных науках. Неумолимая и непреклонная логика фактов показывает, что все развитие определяется не произвольными актами и не состоит из случайных событий, вызванных прихотью одного человека, а является закономерным, строго логическим процессом, который неизбежно должен продолжаться до тех пор, пока существует эта сила и пока ничто не препятствует ее росту. Этого достаточно, чтобы внушить тревогу. Но автор не думает, что, употребляя такое сравнение, он оскорбляет известную часть своих читателей; он не пытался также изменить последовательность событий. Факты говорят сами за себя; они говорят, конечно, и для тех, кто не разделяет материалистического объяснения истории. Главным фактом остается Гитлер. А «Гитлер против СССР» — это только четкая проекция проблемы «Гитлер над Европой?» — новый акт все той же драмы, которая началась 30 января 1933 г. и которая касается *всех* нас, хотим мы того или нет.

Этот новый акт открывается ночью 30 июня 1934 г. Что общего имеет это с крестовым походом против Москвы? Все! В эту ночь, ночь восстания ремовской армии, — а не раньше — окончательно решилась судьба этого крестового похода; он стал исторически неизбежным. Замкнулся внутренний «порочный круг» политики Гитлера, разбившей сердце германской мелкой буржуазии, развязавшей полностью и без ограничений другую силу, германского фашизма — империализм. Внутреннее развитие неминуемо определило внешнее; трагедия германской мелкой буржуазии непосредственно подготовила путь для неожиданного появления на сцене «спасителя Европы». Вот почему главной части этой книги, озаглавленной «Крестовый поход», предпослана в качестве пролога история серьезнейшего внутреннего кризиса германского фашизма. Весь ход этих событий ныне непреложно связан с путем Гитлера.

Так, следуя ритму политического развития, возникает схема исследования, конечной формой которого будет, повиди-

мому, трилогия. Ибо одна вещь ясна уже сегодня. Если *Гитлер*, который служит силам более могущественным, чем он сам, вовлечет Европу в безумную авантюру, если СССР окажется его непосредственным противником, то в этом случае только *Англия*, и только она, держит в своих руках ключ к окончательному решению. Эта мысль выражена в этой работе не более, чем в предыдущей, но автор оставляет за собой право сделать окончательный вывод в дальнейшем. Для каждого внимательного читателя эта мысль поможет оценить значение обеих книг. Тем или иным путем Англия даст окончательное разрешение проблемы Гитлера. Эта книга выходит в свет раньше всего в Англии. Если позволят обстоятельства, изучение вопроса «Гитлер и Британия» составит содержание следующей книги-трилогии.

Необходимо сделать еще одно замечание: эта книга не «инспирирована» ни в каких кругах. Она не связана с какими-либо «официальными» или «неофициальными» кругами в какой-либо стране, и никто, кроме автора, за нее не отвечает. Идеи, выраженные в этой книге, представляют его собственное мнение; использованный материал является продуктом его личных исследований. Автор будет благодарен за всякие советы, которые будут присланы издателям¹.

* * *

Немецкому изданию необходимо предпослать несколько дополнительных замечаний. В противоположность многим политическим наблюдателям современности, автор этой книги рассматривает национал-социалистский план войны с СССР не только как историческую реальность, но как главную ось подлинного международного плана национал-социалистов, как содержание их ближайшей генеральной операции. Крестовый поход на Москву; формирование трех больших фашистских армий — на северо-востоке (Балтика), на юго-востоке (Дунай) и в Восточной Азии (Манчжурия — Монголия); нападение на крепости социализма и военный поход на восточноевропейской территории; соединение с паназиятской лавиной Японии и *тогда* — обратный марш на запад и безудержное нашествие на обессиленную Европу, — такова политическая стра-

¹ Далее идет дополнение, внесенное автором в предисловие для немецкого издания.

тагема, созданная мозгами людей из Нюрнберга — какой бы фантастической она ни казалась; она составляет подоплеку их иступленных призывов к крестовому походу и объясняет всю деятельность Гитлера в этом направлении. На первый взгляд эта концепция кажется удивительной. Ленинград, Киев и Москва оказываются ключевыми позициями в борьбе против Парижа и Лондона; победа на Востоке — непосредственным и *необходимым* вступлением для нападения на Запад. Все это стоит в явном противоречии с привычным представлением о том, что Гитлер начнет нападение с ближайших, лежащих по ту сторону Рейна, областей. Но не следует упрощать стратегию национал-социализма, уже не раз показавшего, что он умеет считаться по меньшей мере с конкретными реальностями; призывы Гитлера и его подручных к крестовому походу представляют собой нечто большее чем повседневную пропаганду, даже большее чем маскировочный маневр. Нельзя недооценивать политики врага. Дело идет в первую очередь о совсем простых политико-стратегических факторах; эти факторы, переложенные на язык непосредственной оценки соотношения сил в современной Европе, приводят национал-социалистскую политику к следующим основным выводам.

Какую ситуацию — политическую и стратегическую — встретит Гитлер сегодня или в ближайшем будущем, если он нападет на *Запад*, т. е. на Францию и бельгийско-голландское побережье Ламанша?

Политически: неприятельскую коалицию, состоящую из Франции, Англии, Советского Союза, Чехословакии и, вероятно, некоторых других малых стран, верных Лиге наций; при этом под вопросом остается нейтралитет Италии, а позиция Соединенных штатов Америки будет безусловно враждебна Германии.

Каковы бы ни были в этом случае отдельные политические и военные шахматные ходы и «трюки» Гитлера или германского генерального штаба, — такой неприятельский фронт не сокрушим; он воспроизводит антигерманский фронт 1914—1918 гг., но еще более сильный и для Гитлера еще более смертельный, чем для Вильгельма II. Нелепо думать, что власти Третьей империи не видят этого так же ясно. Франция будет защищаться всеми силами, как уже имеющимися в ее распоряжении, так и потенциальными, а эти силы еще меньше можно недооценивать, чем в 1914 г.; на стороне Франции будет по крайней мере часть ее меньших союзников в Центральной и Юго-восточной Европе. Англия не оставит Францию; эта карта бита фактически уже с 1935 г., и все эти спекулятивные расчеты явно и окончательно ликви-

дированы с 1936 г. Формальные заявления Болдуина и Идена, новое соглашение между французским и английским генеральными штабами только подкрепляют уже очевидные факты. *Никакое* английское правительство, ни правое, ни левое, ныне не позволит сокрушить Францию, не позволит германской воздушной эскадре обосноваться перед Ламаншем. Гитлер и Риббентроп это знают, и поэтому их главные усилия в Лондоне направлены на то, чтобы в награду за гарантию Западного пакта получить «свободу рук» в другом месте. С другой стороны, поддержка Советским Союзом обороны Франции не подлежит никакому сомнению, и здесь вряд ли сможет что-либо изменить дальнейший ход политических событий. Советский Союз сегодня стал действительным оплотом не только Лиги наций, но и вообще всякой активной политики мира; он не допустит того, чтобы орды фашистских варваров опустошили Запад; позиция СССР в испанском конфликте показала это еще раз с достаточной ясностью. Все более вероятным становится участие Соединенных штатов в этом оборонительном кольце (тем более после победы Рузвельта) в той или иной — пассивной или активной — форме; во всяком случае в форме снабжения материалами и финансовой поддержки подвергшихся нападению демократий Англии и Франции. Какое же правительство в Америке могло бы поддержать гитлеровское вторжение через Рейн? Основные черты этого оборонительного союза определились, и перевес явно на его стороне. Нет ни одного человека в нынешней германской главной квартире, и вряд ли найдется хоть один национал-социалистский вождь, который отважился бы напасть на столь превосходящие силы; на это не решатся даже эти одержимые. Рост вооружений Англии, Франции и Советского Союза, а также уроки испанских событий сделали, по-видимому, беспочвенными расчеты на «молниеносную атаку» Геринга в воздухе, которая в течение 48 часов превратит в пепел Париж и Лондон, принудит правительства Франции и Англии к немедленной капитуляции и таким образом избежит длительной войны, в которой перевес окажется на стороне противника. Что же ждет Гитлера при его наступлении на Запад с точки зрения стратегической?

В качестве первой линии он натолкнется на следующую цепь: французские укрепления Мажино, франко-английский воздушный флот, бельгийско-голландские укрепления; чехословацкие авиабазы, воздушный флот Советов. Уже одно это составляет стену в конкретно-военном смысле, о которую должны вдребезги разбиться атаки Гитлера, причем его противник в свою очередь может развить сокрушительное наступление. Тут в самом деле ничего не сможет сделать никакая

эскадра Геринга и никакая бронированная армия Бломберга; соотношение сил слишком очевидно. Ни Муссолини, ни Ридз-Смиглы, ни какой-либо другой фашистский партнер не примкнул бы в таких обстоятельствах к Гитлеру, и последний остался бы изолированным. Это — военное самоубийство, на которое германский генеральный штаб не пойдет вторично. Вильгельм II и его полководцы пренебрегли завещанием умиравшего Шлиффена: «укрепите мое правое крыло», но можно считать, что все национал-социалистские лидеры хорошо помнят и будут помнить завещание Секта: «только не война на два фронта». Иначе и быть не может.

Какую обстановку встретит Гитлер, устремившись на *Восток*?

Внешне обстановка будет той же, с еще более усложненными стратегически-техническими перспективами, — но так будет лишь в том случае, если сохранится такая всеобщая оборонительная коалиция европейских держав. Но сохранится ли она? Будет ли Гитлеру и в случае его генерального наступления на Восток попрежнему противостоять неприятельский фронт западных государств, и станет ли для него неизбежной война на два фронта? Это — первая брешь, которая открывается для Гитлера, она направляет все его политические и военные расчеты в определенную сторону.

Нельзя теперь отрывать социалистический Восток Европы от демократического Запада. Но нельзя ли при случае оторвать буржуазный Запад от социалистического Востока? Последняя задача кажется значительно более легкой, в то время как первая неразрешима.

Решение этой задачи будет достигнуто в том случае, если Гитлеру и Японии удастся выторговать у буржуазно-демократических государств «нейтралитет» по отношению к восточному вторжению, если удастся добиться этого «нейтралитета» вымогательством или вынудить посредством запугивания («спасение цивилизации от надвигающейся угрозы мирового большевизма»). Решение этой проблемы было бы еще более надежным, если бы удалось достичь не нейтралитета, а союза, что возможно, если на Западе вместо буржуазно-демократических государств возникнут буржуазно-фашистские.

Фашистское или полуфашистское правительство во Франции (Лаваль — Тардьё) означает конец Советскому пакту, и «свободные руки на Востоке» (но опять-таки все еще не на Западе). Фашистское правительство в Испании означает постоянную военную угрозу *любому* французскому правительству со стороны Пиренеев и Балеарских островов. Фашистские правительства в Мадриде и в Париже означают переход Англии к политике «свободных рук на Востоке», даже без Мосли.

В этот момент Тардые, Муссолини, Бек, Араки, Хорти, Дегрелль, Франко, Маннергейм и все остальные антибольшевистские поборники «западной цивилизации» позволяют Гитлеру избежать войны на два фронта.

Этот исторический расчет надо обязательно иметь в виду, чтобы разобраться в современной политике фюрера и его штаба, чтобы видеть дальше сенсации дня и чтобы не попасться врасплох. Дело идет в конечном счете о простейшей целесообразности. Эти люди находятся в тисках и, чтобы высвободиться из них, они должны сломать *политически* одну сторону этих тисков. Какая сторона слабее политически? *На современной стадии капиталистического развития легче поднять на ноги фашизм во Франции, Чехословакии, Бельгии и даже в Англии, чем вести войну против всех этих стран.* Эту аксиому Гитлер усвоил твердо. И вот почему он с таким фанатизмом провозглашает европейский крестовый поход против «главного врага».

Борьба народного фронта и за народный фронт во Франции, Англии и Испании предопределяет историческую перспективу.

Из всего этого не следует, конечно, делать заключение о том, что Гитлер еще до того, как он выступит в свой великий поход на Москву, не предпримет ряда подготовительных стратегических *операций*, например, против Чехословакии (уничтожение богемских авиабаз), против Австрии, на Балтике (позиции против Ленинграда) или в отношении колоний (обеспечение сырьем). Напротив, именно главный восточный план Гитлера (это будет показано на протяжении всей книги) увеличивает вероятность предварительного проведения отдельных из этих подготовительных операций и даже, возможно, делает их неизбежными; точно так же как результатом подготовки «крестового похода» внутри Германии явился, например, большой четырехлетний план, необходимый для хозяйственной мобилизации и создания запасов сырья. Обещает ли это миру хотя бы ограниченную передышку? Едва ли. Существует не только стратегия нападения Гитлера и мирового фашизма, существует также стратегия обороны другого лагеря, который не даст себя застигнуть врасплох или навязать себе условия борьбы. Ковно, Прага и Вена могут вспыхнуть на европейском горизонте еще раньше, чем оборонительные бастионы Ленинграда и Киева. Гитлер марширует. Цель этой книги — показать, что другая армия может ждать его уверенно и спокойно.

Э. Г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

ГЛАВА I

ВОССТАНИЕ АРМИИ МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ

30 июня 1934 г. в казармах и на задворках Мюнхена и Берлина были убиты лидеры германского национал-социализма — Рем, Гейнес, Эрнст, и сотни их друзей. Они были умерщвлены по приказанию Гитлера. Этот день ознаменовал начало нового периода в истории Германии, а в истории Европы открыл новые перспективы. Что же произошло 30 июня?

Миру казалось, что перед ним разворачивается действие детективного фильма. Ведь убитые были самыми доверенными лицами Гитлера. Все это — люди, которые восемнадцать месяцев назад, 30 января 1933 г., завоевали для Гитлера власть в Германии; это — люди, которые непрерывно в течение десяти лет командовали его армией, организовали поджог рейхстага и довели национал-социалистское движение до его расцвета. Они лежали теперь в собственной крови. И все-таки происшедшее заключало в себе больше чем «дворцовый» переворот. Рем, Гейнес и Эрнст были *генералами германской мелкой буржуазии*. Это — основное, и в этом причина их смерти.

Во главе армии германского фашизма стояли «генералы» двух родов. Это, во-первых, самые блистательные, самые прославленные, самые могущественные из них, те, на которых опирается официальное правительство Германии, — триумвират Гитлер — Геринг — Геббельс. Это герои 30 января, провозгласившие себя спасителями нации. На деле эти лидеры были прежде всего представителями самой реакционной и самой неразборчивой в средствах группы в Германии. Их подобрала в грязи, увенчала лаврами и поддерживала миллионными средствами тайная олигархия королей Рура — угольных и стальных баронов. История о том, как пришли к власти Гитлер и его друзья, уже не является более тайной.

Несмотря на всю помпу, эти люди и прежде и теперь ступают перед мощью капитала. В недрах богатого промышленного Рура в течение десятков лет скоплялась огромная неодоушевленная масса капиталов. Душой этого гигантского

туловища является империализм. В течение десятков лет Рур держит в своих руках всю Германию и пытается сжимать ее все крепче и крепче для того, чтобы добиться выполнения своих империалистических вождельний. Гитлер, Геринг и Геббельс являются поистине полными выразителями этого концентрированного капитала в его гигантской и неустанной борьбе за расширение своих владений, за выход из Центральной Европы на арену всего континента. Поверхностному взгляду европейского наблюдателя эта борьба представляется политикой Великой Германии. Но внутри страны, среди посвященных, она известна как «Континентальный план» германской тяжелой промышленности. Это главная сила, незримо вдохновляющая трех лидеров национал-социализма, вместе с их приверженцами. Это та сила, в жертву которой они готовы отдать все: республику, свободу германского народа, мир в Европе, права рабочего класса, и уж во всяком случае — доверие мелкой буржуазии. Какое значение имеет для них все это? Внутри фашизма эта троица вождей и их сторонники осуществляют волю и закон империализма. Фашистские лидеры мечтали о новом великолепном паневропейском государстве тевтонской расы, им грезилось, что они стоят во главе этого государства, как вожди и победители. Они были словно зачарованы этим видением. Ведь именно поэтому они создали и возглавили национал-социалистскую партию. Но для того, чтобы вступить на этот путь, надо было сначала сломить волю тех, кто преграждал здесь дорогу, — волю пролетариата.

Лидерам национал-социалистов пришлось заключить союз с инородной группой, им пришлось прибегнуть к услугам вожжаков мелкой буржуазии. Мелкий люд уже долгое время метался в поисках мистического спасителя. Сплоченный, безымянный капитал, стоявший за реакцией, и распыленная мелкобуржуазная масса — миллионы разорившихся мелких торговцев, крестьян, торговых служащих и низших государственных чиновников — сплотились на время так тесно, что образовали, казалось, единый массив. Этот массив обрушился на германский рабочий класс. Тогда-то и поднялись новые фашистские генералы — Рем и его хунта, командовавшая под конец двумя с лишним миллионами вооруженных коричневорубашечников.

Это были люди различного толка. Они подняли знамя Гитлера и пошли в бой во славу его имени. Однако это были прежде всего сыны взбунтовавшейся мелкой буржуазии, ее непосредственные вожди, ее «герои», ее демагоги. Даже в своих новых разукрашенных мундирах они не перестали до известной степени отражать характер и природу той массы, из которой они вынырнули так внезапно, с такой головокружительной быстротой.

Они говорили языком мясников и содержателей постоянных дворов, языком конторщиков, фермерских сынков и студентов; таинственные империалистические интересы касались их лишь во вторую очередь, за «мистическую» личность Гитлера они не прозакладывали бы и ломаного гроша, ведь они сами его «сделали». Они жаждали новых «великих» подвигов в духе Валленштейна.

Рем, Гейнес и Эрнст были самыми жестокими и беспощадными из всех крупных вождей национал-социалистов — вся Германия содрогалась при виде их кровавых дел. Они выражали — сознательно или бессознательно — бурное анархическое бешенство разоренной мелкой буржуазии, бешенство, которое, однажды разгоревшись, так часто принимает форму необузданного терроризма, ибо мелкая буржуазия, смертельно раненая могучими силами капитала, слепо набрасывается на «левых». Но Рем и его соратники были не только безжалостными палачами. Ведь одновременно они являлись лидерами национал-социалистической партии, и когда они в верхах партии и в государственных учреждениях громко и настойчиво требовали «второй национал-социалистической революции», то их толкали те же мотивы, что и при расправах с рабочими. Чего хотели эти люди и что называли они «второй революцией»? Коротко говоря, они хотели *богатств*, принадлежащих другим группам и классам; богатств больших универсальных магазинов, богатств еврейской буржуазии, богатств рабочих кооперативных обществ и профсоюзов, богатств крупных землевладельцев; у них разгорался аппетит, отчасти даже на священные и неприкосновенные богатства промышленности и банков. Всего этого хотели лидеры только для мелкой буржуазии и для самих себя.

Робин Гуды городских окраин, избивавшие евреев и социалистов и не испытывавшие притом ни малейших угрызений совести, считали, что эти их вожделиния и являются как раз социализмом. Отсюда яркое кричащее противоречие между политической программой и личным поведением крупнейших генералов СА (штурмовых отрядов). Проявляя чудовищную жестокость по отношению к левому крылу рабочего класса, они стояли одновременно на самых «левых» позициях внутри национал-социалистической партии. Это — противоречие, присущее самой мелкой буржуазии.

Правда, Рем, Гейнес, Эрнст и все прочие командиры СА, принадлежащие к мелкой буржуазии, в своей частной жизни давно уже оторвались от этой группы и возвысились над ней. Многие из них уже успели превратиться в мелких сатрапов, утопающих в роскоши, подобно Герингу и другим чисто капиталистическим лидерам национал-социалистов. Главная квар-

тира СА в Виссее, где находилась вилла Рема, походила на шумный средневековый лагерь разгульных ландскнехтов. И нет никакого сомнения, что — случись этой клике одержать победу и вырвать власть из рук Гитлера — она рано или поздно, подчинившись притяжению со стороны сил олигархии и насытив свои личные аппетиты, покорилась бы ей и стала бы лизать ей руки.

«Социальный фашизм», который так часто провозглашают в качестве символа веры, включает в самом себе непреодолимое внутреннее противоречие. Это вновь и вновь возникающая фата моргана. И пока мелкая буржуазия гонится за этим призраком она неизбежно будет терять своих вождей — в результате либо расправы над ними, либо их измены.

Но все это могло случиться лишь позднее, после победы в большом сражении. В то время как руководство было в других руках и роль «великого избавителя», с помпой разыгрывал «штатский» триумvirат, генералы и штурмовики постоянно испытывали давление со стороны масс. Высокопоставленные наемники из рядов мелкой буржуазии знали кроме того, что опасность, угрожающая этим массам, означает опасность и для них самих. Они понимали, что роспуск или сокращение коричневой армии, которой они командовали, неминуемо означает их собственное падение. А им хотелось любой ценой остаться генералами этой армии, даже сделаться ее маршалами.

Профессиональные преторианцы фашизма, сыновья лавочников мечтали о том, чтобы все дальше и больше продвигаться по пути к власти. Генералы штурмовиков лелеяли эти мечты, которые им внушали их безграничное честолюбие и жажда роскоши. Но ничто не было для них более достоверным, чем то, что достигнуть своих целей они могли только с помощью своей армии, во главе ее и под ее лозунгами.

Генералы СА и их лагерь в Мюнхене (Гитлер управлял из Берлина) остались до известной степени, внешне и на показ, представителями мелкобуржуазных слоев в национал-социалистской партии; эти люди были надеждой мелкой буржуазии, ее деятелями, ее ораторами. Они остались такими и после уничтожения знаменитой «Боевой лиги самостоятельного среднего сословия» — побрякушки, украшавшей речи ораторов радикального крыла. Эта «Боевая лига», мечтавшая о передаче государства в руки гильдий среднего сословия, была распущена вскоре после 30 января 1933 г., и никто даже пальцем не пошевелил в ее защиту.

Теперь генералы СА — Рем, Гейнес, Эрнст, Шнейдгубер, Киллингер, Гейдебрек, Гайн, Деттен, Шмидт, Герд и др. — оказались на деле единственными представителями подобных, более или менее радикальных, направлений внутри фашизма.

Но эта группа имела в своем распоряжении оружие. И поэтому всякое движение мелкой буржуазии, всякая попытка пожать, наконец, плоды 30 января, не могла миновать эту клику. Мюнхенский лагерь со злобой поглядывал на лагерь в Берлине.

Фашистские главы снова раскололись на две группы. Тайный антагонизм между Ремом и Гитлером, существовавший в верхах национал-социалистской партии, оставался долгое время скрытым от международного общественного мнения, но он был неизбежен. За этим антагонизмом, за соперничеством между двумя честолюбивыми кликами наемников скрывалось реальное и притом невероятно напряженное противоречие интересов капиталистической олигархии и мелкого буржуа, империализма и мелкой буржуазии, Рура и маленьких городков. Один из противников должен был победить и, победив, избавиться от врага наиболее удобным по его мнению способом, удалив его из своей «системы», своего «государства». В момент, когда напряженность этого противоречия сделала взрыв неизбежным, в верхушке, т. е. между Ремом и Гитлером, должно было что-то произойти. Этот момент стал очень близок летом 1934 г. Порочный круг замыкался.

* * *

Мелкая буржуазия не могла больше выдержать. Мелкая буржуазия задыхалась, но не понимала, что происходит. Какая-то сила сверху систематически душила ее. Было ясно, что триумвират гражданских вождей уже принял какое-то важное решение, касавшееся не отдельных политических или экономических мер, но означавшее всеобщее коренное социальное переустройство. Мелкая буржуазия могла, однако, только смутно это предчувствовать. Летом 1934 г., на втором году «гитлеровской революции», все категории мелкой буржуазии, за исключением самой привилегированной ее группы, дошли до такого состояния, в котором они никогда не были, оказались в таком положении, которое им никогда до тех пор и не мерещилось.

Положение мелких лавочников, авангарда мелкой буржуазии, было трагикомическим. Столь горячо ими ненавидимые универсальные магазины, кооперативные общества и торгующие любыми товарами по единой цене «цепные лавки», — все эти заведения, которые они с радостью стерли бы с лица земли, попрежнему держали в своих руках розничную торговлю; эти заведения поддерживали теперь новые фашистские акционеры, а во главе их стояли высокооплачиваемые национал-социалистские управляющие. Тем временем обороты розничных торговцев сокращались под бременем налогового об-

ложения в пользу юнкеров и под тяжестью монопольных промышленных цен. Уменьшился не только общий объем торговли, поскольку растущие цены уменьшили покупательную способность городского населения, но сократился и средний доход мелкого торговца.

В то время как, например, цена на самый дешевый маргарин выросла на 30 марок за англоцентнер и самый бедный покупатель должен был, таким образом, платить за англофунт маргарина на 30 пфенигов дороже, чем раньше, розничная прибыль бакалейщика упала с 15—18 марок на англоцентнер до 6 марок. Для мелкого люда это было вовсе не пустяковиной, и это заставило лавочников призадуматься: справедливо ли существующее правительство?

Лавочники никогда не были политическими философами. Но стремления их были совершенно ясны. Лавочнику мало иметь свою лавку, ему хочется расширить ее, увеличить ее до размеров большого, внушительного дела. В этом заключалась для лавочника возвышенная цель фашизма. Для этого должен был притти Гитлер. Мелким розничным торговцам хотелось не только продавать свои товары, им хотелось продавать больше товаров и по более выгодным ценам. Мог ли фюрер обеспечить их нужными покупателями? Нет, покупатели становились все реже и денег у них было все меньше. Цены на мясо и овощи выросли тем временем по сравнению с 1933 г. на 50%, на яйца, молоко и картофель — на 100%, на масло — на 45%. Кроме того, вследствие повысившегося уровня цен, мелким торговцам приходилось платить более высокий налог на оборот.

Вдобавок ко всему этому национал-социалистская партия ввела свой собственный частный налог на оборот, заставив торговцев отчислять определенные суммы со всех покупок, делаемых членами партии в партийные фонды, т. е. в пользу хозяев организации. Где же было «богатство», которого ждали мелкие торговцы? Ведь если они сами пытались бороться за свои интересы, повышали цены на свой страх и риск, их немедленно призывали к порядку. Так было, например, в пфальцских городах Винвейлере и Рекенгаузене, где все местные пекари были взяты «под стражу» по приказу местной национал-социалистской организации за повышение цен на 10 пфенигов за булку. На такую меру никогда еще не осмеливалось ни одно правительство.

21 марта всем организациям «федерации мелких торговцев» («N.S.-Lager») было официально предписано «воздержаться от всяких форм борьбы против кооперативных обществ» (при этом молчаливо подразумевались также и универсальные магазины). Лицам, нарушившим этот приказ, грозило «немедлен-

ное снятие с должности». Лавочники понимали, что где-то кроется измена. Но о чем же думал покровитель мелкой буржуазии — Рем?

В тех же кварталах почувствовали беспокойство и собратья лавочников — кустари и хозяева мелких мастерских, которые были прежде такими же горячими приверженцами Гитлера и террористическими противниками социалистических рабочих, как и лавочники. Одним из наиболее типичных и оживленных центров «победоносной» мелкой буржуазии в Германии был Бреславль, город Гейнеса. И вот, в Бреславле, например, в середине 1934 г. из 900 парикмахеров города 560 существовали на средства «общественной помощи», потому что не могли платить арендной платы. Из 1140 сапожников 630 получали вспомоществование. Муниципалитет платил ренту за 480 владельцев постоянных дворов. Многих портных и столяров город поддерживал «общественными работами». Мало-мальски сносное существование вели только хозяева мастерских, соприкасающихся со строительством, и то только благодаря тому, что на государственные средства искусственно стимулировалось строительство, хотя дома и квартиры пустовали. Эта картина была очень типична. Армия принудительного труда с ее специфическими (хотя бы и временными) потребностями в людях и материалах еще не была создана. Крупная же промышленность с ее массовой продукцией и стандартизированными изделиями еще никогда не была так сильна, как сейчас. Она контролировала рынок более жестко чем когда-либо.

Кустари и владельцы мелких мастерских приветствовали 30 января поджог рейхстага, потому что им почудилось, что пламя пожара несет конец их вытеснению, что их ждут впереди восстановление могущественных, независимых гильдий и законы, которые обрекут на гибель современное автоматическое производство. Они ждали новой социальной автономии для ремесленников. В *этом* заключалась, по их мнению, цель фашизма. И вот для того, чтобы добиться этой цели, кому-то нужно было проделать «вторую национал-социалистскую революцию».

Каковы же были в это время настроения крестьян, огромного класса деревенской мелкой буржуазии, класса, который до сих пор составляет более третей всего населения Германии? Ведь, может быть, именно крестьянство, надеющееся на резкое изменение своей судьбы в будущем, помогло Гитлеру предпринять решительные шаги против республики и рабочих. Большинство крестьян было запугано, пожалуй, еще больше, чем фашистская мелкая буржуазия в городах. Крестьянам и вовсе не предназначалось никаких «богатств».

В деревне явно начинались какие-то другие процессы.

В то время как тарифная политика берлинского триумvirата была явно направлена на пользу крупных землевладельцев; в то время как, благодаря проводимой правительством политике безработицы, помещики снабжались почти даровым трудом десятков тысяч присылаемых им из городов крепостных рабов; в то время как не было даже признаков создания, благодаря конфискации земель магнатов, новых, свободных земель для крестьянской колонизации; в то время как новый, введенный правительством, контроль над продажей яиц, молока и картофеля чрезвычайно затруднял сбыт этих основных продуктов, оттягивая зачастую на недели или месяцы получение выручки, — в это самое время гитлеровский министр земледелия Дарре провозгласил новый «фундаментальный» «закон о наследовании крестьянских дворов». В чем суть этого закона?

Этот закон не коснулся основного факта, характеризующего распределение земли в Германии, где около двух третей ее (65%) принадлежит юнкерам и крупным фермерам: вся остальная земельная площадь приходится на долю 4½ миллионов семейств крестьян или мельчайших арендаторов, располагающих участками до 5 га (в большинстве случаев от ½ га до 2 га). В намерения Гитлера, повидимому, вовсе не входила приостановка процесса медленного разрушения беднейших и самых шатких в экономическом отношении хозяйств. Напротив. Стало совершенно ясным, что Гитлер намеревается произвести основательный отбор в рядах среднего и даже наиболее зажиточного крестьянства, отрезав большую часть этих крестьян и их семей от земли, словно ударом меча. На земельные участки в 7½ га и выше было вновь введено исключительное право первонаследования (право наследования старшего сына). Таково было содержание аграрной реформы.

Это означало прежде всего глубочайшее расстройство в экономическом и социальном положении крестьянства. Десятки тысяч младших сыновей фермеров оказались вскоре согнанными с земли их отцов, были совершенно необеспечены, и они были зачастую на ножах со своими старшими братьями. И все это для того, чтобы расчистить путь избранной группе привилегированных и разбогатевших крестьян, новой касте аграрных национал-социалистских аристократов, ряды которой пополнялись, главным образом, из среды друзей и родственников членов личной охраны Гитлера, черных охранных отрядов СС (200 тыс. членов).

Смысл всей реформы абсолютно ясен. Группа Гитлера преследовала в деревне те же цели, что и в городе: в качестве непосредственного оплота для новой олигархии она намеревалась создать систему узких, привилегированных, «аристокра-

тических» каст. Это составляло квинтэссенцию политики триумvirата. Но куда же было деваться прочим крестьянам и крестьянским сыновьям? Это оставалось тайной гитлеровской компании. А ведь именно от решения этой центральной проблемы зависело будущее Германии. Будущее это рисовалось не таким, как об этом мечтали фашистски настроенные массы крестьянства.

Правительство открыто заявляло (устаи, например, помощника Дарре, доктора Куммера), что «ограниченная площадь земли в Германии вынуждает в будущем к строжайшему отбору будущих крестьян». Сколько миллионов крестьянских семейств считалось избыточными? И сколько солдат Гитлера и Рема были крестьянами?

Уже имелись случаи, когда фашистские лидеры давали понять жителям целых районов с особенно бедным и распыленным крестьянским населением, что их земля скоро будет экспроприирована, а сами они будут высланы в другие места. Так было, например, в районе Рен, в Центральной Германии, где по плану национал-социалистов, так называемому «плану Гельмута», предполагалось выслать 100 тыс. «избыточных» мелких крестьян для того, чтобы устроить на этой земле 6 тыс. «наследственных дворов» фашистских аристократов.

До сих пор лишь городских безработных отрывали от их семей и посылали как скот на принудительные работы в деревню. Теперь та же участь постигла и малоземельных крестьян Западной Германии, которых отсылали в отдаленные негостеприимные районы Восточной Германии с совершенно иными экономическими, социальными и бытовыми условиями. Не было никакого сомнения в том, что решительная ломка будет проводиться без всякого снисхождения. Повидимому, только юнкера и кулаки могли чувствовать себя в полной безопасности.

Было объявлено, что, прежде чем будут устроены «наследственные дворы», должны быть погашены старые крестьянские долги, составляющие огромную сумму, в 7—8 млрд. марок. Ипотечные банки не были, понятно, подготовлены к открытию новых кредитов. Какое количество крестьян должно было благодаря этому разориться? По всей Германии имели место случаи, когда целые деревни продавались с молотка. Плохой урожай кормов летом 1934 г. еще более ухудшил положение. Многим крестьянам пришлось из-за нехватки кормов продавать скот по ничтожным ценам. Чем все это должно было кончиться?

Все эти события имели решающее значение. Положение большей части германского крестьянства стало настолько критическим, что оно не могло не оказать влияния на политиче-

ское положение в стране. Либо, при Гитлере и его помощниках должно было начаться постепенное — тайное или явное — бегство с земли определенной части деревенского населения — ведь больше ему ничего не оставалось, — и тогда этим крестьянам надо дать какие-то другие «функции»; либо нужно было немедленно поддерживать и укрепить их хозяйства за счет земель богатых помещиков и юнкеров. В последнем случае фашистской верхушке пришлось бы выработать и проводить в жизнь совершенно новый план переустройства фашистского государства. Реальность классовых отношений настойчиво выдвигала эту проблему и категорически требовала ее немедленного разрешения. От разрешения этой проблемы нельзя было ускользнуть — силы, стоящие друг против друга, более не позволяли этого. Правда, крестьяне все еще хранили молчание, так же как они хранили его и до Гитлера. Как всегда боязливые и осторожные, они попрятались в свои норы. Но они были силой, с которой нельзя было не считаться, — силой, которую можно было держать в повиновении и покорности только страхом. В штурмовых отрядах крестьянских сыновей было больше, чем членов какой-либо другой группы мелкой буржуазии. Гитлер, номинальный главнокомандующий этой армии, знал это лучше, чем кто-либо другой. Контуры надвигающейся варфоломеевской ночи становились все отчетливее.

В заключение еще одно событие подлило масла в огонь еще до того, как он вспыхнул над фашистской Германией и ярким пламенем осветил все беды и мучения ее народа: к крайнему левому крылу мелкой буржуазии примыкала великая армия безработных, среди которых события приняли характер подлинной трагедии. Здесь действовали те же силы. Чтобы освободить «место» в городах, Гитлер продолжал уничтожать не безработицу, а безработных. Он дошел до того, что не находил более места даже для «мертвой», выкинутой из общества, массы безработных. Созданное им государство лишило три или четыре миллиона безработных права на работу, превратило их в поставленных вне закона париев или попросту объявило их несуществующими (массы «невидимых», т. е. незарегистрированных, безработных). Теперь это государство не могло более предоставить безработным даже права на кров, простого права на существование. Проект здания новой системы не позволял этого.

Момент для создания новой великой армии завоевания, которая быстро поглотила бы всю мелкобуржуазную, а в том числе и безработную молодежь для того, чтобы сначала запереть ее в казармы, а затем рассеять по полям сражений Европы, — этот момент еще не настал. Франция была еще

относительно слишком сильна, а во главе германской армии пришлось бы в тот момент поставить Рема.

Террор, привычное средство для удаления целых частей общества — преследование «социалистов» и изгнание евреев, — нельзя было продолжать до бесконечности; ведь можно было арестовать или убить десятки тысяч, но не сотни тысяч. А «балласт» безработицы все еще существовал, он нависал, как страшная тяжесть, и таил в себе скрытые опасности. Единственное, что оставалось сделать, это — отрезать по крайней мере часть этой человеческой массы, кусок живого тела армии безработных, убрать эту часть из городов и оставить ее разлагаться не в городе и не в деревне, но где-то *между* ними. Именно так и поступил триумвират.

В течение нескольких недель в предместьях германских городов творились дела, неслыханные со времен средневековья. 15 мая 1934 г. правительство ввело, впервые за несколько столетий, закон, воспрещающий в поисках работы свободно передвигаться по стране. Безработные оказались, таким образом, прикрепленными к месту своего жительства, как когда-то были прикреплены к земле крепостные. Воспрещалось также нанимать на работу в городе безработных, «годных для сельскохозяйственного труда». «Законная основа» была заложена. А затем началась следующая операция.

Во всех наиболее значительных и крупных городах официальные бюро труда ввели нечто вроде порядкового списка зарегистрированных безработных, состоявших, главным образом, из молодежи и незамужних женщин — категорий наиболее многочисленных и наиболее неустойчивых с социальной точки зрения. Теоретически, таким образом, насчитывалось 2 млн. человек, составлявших большинство из числа тех, кто еще не был помещен в различные трудовые лагеря и не был лишен пособия по безработице, сохранив право на поиски работы. Эти безработные ныне фактически попали под действие закона военного времени об эвакуации.

Бюро труда отдавали приказы о высылке и начали систематическую — не обращая внимания на профессию, семейные обстоятельства, связь с данной местностью — высылку из городов на «сельскохозяйственные» принудительные работы. Это было поразительное зрелище.

Мужчин в мирное время отрывали от их семей, а юношей снимали с работ, на которых они находились, и грузили в товарные вагоны, как скот. Душераздирающие сцены стали обыденным явлением. Всякому нежившемуся или пытавшемуся под тем или иным предлогом избежать подобной участи грозило не только, как это было раньше, немедленное лишение пособия, но и перспектива попасть в исправительный

дом. Игнорировались по большей части даже медицинские удостоверения. Только в Берлине, где вся эта операция была прозвана «планом Геринга», и во Франкфурте-на-Майне десятки тысяч молодых рабочих, служащих и приказчиков должны были бросить свой привычный труд для того, чтобы отправиться в какие-то другие места.

Другая колонна этой процессии состояла из отрядов безработных незамужних женщин: машинисток, продавщиц, школьных учительниц, фабричных работниц и др. Как рекрутов, их осматривали группами по пять человек и скопом признавали «годными». В городском платье, в шелковых чулках, не имея ни малейшего понятия о своей новой работе, они рассеивались по всей стране, чтобы сделаться батрачками и служанками у юнкеров и дулаков. Эта работа предполагала на деле неограниченные рабочие часы, грубое обращение, дурную пищу и «месячное вознаграждение», равное в лучшем случае 20 маркам. После шести месяцев такой работы женщину регистрировали, как «работницу сельскохозяйственного труда», и она теряла почти всякую надежду на возвращение к своей прежней профессии и, вдобавок, всякое право на помощь по безработице: по гитлеровским законам сельскохозяйственные рабочие не получают пособия. Были созданы трудовые лагеря для женщин, в которых — это было засвидетельствовано комиссиями иностранцев, посетивших лагеря — вскоре по прибытии туда около 90% присланных из городов женщин беременели.

Во многих районах (например, в Южной Баварии) фермерам разрешалось, как в свое время на рынках негритянской работорговли, выбирать людей наиболее крепких физически. Были случаи бегства из-под стражи во время переездов; некоторые бюро труда подвергались нападениям безработных и их семей. Связь человека с данной местностью игнорировалась. Жителей Рейна, уроженцев германского Запада, везли в Восточную Пруссию, в суровые провинции за Эльбу, немцев-южан с юга отправляли в Померанию. Зачастую пришельцы занимали в этих районах места извечных польских «сезонных рабочих» — эмигрантов, которых германские юнкера нанимали из поколения в поколение вследствие беспримерной дешевизны их труда и полнейшей беззащитности. По уровню своих материальных потребностей и по отсутствию классового самосознания польские «сезонные рабочие» напоминали чуть ли не китайских кули.

И вот подручные монтеров и ученики парикмахеров из Берлина, продавщицы универмагов и секретарши из Гамбурга и Кельна стали получать у землевладельцев по пять пфенигов в час (до 14 марок в месяц) за работу под палящим

солнцем с половины седьмого утра до пяти часов пополудни. Их кормили картофельной похлебкой и предоставляли им на ночь плохо освещенные и плохо вентилируемые, напоминающие конюшни, бараки прежних «польских» батраков. Общие расходы, включая содержание и зарплату, составляли, по расчетам германского министерства труда, 1,71 марки в день на безработного юношу или девушку, в то время как расходы на одного заключенного составляют в Германии 1,85 марок.

Было ли это эксплуатацией? Нет, это было *истребление*, плановое низведение до нищенского уровня и физическое и социальное уничтожение той группы безработных, которая должна была быть устранена, так как она считалась избыточной. Это был тот же процесс, но лишь в более открытой и в более резкой форме, которому в большей или меньшей степени подвергались все группы мелкой буржуазии, существовавшей такой блистательной «победой» над демократией и пролетариатом словно для того, чтобы подвергнуться затем жесточайшим испытаниям.

Но кто такие были безработные с социальной точки зрения? Помимо чисто пролетарских элементов, это были сыновья и дочери всех упомянутых выше групп мелких буржуа — мелких торговцев, кустарей, крестьян. Среди них находилась также очень влиятельная и многочисленная группа *служащих* и детей работников *свободных профессий*. Это была четвертая крупная категория мелкой буржуазии, которую никак нельзя было не принимать в расчет, — группа, которая с необычайным рвением, подлинным фанатизмом и готовностью на все шла за «спасителем» Гитлером.

Служащие, студенты, офицеры, инженеры, техники и прочие отпрыски интеллигентных или полунинтеллигентных семей составили самый «просвещенный» элемент, слой, который с самого начала оплодотворял и «пробуждал» самосознание других групп мелкой буржуазии, заражая их ядом своей страстной ненависти и отчаяния. Они составляли первые отряды национал-социалистской партии, из их среды вышло подавляющее большинство командиров СА, это *они* должны были получить самое большее из «богатств», доставшихся в наследство от республики. Ведь они рассчитывали сделаться политической бюрократией фашистского государства, составить его чиновничий и офицерский корпус. Такова была мечта и символ веры молодых контрощиков и счетоводов из Берлина, пропитавшая их таким презрением к демократии и рабочим. Теперь сами они пополняли ряды предназначенной к истреблению армии безработных.

Только очень ограниченная, избранная часть, связанная,

как правило, благодаря своему социальному положению или лично с капиталистическими кругами или с кликой Гитлера, была допущена в новую привилегированную *правлящую касту*, которая и здесь, в области государственного управления, была образована национал-социалистскими лидерами. Это номера «1—500 000» по списку членов национал-социалистской партии («Старые бойцы»), в момент всеобщей высылки безработных, получившие монопольное право на работу. Применение их труда частными фирмами или государственными учреждениями было сделано по правительственному декрету, обязательным.

Эти «старые бойцы» заполнили в особенности ряды «П. О.» (политическая организация), — замкнутую корпорацию руководителей низших и средних национал-социалистских организаций, в руках которых находилось фактически управление государством. Все остальные оказались лишними, и для изъятия от них все средства были хороши.

Неудивительно, после всего этого, что «непобедимая» двухмиллионная армия коричневых неожиданно оказалась в плохом положении. Эта группа была вооружена. Но это не играло роли. Тугосоображающие недоросли, надменные «солдаты», никогда в действительности не дравшиеся, но считающие себя величайшей силой в государстве, а может быть и в мире, силой, призванной гордо стоять на страже собственных интересов и интересов их отцов и вечно вести жизнь бесчинствующих, объедающихся наемников — ибо именно таким представлялся им «фашизм», — эти наемные солдаты видели, что делают с их отцами. Вопрос теперь заключался в том: долго ли им самим придется пробыть в своих казармах? СА не было предоставлено никаких реальных функций или обязанностей. Не они, а привилегированные СС и геринговская полицейская армия составляли новую полицию; у них была отнята и роль «вспомогательной полиции». Не они, а рейхсвер, во главе со старыми генералами, попрежнему занимал положение официальной армии.

Но что же в таком случае оставалось делать коричневой армии? Теперь им не разрешалось даже демонстрировать, а ведь они так любили это занятие, что даже ошибочно считали его политической борьбой. Когда 1 мая 1934 г. штурмовики в Бремене попытались, как в доброе старое время, с криком ринуться на улицы, напав по пути на здание богатого Карштадского треста универмагов, они были немедленно рассеяны отрядами префекта полиции, их главный штаб был занят, а их лидер смещен (сведения об этих инцидентах ни разу не были опубликованы в печати). Множество родных и друзей членов штурмовых отрядов находилось в лагерях принудитель-

ного труда. В казармах царила жестокая муштра, а на оплату отпускалось так мало, что число штурмовиков, регулярно исполнявших свои обязанности, сократилось больше чем на половину.

Уже в первой половине 1934 г. из штурмовых отрядов было исключено 20 тыс. человек; кое-кто из штурмовиков попал в концентрационные лагеря и тюрьмы, и уже тогда были случаи тайных казней коричневорубашечников. Это была та самая армия, которая незадолго перед тем наводнила из конца в конец всю Германию, армия, приветствовавшая Гитлера как своего императора, армия, царствование которой было, казалось, нескончаемым и непоколебимым. Армия эта находилась теперь в крайнем смятении. Было ясно, что в ближайшем будущем произойдет официальный роспуск или «ре-организация» СА.

В целом положение вырисовывалось совершенно четко. Положение одной части мелкой буржуазии только отражало положение других её частей.

* * *

Действительный смысл происходящего был все еще неясен только близоруким, запуганным, оглушенным мелким буржуа. Они не понимали, что это не обычный кризис, не случайное или временное положение, а начало гигантского эксперимента, который должен раз и навсегда решить их судьбу. Триумвират Гитлер—Геринг—Геббельс, который уже ударил по рабочему классу и парализовал его, начал методически выталкивать *значительную часть мелкой буржуазии из социального организма нации*. Таково было содержание действительного процесса.

Это делалось для того, чтобы на месте этих групп установить иерархию узких привилегированных каст и обеспечить их будущее. Только эта иерархия должна остаться в «очищенной» и «освеженной» стране, иерархия, полностью располагающая всеми материальными средствами и ресурсами, иерархия, «потребности» которой будут удовлетворены, иерархия, которая составит единую суб-аристократию, признающую над собой в государстве только одну власть: невидимую власть капиталистических олигархов Тиссена и Ко, действительного экономического центра, располагающего огромными средствами производства, и видимую окутанную таинственностью власть «великого фюрера».

Таков был план фашистского государства, пришедшего на смену старому либерально-демократическому государству. Именно таким представлялся он гитлеровской клике фашист-

ских генералов, агентам Тиссена, решившимся провести его во что бы то ни стало, любой ценой, а если понадобится, то железом и кровью. Для фашизма любой национальности поистине нет иного пути.

Этот план был сам по себе вполне последователен. Он означал, что изгнанная из общества часть мелкой буржуазии и рабочего класса — балласт аристократического государства — будет так или иначе брошена на произвол своей новой судьбы. Но какой судьбы? Здесь начиналась вторая «органическая» часть эксперимента, быть может идущая еще дальше, чем первая. Очевидно, что эти массы нельзя просто уничтожить физически. Еще менее можно было рассчитывать на то, что «историческим преобразователям» германского народа удастся попросту выбросить за борт эти массы. *Оставался единственный путь.*

Изгнание из общества миллионов рабочих и мелких буржуа неизбежно рано или поздно должно завершиться и географическим их изгнанием, т. е. изгнанием из пределов Германии. Все происходившее до сих пор было практически только прелюдией к этому этапу. Грандиозный акт широчайшей социальной высылки можно как нельзя лучше использовать для проведения столь же грандиозной *внешней* операции, для расширения владений «тевтонской системы» за пределами современной Германии. Триумвират мог удачно применить один рычаг своей политики для того, чтобы привести в действие другой. Фашистская аристократия выталкивает «избыточную» массу, масса завоевывает для фашистской аристократии новую империю!

Вначале эта масса примет форму гигантской армии, которая, под влиянием своих собственных насущнейших нужд, неизбежно вырвется за границы Германии и разольется по континенту. Затем после победы та же масса примет вид непрерывного потока «колонизации» германских наемников, крестьян и безработных далеко на юго-восток и восток Европы. Таким рисовался выход, и выход этот достоин «гения фашизма». По этой схеме гибель старой мелкой буржуазии Германии превращается непосредственно в небывалый триумф германского империализма — одним махом решаются обе проблемы.

Гитлер одержим этой идеей¹. Для него она оправдывает все — даже самые страшные — жестокости. Все проекты, законы и теории Дарре, Розенберга, Шахта и прочих вертятся вокруг этой скрытой генеральной концепции, показывая ее с разных

¹ Все содержание его книги «Mein Kampf» («Моя борьба») сводится к ней.

сторон. Это предприятие было безумным. Но люди, которые затеяли его, держат в своих руках страну с семидесяти-миллионным населением. Мог ли этот план быть реализован? Рабочий класс, демократический, социалистический и пацифистский, который один только мог противостоять этому плану, был побежден и разоружен при помощи мелкой буржуазии. Но ведь оставался еще Рем.

Существовали только две возможности. Либо триумвират успешно доводит до конца начатый им процесс, и тогда вся политическая пирамида власти, еще находящейся в руках мелкой буржуазии с Ремом на вершине, будет разбита и разрушена до основания. Это означало смерть для Рема. Либо, в противном случае, мелкая буржуазия защищает свое существование — и в этом случае Рем спешно выдвигает свой собственный контрплан создания фашистского государства и посылает триумвират, вместе с его покровителями, к чорту. Таково было соотношение классов. Вот почему атмосфера в Германии была в то время такой напряженной¹. До сих пор Гитлер держал в своих руках все карты. Его хватка делалась с каждым днем все крепче. Если Рем собирался когда-либо выступить, то его черед пришел именно сейчас.

* * *

На авансцену выступил генералиссимус штурмовых отрядов. Этот грубый и неразборчивый преторианец фашизма, лишенный политических идей, не испытывающий ни малейшего уважения или преданности к «фюреру» и его клике, безнравственный даже с точки зрения официальной фашистской «морали» — этот человек вместе со своими товарищами был брошен в самый водоворот событий самим их развитием. Он знал, что он все еще зависит от мелкой буржуазии и более всего от СА. Точно так же как Гейнес, Эрнст и другие старые командиры фашистских масс, он понимал, что находится между двух огней, что ему грозят и аристократический переворот клики Гитлера — Тиссена и разгорающаяся «Вторая революция» низших слоев мелкой буржуазии.

Он видел, как со сцены один за другим исчезают или прячутся в укромные места даже последние «штатские» вожди радикального крыла — Энгель, Штер (бывшие организаторы

¹ В международной политической литературе часто встречается тенденция рассматривать события, концентрирующиеся вокруг 30 июня, просто как ничем невызванное бандитское нападение Гитлера на лидеров СА. Это, конечно, поверхностная точка зрения. Она противоречит фактам и не замечает самой сущности событий, которая лежит гораздо глубже. Когда имеешь дело с классовыми реальностями, недостаточно одного гуманизма.

фашистских профсоюзов), фон-Рентельн, Кох, Брюкнер. На арене событий оставался уже только он один, вместе со своими соратниками и военными ресурсами, но вопрос заключался в том, сколько времени еще продлится такое положение. Коричневый Валленштейн был напуган. Он не принял откровенно радикальной объективно революционной программы недовольной мелкой буржуазии и безработных национал-социалистов — для этого сам он был слишком фашистом и сатрапом.

Но он открыл клапан для оппозиционной демагогии штурмовиков и масс, группирующихся вокруг них. Он издал, например, приказ, возглашавший, что «некоторые социальные условия сложились таким образом, что штурмовики не могут более пассивно наблюдать происходящее». Он, официальный член правительства, осмелился сопоставить большие дивиденды, выплачиваемые капиталистическими компаниями, с отчаянным положением безработных штурмовиков и говорить, как весной 1933 г. — во время первого периода национал-социалистского террора, о возможности новых революционных выступлений СА.

«С непостижимой снисходительностью правительство не решается безжалостно расправиться со сторонниками и агентами старой, очень старой системы...

Но мы без сомнения сломаем им (т. е. агентам) шею, если они попытаются на практике проводить свои реакционные воззрения».

Так писал лидер штурмовиков через 18 месяцев после «их» революции¹. Это была угроза снова спустить с цепи коричневорубашечников. Но против кого? В качестве объектов нападения не осталось более ни «евреев», ни «марксистов». Поэтому со стороны казалось, что атака СА должна ударить по «феодальной» реакции — монархистам, юнкерам, приверженцам фон-Папена и откровенно капиталистическим министрам в правительстве (Шахт, Шверин, Шмидт); и все-таки это было лишь «тактической» маскировкой, лишь фоном. На этом фоне начала очерчиваться новая, поразительная идея: «государство СА».

Государство, высшая власть в котором принадлежит коричневорубашечникам! Непосредственный захват власти и государственного аппарата. Суровыми батальонами фашистской военщины, достаточно многочисленными, чтобы захватить в свои руки все и избавиться от штатской бюрократии; «солдат-

¹ Рем не мог знать того, что в утро, когда появится его статья в «Hochschule und Ausland» от 1 июля 1934 г., он сам будет лежать со сломанной шеей.

ское государство», стоящее на страже интересов мелкой буржуазии! Такова была «теория государства», которой поклялись служить Рем и его собутыльники для того, чтобы спасти свою шкуру. Это была наивная фантазия, типичный продукт творчества этих наемников. Но во всяком случае это был контрлозунг, который быстро завоевал себе сторонников в отрядах СА. Рем придумал даже политический постулат господства «вечного солдата».

Казалось будто, что лидеры СА действительно предпринимают какие-то практические шаги, чтобы расчистить путь «солдатскому государству». Ядром его должен был стать их собственный генеральный штаб, прототип будущего верховного правительства. Вокруг «высшего руководства СА», главной квартиры Рема в Мюнхене, начали образовываться своеобразные политические учреждения. Они не имели никакого отношения к военному делу, но совершенно явно дублировали функции постоянных органов берлинского штатского правительства. Штаб СА организовал специальное «министерство», с целым штатом секретарей и т. д., являющееся частным политическим органом Рема. Таким образом, уже заранее было обеспечено законное включение главы штурмовиков в кабинет. Специальный «отдел печати СА» действовал независимо от геббельсовского министерства пропаганды, осуществляющего правительственную монополию в области печати.

Основным было, однако, то, что Рем, Гейнес, Эрнст и другие генералы штурмовиков категорически требовали теперь концентрации всех вооруженных сил нации под их центральным командованием. СА должны были, конечно, при этом поглотить рейхсвер и Стальной шлем. Именно это требование было непосредственной целью шумливой кампании, поднятой против «реакции» и монархистов. Рему и в самом деле удалось добиться насильственного включения 400 тыс. наиболее активных членов Стального шлема в СА. Теперь он настаивал на окончательной ликвидации Стального шлема и требовал, не больше не меньше, как официального назначения его, Рема, министром рейхсвера. Если бы ему удалось добиться своего, он стал бы действительно несокрушим, и враг был бы побит его же оружием. В конце концов под его командованием все еще находилась армия в 2 млн. человек — армия, достаточная для мировой войны. Казалось также, что некоторые руководители СА тайно заготавливают оружие.

В начале июня Гитлер решил начать борьбу. Он издал декрет об «отпуске» для СА «на один месяц». Тогда же Рем издал приказ по СА, оканчивавшийся следующими словами: «Если враги СА лелеют надежду, что СА после отпуска не

соберутся вновь или соберутся лишь частично, то пусть пока тешатся. Нужно, чтобы в соответственный момент они получили должный ответ по этому поводу. Судьба СА теперь, как и прежде, неотделима от судьбы Германии». Этот приказ был опубликован во всех германских газетах.

Снова эти люди разыгрывали из себя Наполеонов. Одновременно Рем разослал подчиненным ему командирам секретный циркуляр, в котором писал: «Что бы ни случилось, мы останемся сплоченными. Мы будем попрежнему шагать плечом к плечу и сумеем поэтому постоять друг за друга». Лидеры фашистской мелкой буржуазии держали себя так, как будто они в силах дать сражение олигархии и ее гвардии.

ГЛАВА II

ИМПЕРИЯ НОВОГО ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Гитлер должен был действовать. Он должен был противопоставить ремовскому плану «государства СА» какой-то иной конкретный план, выдвинуть свой собственный проект будущей национал-социалистской системы, чтобы отвлечь опасность, повернуть развитие в другом направлении и обеспечить свое положение. Он должен был сделать это как можно быстрее, так как Гинденбург мог каждый день умереть или уйти в отставку, а его исчезновение с политической арены и со все еще решающего поста президента грозило за одну ночь крайне обострить положение. Ведь тогда по испытанному национал-социалистскому способу должен был без труда победить тот, кто скорее появится на сцене с готовым планом наследования Гинденбургу, быть может предъявляя «совершившиеся факты», эти знаменитые «совершившиеся факты», которые являются излюбленным и наиболее важным методом действия всех фашистских лидеров в критические моменты.

Гитлер и его группа штатских вождей застраховали себя против генералов СА. Они и в самом деле разработали свой собственный тайный план наследования Гинденбургу и план организации будущего германского государства, — контрпроект, который должен был стоить Рему головы. Они поступили очень просто. Против ремовской национал-социалистской «солдатской идеи» они выдвинули национал-социалистскую «идею вождя», идею государства коричневорубашечников, демократии наемников, противопоставили аристократическую идею «национал-социалистского ордена» и абсолютную монархию великого магистра Гитлера.

Начиная, примерно, с марта 1934 г., одновременно с политическими приготовлениями мюнхенского генерального штаба СА, люди, стоящие за «верховным руководством НСДАП», т. е., попросту говоря, гражданская верхушка партии, подчиненная непосредственно Гитлеру и руководимая его бывшим личным секретарем Гессом, пустили в обращение новый поли-

тический проект «исторического значения» — проект, который считался тогда строго конфиденциальным и предназначался только для «посвященных». Этот проект уже обсуждался, однако, на нескольких тайных собраниях гитлеровской клики. Действительными авторами этого плана были Геббельс и Розенберг, два официальных теоретика и идеолога национал-социалистской партии, принадлежащие к ближайшему окружению Гитлера, его наиболее доверенные политические советники. Оба эти человека относились к тому типу чисто политических вождей национал-социалистов, которых больше всего ненавидели и презирали СА и их генералы, как «штатских», как «болтунов» и «бонз» (бюрократов), т. е. людей, которые никогда, даже в самом начале движения, не занимали никаких действительно боевых постов (таких как штурмовики). Основные идеи проекта создания «Германского ордена-государства», намеченные Розенбергом для фашистских партийных кругов, теперь, два года спустя, важнее чем когда-либо. Ведь на этом фундаменте будет построена новая германская конституция.

Самую суть, «сокровенный смысл» германской, особенно прусской, истории, по представлению национал-социалистов, составляет «идея вождя» и «его приближенных». «Вождь» высоко талантлив, управляет единолично и диктаторски, в противоположность чисто династическому или чисто демократическому правителю, и является воплощением и центром кристаллизации германской расовой силы, германской нравственности и способности, германской миссии и германской мощи на протяжении всей истории последнего тысячелетия; это подлинный и единственный оплот великой германской «государственной идеи» («Европейско-Германской империи»). Во все те моменты, когда Германией правили такие цезаристско-монархические вожди со своими глубоко преданными «приближенными», страна неизменно была великой, могучей, неуклонно шествующей по пути к Империи. И, наоборот, когда вместо персонального цезаризма господствовала иная — негерманская — система, будь то католически-династическое самодержавие (Габсбурги), либеральная монархия (последние Гогенцоллерны) или республиканская демократия (Веймарское послевоенное государство), — Германия всегда была слабой, нединамичной, лишенной центральной воодушевляющей идеи; она неизбежно находилась в состоянии внутреннего разброда, в состоянии обороны против своих недругов и была далека от создания империи.

Первым «вождем» был саксонский князь Видукинд, противник христианского короля Карла Великого. Его продолжателями были Генрих Лев, Фридрих Бранденбургский — создатель Пруссии, Фридрих Великий и, в иной форме, Бисмарк. Послед-

ним, германским «вождем», здравствующим и поныне, является Гитлер, создавший самодержавное имперское национал-социалистское княжество и правящий, подобно своим предшественникам, лично и абсолютно в силу мифической расовой миссии. Именно он является, согласно этой теории, непосредственным носителем исторической преемственности, законным наследником древних германских князей и основателей Пруссии, а государство есть, следовательно, не что иное, как личная, а быть может, и династическая монархия¹. Вся власть исходит только от Гитлера и принадлежит только ему, а вовсе не какой-либо особой организации или движению. Это он — пожизненный выборный монарх Германии, а национал-социализм, партия, СА существуют и действуют не сами по себе, а как его орудия.

Однако Гитлер смертен, а система национал-социализма вводится отныне на века. Нужно поэтому найти *перманентную* форму, новую государственную организацию такого типа, которая конституционно, раз и навсегда, установила бы режим монархического государства во главе с «вождем», в отличие от всякой иной государственной формы или политического устройства.

Нужно узаконить новую систему управления, по которой будут отныне править Гитлер и его преемники. Это не должна быть ни в коем случае ни монархия, ни республика: ведь обе эти формы были присущи в прошлом покоренной, смилившейся Германии, они поэтому целиком отвергаются национал-социализмом.

Ныне, якобы знаменуя революционный перелом в нашей эпохе, в историю Германии должна войти, покончив с временным государственным устройством, возникшим после прихода Гитлера к власти, новая форма правления; имя ей «Национал-социалистский орден».

Идея ордена это «завершение» идеи «вождя». Вокруг «вождя» Гитлера должен быть образован новый тайный совет избранных, который станет преемником всего национал-социалистского движения. Это будет узкая, изолированная, подчиненная лично Гитлеру, иерархия непосредственных его «приближенных». И этот-то орден (испытанных за последние годы борьбы рыцарей и паладинов) во главе с самим Гитлером в качестве «великого магистра» (фюрера) и явится правитель-

¹ Розенберг также сформулировал постулат прямой исторической преемственности власти Гитлера по другому случаю (Лекция «Борьба за идеологию» — «Weltanschauung») в следующей форме: «Ныне, в конце тысячелетия, мы утверждаем, что если князь Видукинд потерпел поражение в восьмом столетии, то в двадцатом столетии он восторжествует в лице Адольфа Гитлера».

ством Германии. Он — лучшее воплощение национал-социалистской системы и всей германской расовой теории. Фюрер национал-социалистского ордена, Гитлер, точно так же, как его преемники, является в то же время органически государственным вождем (Staatsführer des Deutschen Reichs), абсолютным и несменяемым. Члены ордена — рыцари, назначаемые им согласно специальным принципам, а впоследствии подготавливаемые к этому званию с юности — являются лидерами государственной администрации, армии, СС и СА, молодежи, всех корпораций, крупных организаций и т. д.; они ответственны только перед вождем или его рыцарями-командорами и правят от имени фюрера остальным национал-социалистским движением как низшей массовой системой (народом).

Прежняя национал-социалистская партия, насчитывающая миллионы членов, со всеми ее разветвлениями и организациями, становится, таким образом, только зависимым вассальным движением, лишенным своей политической роли; фактически партия поглощается государством. Государственную власть олицетворяет узкая олигархическая группа — национал-социалистский орден, его «совет» и его вождь. Эта иерархия облакает властью сменяющих друг друга вождей ордена по принципу «король умер, да здравствует король!».

Остается открытым только один вопрос, вопрос о том, будет ли преемник Гитлера назван им самим при жизни как его «представитель», или он будет избран советом ордена только после смерти Гитлера, согласно его завещанию. Возможно, что это будет позднее решено самим Гитлером. Это решение будет тогда иметь силу закона в течение столетий. Это, однако, лишь второстепенный момент: непосредственной задачей нового режима и конституционной реформы в Германии остается только образование ордена-государства.

* * *

В чем же заключается смысл всего этого чудовищного бреда, звучащего как эхо феодальной романтики или как вымысел Честертона¹, этой невероятной фантазии, предлагающей ввести в Германии середины XX столетия конституцию государства раннего средневековья? Это — в высшей степени хитроумная политическая комбинация, это — большой маневр триумвирата. Триумвират должен был его сделать. Аристократическое

¹ Честертон — популярный в Англии писатель. Мастерски пользуясь фантастическими построениями, он во многих своих произведениях («Наполеон из Ноттингхилла», «Перелетный кабак», «Новый Дон-Кихот» и др.) вносит в обстановку современной Англии романтику и «реальность» средневековья. — *Прим. переводчика.*

кастовое государство, которое создавала эта группа, было уже почти готово. Но этому государству угрожали экспроприированные и угнетенные массы, и оно нуждалось теперь во что бы то ни стало в фиксации тем или иным путем *внешней политической формы*. Государству были необходимы: твердая структура, законность и вытекающие из них добавочные средства физического и идеологического господства.

Существовала только одна внешняя форма, в которую могла облечься система эксплуатирующей, деспотической аристократии; этой формой была *империя*. Существовал только один законный глава такого государства — самодержавный император, стоящий во главе привилегированных каст, олицетворяющий их своей персоной и правящий как их избраннык низшей частью нации. Существовала также лишь одна форма политической исполнительной власти, административного управления в этом государстве — старая феодальная форма наследственной знати. Это *рыцари*, которые защищают интересы привилегированных каст и служат императору!

Таков невероятный проект «Германского ордена-государства», проект до мелочей разработанный Розенбергом и с энтузиазмом принятый Гитлером, но несмотря на это все еще тщательно скрываемый. Проект являлся строго логическим завершением пути, пройденного национал-социалистскими лидерами, которые, начав свою деятельность как ораторы лавочников, неизбежно должны были кончить объявлением империи. И вот почему попал в точку именно Розенберг, этот архаический гений, который мог бы выйти непосредственно из баронского замка XIV столетия. Розенберг происходит из Ревеля, старого города Ордена ливонских рыцарей, и «миф германской истории» для него то же самое, что воздушный флот для Геринга или пропаганда для Геббельса. Он придумал нечто такое, что было наиболее настоятельно необходимо в тот момент — новую законную форму, овеванную величественным и мистическим романтизмом, столь привлекательным для фашистских юнцов и простаков. Новые тевтонские рыцари — вот «историческое» название, найденное для образующейся в Германии гитлеровской аристократической касты. «Вождь» Розенберга это только синоним «фюрера», а фюрер это и есть новый император. План ордена добавлял последнее недостающее во всей системе звено — верхушку.

Этот план отметал раз навсегда идею государства СА и узаконивал одним росчерком пера социальный переворот против мелкой буржуазии и рабочего класса. Господин Розенберг оказался очень современным мыслителем. Фашизм, представлявший до сих пор плохо замаскированное смещение всевозможных трудно сочетаемых лоскутьев и отбросов корпора-

тивизма, цезаризма, бонапартизма, монархизма, военной диктатуры и даже теократизма (в католических странах), нашел здесь, наконец, свою безукоризненно ему соответствующую *фундаментальную форму государства — олигархический деспотизм*.

Фашизм будет тяготеть к этой форме в Германии так же, как в Италии, в Юго-восточной Европе и за Ламаншем. Это лицо всего международного фашизма. Все прочие политические или «философские» концепции, предлагаемые различными фашистскими лидерами в различных странах, это только декоративная или демагогическая лакировка, которая со временем облезет. В центре — только эта идея. Это ее поддерживает Муссолини, когда он прославляет свою «систему», в которой аристократия (вожди чернорубашечников и их «великий фашистский совет») управляет народом, — ведь он, Муссолини, глава этой аристократии. Ей следует Шпенглер в своей программе «новой цивилизации». Именно ее подразумевает сэр Освальд Мосли, когда говорит о «возрожденной империи». Лидеры фашистов все идут по одной и той же дорожке. Это далеко не случайно.

Идея создания аристократических империй вводит вновь формы средних веков. Но эта идея воплощает на деле реальность современного олигархического *монополистического капитализма*; огромных концентрированных систем средств производства, находящихся в частной собственности; систем, которые управляют жизнью и богатством нации и могут продолжать свое существование только в том случае, если они свою монополию любой ценой обеспечат против восстания эксплуатируемых классов.

Действительным вдохновителем идеи нового тевтонского ордена, социальным двигателем всего происходящего была группа, представленная Тиссенем, императором Рура. Располагая обширными ресурсами, эта группа впервые сплотила силы реакции для штыковой атаки против германского рабочего класса, под командой Гитлера. Затем, после 30 января 1933 г. она сокрушила социальные позиции радикальной мелкой буржуазии. Теперь вместе со всем германским капиталом эта группа столкнулась лицом к лицу с опасностью нового массового штурма мелкой буржуазии и безработных, штурма, руководимого преторианцами фашизма. Этого нельзя было допустить.

Фашистская масса должна была теперь быть отброшена, парализована, убрана со сцены раз и навсегда; для нее должны быть закрыты все дороги не только к власти, но и вообще к политике. Те самые интересы, которые однажды развязали «революционный» демагогический национал-социализм масс, нуждались теперь также настоятельно в аристократическом, деспотическом национал-социализме, какой бы чудовищно нелепой ни представлялась его внешняя форма.

Было ясно, что проект иерархического ордена с самодержавным «государственным вождем» сделал бы положение клики Гитлер — Гесс — Геббельс — чернорубашечники — Гиммлер — Бломберг непоколебимым и положил бы конец всем сепаратистским расколам, которые могли бы вызвать лидеры оппозиции или недовольные вожди. Для этой цели Гитлер заручился чрезвычайно важной, действительно решающей поддержкой *рейхсвера*, рейхсвера, на который Рем покушался больше чем на что-либо другое.

Рейхсвер, а не СА, должен был занять в «ордене-государстве» положение великой официальной военной касты с Бломбергом, Рейхенау и Герингом в качестве военных паладинов фюрера. (Договор с рейхсвером, признанным «вторым оплотом национал-социалистского государства», был торжественно скреплен позже, вскоре после убийства Рема, на большом тайном собрании национал-социалистских вождей и генералов рейхсвера в здании Оперы Кроль¹ в Берлине). Это определило соотношение сил.

Но это еще не все. Поддержку реакционных сил вне партии обеспечило Гитлеру еще одно обстоятельство. В более широком аспекте план «тевтонского ордена» в глубоком смысле империалистичен. Даже название его указывает на специфическое географическое направление предстоящего похода; Восток — историческая цель германского рыцарства, и это также было тщательно взвешено при розенберговских расчетах. А это почти автоматически обеспечивало авторам плана сотрудничество элементов, группирующихся вокруг *фон-Папена*, партии юнкеров к востоку от Эльбы, «друзей Гинденбурга» и антибольшевистских маньяков (генерал Гофман, Рехберг), для которых проблема «крестового похода на Восток» заслоняла все остальное. Вот почему фон-Папен пошел за Гитлером и произнес за несколько дней до 30 июня свою знаменитую «оппозиционную» речь, которая целила только в Рема, уже давно подозреваемого в «национальном большевизме». «Орден тевтонских рыцарей» символизировал на деле союз всех клик, представляющих силы, правящие в Германии.

История подтвердила все это теперь, когда, через два года после смерти Рема, весь план гитлеровского имперского ордена находится на грани окончательной и официальной реализации. Тайные или полутайные приготовления к провозглашению реформы непрерывно идут в Германии в течение последнего года или двух. В Мюнхене уже высится здание

¹ Здание, где собирается теперь германский рейхстаг. — Прим. редактора.

для будущего «парламента» ордена, который должен заменить рейхстаг, — новый «Дом фюрера» (Führerhaus), с «залом шестидесяти восьми сенаторов». Постройка его окончена в 1935 г., но по распоряжению Гитлера дом до сих пор не занят. Существуют уже и новые рыцари — 3 тыс. «юнкеров» (средневековое название дворянских сыновей в Германии), подготовленных к своему будущему положению новой аристократии в трех «цитаделях ордена» (Ordensburg), принадлежащих национал-социалистской партии. Эти новые тевтонские цитадели (одна — в Крессингзее, в Померании, другая — в Фогельзанге, на Рейне, и третья — в Зонтгофене, в Баварии) строились в течение трех лет; распорядок жизни в них — точное подражание средневековым образцам.

Только эти «юнкера» могут впоследствии становиться вождями национал-социалистского государства в качестве рыцарей ордена. Они отбираются тремя национал-социалистскими лидерами: Розенбергом, назначенным для этой цели «официальным представителем вождя по идеологическому воспитанию в национал-социалистской партии» — теперь он может, наконец, реализовать свои самые фантастические идеи; Дарре, министром земледелия и «крестьянским вождем», который ездит по стране, отбирая «цвет» семей богатых «наследственных крестьян», и Гиммлером, главой черных СС и Гестапо, сделавшим личную охрану Гитлера еще более замкнутой, чем раньше, организацией. Все отобранные лица вносятся в особый список для посвящения впоследствии в дворянство.

Одновременно прием в национал-социалистскую партию (т. е. существовавшую до тех пор массовую организацию) был совершенно прекращен. Новые члены не принимались, и «только наиболее активная часть народа должна принадлежать к партии в будущем» (заявление эссенского окружного руководителя национал-социалистской партии Тербовена, 8 июня 1936 г.). Резервы национал-социализма должны в будущем пополняться только посредством специального отбора среди членов различных организаций (СС, гитлеровская молодежь, рейхсвер и т. д.).

Общеизвестные «нюрнбергские законы» сентября 1935 г., провозгласившие разделение нации на два основных класса («граждане государства», обладающие правом голосования, и «подданные государства», лишенные этого права), подготовили тем временем почву для введения кастовой системы. Осталось только формально узаконить новую аристократию, объявить о создании ордена и провозгласить его вождя. Возможно, что, в связи с международным положением, этот шаг будет отложен до более благоприятного момента, например до долгожданного триумфа за границей — вступления в Вену.

На фоне такого события Гитлер предстанет во всем великолепии фюрера «Великой Германии». Императорское прославление «дуче» в Риме еще более увеличило лихорадку в национал-социалистских кругах.

Тождество терминов «фашизм» и «империализм» редко раскрывалось с такой полнотой. Во всяком случае сегодня Гитлер является в Германии уже не главой правительства: он — неофициальный император. Статссекретарь рейхсканцлера объявил недавно, что члены германского правительства не являются более равноправными, но только советниками фюрера, а само правительство — это только совет. Лидер «тевтонского ордена» добился своего. Теперь взгляд его устремлен на Восток. Он достиг своих целей, оставив за собой 30 июня и переступив через труп Рема.

* * *

Гитлер, Геринг и Геббельс имели свой план, противопоставленный плану Рема, и они решили выполнить его. 16 марта 1934 г. один из членов гитлеровской клики, Карл Ревер, штатгальтер Бремена, бывший служащий кофейной фирмы и организатор шпионажа во время войны, на национал-социалистской конференции впервые заявил о намерении учредить не в очень далеком будущем «орден вождей», в который Адольф Гитлер призовет от 60 до 80 «лучших людей», «показавших себя за последние годы борьбы и могущими быть гарантами единства ума и воли в руководстве народом».

Через шесть недель, 28 апреля, как только распространились первые слухи о беспорядках и недовольстве СА, Розенберг собственной персоной появился в Мариенбурге, знаменитом старом городе Ордена тевтонских рыцарей, где выступил с речью об «идее ордена как государственном принципе», о «вожде», его «приближенных» и о «преемственности». «Духовный наставник» вождя заявил, что государство станет национал-социалистским орденом, но что никто не сможет «никоим образом предвосхищать Адольфа Гитлера», который будет решать все сам. Но конкретный план сохранялся в тайне.

Важен факт, что Геринг, правитель Пруссии, большой личный соперник Гитлера, но еще более неистовый враг Рема и ненавистник СА, явно принимал участие в планах гитлеровской клики. Он произносил речи о том, что «Германия — это Гитлер» и что «Единственный закон — это воля Гитлера». Большим человеком, остававшимся в тени создателем ордена, был в то время, вероятно, Гесс, официальный «представитель» Гитлера. Но диктатор Пруссии и герой поджога рейхстага не позволил купить себя по дешевке. Несмотря на офици-

альную ликвидацию федеральных государств и передачу поста прусского министра внутренних дел Фрику, а поста главы тайной полиции Гиммлеру, высшее руководство Гестапо было оставлено за Герингом «персонально». Он присоединился к плану клики потому, что знал, что лучше быть паладином Гитлера, чем первой жертвой Рема. Триумвират Гитлер—Геринг—Геббельс снова шагал в ногу.

Рем знал о приготовлениях гитлеровской клики точно так же, как клика знала о его приготовлениях. Он уверился в них совершенно, когда Гитлер распорядился о месячном «летнем отпуске» для штурмовиков. Рем и его друзья нисколько более не сомневались, что какова бы ни была грядущая «реформа государства» и как бы ни выглядели наследники Гинденбурга, их самих уберут с верхушки первыми. Мелкая буржуазия и полки СА подталкивали их к выступлению.

Гитлер, новый последователь теории психоанализа, провозгласил, что главной основой и причиной всего «заговора Рема» был гомосексуализм большинства этих людей, но гомосексуализм не имел к этому выступлению никакого отношения. Эти люди были гомосексуалистами и бандитами пока они были фашистами. Они никогда не отделяли этих двух вещей, и на их плечах Гитлер пришел к власти. Если Рем мобилизовал теперь своих генералов, то это была политика и притом классовая политика, а не материал для психоанализа.

Рем собрал самых влиятельных, самых активных лидеров СА—старый цвет всего фашистского боевого корпуса. Он заключил соглашение не только со своими ближайшими друзьями, подобно ветеранам движения: Эдмунду Гейнесу—главе всех СА на востоке Германии, человеку, который приобрел себе славу и завоевал руководящее положение в национал-социалистском движении тем, что участвовал в самых первых больших террористических отрядах Германии после войны (отряд Россбаха, Верхнесилезские инсургенты), был впоследствии одним из знаменитых «убийц-феме»¹ (на Штетинском процессе он был приговорен к пятнадцати годам заключения с принудительными работами), и тем, что участвовал в еврейских погромах, так же как и в фашистской организации силезской мелкой буржуазии; Карлу Эрнсту, командиру берлинских СА, который из комивояжера, главаря бандитской шайки и организатора массовых убийств сепаратистов в Рейнской области сделался любимцем берлинских национал-социалистов и преемником Хорста Весселя.

¹ Феме—тайные средневековые судилища в Германии, по постановлениям которых совершались убийства. Убийства из-за угла, которые начали совершать национал-социалисты еще в веймарской Германии, были окрещены «феме-убийствами». — *Прии., редактора.*

Рем призвал также Петера фон-Гейдебрека, главу померанской армии СА, знаменитого одnorукого лидера фашистских партизан во время борьбы с Польшей за Верхнюю Силезию, основателя *Völkische Turnerschaften* (крайне шовинистическое гимнастическое общество), героя многих легенд и песен, популярных среди национал-социалистской молодежи; Ганса Гайна, генерала саксонских СА, организовавшего в 1923 г. вместе с Лео Шлагетером динамитные взрывы против французов в Руре, руководившего впоследствии кюстринским путчем черного рейхсвера против правительства Штреземана и обвинявшегося на процессе «феме»; Манфреда фон-Киллингера, главу СА Центральной Германии, бывшего начальника военного отдела бригады Эрхардта и организации «Консул», непосредственного организатора убийств Эрцбергера и Ратенау и покушения на Шейдемана; Конрада Шрагмюллера, лидера магдебургских СА, бывшего летчика и партизана Иоркского Балтийского корпуса, человека, который в 1928 и 1929 гг. вместе с крестьянином Гамкенсом наводил ужас на Северную Германию, совершая налеты террористических групп на таможи и на государственных чиновников и организуя в целых округах крестьянский бойкот против налогов; Августа Шнейдгубера, генерала баварских СА, одного из основателей контрреволюционного южногерманского «*Einwohnerwehr*» (местная милиция) после войны и, наконец, начальника полиции в Мюнхене; Рольфа Рейнера, бывшего офицера рейхсвера, члена тайной лиги «*Reichsflage*», участника кровавого подавления рабочих восстаний в Баварии, Центральной Германии и Рурском районе после войны и, в заключение, главы СА в Берлине; Герда, одного из самых знаменитых германских военных летчиков, награжденного орденом «*Pour-le-Mérite*», лидера СА в столице и представителя самого радикального крыла коричневорубашечников. Можно было бы назвать еще много других офицеров СА почти с тем же весом и с такими же длинными списками заслуг в фашистском движении.

Таковы были «заговорщики». Они отличались не только гомосексуализмом, но представляли собой самое активное, самое воинственное и самое популярное ядро движения, действительных основателей движения и военных вождей милитаризованных масс. Это была «старая гвардия» национал-социалистов, противопоставлявшая себя своре профессиональных политиков, журналистов, бюрократов, капиталистов, дипломатов и других примазавшихся и карьеристских элементов, прилепившихся к фашистскому движению в процессе его расширения и ставших вместе с Гитлером главными пенкоснимателями. Трое из «старой гвардии» — Рем, Гейнес и Эрнст — как непосредственные организаторы поджога рейхс-

тага, без сомнения, реально способствовали гитлеровскому триумфу в марте 1933 г.

В течение ряда лет все эти люди держались вместе. СА были их главной опорой, их достижением, их гордостью, их надеждой, все остальное в национал-социалистском движении, включая Гитлера, было для них второстепенным. Они являлись «гарантами национал-социалистской революции», как заявил Рем, и Рем — этот маленький, жирный, циничный и грубый авантюрист, наделенный всеми пороками мира, но с непреклонной фанатической волей к власти, шагающий через трупы, этот человек, верящий своим штурмовикам, был их маршалом, их Валленштейном, их конквистадором.

Среди национал-социалистских вождей Рем был единственным, кто всегда больше всего презирал лицемерное морализирование официальной партийной верхушки с Гитлером и Розенбергом во главе; он открыто требовал грубости и требовал признания ее естественным духом фашизма. После того как штатские хозяева национал-социалистов, сделавшись после прихода к власти пуританами, запретили женщинам Германии курить и модничать и потребовали от штурмовиков наблюдения за народной нравственностью, именно Рем открыто выступил с приказом по СА, в котором издевался над всей этой комедией и высмеивал ее. В особенности он ненавидел елейного «теолога» партии Розенберга, вероломного псевдо-трибуна Геббельса (уже однажды обманувшего Грегора Штрассера и Стеннеса и предавшего их в руки Гитлера), и Геринга, становящегося с каждым днем все более фешенебельным и легитимистски настроенным, Геринга, который не мог простить Рему того, что он, Геринг, был в свое время первым командующим СА. Рем презирал «барабанщика» и болтуна Гитлера.

Этот фашистский авантюрист, «капитан боливийской службы» и завсегдатай ночных притонов Берлина, был все же при всей своей откровенной грубости и цинизме более честен, чем Гитлер, Геринг и Геббельс. Меньше чем кто-либо другой он пытался прикрыть подлинное лицо фашизма, а по своим идеям и методам он действительно ближе всех стоял к мелкой буржуазии, к этой взбесившейся социальной силе, которая после войны потеряла все: собственность, мораль, традицию, разум и, наконец, также и честь, но прежде всего — собственность. И вот Рем вместе со своими людьми, пытался снова спасти все это. Офицеры СА были за него. Но он рассчитывал также на массы, на солдат своей армии, в которую он мало-помалу, в остром конфликте с Гитлером, систематически включал молодежь, безработных, бывших левых рабочих, так же как и отряды Стаального шлема, и численность которой он довел от, примерно, полумиллиона при взятии

Гитлером власти до более чем 2 млн. накануне 30 июня, т. е. учетверил ее. Он думал, что ему удалось таким образом создать гигантскую «национальную революционную» армию, которую он может использовать по собственному усмотрению и против которой не сможет устоять никто. Он верил в теорию суверенной мелкой буржуазии, которую он мог бы использовать, по крайней мере, в своих личных интересах. Вот почему Рем созвал «заговорщиков».

Итак, в середине 1934 г., через семнадцать месяцев после победы германского фашизма, на втором году существования «вечной» Третьей империи, столкнулись две динамических силы, два принципа, два класса внутри фашизма. С одной стороны, мелкая буржуазия и ее союзники, представленные Ремом; с другой стороны, олигархический капитал и его верховные господа, представленные Гитлером. План «государства СА» был выдвинут против плана «ордена-государства». Принцип масс против принципа вождей. Реальность фашистской аристократии против фантома фашистской демократии. Несколько миллионов разнузданных и вооруженных мелких буржуа против толпы верховных господ, поддерживаемых капиталом. 30 июня должно было ответить на вопрос — кто из них сильнее.

ГЛАВА III

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ХИМИЧЕСКОГО ТРЕСТА

Остается нерешенным один вопрос. Вступила ли мелкая буржуазия в сражение 30 июня *одна*? Был ли с ней Шлейхер? Что общего мог иметь этот модный «либеральный» генерал, так долго представлявший правящую верхушку, с заговором наемников СА?

Случилось так, что соотношение классовых сил перед бунтом Рема отразило в известный период взаимоотношения различных групп внутри *промышленности*, отразило существующее экономическое положение. Почему Геринг застрелил Шлейхера?

Шлейхер не принадлежал к лагерю Рема. Он не был национал-социалистом, хотя расчищал путь для фашистской диктатуры в Германии. Он был противником Гитлера и Рема, хотя и организовал «Freikorps» и «черный рейхсвер», из которых вышла гвардия национал-социализма. Он не был сторонником «тоталитарного государства», хотя он первый был ответственен за падение либерального режима (Гренер и Брюнинг). Он потерял власть и оказался в одиночестве именно вследствие противоречий, живым олицетворением которых стала его личная судьба. Он хотел синтеза между буржуазной демократией и фашизмом, между Веймаром и Гитлером, и фашизм смел его с пути. Он пытался создать чисто военный бонапартизм, зависящий только от армии. Этот эксперимент уже пытался до него проделать его предшественник Сект — найти некий средний курс, идущий одновременно на уступки и капиталистам и рабочему классу; капиталисты, нуждавшиеся в фашистском и террористическом массовом движении, отшвырнули Шлейхера ради Гитлера и Рема.

Шлейхер остался один, подобно многим переходным фигурам до него, — бонапартист без бонапартизма, генерал без армии, полудемократ без демократии, полуфашист без массового базиса. И все-таки этот старый политический шарлатан

продолжал играть свою собственную игру. Но он играл не на стороне рейхсвера, руководителем и представителем которого он прежде был, и не на стороне юнкеров и группы фон-Папена, с которой он когда-то шел рука об руку.

После его разрыва с фон-Папеном, главной причиной которого была борьба из-за направления будущего германского военного плана¹, Шлейхер был не только удален из личной клики Гинденбурга, но был также вместе со своими друзьями и подчиненными лишен фактически всякого влияния в рейхсвере. Генералы Гаммерштейн — бывший начальник военного командования, Адам — глава войскового отдела, и Бредов, составлявшие «хунту» Шлейхера в рейхсвере, были устранены.

Реальная власть в армии принадлежала теперь даже не военному министру, папеновскому ставленнику Бломбергу; эта власть принадлежала в основном совершенно новому учреждению — «Комитету сил обороны», представляющему собой нечто вроде штаба связи между рейхсвером, военным отделом национал-социалистской главной квартиры (Wehrpolitisches Amt der NSDAP) и новым штабом воздушной армии Геринга. Начальником вновь учрежденного, очень узкого, комитета был назначен полковник (ныне генерал-лейтенант) фон-Рейхенау, молодой офицер, который возглавлял ранее наиболее преданное фашизму крыло рейхсвера и был ярким противником клики Шлейхера. Только новый главнокомандующий генерал Фрич, больше чем кто-либо другой в командовании рейхсвера, склонялся к старой ориентации. Но сам Шлейхер уже во всяком случае был изолирован от этой армии. Тем не менее он сумел развить кое-какую деятельность.

Через два или три дня после 30 июня, когда еще не успело затихнуть эхо выстрелов в застенках СС, реакционная «Deutsche Zeitung», газета, связанная с фон-Папеном еще больше, чем с Гитлером, опубликовала явно инспирированную правительством статью, содержащую следующие фразы.

В событиях участвовала «капиталистическая клика, с обширными международными связями, спрятанная за кулисами». «Нити заговора тянулись в самые отдаленные и разнообразные концы. Низкая измена не только вошла в соглашение с бесчисленными, зачастую темными силами реакции, позволив таким образом взять себя на буксир враждебным иностранным кругам; было обнаружено также сложное переплетение еще нераспутанных нитей, ведущих к кругам, предоставившим в распоряжение изменников немалые суммы денег».

¹ Мы вернемся к этому очень важному вопросу во второй части этой книги.

Несколько дней спустя другая национал-социалистская газета «Deutsche Front», в Саарбрюкене, в статье хорошо известного фашистского лидера и гитлеровского ставленника доктора фон-Лерса, высказалась на эту тему ясно:

«Сейчас не время разговаривать об этих делах публично. Но придется поставить несколько прямых вопросов. Кто в действительности финансировал погрязших в разврате заговорщиков против фюрера? Каким образом оказалось возможным, что только что принятые в СА люди с большими деньгами смогли достичь высоких постов, поощряемые через голову всех остальных, хотя было известно, что эти люди являются «эмиссарами» совершенно определенных крупных концернов? Каким образом стало возможным, что связь между последней остаточной капиталистической группой (restkapitalistische Gruppe), которая еще в 1932 г. стояла в открытой оппозиции к фюреру и которая, как показал процесс Гереке, сыпала деньгами на поддержку «Гинденбургского комитета» против Адольфа Гитлера, — как могло стать возможным, что связь между этой кликой и людьми из национал-социалистского движения, казненными 29 июня, стала такой интимной?»

Это было «разоблачение». Оба заявления, исходящие из руководящих национал-социалистских кругов, явно вырвались в опьянении первых восторгов (в германской прессе больше не появлялось на эту тему, ни одного слова) и указывали в весьма определенном направлении; эта сторона событий 30 июня освещена менее всего. Оба «разоблачения» открыто и прямо обвиняли «И. Г. Фарбениндустри» — пользующийся мировой известностью германский химический трест.

«И. Г. Фарбениндустри», вторая по мощности индустриальная держава Германии, располагающая капиталом в $1\frac{3}{4}$ млрд. марок и армией рабочих, равной 175 тыс. человек, имеет производственную, торговую и рекламную сеть, охватывающую весь земной шар. Это трест, который почти в той же мере, что и Рур, создал новую экономическую мировую мощь Германии после войны; который своим синтетическим азотом, синтетическим бензином, синтетическим каучуком и искусственными тканями произвел настоящую техническую революцию и основал в Центральной Германии новые индустриальные комплексы, простирающиеся на целые провинции — Леуна и Оппау; трест, который, наряду с тяжелой промышленностью и почти наравне с ней, стал признанной «второй половиной» германской финансовой олигархии, «державой Леуна», державой, по некоторым причинам, более «прогрессивной» и эластичной, чем «держава Рура», но так же, как и последняя, жаждущей контролировать национальное богатство. Верно ли, что эта капиталистическая группа восстала по каким-либо

соображениям против Гитлера? Ведь именно химический трест, сразу после войны, когда он еще устанавливал свое «синтетическое» оборудование и вместе с Руром боролся за главное, самое необходимое ему сырье — уголь, ведь именно он финансировал фронт германских «либералов». Это было в Германии далеко не тайной.

«И. Г. Фарбениндустри» контролировала самые крупные в Германии концерны либеральной прессы (Ульштейн и «Frankfurter Zeitung») и имела своих тайных агентов в центральных комитетах фактически почти всех «веймарских» партий («католический» лидер Ламмерс, друг Штреземана Вармбольд, «демократ» и государственный президент в Бадене Гуммель и т. д.). Правительства Штреземана и Брюнинга были тесно связаны с трестом. Когда все «левые» партии в Германии, за исключением коммунистов, образовали в 1931 и 1932 г. совместный «единый фронт» для борьбы за переизбрание Гинденбурга на пост президента, против кандидатуры Гитлера, то не кто иной как глава химического треста доктор Дуисберг стал официальным председателем «Объединенного Гинденбургского комитета» и «Бюро уполномоченных по избранию Гинденбурга» (в цитированной выше статье национал-социалист доктор Лерс имел в виду именно этот комитет и его денежные ресурсы).

Политическим руководителем и вдохновителем этой организации был Шлейхер. Только деньги химического треста, помимо денег Отто Вольфа и «Дейтше банк», сколотили блок «левых», сделали возможным избрание Гинденбурга и несколько раз спасали от гибели эту несчастную, лихорадающую, малодушную и вероломную «республику». И тем не менее все тот же химический трест, когда он уладил свои раздоры с тяжелой промышленностью по генеральному договору, предусматривающему раздел угольных ресурсов Германии и прямое участие химического треста в стальном тресте, внезапно положил конец «либеральной» политике, потерял свой левый оттенок и вместе с группой Тиссена усилил базис для предприняемого фашизмом наступления. Вскоре после этого имя финансового руководителя треста, Германа Шмитца, было внесено самим Гитлером в «имперский избирательный список» национал-социалистской партии. А в ноябре 1933 г. главный управляющий, профессор доктор Карл Бош, знаменитый изобретатель синтетического метода добывания азота и некогда общепризнанный столп республики, публично засвидетельствовал в официальном органе национал-социалистов «Рабочий фронт» следующее:

«Новая волна доверия и уверенности прокатилась по германской промышленности. Причину этого я вижу в том, что

германское правительство впервые не только дает обещания, но также и действует... Доверие, которое германские экономические интересы чувствуют к рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру, показало себя как могущественный фактор в оживлении германского предпринимательского духа... Подводя итоги, я как промышленник, несущий ответственность за огромное предприятие с сотней тысяч трудящихся, по праву собственного опыта, заявляю, что только твердая воля национал-социалистского правительства сумела добиться результатов в такой поразительно короткий срок, приблизиться к окончательному решению проблемы кризиса в недалеком будущем и в согласии со словом фюрера Адольфа Гитлера снова дать германскому народу хлеб и работу¹.

Это — важное заявление. Главный управляющий «И. Г. Фарбениндустри» почти официально провозгласил союз крупного химического капитала и всей «либеральной» обрабатывающей промышленности с Гитлером, он озаглавил свою статью: «Где есть воля, там есть и путь». Химический трест имел, конечно, волю, волю к мощному, небывалому, мировому наступлению Германии, волю к завоеванию для синтетических продуктов, для предприятий Леуна и Оппау, новых более обширных рынков, новых более широких сфер для экспорта товаров, вложения капиталов и извлечения прибыли — ведь того же добивался и Рур для своих шахт, вагранок и томасовских конверторов.

Химический трест имел волю точно так же, как имела ее тяжелая промышленность, чтобы использовать национал-социализм как таран, раздавить революционную опасность внутри страны и восстановить мощный германский империализм за границей; ради этого стоило пожертвовать республикой. За один только 1933 г., первый год пребывания у власти Гитлера, химический трест заново вложил в свои предприятия 142 млн. марок — таким безопасным казался «путь». А затем произошло невероятное: заминка, остановка и, наконец, застой по всему фронту. Путь оказался в конце концов неподходящим, во всяком случае для химического треста.

Причина этого проста, хотя она и может удивить тех, кто ищет в современной высокой политике не холодных экономических реальностей, а иррационализма, романтизма, индивидуализма и прочих «измов». Причина заключается попросту в различии между размерами рынка двух частей германского капитала — добывающей и военной промышленности, с одной стороны, и обрабатывающей промышленности и экспортными

¹ Эти высказывания можно прочесть во «Frankfurter Zeitung» от 1 декабря 1933 г.

отраслей — с другой; конкретно этой причиной являются различные размеры рынков для сбыта продукции рурского треста и химического треста.

Тогда как рынок для химической и прочей обрабатывающей промышленности это — в значительной степени рынок *внешний*, рынок сбыта германской тяжелой промышленности является преимущественно *внутренним* рынком. В то время как экспортная квота в промышленности доходит в некоторых специальных отраслях, входящих в химический трест, до 80% производства (подобная пропорция существует, например, в станкостроительной промышленности), для тяжелой промышленности важнее чем что-либо другое темпы вооружений, т. е. военное производство для отечественных нужд. Химическая промышленность зависит, главным образом, от мировой торговли. Вместе с Руром экспортная квота германской промышленности колеблется между 10—20% продукции; основная масса продукции Рура — это производство для отечественной обрабатывающей промышленности, для железных дорог (уголь, сталь) и, главным образом, для государства (военные материалы).

Когда рынок суживается, тогда химический трест и обрабатывающая промышленность задыхаются от непроданных на экспорт товаров; в то время как дефицит тяжелой промышленности восполняется государством, которое, конечно, не зависит от состояния рынка, размещающая новые военные заказы или раздавая непосредственные субсидии (в интересах «национальной безопасности»). Результатом является не только расхождение в размерах сбыта между рурским трестом и химическим трестом, не только различное развитие тяжелой и обрабатывающей промышленности в период кризиса, но также и различная экономическая политика этих двух групп во время кризиса.

Химический трест, которому больше всего нужен экспорт, настоятельно нуждается в «либеральной» торговой политике, в свободных, т. е. не огражденных чрезмерными пошлинами, иностранных рынках, в финансовой и долговой политике, не обескураживающей иностранных покупателей и не вызывающей их на контрмеры (неуплата иностранных долгов, трудности международного обмена); в отсутствии политических мер, вызывающих специфические препятствия за границей (еврейский бойкот); химический трест не заинтересован также в аграрном протекционизме, препятствующем заключению выгодных торговых соглашений с иностранными государствами; он нуждается, главным образом, в такой государственной политике, которая обеспечивала бы свободный выход товаров на мировой рынок.

Тяжелой промышленности нужно как раз противоположное. Она является сторонником «автаркии». Ей нужны запретительные таможенные пошлины, защищающие внутренний рынок для нее; ей нужна внешняя и внутренняя политика, подливающая масла в международный огонь и, следовательно, увеличивающая заказы военного министерства на вооружения и субсидии министерства финансов; она нуждается также — и это особенно важно — в саботаже платежей по международным долгам, саботаже, который подрывает экспортную промышленность, но делает государственное казначейство способным давать субсидии тяжелой промышленности, в то же самое время «ликвидируя» частные долги тяжелой промышленности.

Ведь экспортная промышленность может покрыть свою текущую задолженность выручкой от экспорта и накопленными ранее запасами наличных денег, а тяжелая промышленность, исчерпавшая все свои заграничные кредиты на огромные военные предприятия, нуждается в иностранной валюте. В результате резкое расхождение между интересами тяжелой промышленности и интересами обрабатывающей промышленности во всех сферах государственной политики, в международной политике, внутренней политике, торговых отношениях, финансах, международном обмене, аграрной политике, военной политике и т. д.

Пока условия торговли нормальны, т. е. пока мировой рынок не испытывает особых потрясений от кризиса и, следовательно, экспортная промышленность не имеет крайних затруднений, до тех пор это противоречие интересов не обостряется; оно существует в скрытом состоянии и остается на практике без последствий. Но как только со всей силой разражается кризис внешней торговли, становящийся все более острым — эти противоречия интересов делаются такими ожесточенными и такими жгучими, какими могут быть только капиталистические взаимоотношения. Нечто подобное произошло в 1934 г. между германской тяжелой промышленностью и германской обрабатывающей промышленностью, возглавляющейся химическим трестом.

Химический трест заключил соглашение с Тиссенем, прикнув к генеральному фронту капитала, направленному на поддержку фашизма. Химический трест вынужден был это сделать, но он также и хотел этого. Он вынужден был это сделать потому, что только фашизм мог спасти их всех: Рур так же, как Леуна, Тиссена так же, как и Дуисберга; ведь только фашизм мог спасти весь класс промышленных олигархов от революции рабочих, от экспроприации экспроприаторов. Он хотел этого, потому что, подобно Тиссену, безошибочно угады-

вал в национал-социализме высшую и наиболее подходящую форму германского империализма, зная, что только национал-социализм с его фашистской мобилизацией масс, с его динамической агрессивностью, с его необузданной политикой «равовой империи» может обеспечить для чрезмерно разбухшего германского капитализма то новое пространство на европейском континенте, без которого германский капитализм должен погибнуть от внутреннего напряжения, от чрезмерного давления изнутри.

Вот почему национал-социализм являлся несомненно для всех групп германского капитала новейшей, наиболее современной стадией развития, и «либеральный» химический король Дуисберг понимал это не хуже Тиссена. Если бы он не понял этого, ему бы «автоматически» подсказали это его машины, его химическое оборудование, которое из национального давно уже стало по своему размаху и продукции потенциально-континентальным и даже интернациональным. Это оборудование требовало для себя всего мира, конкурируя с американским Дюпоном, британским химическим трестом, Кюльманом и другими международными соперниками.

Затем оказалось, что экспортный кризис шагает быстрее, чем новый фашистский империализм; что экспортная квота остается все еще более конкретной реальностью, чем розенберговский континентальный план. А то, что ощущалось как явный удар по германскому химическому тресту, казалось почти что началом трагедии для целого сектора германского капитализма, производящего и экспортирующего *готовые товары*; того сектора, который вместе с тяжелой промышленностью, но несколько позднее последней, связал свою судьбу с фашизмом и убеждался теперь, что, поступив так, он подписал свой смертный приговор.

Германский экспорт, который в 1929 г., за год до кризиса, доходил до 13,5 млрд. марок и даже в 1932 г., за год до прихода Гитлера к власти, все еще держался на уровне 5,7 млрд. марок, что составляло более 40% максимальной цифры экспорта, в 1933 г., в первом году правления Гитлера, снова упал до 4,9 млрд., т. е. почти на 1 млрд. марок. Однако все еще имелось активное сальдо внешней торговли в 667 млн. марок (против 1 073 млн. в предшествующем году), и тресты, подобные «И. Г. Фарбениндустрii», могли более или менее регулярно совершать свои экспортные и финансовые сделки. В течение первой половины 1934 г. экспорт снова упал с 2,38 млрд. марок (за шесть месяцев) до 2,08 млрд.

Но гораздо более серьезным было то, что Германия, впервые со времен войны и годов инфляции, лишилась активного баланса. Баланс был сведен с дефицитом в 216 млн. марок

(по сравнению с прошлогодним активным сальдо, равным 291 млн. марок). Это было почти катастрофой для индустриализованной экспортирующей страны, страны, занимающей одно из первых мест в мировой торговле и нуждающейся в ней для удовлетворения своих насущных нужд.

Однако внешнеторговые сделки совершались — это был импорт и снова импорт, который за те же шесть месяцев увеличился почти на $\frac{1}{4}$ млрд. Но ведь ввозилось сырье, сырье для вооружений, для тяжелой промышленности (железо и другие металлы), для потребителей грядущей войны. Чтобы оплатить все это сырье и обеспечить тяжелую промышленность всем необходимым, правительство пошло на все: перестало платить международные долги, ввело новую фиктивную валюту, прекратило снабжение сырьем других промышленников и ввергло германские финансовые и торговые отношения почти в анархию. А кроме того начало оказывать влияние резкое различие в условиях сбыта, этот неромантический фактор в высокой политике.

С одной стороны, Рур мог продолжать производить, продавать и получать прибыли в еще больших размерах, чем раньше. Продукция железа в Германии выросла в 1933 г. с 10745 т до 14430 т (в среднем за каждый день недели), т. е. почти в полтора раза, продолжала расти и в 1934 г. Феглер, главный управляющий стального треста, торжественно заявил, что за первый год гитлеровского правления германское потребление железа, составлявшее 59 кг на душу населения, удвоилось, дойдя до 104 кг; ближайшей целью является теперь — достигнуть уровня в 140—150 кг, как в Англии и Франции, и даже в 200 кг, как в США: этого — сказал Феглер — «можно ожидать».

Все это означало не что иное, как триумф германской тяжелой промышленности. Правда заключалась в том, что официальная цифра увеличения германской промышленной продукции в 1933 г. на 23%, вокруг которой национал-социалисты подняли так много шума, отразило почти исключительно рост производства тех отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, которые поставляют военные материалы.

С другой стороны, экспортная промышленность представляла собой следующую картину. Экспортная квота, доходившая в 1933 г. во всей, взятой в целом, германской промышленности до 22% (из всей продукции, стоимостью в 20 млрд. марок экспортировалось на 4,4 млрд.), упала уже в первой четверти 1934 г. до 14%; в середине года она дошла примерно до 10%. Теперь оказался ущемленным химический трест.

Экспортная катастрофа не особенно беспокоила тяжелую

промышленность. Руководители тяжелой промышленности были сторонниками «автаркии», подобно аграриям, группирующимся вокруг Папена. Тяжелая промышленность давно «списала» в потери свою наиболее важную экспортную статью — уголь (экспортная статья, которая, между прочим, никогда не имела для Германии такого большого значения, какое имеет экспорт угля для английской тяжелой промышленности), она была более чем компенсирована повышением монопольных цен на уголь, сбываемый на отечественном рынке, и правительственными субсидиями.

Тяжелая промышленность начала даже выступать против экспорта, развивая теорию так называемой «экспортной усталости», приукрашивая ее «национальным» лозунгом: «Все для внутреннего рынка!» Так как государственные власти действовали в том же направлении, то принятые административные и финансовые меры еще более увеличили экспортные затруднения других отраслей промышленности.

Верно, конечно, что германская тяжелая промышленность ставит своей целью завоевание мирового рынка так же, как и обрабатывающая промышленность, и даже более настойчиво, чем последняя, которая в конце концов в значительной степени перерабатывает сырье, поставляемое тяжелой промышленностью. Но тяжелая промышленность может выжидать. В то же время она может с помощью фашистского государства эксплуатировать нацию через посредство внутреннего рынка (при помощи монопольных цен на сырье, государственных субсидий, заказов на вооружения), компенсируя себя за неизбежный период ожидания великого империалистического наступления, до войны.

Обрабатывающая промышленность не может этого сделать, а если и может, то лишь в неизмеримо более слабой степени. Большая часть обрабатывающей промышленности, исключая химический трест, не организована монополистически и едва ли может поэтому реализовать добавочные прибыли на внутреннем рынке; напротив, благодаря иностранной конкуренции она должна постоянно сбывать свою продукцию на мировом рынке по убыточным ценам.

Субсидии, выдаваемые национал-социалистским правительством «старой либеральной» обрабатывающей промышленности, куда меньше тех, которые раздаются старому другу, Руру. А ни в одной из отраслей большого химического треста производство вооружений не играет такой роли, какую оно играет в стальном тресте. Заготовить запасы отравляющих веществ, с капиталистической точки зрения — процесс очень несложный и быстрый, его нельзя сравнить с непрерывным производством тяжелых вооружений, требующих большого

количества металла — с производством пушек, снарядов, военных судов, аэропланов, танков и т. д.

В химической промышленности производство только таких военных материалов, как порох и взрывчатые вещества, требует больших вложений, но эти производства играют небольшую роль по сравнению с синтетическими производствами азотистых удобрений, красителей, фармацевтических товаров, искусственного шелка, синтетического бензина, химикалий для фотографии, медицинских средств. Именно эти экспортирующие, имеющие международное значение, отрасли «И. Г. Фарбениндустрii» испытали теперь стремительное падение экспорта. В первый раз за все время существования этого треста, треста, который, судя по капиталу и количеству занятых рабочих, был даже больше стального треста, в торговых отчетах начало сквозить явное беспокойство.

Вся колоссальная масса химических аппаратов, гигантских реторт, компрессоров и колб начала содрогаться словно перед взрывом. Все экспортные отрасли «И. Г. Фарбениндустрii», которые дали в 1933 г. чистую прибыль в 49 млн. марок (против 89 млн. в 1930 г.), сообщали о резком падении продаж, падении, которого вовсе не показывали, или показывали далеко не в такой степени, его крупные международные конкуренты, как, например, британский химический трест¹.

Это была действительно серьезная опасность, опасность, грозившая нескольким миллиардам вложенного и участвующего в производстве капитала. Это могло означать, что для германского химического треста наступают времена, подобные тем, которые испытал тиссеновский рурский трест в 1932/33 г., когда он находился на грани полного краха и только Гитлер спас его в последнюю минуту. Теперь искали выхода «И. Г. Фарбениндустрii» и вся обрабатывающая промышленность. Этот выход вел если не прямо против Гитлера, то во всяком случае против политики экспортной катастрофы, к новой политике спасения экспорта. Еще раз экономика была призвана повлиять на политику. *Пассивный платежный баланс Германии в первой половине 1934 г. изменил позицию химического треста, лидера обрабатывающей промышленности, по отношению к Гитлеру*, и это стало одним из добавочных факторов, действовавших за кулисами событий 30 июня.

¹ Американский трест Дюпон даже увеличил в первой половине 1934 г. свои прибыли, примерно, на две трети. Уже в 1933 г. было ясно, что в то время как американский химический трест может увеличить свою чистую прибыль на 64%, а британский химический трест показал даже рекордную за всю свою историю прибыль, германский трест «И. Г. Фарбениндустрii» не делал никаких успехов. В условиях жестокой международной конкуренции между этими мировыми группами такое положение с капиталистической точки зрения было чревато серьезными последствиями

То, что последовало затем, относится к области политики. Новый конфликт интересов между рурским трестом и химическим трестом впервые проявился в официальном органе управления промышленностью. Во главе этого управления стоял Кесслер, «лидер торговли и промышленности», назначенный национал-социалистами; он был директором-распорядителем известного электротехнического объединения Бергмана, т. е. одного из наиболее типичных предприятий обрабатывающей промышленности, и другом «И. Г. Фарбениндустри»¹. В течение многих лет «И. Г. Фарбениндустри» в качестве крупнейшего предприятия Германии имело право ставить во главе официальной промышленной корпорации своего представителя; сам президент «И. Г. Фарбениндустри» Дуисберг долгое время был этим представителем.

Выявился открытый конфликт из-за курса германской торговой политики. Кесслер, поддерживаемый химической группой и обрабатывающей промышленностью, потребовал немедленного и решительного прекращения всей экономической политики, проводившейся до сих пор правительством. Эти группы требовали конца «автаркии», т. е. системы национальной самоизоляции и самоудовлетворения, прекращения губительной мании правительства к созданию «процветания в стране» и инфляции на внутреннем рынке посредством государственных заказов, военных заказов, субсидий и непроизводительных лагерей безработных. Эти группы настаивали на признании международных обязательств, на том, чтобы был положен конец безрассудной финансовой политике и вытекающему отсюда хаосу в области международного обмена, требуя взамен мобилизации всех сил и ресурсов государства для одной цели — экспорта, т. е. прорыва на мировой рынок. А это предполагало новую экономическую политику, по всей линии.

Кесслер выработал для правительства план, воспевающий субсидии и искусственные заказы отечественным производителям и заменяющий их широким развитием национального экспорта, даже по убыточным ценам, с тем чтобы как можно скорее отвоевать потерянные рынки. В то же время должно было быть возобновлено выполнение международных обязательств, чтобы обеспечить возможность нормальной международной торговли. Тяжелая промышленность и ее ставленники немедленно наложили «вето» на этот план и начали энергичное контрнаступление. Они настаивали на продолжении проводившегося до сих пор курса, первым принципом которого было

¹ Кесслера не следует смешивать с *Келлером*, тогдашним директором «экономического отдела» национал-социалистской партии, экономическим советником Гитлера и ставленником тяжелой промышленности.

«укрепление германской внутренней сырьевой базы», как заявил один из ораторов тяжелой промышленности, граф фон-дер-Гольц, который сменил впоследствии Кесслера; они приняли гордую «национальную» позу, заявляя, что Германия не должна ставить себя в экспортную зависимость от питающих злые замыслы иностранцев. Они не захотели отказаться от особых прибылей, которые они получали на вооружениях.

Газета химического треста, знаменитая «Frankfurter Zeitung», которая с удивительным послушанием проделала национал-социалистскую эволюцию своих хозяев, превратившись из либеральной газеты, вроде «Manchester Guardian», в 99-процентный национал-социалистский орган, выступила фактически с открытой критикой по адресу правительственной торговой политики — случай небывалый в национал-социалистском государстве. В соответствии с мнением «опытных предпринимателей», выступающих против «близорукости», которая заводит «в тупик», газета химического капитала требовала экспорта и еще раз экспорта вместо государственных субсидий¹.

Теперь это был уже *политический* конфликт. И по существу вся новая экономическая программа оставшейся в проигрыше обрабатывающей промышленности уже не означала более просто ссору с тяжелой промышленностью; она означала политический разлад с системой национал-социализма и его правительством. Требуя отмены бойкота для германского экспорта, обрабатывающая промышленность автоматически становилась в оппозицию к гитлеровской антисемитской и крайней террористической политике внутри страны. Настаивая на том, чтобы положить конец преувеличенным заказам на вооружения, обрабатывающая промышленность угрожала ге-

¹ «Frankfurter Zeitung» писала, что «уже достаточно часто отмечалось, что промышленность не может как раз в данный момент ограничиться внутренним рынком, потому что он более удобен и, возможно, также более прибылен». «Экспортная усталость — это постоянное явление, сопровождающее бум в промышленности, потому что каждый промышленник склонен прежде всего сократить увеличившиеся издержки, хлопоты и риск, которые влечет за собой экспорт, если он может полностью снабдить свое предприятие отечественными заказами, особенно если это всегда желанные заказы со стороны государства. Опытные деловые люди и предприниматели признали, однако, что это и в нормальные времена является близорукостью. Теперь более чем когда-либо такой отказ от внешней торговли ввиду отечественных заказов был бы поистине заблуждением». Это была открытая атака на паразитическую военную промышленность, питаемую правительством, в пику которой газета требовала даже специальных премий для экспортной промышленности. Важно, между прочим, и то, что «Frankfurter Zeitung» это единственная германская газета, которая даже теперь может позволить себе от времени до времени предаваться некоторой критике и являться поэтому зачастую объектом нападок со стороны «Angriff», правительственного органа в Берлине.

ринговским военным планам и правительственным военным приготовлениям. Этого было достаточно для того, чтобы заставить тяжелую промышленность и правительство принять контрмеры.

Старая линия торговой политики была сохранена в неприкосновенности, проект обрабатывающей промышленности исчез с горизонта; устранение Кесслера с поста «лидера торговли» полностью это подтверждало. Химический трест отгнали назад и парализовали. С этой стороны химическому тресту нечего было искать поддержки. Он испытывал теперь нечто похожее на разочарование мелкой буржуазии. В такой момент отставной диктатор Шлейхер выступил в новой роли.

Химический трест не организовал подобно Рему «выступления» против Гитлера, он был для этого слишком фашистским и слишком реалистичным. Но ему пришлось еще раз выступить в качестве замаскированной оппозиции. Этот факт указывал на то, что давнишние гитлеровские оппоненты и соперники или оппозиционные группы внутри национал-социалистской партии могут теперь рассчитывать на новую поддержку из-за сцены; и что некоторые попытки, направленные, повидимому, к изменению политического и экономического курса, имеют шансы на финансирование и поддержку. Здесь-то и скрывалась «спрятанная рука» «обширной капиталистической клики», которая «финансировала заговорщиков» и продажных «эмиссаров совершенно определенных больших концернов», о чем в национал-социалистскую прессу просочилось несколько сообщений.

Таинственная «капиталистическая группа, которая в 1932 г. стояла в открытой оппозиции к фюреру, снабжая Гинденбургский комитет деньгами», называлась попросту «И. Г. Фарбениндустри». А Шлейхер был как раз человеком, который в течение ряда лет находился в непосредственном контакте с Дуисбергом и химическими магнатами, так же как и с Отто Вольфом, черпавшим именно из этого источника наиболее значительную поддержку его «либеральной» политике. Вместе с Дуисбергом, Вольфом и Гереке он был организатором Гинденбургского комитета, избирательного блока, созданного против Гитлера.

Он не занимал теперь официальной должности, но имел честолубие и имел занятие. Он был стреляный воробей в «делах» конспиративных; непрерывные интриги вознесли его — маленького майора генерального штаба — над Сектом, Кесслером, Гренером, Брюнингом, до поста германского главнокомандующего и чуть-ли не до роли политического диктатора. Шлейхер всегда считал, что важнее всего поддерживать специальные связи с самыми различными кругами: демократами и социал-демократами, католиками, Стальным шлемом, СА.

Он пытался, даже будучи главой рейхсвера, одно время установить «связи» с коммунистами.

В конце 1932 г. Шлейхер заключил тайное соглашение с Грегором Штрассером, тогдашним лидером левого крыла национал-социалистской партии, для того, чтобы оторвать движение от Гитлера и образовать правительство Шлейхер — Штрассер. Теперь во главе этого крыла стоял другой национал-социалистский «радикал» — Рем; Рем также в течение ряда лет был связан с Шлейхером и помог ему свалить Гренера в 1932 г. Сам Штрассер, со времени его устранения от национал-социалистского руководства и после прихода Гитлера к власти, был директором акционерного общества Шеринг-Кальбаум, фармацевтического объединения, которое хотя и не принадлежало к «И. Г. Фарбениндустри», но относилось тем не менее к химической промышленности.

Эти три человека — Шлейхер, Штрассер и Рем — всегда были до некоторой степени «аутсайдерами в политике». Рем руководил теперь мелкой буржуазией. Шлейхер искал случая, чтобы снова оказаться наверху. Насколько далеко он зашел — это другой вопрос. Могущественный химический капитал и обрабатывающая промышленность нуждались в некотором давлении на правительство.

Это был заговор иного характера, чем заговор Рема и мелкой буржуазии. Но оба заговора шли по меньшей мере параллельно и метили в одну и ту же цель — Гитлера. Одна сторона могла более или менее невидимо влиять на другую. (Отсюда намеки в речах Гитлера в рейхстаге на таинственного «мистера А» и других «людей для связи».) Неважно, играл ли Рем эту двойную роль сознательно или нет. Очень возможно, что так оно и было; этот наемник был способен на все. Но эта интермедия доказала по крайней мере одну вещь, придав всей этой истории оттенок колоссальной трагикомедии. Если бы мелкая буржуазия действительно победила на этот раз в Германии, то не Рем, а в конечном счете химический трест и связанные с ним экономические интересы были бы действительными победителями и новыми господами Германии. Дуисберг наследовал бы Тиссену, Леуна — Руру. Они должны были покорить СА, так же как и Гитлера, а Рем должен был стать их креатурой. Вот и все.

Однако мелкая буржуазия ничего об этом не знала. Она лихорадочно ждала своего «великого часа». И вот наступило 30 июня.

ГЛАВА IV

«НОЧЬ ДЛИННОГО НОЖА» ИЛИ АПОФЕОЗ ФАШИЗМА

И вот наступил день, когда потекли потоки крови, грязи и предательства, при помощи которых фашизм привык «делать историю»; это движение, которое никогда не борется в открытую, а всегда нападает из-за угла и впиивается в горло. Обе стороны имели именно такой план. Обе клики были готовы применить одна к другой «стратегию поджога рейхстага», тактику гангстеров. Одни называли это «Второй революцией», другие спасением авторитета. И те и другие говорили о возвышенных идеалах национал-социализма.

Уже за несколько недель до того первые выстрелы этого исторического уголовного фильма дали знать, что обе стороны готовы к террору. 21 марта на Унтер-ден-Линден в Берлине при ярком дневном свете была брошена ручная граната в автомобиль, принадлежащий главе берлинских СА и ближайшему интимному другу Рема, Эрнсту; граната была брошена в нескольких шагах от здания геринговского министерства внутренних дел; в связи с этим был арестован и осужден ни в чем неповинный рабочий. 20 июня была снова брошена бомба в автомобиль, в котором находился начальник чернорубашечников и глава Гестапо, Гиммлер, возвращавшийся с обряда перенесения праха первой жены Геринга в Шорфхайде, возле Берлина; Гиммлера, очевидно, приняли за Гитлера.

Внезапно все вожди разразились полными угроз речами. Гесс вещал по радио: «Горе тем, кто нелоялен! Горе саботажникам и провокаторам!»¹ Гейнес орал перед 15 тыс.

¹ Гесс заявил за четыре дня до событий: «Может быть Адольф Гитлер сочтет однажды необходимым двинуть развитие вперед при помощи революционных средств. Это во всяком случае будет революция, направляемая им самим... Я считаю своим особым долгом, помимо всех повседневных насущных нужд и помимо компромиссов, к которым нас

штурмовиков в Бреславле: «Хотите ли вы снова зажечь маяк в сердцах наших людей? Скажите тогда «да». Хотите ли вы как раньше прыгнуть, чтобы схватить за горло врагов истинного германского социализма? Скажите тогда «да». (СА кричали «да».)¹ Рем разыгрывал роль прямодушного старого вояки в Мюнхене. Геринг публично жаловался, что «люди постоянно делают ему предложения шопотом»². Папен поддерживал Гесса. Геббельс кричал пронзительнее всех остальных. 87-летний Гинденбург писал в своем дворце предсмертное завещание.

В течение недель шла эта артиллерийская подготовка, и гомосексуалисты, наркоманы, одержимые манией величия, и агенты капитала угрожали друг другу словно в припадке словесного недержания, в пароксизме многословия, особенно выделяющегося в стране, которую заставили молчать. Одни были похожи на других своими фальшивыми героическими позами и выглядели трагикомично из-за плохо скрытого страха, который каждый из них испытывал по отношению к другому. Прежде чем стрелять друг в друга из засады, им пришлось пустить в ход слова. Но единственный вопрос заключался в том, кто из них будет застрелен искуснее и быстрее.

То, что произошло в результате открытого состязания сил противников, не было случайностью; здесь не было места никаким случайностям. Военный исход этой свалки — столкновение Рема с Гитлером — был предreshен. Решала ни в коем случае не стратегическая или тактическая ситуация и соотношение сил между обеими сторонами, ни особая ловкость со стороны Гитлера или глупость и грубые ошибки со стороны Рема. Это следует отнести за счет одного из самых важных, так же, вероятно, как одного из самых малоизвестных, факторов современной мировой политики — фактора, который многие до сих пор еще недостаточно осознали, но который тем не менее играет и будет играть преобладающую роль в современном развитии событий: это неспособность *изолированной мелкой буржуазии к революционной борьбе*.

Рем стал жертвой своего социального окружения. Мелкая буржуазия борется и может бороться только тогда, когда она

вынуждает в настоящий момент суровая реальность, всегда помнить о революционных целях национал-социализма, как в целом, так и в деталях. Залогом этого является моя честь». (Речь в Кельне 25 июня, передававшаяся всеми германскими радиостанциями.) Это была прямая попытка ввести в заблуждение тех, кому в то время СС уже готовились устроить резню.

¹ Речь на летних празднествах в Бреславле 20 июня.

² Речь перед чиновниками прусского министерства внутренних дел 7 мая.

заранее уверена, что за ней стоит законная государственная власть; или, по крайней мере, в том случае, когда правительство бессильно и отдает свою власть без сопротивления, как это было с гинденбургской Германией 1933 г. или, до того, в Италии Факта в 1921 г. При таких условиях фашистская мелкая буржуазия «атакует». Выражаясь более точно, она со своими террористическими бандами под защитой перешедших на ее сторону или «нейтральных» полиции и армии выжидает того момента, когда она сможет броситься на своих «противников», уже подавленных и обезоруженных, когда она сумеет убивать их, лучше всего в одиночку, т. е. в их квартирах или на улицах; но мелкая буржуазия редко выступает против сплоченных фаланг и баррикад. Такова обычная форма фашистского террора в момент взятия власти, террора, который объявляется победой, хотя это всего лишь карательная экспедиция против беззащитного народа. Она не имеет ничего общего ни с революцией, ни даже с мятежом; такие выступления мелкой буржуазии противоположны и тому, и другому с точки зрения технической, стратегической и моральной.

Фашистская мелкая буржуазия никогда не наступает, если государственная власть не на ее стороне, а противник вооружен, развернул для боя свои колонны и хорошо укрепил позиции. В действительности мелкая буржуазия совершенно на это неспособна; ведь классовое самосознание и классовая этика этих людей — мелких торговцев и лиц свободных профессий с их женами и семьями — не поднимаются так высоко, как того требует героический подвиг революции. Уютная квартира и небольшое «дело», которыми они уже располагают, эта пусть маленькая, но все же доля в процветании капиталистического общества имеет для них большую притягательную силу, чем образ нового общества; и для этого класса, у которого нет цепей, но нет также и философии, нет трущоб, но нет и будущего, есть слова, но нет идей, — для этого класса не может, как для социалистического пролетариата, существовать научной убежденности и уверенности в победе.

Если же государственная власть не привлечена на сторону мелкой буржуазии, а противник организован, то мелкая буржуазия способна только на партизанские кустарные методы индивидуальных выступлений и индивидуального террора — так действовали всю свою жизнь Рем, Гейнес и др. после войны и до Гитлера. Участники этих актов сразу теряют мужество, когда встречают действительное сопротивление. Мелкая буржуазия ни за что не отважится сама выйти на улицу: она подождет пока улица для нее будет очищена (крупной буржуазией или ее отрядами). И как раз именно это немедленно обрекло Рема на гибель в тот момент, когда он должен

был вступить в открытое вооруженное столкновение, в уличную войну, с Гитлером.

Рем был победоносным, грозным, почти непобедимым военачальником в январе и марте 1933 г., когда по приглашению и под покровительством правительства Гинденбурга, полиции фон-Папена, рейхсвера Бломберга и всей крупной буржуазии он делал набеги и «побеждал» рабочих Веддинга, революционную молодежь Нейкельна, евреев из гетто с Гренадиштрассе. Одного за другим он запарывал на смерть или почти на смерть своих врагов и их жен, и в этом-то и состояла его «победа». С тем же самым Ремом, стоявшим во главе двухмиллионной армии, покончили 30 июня, как с евреем из гетто с Гренадиштрассе; ведь с военной точки зрения он не представлял собой ничего. Обратная сторона медали стала видна совершенно четко. Победитель 1933 г. оказался неспособным собрать в свою защиту хотя бы один корпус, хотя бы один полностью укомплектованный батальон¹.

Никогда еще не было столь постыдного поражения для военной силы таких гигантских размеров и для ее командиров. Эти гиганты были сделаны даже не из дерева, они были сделаны из того же материала, из которого делаются детские воздушные шары. История не забудет этого, так же как не забудет и тот класс, который история выдвигает вперед. Люди, застигшие врасплох и разогнавшие либеральную демократию как стадо баранов, потому что эта прогнившая демократия сдалась и обесчестила себя сама, потому что рабочие были заранее терроризованы, оттеснены назад той же самой «демократией» с помощью штыков (ведь понадобился только поджог рейхстага, чтобы легализовать массовый террор против безоружного народа), — этих людей 30 июня вырезали даже без поджога рейхстага, без Гинденбурга и без полиции. Почему? Потому что мелкая буржуазия, которая призвала их и которая в душе все еще была вместе с ними, хранила мол-

¹ Тот, кто имеет уши для того, чтобы слышать, обнаружит в этом простом и на первый взгляд мелком факте «мене такел фарес» (грозное предупреждение) не только для Рема. Два года спустя великая испанская гражданская война 1936/37 г. дает удивительное подтверждение того же самого правила с новой точки зрения. Зрелище сейчас как раз обратное. Старая армия — испытанное оружие капиталистического государства — выступила против народного правительства с мавританскими войсками, иностранными легионерами и заграничными аэропланами. Такую же роль уже играла раньше реакционная армия в Германии (рейхсвер), в Италии и фашистских странах Юго-восточной Европы и т. д. Против фашизма народ единодушен. С ним борется и мелкая буржуазия, борется также с героизмом и энтузиазмом, потому что на этот раз она на стороне *рабочего класса* (испанский народный фронт), потому что он повлиял на нее, ободрил, *возродил*. Только при таких обстоятельствах может она так бороться, и тогда народ непобедим, как в Испании.

чание. Хранила молчание, как будто она и не существовала. Хранила молчание, когда ее лидеров поставили к стенке, да еще вдобавок смешали с грязью. Хранила молчание, когда командиров СА выгоняли из их квартир и казарм. Мелкая буржуазия даже не шевельнула пальцем. Почему?

Теперь полиция и армия, весь аппарат государства, был *против* нее. Чернорубашечники стояли со взятыми на прицел винтовками.

Не восстала ни одна массовая национал-социалистская организация. Политическая бюрократия, 1017 тыс. чиновников различных национал-социалистских организаций выстроились во фронт перед правительственной кликой Берлина. Впоследствии были уволены только один или два из окружных политических руководителей (Gauführer в Померании Карпенштейн), все прочие были напуганы, они хорошо знали субординацию.

Из сотен различных национал-социалистских организаций всего только одна — студенческая — организация осмелилась (на это отважились даже ее верхи) издать слабый писк: трудно сказать, выражал ли этот писк возмущение или панику. А немедленных перемен в верхушке этой организации (снятия с поста студенческого лидера Штебеля) оказалось достаточным, чтобы мгновенно привести всю эту публику в чувство и обеспечить Герингу послушание — спокойное, как могила. Даже студенты, единственная группа, которая ранее совершенно открыто высказывалась за Рема и которая во всех других случаях всегда первая участвовала в фашистских выступлениях против рабочего класса, студенты, которые неизменно находились в первых рядах при всех террористических нападениях и «экспедициях» против рабочих, — даже эти герои, эти фашистские активисты не осмелились показаться на улицах; они сидели по домам и позволили Рему, своему идолу Гейнесу, «своему» легендарному герою Гейдебреку умереть.

Вот почему была обречена заранее вся «стратегия» Рема, вся наивная путчистская тактика устрашения, примененная мюнхенским штабом; все их приготовления к выступлению «ударных отрядов», переодетых в «часовых главного штаба», их план убийства Гитлера, намеченный ими план боевым сигналом поднять СА в Берлине в 4 часа пополудни и с помощью броневиков и реквизированных грузовиков занять правительственные здания, наконец, увенчание всего этого плана «ночи длинного ножа» двумя или тремя днями безудержного распуштанства, мародерства и кутежа штурмовиков.

Все это было крайне наивным, действительно глупым, повторением «плана поджога рейхстага», когда Рем еще представлял правительство, а не только мелкую буржуазию, и когда

ему и его штурмовикам в самом деле удалось в течение нескольких недель праздновать «ночи». Теперь он не нашел ничего лучшего, как поддаться этим сладким мечтам, собираясь повторить всю процедуру заново. На деле он зашел не особенно далеко; его приготовления были еще не закончены. Все что ему в действительности удалось выполнить до 30 июня — это предъявить ультиматумы Гитлеру в то время, как Гитлер и сам был настороже, и сделать обычные технические приготовления к заговору самого тривиального сорта.

Но настоящего *военного массового выступления* против Гитлера не было, да и не могло быть. Для этого нужны были вожди иные, нежели Рем, и солдаты иные, нежели национал-социалистские лавочники. *Если бы мелкая буржуазия маршировала 30 июня вместе с рабочим классом и под его руководством, как это ныне имеет место благодаря единому фронту в Испании и во Франции, тогда дело обернулось бы по другому;* тогда мелкая буржуазия смогла бы стать военной силой и занять крепкие, нам кажется неприступные, позиции против Гитлера. Но в действительности дело до этого не дошло, и лидеры ее попали на штыки гиммлеровских чернорубашечников и в кровавые подземелья садистов Гестапо. Вот почему другая клика смогла ударить почти без всякого труда, с такой поразительной легкостью. Вот почему в Мюнхене Гитлер сумел, ни на одну секунду не подвергаясь реальной опасности, убивать «мятежников» одного за другим (по три минуты на человека), превратив ремовскую «ночь длинного ножа» в варфоломеевскую ночь против Рема. Вот почему Геринг мог свирепствовать в Берлине, как Нерон, предав город оргии разгула и даже «расширяя полномочия на свой собственный страх» против тех, кого он, Геринг, ненавидел, боялся или просто не хотел бы видеть в живых¹.

Ведь только поэтому гора этой «второй» военной революции СА родила мышь такую же, как во время гражданского выступления «Боевой лиги» в середине 1933 г. Гитлеру не было никакой нужды подавлять восстание Рема. Он мог успокоить Рема простым нокаутом, послав несколько грузовиков с карательными командами своих чернорубашечников. Большого не требовалось. Результатом 30 июня как боевой схватки, как военного столкновения был поистине чудовищный позор, банкротство и измена фашистской мелкой буржуазии самой себе.

И все-таки во всем этом мелкая буржуазия показала лишь черты *внутренне ей присущие*. История национал-социалистского путча в Вене 25 июля 1934 г., четыре недели спустя,

¹ Это объясняет отчасти убийства и массовые аресты большого количества людей, происходившие 30 июня и в других местах, но больше всего в Берлине (например, случай с помощниками фон-Папена).

повторила и подтвердила эту картину с уничтожающей ясностью: и там так же полиция и армия были против путчистов, а мелкая буржуазия сидела дома. И там ни на одну секунду не было революции, массового восстания. Этот класс никогда не боролся со своими противниками в открытой битве, в открытом поле — даже знаменитый «Поход на Рим» Муссолини не являлся таковым — и никогда не побеждал в таком конфликте; этого никогда не будет.

Банкротство фашистских масс поразительно совпадало, словно следовало определенному закону, с другим явлением — личным банкротством *фашистских лидеров*. Конечно, их предали массы; но ведь могли же они, сражаясь, по крайней мере, дорого продать свои жизни. Что делали они в последний момент? Как использовали они последний шанс на исторической сцене? *Как они умирали?*

Рем, умирая, кричал и визжал, непрерывно повторяя: «Я не виновен!» Он не воспользовался против своих убийц даже брошенным ему револьвером. Рем, который десятки раз организовывал политические убийства, отдавал приказы об их выполнении, цинично восхвалял их как естественную необходимость, как солдатское ремесло, — кричал с пеной у рта: «То, что вы делаете со мной, это политическое убийство». Его припугнули револьвером.

Эриста, раненого и избитого до полусмерти, доставили на аэроплане в застенки Берлин-Лихтерфельд. Перед взводом чернорубашечников он упал на колени и молил о пощаде. «Хайль, Гитлер, — кричал он, — я невиновен». Этот человек организовал и лично руководил расправой над берлинскими рабочими после поджога рейхстага.

Гейнес так визжал, что его было слышно буквально по всему Коричневому дому в Мюнхене. Известный начальник Ораниенбургского концентрационного лагеря, в течение целого года истязавший лучших людей Германии, Шефер, удрал, как только услышал об опасности.

Штрассер, который может считаться творцом национал-социалистской идеологии, создателем национал-социалистской партии с большим правом, чем Гитлер, с большим основанием, чем Геббельс и Геринг, позволил агентам Геринга арестовать себя молча, без звука протеста, подобно малодушному буржуа. Еще живого, его затоптали на смерть в Грюневальдском лесу близ Берлина.

Единственным «мужчиной», если верить некоторым сообщениям, который лицом к лицу с убийцами нашел бесстрашные слова открытого протеста и обвинения, была... женщина, жена не-национал-социалистского генерала Шлейхера. Через мгновение она лежала с простреленной головой, но она ока-

залась сильнее Эрнста. Почти все мятежные вожди штурмовиков (за исключением бывшего летчика капитана Герда) кричали перед смертью: «Хайль, Гитлер».

Так умирали эти титаны фашизма, эти «сверхчеловеки», провозгласившие «новый мир сильного», эти «железные люди» «новой эпохи» (ведь Мосли и сейчас выражается в том же духе). Они умирали, как пораженные смертельным страхом животные. Они просили только о пощаде, как воришки, пойманные на месте преступления. Они уподоблялись в своем ничтожестве самым ничтожным из созданий. Так защищали они себя и свою «идею». Под дулами гитлеровских винтовок они только и делали, что кричали «хайль, Гитлер», пытаясь в последний момент выклянчить еще несколько мгновений. Даже тогда, когда не оставалось ничего другого, как взглянуть смерти в глаза, они лизали сапоги своих убийц со словами «хайль, Гитлер».

Так вели себя они, в течение недель и месяцев расстреливавшие революционных рабочих, борцов, стоявших перед палачами гордо и неприступно, не замечая своих убийц, со взором, устремленным в победоносное будущее человечества. Безвестный гамбургский рабочий и антифашист Лютгенс, умирая за революцию, благодарил своих убийц за оказываемую ему честь, и умер с песней торжества на устах. Знаменитый фашистский лидер и герой Эрнст, диктатор берлинских штурмовиков и предмет обожания берлинских мещанок, перед смертью корчился, ползал по полу и плакал, как ребенок.

Это — не просто различие в степени храбрости у двух противников. Это — различие между двумя культурами, двумя историческими эпохами, различие между прошлым и будущим. Люди различны, потому что они представляют различные классы и различные исторические движения. Люди, которые шагают в ногу с историей, которые представляют собой передовую силу истории, которых эта сила, в свою очередь, ведет вперед, — эти люди не боятся смерти. Ход истории, ее высшие законы представляются им неизмеримо важнее их личной судьбы. В момент смерти от руки врага они видят, подобно Канту, звездное небо над собой и моральный закон внутри себя. Но те, которые служат безнадежности, которые служат тлетворным силам прошлого, — носят в самих себе зародыш смерти. Жизнь их — это падение и страх. И даже за гордой, сверхчеловеческой позой вождя всех этих людей — «цезаря» Муссолини — таятся чувства бесконечно жалкие и низменные, а вместе с ними — безнадежность. А в самой глубине скрывается всегда одно и то же — страх, неизбежная расплата за службу пытающемуся повернуть историю вспять капитализму.

Эти люди, эти вожди ничтожны без поддержки капитала. Они бессильны, если капитал, с его деньгами и организациями, не стоит за их спиной. Они нуль, если капитал отрывается от них. Это раз и навсегда доказано смертью германских фашистских лидеров 30 июня 1934 г., бесславной смертью, смертью без сопротивления, без величия, смертью, словно описанной на страницах порнографического романа.

Это стало яснее чем когда-либо благодаря этому «апофеозу» германского фашизма. Все обнажилось при дневном свете, обнаружился истинный ход вещей — ничто не осталось скрытым. Позой, фразой, декорацией пришлось в этот момент пренебречь. Геббельсовские спектакли, прославляющие порнографию, убийство и трусость, начались слишком поздно — только два дня спустя. Неудивительно, что с той поры в предместьях Берлина, в трущобах Веддинга и Гамбурга и других городов смертельные враги фашизма чувствуют себя совсем по-иному и с новым чувством сжимают кулаки. Пусть их удалось застичнуть врасплох в день поджога рейхстага, но как политические противники они еще никогда не были подавлены. Победят *они*, а не Гитлер.

Нет титанов фашизма, нет непобедимых в гитлеровском лагере. Покрывало спало, осталась только истина. Вот почему атмосфера 30 июня была чиста в подлинном смысле этого слова. Кровь и грязь восстановили истину и этим облегчили путь тем, кто придет, чтобы любой ценой очистить эту страну — одну из прекраснейших в мире — от грязи и крови. После 30 июня Германия стала менее сентиментальной, чем когда-либо. Справедливость, непреклонная суровость и научная ясность присущи тем, кто идет к цели, к новому, послефашистскому обществу. Ими руководит одна мысль: мы идем спасать ее — нашу Германию.

* * *

Но в эти дни решилась специфическая проблема 30 июня 1934 г. Сражение между олигархией, выталкивающей мелкую буржуазию из социального организма нации, и мелкими буржуа, пытавшимися сопротивляться, кончилось сокрушительной победой олигархии. Классовый базис империи был создан, и завершались достижения 30 января 1933 г. Мелкая буржуазия была политически мертва. Рабочий класс все еще был лишен сил. Сбросивший путы империализм мог начинать свой поход.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«КРЕСТОВЫЙ ПОХОД»

ГЛАВА I

ПОХОД НА АВСТРИЮ

Гитлер у ворот Вены! Снова этот предостерегающий клич несется по Европе. Из того угла континента, который в течение ряда лет, казалось, обречен на то, чтобы подать сигнал к неожиданным событиям, доносятся победные клики, бряцание оружием и происходит передвижение приведенных в боевую готовность масс. Горизонт заволакивает тень грандиозного вторжения. Оно может начаться в Вене; никто не может предсказать, где оно кончится.

Историческая обстановка сейчас почти та же, что и два года назад. Гитлер атаковал Вену и был отброшен. Теперь, пополнив свои силы, с «легальными» аксессуарами и с удвоенной энергией, он готовится двинуть свой таран для того, чтобы пробить решающую брешь. Удастся ли ему это? Станут ли добычей генералиссимуса европейского фашизма Вена и все то, к чему она является одновременно и преддверием и барьером? Кто может преградить ему путь? Дольфус — маленький капрал Австрии — мертв. Его преемник Шушниг, окруженный врагами со всех сторон, стоит на страже Вены со смехотворной армией в несколько десятков тысяч человек и новыми «друзьями» в своем собственном правительстве и каждую минуту может ожидать удара в спину. Крошечная Австрия должна быть плотиной, сдерживающей национал-социалистские миллионы. Мир молча ожидает того, что произойдет, когда эта плотина будет окончательно прорвана.

Вена, повидимому, одна из первых позиций на пути великого «наполеоновского» похода, и поэтому борьба за нее имеет мировое историческое значение. Если силы обороны окажутся слишком слабыми, чтобы выдержать атаку; если наступающая сторона будет достаточно сильна, чтобы нанести действительно решающий удар, — то ближайшее будущее континента внушает очень мало сомнений. Очевидно, что «перемирие», заключенное между Гитлером и Австрией в июле 1936 г., это только краткая передышка.

Необходимо детально изучить обстановку и соотношения сил. Сила, которая до сих пор выступала в качестве авангарда гитлеровской армии на этом фронте и которая сохраняет действительную инициативу, это австрийский национал-социализм; о нем много говорят и спорят, но поразительно мало знают, чем он является в действительности. Его значение никогда еще не было так велико, как сейчас, после акта «братания». Он не отступил после убийства Дольфуса; он не отступит и после второго Сараево. Австрия попрежнему остается постоянным очагом опасности, тем более опасным, чем менее виден тлеющий огонь. Путь 25 июля 1934 г. не был оставлен и не может быть оставлен. Первый вопрос, который нужно задать: какова правда об австрийском национал-социализме? Каково его происхождение, кто его вожди и каковы его шансы на захват Вены?

Чтобы ответить на этот вопрос как можно полнее, нужно заняться не Браунау (городок в Австрии, где родился Гитлер), но прежде всего той особой силой, которая доминирует во всей истории германского фашизма: грандиозной политикой и целями олигархического капитала Германии. Прогитлеровское движение за *аншлюсс* в Австрии с его сотнями тысяч активных приверженцев, с его могущественной политической организацией, с его легальными и нелегальными орудиями борьбы представляет стремительную политическую силу, захлестнувшую страну и в любой момент способную поднять волны «национальных страстей». Но фундамент был заложен раньше и гораздо глубже.

Австрия играет в тиссеновском великом «континентальном плане» весьма определенную роль¹; именно это с самого начала так накалило атмосферу, вызвав разнообразные действия с обеих сторон. Без экономики сегодня не только нельзя объяснять крупные политические явления, но нельзя даже их увидеть. Ведь в аграрной и католической Австрии социальные и политические условия столь явным образом отличаются от условий в Германии; местный, «туземный» фашизм (хеймвер) на деле склонялся в совершенно противоположную сторону, явно антигерманскую и антигитлеровскую. В судьбу Австрии задолго до «национального восстания» вмешались интересы Тиссена, и его хватка уже более не ослаблялась потому, что Австрия, целая страна, стала жизненной, неотделимой частью германского капитализма и ключом его окончательной программы спасения.

Эта программа требует как можно более быстрого превращения германского капитализма в трансевропейскую си-

¹ Ср. «Гитлер над Европой?»

стему. Таково главное требование Рура, олигархии которого стало слишком тесно, так как она обладает слишком большими для одной нации капиталами и оборудованием и рассматривает теперь другие нации как объекты для поглощения. Она должна поглощать другие *нации*, как прежде она поглощала отдельные промышленные предприятия. Это — империализм в его последнем, безумном выражении; стадия, на которой он порождает фашизм. Рур, капитал которого, больше чем какая-либо другая сила, породил германский фашизм; Рур — эта громада сверх-современных средств производства, угля, железа, машин и доведенного до невероятной интенсивности человеческого труда; Рур, которым управляют несколько олигархов, держит в своей орбите посредством бесчисленных нитей и индустриальных каналов всю Германию.

Но Германия с ее 70 миллионами жителей и с ее обнищавшими трудящимися массами недостаточна более для этой громады; достаточно обширен для нее только континент. Это означает, что германская тяжелая промышленность, чтобы развиваться дальше, чтобы создавать еще больший пользующийся абсолютной гегемонией производственный комплекс, который с экономической, политической и военной точки зрения не будет бояться никаких соперников, должна систематически поглощать другие промышленные зоны и рынки, целые части континента.

В Европе есть определенные индустриальные зоны или пункты, которые стоят первыми в этой программе завоевания — *неважно какова их национальная форма*, потому что они экономически необходимы для поступательного движения и наступления Рура. Одной из этих областей является Лотарингия, граничащая с Германией французская провинция, с сильно развитой тяжелой промышленностью, и ее железо (руда «минетт») в течение трех десятилетий висело над Руром как дамоклов меч, угрожая франко-германским отношениям. Другим районом был Саарский округ, уголь которого под французским контролем мог стать слишком серьезной угрозой для вестфальского угля. Следующая зона это аграрные Балканы, зажатые в тиски «индустриализации»; они могут стать превосходнейшим покупателем машин, железнодорожного оборудования и вооружений, производимых в Эссене и Дюссельдорфе. «Интегральным» объектом для германской промышленности являются сегодня также Альпы, «белый уголь» которых, дешевая электроэнергия швейцарских горных склонов, составляет со времени войны и быстрого развития гидроэлектрических станций непосредственную угрозу Руру, поставщику другого источника энергии — угля; если бы Альпы были в финансовом и техническом отношении объединены с Руром, то они дали бы

поистине гигантское увеличение его мощи¹. Даже на крайнем севере Европы, в Скандинавии, есть «пункт», который так или иначе является частью системы: это шведская горная провинция Гренгесберг, которая в случае войны должна стать одним из самых важных источников железной руды для германской Вестфалии.

Такова подлинная карта потенциальной, расширившейся «Рурской империи», так странно напоминающей о мечтах великих завоевателей времен феодализма; на первый взгляд это только экономическая схема, но на самом деле это замысел, который безусловно может быть реализован политически, если будут продолжать существовать силы, вдохновляющие его. Так выглядит мировая политика сегодняшнего дня. В действительности в этой форме сверхнационального разросшегося индустриального комплекса, несмотря на ее чудовищность, нет ничего противоестественного. Напротив, это естественная, необходимая форма, которую принимают производительные силы в эпоху современной техники.

Со времен Ватта, Сименса и Бессемера машинное оборудование выросло до таких гигантских размеров, достигло за счет ручного человеческого труда такого распространения и размаха, что его высшие агрегаты и их соединения должны прорывать границы отдельных стран, сталкиваясь с подобными же системами средств производства в других зонах и переплетаясь с ними. Машинное оборудование раз и навсегда переросло национальную систему капитализма; теперь оно является уже интернациональным. Конверторы производительностью в 800 m^2 и двигатели Дизеля в 15 тыс. л. с. в Эссене, колоссальные реторты на химических предприятиях Леуна, линии передачи альпийских электростанций, длиной в сотни, а быть может, вскоре и в тысячи километров, являются уже сегодня среди капиталистической анархии техническим фундаментом социалистической системы мировой экономики, системы, которая объединит конверторы, реторты и протянет электрические провода, пренебрегая границами,

¹ Такова, например, без сомнения была цель Тиссена за последние несколько лет. Его RWE (Rheinisch Westfälisches Elektrizitätswerk) — огромный электрический трест, работающий на рурском угле, с годичным производством в 3,2 млрд. киловатт-часов, — преследовал честолюбивые планы присоединения своих проводов непосредственно к северным швейцарским станциям по ту сторону Рейна и уже частично выполнил эти планы (германо-швейцарская электрическая система Аереверке в Брюгге, силовые станции Крафтверке Рейнфельден и т. д.). Полное капиталистическое и техническое завоевание Альп было бы решающим шагом на пути к континентальной гегемонии германского угля и германской электроэнергии, в особенности гегемонии по отношению к Франции, Италии, дунайским странам, а следовательно, и Великобритании.

² Суточная производительность большой современной доменной печи.

превратив Рур, Леуну, Лотарингию, Альпы, Южный Уэльс, Урал и Кузбасс в единую огромную органически связанную энергетическую систему. Именно эта система, действуя только несколько часов в день в конце мрачного переходного периода, не только поддерживает и восстанавливает силы истощенного, окровавленного, обессиленного человечества, но и быстро подымет его на небывалый и невиданный уровень культуры и умственного развития. Но это дело социалистических инженеров будущего.

Сегодня гигантские системы производства все еще принадлежат капиталу, вернее, одержимым манией величия капиталистическим олигархиям, а это означает, что все развитие неизбежно обращается в свою прямую противоположность: в насильственное поглощение целых стран и наций уродливыми капиталистическими конгломератами вместо включения зрелых производительных сил в единое мировое общество. Вот это и объясняет деятельность фашистской олигархии в Германии. Она создает свою «империю» любой ценой и любыми средствами. И страна, которую она «присоединит» первой, неизбежный номер первый ее широкого плана, это — Австрия.

Что представляет собой Австрия? Это — красивая страна, с площадью в 84 тыс. квадратных км, и имеющая 7 млн. жителей — высоко культурных рабочих и исповедующих по традиции католицизм крестьян; это — узкий лоскут с германским населением в сердце многонациональной Центральной Европы; это — страна с избыточным сельским хозяйством, пораженными нищетой городами, острой классовой борьбой и страшно суженным, искусственно подорванным жизненным базисом; это — несчастный народ, находящийся в иностранной зависимости, не имеющий средств к самостоятельному существованию. Но с точки зрения «стратегического плана» вдохновителей «крестового похода» все это мало существенно. С этой точки зрения маленькая Австрия нечто совсем другое. Это, во-первых, ключ к необъятному рынку, который представляет собой стомиллионное крестьянское население Юго-восточной Европы и Ближнего Востока, рынку, который в течение поколений привлекал к себе германскую промышленность.

Вена является до сих пор, и сейчас более чем когда-либо, главным узлом, обладание которым почти автоматически обеспечивает контроль над всеми остальными звеньями цепи Берлин — Багдад: над Венгрией, Румынией, Болгарией, Югославией, Турцией, Персией, — этого величайшего предприятия, которое когда-либо затевал германский финансовый капитал. Венский дунайский порт, венские, балканские и восточные железные дороги, венские банки и венские торговые связи — цель эта

сама по себе так заманчива, что овладеть ею стоит любыми средствами; а стратегические позиции вокруг Вены открывают путь для армии, идущей победоносным маршем на юго-восток, до самого Черного моря и даже дальше — до Украины. Не миллионные, а *миллиардные* прибыли лежат вдоль этого пути, в конце которого Германия должна обрести нечто, не менее ценное для нее, чем Индия для Британской Империи. Вена должна стать южным бастионом Эссена. А Вена находится в руках католических клерикалов и иностранного капитала. Но Австрия — это больше, чем транзитная станция; больше, чем Вена.

Есть в Австрии еще одно место, которое даже сильнее привлекает аппетиты германской олигархии и даже более непосредственно тяготеет к ней — это большие *запасы железной руды в Штирии*; и именно отсюда будет нанесен первый удар Австрии.

Небольшой горный хребет (всего 1350 м высоты) среди идиллических пейзажей живописной Штирии, окруженный маленькими южногерманскими городками и овеянный старинной феодально-католической атмосферой, содержит то, чего недостает Руру, — сырье для производства железа. Он скрывает запасы того вещества, которое в течение десятков лет приводило лидеров Рурской олигархии в состояние тревоги или холодного бешенства, потому что недостаток железа превращает главную опору их могущества — уголь — в беспомощного колосса на глиняных ногах. Чтобы раскрепостить этого колосса, они отваживались на самые рискованные предприятия в истории, никогда не останавливаясь перед тем, чтобы поставить на карту судьбу Германии: от конфликта в Марокко в 1911 г., едва не доведшего Германию до войны из-за концессий на разработку железорудных месторождений Крупп-Маннесман, через германские военные планы 1914 г., включавшие, по указке Стиннеса и Тиссена, полную аннексию французского лотарингского железорудного бассейна, до знаменитого брюнинговского таможенного союза с Австрией в 1929 г., который послужил косвенной причиной страшного экономического краха в Германии летом того же года и последовавших за ним политических потрясений.

Железо для рурского угля! Германские промышленники давно уже рыщут в поисках его по всему миру. Им никак не удавалось достать его в нужном количестве. Ныне, в горделивой «империи» Гитлера, они все еще должны получать железо от их самого опасного в Европе конкурента, от французского Комите де форж, который заставляет Круппа и Тиссена зависеть от их величайшего недруга де-Венделя, бывшего некогда вдохновителем оккупации Рура. Они даже не могут

быть уверены в бесперебойном снабжении железом из Швеции, второго крупнейшего в Европе производителя после Лотарингии, так как контролирующий рудники с запасами, оценивающимися в 2 млрд. т, шведский «Гренгесбергский трест» в течение ряда лет был участником некоего «молчаливого» соглашения с французской группой. Гитлер не внес изменения в это соотношение сил. А ведь от этого соотношения сил зависит не только исход всего «тиссеновского плана» индустриального завоевания Европы — на карту поставлена непосредственная судьба германских вооружений.

Уголь Рура не может более оставаться в тисках железа, которые будут сжиматься все сильнее по мере развития генерального конфликта с Францией и остальной Европой. Единственное орудие, которое, хотя бы в ограниченной степени, может освободить эти тиски еще до начала и завершения гитлеровских великих континентальных завоеваний, — это железо Штирии. Это единственные крупные железорудные разработки во всей зоне, где проживают говорящие по-немецки народы Европы. Их отделяет от Германии всего только граница, а в финансовом отношении они уже находятся в руках Рура.

Кому принадлежат железные рудники в Штирии? Официально — крупнейшей промышленной компании в Австрии, Oesterreichisch-Alpine Montangesellschaft (Австрийская альпийская горная компания); имея 8 тыс. рабочих, располагая большими доменными печами, сталелитейными заводами и заводом железнодорожного оборудования, эта компания возвышается в маленькой стране сельского хозяйства, лесоводства, легкой промышленности и торговли, как чужеродное, искусственно выращенное тело. Кто вырастил его здесь?

Пятьдесят лет назад монархический австрийский клерикализм, испугавшись растущей мощи еврейских банков, занялся фантастической попыткой создать «христианскую лигу» за «свержение еврейского мирового финансового господства» и начал поощрять промышленные предприятия в Австрии. В союзе с французскими иезуитами и аристократами эта группа наняла французского биржевого спекулянта, Евгения Бонту, который в течение нескольких недель выдерживал сенсационный поединок с Ротшильдами, закончившийся катастрофой и разорением тысяч католических семей в Европе — семей высшей знати, духовенства и мелкой буржуазии. (Знаменитый крах «Union Générale» в 1882 г.)

Одним из осколков этой авантюры была Альпийская горная компания, которая около пятидесяти лет не имела почти никакого значения. Затем непосредственно по окончании мировой войны появился человек, который подобрал и укрепил

ее, сразу поставив в самый центр современной империалистической политики в дунайской Европе: это был Гуго Стиннес, стальной король Германии. Этот человек знал свой час и понимал значение Альпийской горной компании. Он также был антисемитом и он был подлинным предтечей национал-социализма. У Стиннеса были широкие замыслы — он думал о грядущей битве с Францией и всеми прочими соперниками за господство в «Mitteleuropa». Тиссен и его агенты до сих пор еще действуют в соответствии с планом и диспозициями, намеченными этим «Шлиффеном» германского капитала.

Еще в 1921 г. Стиннес приобрел 200 тыс. акций Альпийской горной компании, а позже стал собственником 51% всего ее капитала. Эти акции были частью большого стиннесовского наследства, вокруг которого свирепствовала такая длительная и драматическая «война за наследство» между лидерами Рура, католическо-еврейско-либеральной группой Отто Вольфа, с одной стороны, и лагерем старых прусских ультра-реакционных и фашистских угольных баронов, — с другой.

Когда Тиссен с помощью Гитлера приобрел контроль над Вестфальским стальным трестом (Vereinigte Stahlwerke A. G.), он имел в своих руках также и большинство акций Альпийской горной компании, а в 1934 г. совет директоров австрийской компании состоял из следующих лиц: председатель — доктор Альберт Феглер, главный директор-распорядитель Рурского треста; вице-председатель, доктор Оскар Земпель, директор-распорядитель того же треста; сам Фриц Тиссен, с ближайшим коллегой и оруженосцем своего покойного отца, Карлом Рабесом; тиссеновский союзник «стальной король Центральной Германии» Фридрих Флик (бывший помощник Стиннеса); еще один директор стального треста, Фаренхорст; вдобавок в качестве финансовых представителей Рура четыре директора крупных германских банков, в числе их три еврея¹.

Более узкое техническое и административное руководство Альпийской компании находилось в руках двух людей: главного управляющего, господина инженера Антона Апольда,

¹ Быть может, небезынтересно назвать их имена, как пример невыдержанности принципов великого движения «арийского пробуждения». Почти все это — старинные, известные в истории германского капитализма, имена: Георг Сольмсен, урожденный Саломонзон, из «Дейтше банк»; Ганс Фюрстенберг из берлинского Хандельс гезельшафт и Якоб Гольдшмидт, тот самый «блистательный» Гольдшмидт, который первый помог Тиссену в его борьбе против «Дейтше банк» и затем, повидимому, в благодарность за это был устранен Тиссенем из германских банковских директоратов. Будучи слишком «блистателен», он продолжает, однако, сейчас служить новым хозяевам — за границей.

германского, а не австрийского подданного; «центрального управляющего», господина инженера Ав:уста Цальбрюкнера, зятя господина инженера Антона Апольда. Вся компания составляла нечто вроде австрийского филиала господина Тиссена. Они держали в своих руках 51% акций; соучастниками в совете компании было около полудюжины австрийцев и чистокровных евреев (Фридендер, Оппенгейм и т. д.). «Расовая проблема» в Австрии решительно не отличалась от «расовой проблемы» в Германии.

Получив такую финансовую поддержку, Альпийская горная компания, обладающая крупными залежами и насчитывающая 8 тыс. рабочих, уже в течение ряда лет представляет собой широко известный обширный филиал германской тяжелой промышленности в Австрии, особенно замечательный тем, что он является наиболее далеко выдвинутым аванпостом рурского капитала на Дунае и его незаменимым крупным резервом железной руды. Эта компания регулярно каждый месяц поставляет Германскому стальному тресту определенное количество железной руды, получая от него в свою очередь такое же количество рурского кокса. Это снабжение Рура с юго-востока, где до сих пор запасы разрабатывались еще далеко не полностью, приобретало все большее значение по мере того, как поединок рурской группы с французскими железными магнатами на Западе становился все более острым, и по мере того как развивалась международная изоляция германской промышленности.

Рур не мог и не может выпустить штирийскую железную руду из своих рук. Более того, этот филиал Эссена уже насаждает в самой Австрии тяжелую промышленность, которая может в свое время легко стать естественным центром стальной промышленности всего дунайского бассейна, Балкан и Италии. В 1933 г. производственная мощность сталелитейного оборудования Альпийской горной компании достигла $\frac{3}{4}$ млн. т; правда, компания производила всего около 200 тыс. т стали, но из-за кризиса оборудование использовалось только на одну четверть производственной мощности. Если бы Австрия подпала, наконец, под полное владычество Германии, то нет никакого сомнения, что германские стальные короли создали бы там новую, во все стороны распространяющую свои щупальцы, техническую базу. Этот центр без сомнения занял бы в первую очередь ключевую позицию в деле сооружения новых железных дорог и поставки вооружений «неразвитым» странам на Балканах и Ближнем Востоке, что издавна является заветным планом и мечтой всех производителей стали в Европе.

Все это делает Альпийскую горную компанию безусловно

самым важным промышленным предприятием в Австрии; расположенная в этой маленькой стране, производящей, главным образом, продукты легкой промышленности, она как полип выросла в экономическую жизнь государства. А это, в свою очередь также связывая экономику с политикой, не могло не сделать Альпийскую горную компанию чем-то гораздо более серьезным. *Тиссеневские залежи железной руды в Штирии начали порождать австрийский гитлеризм с той же методичностью, как тиссеневские залежи угля в Вестфалии породили германский гитлеризм.*

Таковы универсальный «эффект» и логика современной капиталистической «социологии». Разница состоит в том, что в Австрии, которая была только «подчиненной» страной и вступила в игру значительно позднее, этот процесс выращивания фашизма был организован и проведен куда более сознательно и обдуманно, чем в Германии. Не Гитлер, Геринг или Геббельс, но директора «Vereinigte Stahlwerke A. G.» образовали действительное ядро, крупнейшую материальную силу, стоящую за растущей германской национал-социалистской партией. В Австрии этим наиболее активным фактором, стоявшим за Габихтом, Фрауенфельдом, Прокшем и другими героями венских национал-социалистов, был, вероятно, доктор Антон Апольд, директор-распорядитель Альпийской горной компании.

Апольд это не только человек, который 25 июля 1934 г. официально фигурировал в списке, объявленном путчистами, штурмовавшими дворец канцлера, в качестве министра торговли в новом правительстве «победителей»; он должен был и на самом деле стать одним из его действительных руководителей за спиной Ринтелейна. Апольд это человек, который за один год — 1933/34 — может быть, более чем кто-либо другой в Австрии помог превратить незначительную лигу, в десять или двадцать тысяч бездельников, хулиганов и мальчишек, не пользующихся никаким влиянием и вряд ли заслуживающих упоминания (таковы были австрийские национал-социалисты до 1933 г.), — в мощное, широкое и внушительно организованное вооруженное до зубов массовое движение (так выглядел австрийский национал-социализм в июле 1934 г.). Национал-социалисты существовали в Австрии уже далеко не первый год, они славились тем, что устраивали большую шумиху, постоянно сменяли своих вождей (Гитлеру повторно приходилось назначать своих «инспекторов» и «эмиссаров» из Мюнхена, чтобы успокаивать эту публику) и имели наклонность расхищать партийные фонды. В общем же они казались безобидными юношами с подлинно «австрийскими» беспечными манерами.

Мало кто принимал всерьез нечистоплотного банковского

клерка Фрауенфельда; его принимали всерьез еще менее, чем в свое время бывшего капрала Гитлера. В 1928 г. вся партия насчитывала 7 тыс. членов. Это было в те времена, когда движением руководили из Вены. Затем началось великое политическое наступление германского крупного капитала, и произошла победа Гитлера в Берлине. И теперь центром австрийского национал-социалистского движения является в значительной степени *Леобен*, резиденция Альпийской горной компании, австрийский Эссен. Картина резко изменилась.

Альпийская горная компания стала очень много значить для пробудившегося австрийского национал-социализма: она стала секцией его тайного генерального штаба, его сильнейшей массовой местной организацией, его финансовым центром и одним из его главных военных arsenалов. Мало того, что Апольд, Цальбрюкнер и другие инженеры и высшие служащие компании были национал-социалистами, играющими очень важные роли в ответственных партийных органах, но также и 90% из 8 тыс. рабочих и служащих различных предприятий компании в Штирии и Каринтии были набраны из числа национал-социалистов; от остальных своевременно избавились.

Эти люди держали в своей власти все окрестности, все провинции, в которых расположены их заводы. В этой части Австрии преторианцы стальной компании и национал-социалистской партии совместно диктовали законы, давали распоряжения местным властям — вплоть до мэров и жандармов, терроризировали без стеснения жителей не-фашистов и выставляли на показ свое оружие. В рудниках, на заводах, в товарных складах и конторах компании хранилось огромное количество пулеметов, оружия и снаряжения (позднее оружие было обнаружено даже в машинных отделениях домен); а из главного управления компании летели письменные инструкции тайным отрядам СА в Вене, бригадам СС в Иннсбруке и тайным национал-социалистским агентам в полиции, армии и правительстве. Именно отсюда шли прямые нити в «Управление IV» (Австрия) специального иностранного ведомства господина Розенберга и, конечно, еще более прямая связь — к высшему руководству в Дюссельдорфе¹.

Самым характерным является, однако, тот факт, что Альпийская горная компания во время всего процесса развязывания

¹ Германские управляющие двух других, более мелких, предприятий Пура в Австрии действовали в том же направлении: Фриц Гамбургер, директор-распорядитель фабрики металлоизделий Артура Круппа в Берндорфе — филиала эссенского Круппа, и Конрад Эрдман, управляющий магнетитовых предприятий Радентгейнера в Каринтии — тиссеновской компании. И та и другая компании пронизали свой штат членами национал-социалистской партии и снабдили их оружием,

сил австрийского массового фашистского движения действовала с коммерческой точки зрения почти таким же образом, как тиссеновский синдикат в Германии во время развития национал-социалистской партии. Она субсидировала фашистское движение непосредственно из специальных *фондов сверхприбылей*. Это — один из основных и наиболее интересных фактов в современной истории отношений между фашизмом и крупным капиталом; фактов, которые, постоянно повторяясь, становятся почти законом.

Откуда шли средства на финансирование и выращивание первых побегов фашизма? Когда в опасности оказались германские тресты и синдикаты, те самые тресты и синдикаты, которые, благодаря своему неоспоримо монопольному положению, приносили огромные сверхприбыли за счет потребителей и были столпами всей социальной мощи германских угольных королей, последние решили, что лучше испытать новую тактику, нежели рисковать всем. На специальном собрании Германского угольного синдиката было решено регулярно передавать в фонды фашистских организаций известную часть так называемого «угольного обложения» — добавочной цены, которую синдикат заставлял платить германского внутреннего потребителя, цены гораздо более высокой, чем экспортные цены. Таково было официально принятое решение. Для его выполнения существовал в качестве посредника специальный орган — знаменитая «Северо-восточная группа германской железодельной промышленности», которая передавала деньги от Тиссена Гитлеру. Германская олигархия обратила часть своих избыточных средств на большое «политическое» вложение; на время оно стало постоянным филиалом основного предприятия.

Как поступила Альпийская горная компания в Австрии год спустя, в 1934 г.? Защищенная своим правительством высокими таможенными пошлинами и маскируя свою деятельность при помощи различных финансовых и бухгалтерских махинаций¹, она продавала свои товары в Австрии по цене, на 50% превышающей издержки производства. Эта цифра была подсчитана венской «Wiener Zeitung». Сверхприбыли концерна были, следовательно, действительно громадны; и немалая их доля перешла, как будет показано ниже, в фонды австрийской национал-социалистской партии. Вот каким образом Фрауен-

¹ При помощи, например, широко применяющихся методов показывания фиктивных «потерь» и «обесценений» в балансах или искусственным введением различных «посреднических» и «независимых» компаний в производстве, продажах и т. д., прибыли которых причисляются к издержкам, в то время как в действительности эти компании только подставные лица того же самого концерна.

фельды, Габихты, Гоферы и пр. «выкарабкались» наверх! В 1934 г. одни потери на «обесценение», официально показанные в книгах Альпийской горной компании, достигли 5,11 млн. австрийских шиллингов; по этой цифре можно составить себе смутное представление о всех вложенных в это дело суммах. Вот как подготовлялось 25 июля 1934 г.

В этом заключается одна из подлинных главных причин того, что австрийский национал-социализм, такой невзрачный и даже почти «забавный» прежде, оказался способным всего за один год вырасти до таких внушительных размеров, несмотря на Дольфуса, несмотря на хеймвер и полицию, несмотря на знаменитые, якобы извечные, австрийские «добродушие» и «миролюбие»; но когда стали бурно проявлять себя политические и экономические силы, то для всех этих прекрасных качеств не нашлось места, и особенности «национальной психологии» оказались недействительными.

Венский гитлеризм выступил в поход — моторизованный и наэлектризованный, главным образом, из Леобена. Национал-социалистская главная квартира в Берлине должна была только помочь и ободрить это выступление всеми имеющимися в ее распоряжении способами. Это и было сделано. И здесь кроется одна из причин того, почему правительство Дольфуса, правительство клерикальных помещиков, покорных крестьян и проитальянских фашистов, несмотря на все свои старания, все «усилия», несмотря на законы и «чистки», не могло пресечь это «таинственное» движение. Неуязвимое и ускользающее оно оставалось вне пределов досягаемости. Фрауенфельд был арестован. Габихт был выслан, сотни других политических вождей национал-социалистов были помещены в концентрационные лагеря. Но действительный нерв этой партии внутри страны не был обнаружен и не мог быть обнаружен. Что можно было поделать против железа Штирии? Господин Апольд пребывал в полном здравии и безопасности в Леобене: А господин Дольфус был убит.

И все-таки австрийский национал-социализм был на этот раз разбит, благодаря существованию какой-то другой силы. Эта сила исходила не из самой Австрии и не была ни клерикально-католическим лагерем с его Вооруженными крестьянами, ни социалистическим австрийским рабочим классом, пора которого еще не наступила. Это была сила, весьма схожая с гитлеризмом, шедшая с юга, с Апеннин, и противостоящая северной державе с другого берега Дуная. *Муссолини отразил атаку Гитлера*. Почему? Как могло случиться, что один фашизм встал против другого, если оба имели, повидимому, одни и те же «идеалы» и одних и тех же врагов. Ведь люди вроде сэра Освальда Мосли постоянно произносят подобные

заклинания? Кто был виноват в этом извращении идеалов, которое, вероятно, не скоро повторится?

Ответ прост; он не имеет ничего общего с высокими философскими проблемами или неведомыми личными разногласиями. Противопоставление фашизма против фашизма, Муссолини против Гитлера возможно и несмотря на все остается актуальным, потому что за ним кроется более глубокое и непреложное противопоставление — империализм против империализма. Тут ничего нельзя изменить. Империализм порождает фашизм, направляет его и воспламеняет на нечто чудовищное и безграничное; но он также и раскалывает фашизм своими собственными противоречиями. Это «эпохальное» движение, призванное «облегчить» все тяготы и «разрешить» все проблемы, меньше всего может положить конец разрушительным тенденциям в современном мире; оно ухудшает и обостряет их как никогда раньше.

Если международный конфликт между германским фашизмом и западноевропейским «либерализмом» до известной степени несомненно исходит из соперничества между концентрированными производительными силами Рура и Лотарингии, или Рура и Шеффилда (в соответствии с экспансионистским «тиссеновским континентальным планом» и противоположными тенденциями), то борьба между германскими и итальянскими фашистами с такой же необходимостью вытекает из *капиталистической полярности Рур — Апеннины*. Говоря более конкретно: Муссолини выступает против Гитлера и антидемократическая Италия выступает против антидемократической Германии, потому что жизненные интересы Банка коммерциале итальяна сталкиваются с жизненными интересами Ферейнигте Штальверке А. Г., интересы господина Фрица Тиссена — с интересами синьора Джузеппе Теплица. Они сталкиваются как раз на полдороге — там, где находятся залежи штирийской железной руды. И в результате — постоянные потрясения в Австрии.

ГЛАВА II

БОРЬБА МЕЖДУ ТИССЕНОМ И МУССОЛИНИ

Что случилось за период с 1933 г., когда непосредственно после прихода Гитлера к власти возникла пылкая итало-германская дружба — на деле фактическая антанта, и до 25 июля 1934 г., когда произошла дикая кровавая схватка, едва не вызвавшая германо-итальянскую войну и резко изменившая всю дипломатическую карту Европы? Что произошло за кулисами этого разрыва, для которого, казалось, не было никаких оснований, и его бурная развязка застала континент врасплох?

Внутренние силы германского и итальянского капитализма не стоят по отношению друг к другу в явном конфликте, между ними нет такой неистовой вражды, какая существует, например, между Францией и Германией. Один из них высоко развит. Другой отличается не особенно высоким промышленным развитием, его сферой до сих пор является, главным образом, сельское хозяйство. Один производит уголь, железо, машины, пушки, химические продукты, локомотивы, электрооборудование, аэропланы. Другой поставляет фрукты, овощи, вино, шелк, текстиль и музыкальные инструменты. Один вывозит внушительную продукцию тяжелой промышленности Рура, Лейна и Берлина. Другой продает деликатную продукцию солнечных полей Италии, результаты труда итальянских крестьян, и бездельники туристам Флоренции и Неаполя. Один поглощен производством средств производства. Другой сосредоточен на производстве предметов потребления. Выход для одного из них ведет к Атлантическому океану. Сфера другого — Средиземное море.

Здесь нет антагонизма, но есть, напротив, базис для взаимного притяжения. Германская и итальянская промышленность могут питать и поддерживать друг друга, а Рим, Милан и Неаполь становятся прямыми партнерами Эссена, Франкфурта и Гамбурга. Но в мире империализма даже это естественное равновесие заключает в себе тенденцию к взрыву.

Муссолини мог и должен был бы объединиться с Гитлером и образовать новую огромную силу, охватывающую континент; по политическим, экономическим, тактическим, военным и даже чисто идеологическим соображениям, эта сила была бы вдвое более могущественной, так как союзниками были бы фашисты. Но все эти соображения становятся не более чем номинальными в тот момент, когда за ними обнаруживаются капиталистические противоречия. Эти противоречия и их развитие чрезвычайно важны — именно они являются источником одного из новейших и наиболее серьезных изменений политического фронта и соотношения сил в Европе.

Ключ к разрешению проблемы, как ни парадоксально это звучит, нужно искать в Северной Италии; в том месте, где благодаря естественному ходу событий, должен был вырасти итальянский «Рур», собственная итальянская база тяжелой и военной промышленности, которой ей до сих пор недоставало, база, которая даст Италии, наконец, подлинную силу и авторитет среди мировых держав. Это — один из фактов, угрожающих современной Европе.

«Новая романская империя» чернорубашечников имеет в своем распоряжении гордую фашистскую милицию, сильную армию и воздушные силы, зловещую, не имеющую соперников, тайную полицию, «совершенную» социальную систему корпораций, с прославленным «цезарем» во главе. Но этой империи недостает трех простых вещей, без которых вся эта пирамида на деле повисает в воздухе и может в любой момент обрушиться на голову Муссолини, фашистов и корпораций: у нее нет угля, железа и нефти. Это означает, что у нее нет ни исходного вещества — металла, ни основного источника энергии — твердого или жидкого топлива — для создания и приведения в действие современного капиталистического механизма. У нее есть только законченный остов, каркас крупной промышленности, но нет двигателей и нет приводного механизма.

Правда, различные отрасли обрабатывающей промышленности, производство моторов, машиностроение, военная промышленность, судостроение, текстильная промышленность, электротехническая промышленность и пр. развились и выросли до значительных размеров, и в них вложены весьма значительные капиталы. Но весь этот хозяйственный организм можно в любой момент остановить и вызвать катастрофу, если только Германия и Англия прекратят снабжение углем, Германия и Франция — железом. Англия, Америка и СССР — нефтью. Лицемерные «санкции», предпринятые против Италии в 1935—1936 гг., не имели никакого значения, так как они ни в малейшей степени не носили характера настоящей блокады

военного времени. В мирное время Италия импортирует эти сырые материалы ежегодно на сумму, примерно, в 3 млрд. лир; на всей ее территории нет запасов этих ископаемых, а если и есть, то лишь в совершенно ничтожном количестве, и Италия, следовательно, фактически находится в постоянном плену у других европейских держав.

Муссолини не может вести войну (настоящую войну, а не абиссинскую игру) с помощью олив, кьянти и миланского шелка, если снабжение из этих стран приостановится или прекратится в военном порядке: он не сможет снабжать крестьян и укрепить позиции чернорубашечников. Это — подлинно хроническая язва, которая непрерывно разъедает тело фашистской Италии, возмнившей себя империей на Средиземном море, и вызывает постоянные кошмары у Муссолини; многие удивительные и непостижимые шаги и «прыжки» дуче можно объяснить только этими ночными кошмарами. Если до надвигающейся мировой войны основоположник фашизма не обеспечит себя запасами — и притом достаточными запасами — угля, железа и нефти и, более того, если он не будет иметь их в пределах досягаемости *в своих владениях*, то его песенка спета. Большой мыльный пузырь лопнет, даже без особенного шума, оставив после себя только память о пышной фразе, большом банкротстве и откровенной жестокости.

Такова подоплека и реальное содержание политики, проводившейся повелителем из палаццо Киджи в течение последних 12 лет, с самого начала его диктатуры. Это не только вопрос о том, как спасти имущие классы Италии от революционных рабочих, штурмовавших фабрики в 1921 г., и от обнищавших крестьян, готовых экспроприировать землю; это в то же время вопрос о том, как спастись от иностранной петли, как поддержать свою национальную независимость, свои суверенные прибыли перед лицом международной конкуренции. Так же, как капиталисты Рейнско-Вестфальской области и Центральной Германии делегировали Гитлера для того, чтобы он добился выхода для их избыточной энергии, точно так же капиталисты Северной Италии доверили в свое время Муссолини великую задачу, восполнения их *дефицита* энергетических резервов.

Кто эти капиталисты, где их центр и каковы их планы создания в Италии, с помощью фашизма, нового большого источника сырья и энергии? Другими словами: кто эти Тиссены южных чернорубашечников и чего они хотят?

За последние сорок лет в стране романских крестьян, культуры ренессанса и гарибальдийских традиций свободы, один район совершенно преобразился. Этот район ограничен с севера и с запада Альпийским хребтом, с востока — Истрийским

побережьем Адриатического моря и с юга — центральной итальянской Кампаньей. В этом районе с огромной быстротой, напоминающей темп развития больших индустриальных районов Манчестера, Рура и Пенсильвании в прошлом столетии, на деньги старых миланских и генуэзских банкиров, крупных североитальянских купцов и промышленников и иностранных финансистов выросла новая полнокровная производительная сила, которая быстро, всего за два или три десятилетия, революционизировала всю экономику страны. Она проникла в сельские районы остальных центральных и южных областей Италии и покорила их; превратила миллионы крестьян в промышленных пролетариев или борющихся за свое существование арендаторов; привлекла к себе старых феодальных землевладельцев и придала всей Италии совершенно новый вид.

Хлопчатобумажные и шелковые фабрики, электротехнические предприятия и автомобильные заводы, военно-промышленные компании, верфи, химические заводы, железнодорожные компании и, наконец, огромные гидроэлектрические станции создали здесь новый, мощный класс промышленников, лишенный всяких традиций католического Рима или традиций героической борьбы за независимость, но зато наделенных самым современным техническим оборудованием, холодной неразборчивостью и непреклонной типичной для промышленных капиталистов волей: волей к тому, чтобы ценой любых издержек сохранить свою новую базу развития, защищать и расширять ее, делать ее все более мощной и сильной, чтобы не отставать от соседних промышленников континента и постепенно вовлечь в свою орбиту всю Италию. Ныне девять десятых итальянской промышленности сконцентрированы в Северной Италии.

Этот новый класс, главная квартира которого помещалась не в классическом Риме, а в Милане, столице «Третьей Италии», уже не имел больше национальных идеалов подобно ранним пионерам «итальянской идеи» — сыновьям крестьян, интеллигенции и ремесленников, которые с винтовками и бомбами сражались против Австрии и Ватикана; цели этого класса были империалистическими. Постепенно из его среды выкристаллизовалась еще более сильная, крепкая и замкнутая группа: *миланский крупный капитал*. Электро-династия Пирелли, Конти и Вольпи, автомобильные и военнопromышленные династии Агнелли (туринский Фиат) и Перроне (заводы Ансальдо), текстильные магнаты Креспи, химическая группа Донегани (комбинат Монтекатини), банковские магнаты Теплиц, Марсалья и др., вырастая и переплетаясь, образовали некую олигархию, распоряжающуюся миллиардами, которая не только начала править Севером Италии, как своим собственным королевством, но с помощью старых мелкобуржуазных поли-

тиков, адвокатов, профессоров и духовенства стала всемогущей и в Риме. Ее первым непосредственным политическим представителем был *Джиолитти*, в течение многих лет до войны правивший Италией через парламент. Главной квартирой, а под конец единым финансовым и политическим генеральным штабом этой олигархии стал крупнейший банк Италии — миланский Банка Коммерциале Италияна (*Banca Commerciale Italiana*).

Этот банк, имеющий 16 филиальных банков за границей, актив которого достигает ныне 10 млрд. лир, был основан всего сорок лет назад германскими и австрийскими финансистами, намеревавшимися провести «невидимую колонизацию бедной Италии». Всего за сорок лет этот банк под руководством галицийского еврея Теплица стал подлинным олицетворением Новой Италии. Теплиц сделал то, чего не сумели сделать во время национальной эмансипации Кавурская и Савойская династия: он поставил отсталый и незрелый итальянский капитализм на собственный финансовый базис.

Вначале с помощью фондов больших банков Берлина, Вены и Парижа (которые накануне войны держали в своих руках три четверти акций Банка Коммерциале), затем систематическим поглощением доходов и прибылей процветающей индустрии Севера Италии, он с рекордной быстротой повел индустриализацию сельскохозяйственной и торговой страны и достиг того, что сделал Милан, резиденцию своего банка, новым перwokлассным финансовым центром Европы.

Теперь Банка Коммерциале тождественен с наиболее важными промышленными предприятиями Италии — например, почти со всеми железнодорожными компаниями, с электрическими трестами Адриатика, Эдиссон, Сип, Меридионале (контролирующий миллиарды), химическим трестом Монтекатини (28 тыс. рабочих, вице-президент Теплиц), стальным трестом Ильва, большими электротехническими заводами Терни (в которых участвует также английская группа Виккерса), крупнейшими текстильными компаниями (хлопчатобумажный трест «Стабилименти Тессили Италияни», 23 фабрики и 430 тыс. веретен), крупными судостроительными компаниями и т. д.¹ Более того, он, вероятно, единственный частный банк в мире, полностью контролирующий и управляющий нервом экономической жизни страны и даже ее государственными финан-

¹ Часть крупной промышленности, например заводы Фиат в Турине, пушечные заводы Ансальдо, большой кабельный и резиновый комбинат Пирелли, контролируется другим миланским банком — Кредито Италияно, сотрудничающим с Банка Коммерциале. Вместе с католическим Банком ди Рома, эти два крупных банка контролировали до кризиса более чем две трети всего промышленного капитала Италии.

сами, где он во многих случаях играет роль Английского банка (вот почему в «латинском» правительстве посты министра финансов часто принадлежат евреям).

Этот банк — ось итальянской политики. Например, недавно совет директоров Банка Коммерциале включал не менее девяти итальянских сенаторов, среди них такие, как князь Гиберто *Борромео*; бывший итальянский делегат на Версальской мирной конференции *Сильвио Креспи*; бывший министр финансов *Энрико Арлотти*; бывший директор *Этторе Конти* (председатель правления банка); известный журналист *Орlando Малагоди* (в свое время редактор римской «*Tribuna*»); граф *Сан-Мартино ди Вальперга*. Много лет *Джиолитти* был одновременно премьер-министром Италии и неофициальным представителем Банка Коммерциале. Граф *Вольпи*, один из наиболее известных итальянских политических деятелей и несколько лет назад министр финансов (1925—1928 гг.), принадлежит все к той же клике Теплица. Пресса также подчинена интересам этого банка: например, известный римский журнал «*Il Messaggero*» принадлежит тузам военной промышленности братьям *Перроне* (владельцы заводов *Ансальдо*), «*La Stampa*» контролируется президентом «*Фиат*» *Агнелли*, а «*Giornale d'Italia*» связана с группой *Монтекатини*.

Одно время клерикальные аграрии, аристократы и духовенство пытались выдвинуть вперед свой собственный политический банк, Банка ди Рома, которому оказывал поддержку папа, но их скоро заставили отступить. Теперь старая итальянская феодальная аристократия, которая вместе с духовенством правила страной со времен Медичи и Борджиа до дней национального освобождения и с тех пор панически боится только одного — революционной аграрной реформы, — эта аристократия, наиболее влиятельные ее группы, полностью слились с молодой системой итальянского крупного капитала и имеют в нем свою значительную долю. Например, управление большими военными заводами *Ансальдо* находится в руках нынешнего маркиза Медичи и графа Каваллеро (совместно с синьором *Исаией Леви*). В «*Фиате*» находится князь Бурбон дель Монто, в фирме Терни — маркиз Тригона, в стальном тресте Ильва — маркизы Пачелли и Клаварино, в *Сочиетта Италиано ди Кредито* (отделение Банка Коммерциале) — князь Кастельбарко Альбани и т. д.¹

Эти люди все еще пользуются влиянием за кулисами современной Италии. Фактическим хозяином современной Италии

¹ Правление Банка Коммерциале включает или включало также графа Паред и барона Авецано, а правление Кредито Италиано — маркиза ди Вульчи и графа Павончелли, большинство из них — представители старейших феодальных семей.

в течение ряда лет был бывший еврейский беженец из Галиции, человек, который является на небосклоне этой страны светилом гораздо более блестящим, чем многие другие. Сам Теплиц недавно (в апреле 1934 г.) официально ушел из Банка Коммерциале, получив много отличий, но его сын синьор Лодовико Теплиц, бывший главный директор-распорядитель, вместе с другими директорами продолжает великую династию и великую политику миланской олигархии — политику фашизма. Именно этой олигархии служит *фашизм*, который был ее орудием и ее политическим исполнителем после войны.

Милан не только центр и базис итальянской индустрии, трестов, Банка Коммерциале; это также колыбель движения Муссолини. Отсюда, а не из Рима, повел Муссолини свои первые силы; здесь собирал он свои первые организованные кадры фашистской партии, «Fascio di combattimento» (1919), которые он набирал среди богатых молодых людей миланских имущих классов, националистских авантюристов и оказавшихся не у дел бывших военных. Здесь он издавал — и издает до сих пор свой орган «Popolo d'Italia», угрожая либеральному Риму¹; и отсюда он получает подлинный внутренний импульс.

Именно в Северной Италии, в Милане и Турине, словно случайно, первые черные террористские шайки возникли в тот же момент, что и революционные батальоны штурмовавших фабрики рабочих: крупный капитал приготовился к самозащите. А когда лидеры новой армии отправились в поход на Рим, когда либеральное правительство короля и парламент сдались фашистам без единого выстрела, без единого звука (как впоследствии случилось гинденбургское правительство в Германии, как, быть может, однажды сдадутся «национальные» правительства в других странах), когда Муссолини был провозглашен полубогом, «цезарем третьего Рима» и зажал всю страну в своем кулаке, поставил рабочий класс вне закона и одним жестом сбросил маски и костюмы старой демократии, именно тогда завершилась первая послевоенная фаза политики миланского крупного капитала. Ее социальное существование было укреплено и спасено от пролетарского штурма. Муссолини выиграл гражданскую войну для Теплица, Агнелли, Медичи, Вольпи, Креспи и Пирелли.

Вот почему двойная иерархия Милан — Рим стала единым невидимым оплотом новой диктатуры: вся политическая реконструкция, террор против левых, система корпораций, меры для охраны частных предприятий (особенно во время кризиса, когда группа Банка Коммерциале находилась на грани краха

¹ В те времена крупным фашистским деятелям случалось даже говорить: «Это несчастье Италии, что она управляется из Рима; Милан — настоящая столица».

и позорного банкротства) — каждый шаг внутренней политики Муссолини соответствовал линии и интересам олигархии, с которой Муссолини поддерживал прямую связь не только через «таинственных» министров финансов Вольпи, Юнга и пр. Сын Теплица, Лодовико, принадлежал к кругу близких «друзей» дуче (так же, как прежде он был «правой рукой» Д'Аннунцио, «фиумского бунтаря»). Контурь возникшей впоследствии диктатуры Гитлера — Тиссена в Германии были полностью предвосхищены здесь, хотя и не были такими кричащими. Верно, конечно, что Банка Коммерчйале был когда-то оплотом итальянской демократии — вместе с цветом либеральных салонов и министерств Рима, и именно его влияние (оказываемое через Джолитти) долгое время предотвращало вступление Италии в войну на стороне союзников. Но теперь надо было без промедления проводить новую, иную политику¹.

Муссолини был последним необходимым и неизбежным элементом разнородного сплава, образованного производительными силами Северной Италии и Апеннин, электрическими компаниями и предприятиями обрабатывающей промышленности, банками Милана и Рима и последышами старой итальянской феодальной аристократии. Террористская бюрократия чернорубашечников со своими мелкобуржуазными прихлебателями была четвертым ингредиентом, завершившим и преобразовавшим весь этот сплав в военную, вооруженную силу — современный итальянский фашизм.

Итак, экономическое строение фашизма Муссолини отличается от строения фашизма Гитлера только географически и технически; в основных чертах процесс образования и структура этого международного движения всегда схожа по типу, но не нужно, однако, впадать в поверхностную стандартизацию. Не будь Милана, в свободолюбивой, немного отсталой и немного «беспечной» Италии не было бы такого динамического явления, как Муссолини, так же как не было бы ожесточенной классовой борьбы в 1919—1921 гг.

Но Милан *должен был* породить Муссолини точно так же, как Эссен — Гитлера. Он сотворил дуче из своей собственной плоти, т. е. из того материала, из которого создана «Третья Италия», Италия гигантских фабрик Пьемонта и банковских палаццо Ломбардии; ей всего несколько десятков лет от роду, но она уже достаточно сильна, чтобы взнудать тысячелетнюю страну. А то, чем занят Муссолини сейчас, является выполнением — с той же настойчивостью и последовательностью — *второй* части великой программы дей-

¹ Такая же резкая эволюция к агрессивному фашизму была проделана и в Германии, например, крупнейшим финансировавшим германских республиканцев капиталистическим объединением «И. Г. Фарбениндустри».

ствия, начертанной миланскими финансистами: за социальным выступлением следует выступление империалистическое.

После победы в гражданской войне и пышного коронавания в Риме, олигархия Северной Италии ни на одну минуту не забывала, что на деле она полупарализованная империалистская сила без базиса для империи — без железа и угля. Недостаток основных производственных ресурсов — сырья и энергии — всегда являлся угрозой для ее существования и держал ее в состоянии постоянной тревоги и судорожного беспокойства. Завладев государством, она должна была построить для себя собственный «Рур», подобно Тиссену, или свою «Лотарингию», подобно де-Венделю, причем возможно скорее, возможно ближе, и притом сделать его как можно более независимым; иначе она вместе с Муссолини при первом удобном случае взлетит на воздух. И это не только потому, что растущий милитаризм фашистского государства, новая итальянская армия, его обширные воздушные силы, его большой Средиземный флот, его укрепления в Альпах и на далматской границе сделали создание такого внутреннего базиса настоящим политическим и стратегическим вопросом.

Итальянский капитализм просто напросто в финансовом отношении не может дольше выдержать недостаток основного сырья и необходимость покупать его за границей: это грозит ему несостоятельностью. Еще в 1921 г. Италия ввозила в два раза больше, чем она вывозила: на 17 млрд. лир импорта приходилось 8,3 млрд. лир экспорта. В 1928 г. экспорт Италии составил 15 млрд. лир, но ей пришлось уплатить за импорт 22,4 млрд. лир — в полтора раза больше. Она должна была это делать, потому что, кроме пшеницы и хлопка, вынуждена была покупать также и сырье для тяжелой промышленности и полуфабрикаты. За последние 15 лет (с 1920 по 1934 г.) Италия уплатила за свой импорт на 86 миллиардов лир больше, чем выручила за экспорт. Это катастрофическая цифра для страны с 42-миллионным населением, страны, все еще остающейся в значительной степени аграрной. В то же время три постоянных добавочных источника доходов Италии, которые обычно до известной степени компенсировали ее плохую торговлю — расходы иностранных туристов в Италии, доходы торгового флота и денежные переводы, присылаемые на родину итальянскими эмигрантами (главным образом из Америки), — также быстро уменьшались под влиянием кризиса.

Колоссальный хронический дефицит в торговом балансе заставляет итальянский капитализм медленно истекать кровью. Долги промышленности непрерывно растут и поднимаются до рекордных цифр; банки приходят на помощь промышлен-

ности и сами все без исключения становятся несамостоятельными; на помощь банкам со своими бесчисленными миллиардами приходит государство. Задолженность Италии вырастает с 88 млрд. лир в 1930 г. до 104 млрд. лир в 1934 г., одна сумма процентов достигает 5 млрд. лир, в то время как бюджетный дефицит составляет 3—4 млрд. лир; золотой запас падает с 11 млрд. лир в 1928 г. до 6 млрд. в 1934 г., покрытие банкнот снижается до 46%, и итальянская валюта подвергается постоянной опасности.

Все эти цифры отражают положение до абиссинской кампании (потребовавшей около 200 млн. фунтов стерлингов добавочных военных расходов в 1935/36 г.). За пять лет — с 1929 по 1933 г. — в Италии произошло 100 тыс. банкротств. Фашизм отчаянно пытается переложить это бремя, насколько это возможно, на плечи трудящихся; налоги достигают «крайних пределов» (заявление самого Муссолини), государство и корпорации систематически уменьшают заработную плату (на 45—50% с 1927 г.), мелкие крестьяне и фермеры-арендаторы обречены на разорение.

Но южный фашизм не может бесконечно зажимать нацию в тиски, увеличивая революционное возмущение против самого себя. Все его здание имеет основной «архитектурный» дефект и его потрясает не столько временный экономический кризис, сколько прежде всего кризис «структурный». И его параноя должна неизбежно прогрессировать и отбросить фашизм назад к отправному пункту — 1922 г. (взятие власти Муссолини), привести к свержению цезаря, если он не сумеет добиться какого-то решающего перелома, совершенно перестроив весь *фундамент* современного здания.

С самого начала активное разрешение этой проблемы было идеей, главенствовавшей и подчинявшей себе всю стратегию Муссолини и Теплица. Сначала они попытались найти выход в грандиозном техническом эксперименте. Деньги и риск в счет не шли. По плану надо было построить, не выходя из пределов Италии, «электрический Рур», электрифицированную тяжелую промышленность! Почти десятилетие в стране фашизма Альпы и Апеннины подвергались грозному и бурному техническому натиску. Два мощных горных хребта, на севере и в центре Италии, их вершины, склоны, долины и реки были прошупаны сверху донизу и почти сплошь покрыты различными электрическими сооружениями — плотинами, турбинами, двигателями, проводами высокого напряжения: оттуда хлынула концентрированная гидроэлектрическая энергия, чтобы создать Теплицу, Медичи и Муссолини нужную им базу. Целые провинции в бассейне По, в Пьемонте, Ломбардии, Лигурии вплоть до Сицилии — южного пункта на

Средиземном море — были превращены в энергетические комплексы, объединенные линиями высокого напряжения и органически связанные в единую систему.

Производство электроэнергии, составлявшее в Италии до войны только 2 млрд. киловатт-часов и 4 млрд. в начале послевоенного периода, бурно возросло в 1928 г. до 9 млрд. киловатт-часов и до 11 млрд. за последние два-три года. Итальянские мощные гидростанции стали самыми производительными и наилучшим образом эксплуатируемыми в мире (после Америки); они не уступают теперь крупнейшим и имеющим наиболее современное оборудование промышленным предприятиям в Европе¹.

Государство, фашистская партия, военное министерство, сам дуче направляли все имеющиеся в их распоряжении ресурсы страны в этот новый национальный резервуар на Севере; Банка Коммерциале концентрировал в течение ряда лет всю свою финансовую деятельность и вложения имущих классов на электропромышленность. Граф Вольпи, посредник между Теплицем и Муссолини, лично принял на себя управление этой промышленностью; правительство выпускало специальные «займы электрификации». В различных районах возникли разнообразные электрические тресты: венецианский — «Адриатика», миланский — «Эдиссон» (1½ млрд. лир капитала), туринский — «Сип», Тосканский — «Адамелло», неаполитанский — «Меридионале». Все эти тресты, производящие электроэнергию от ½ млрд. до 1 млрд. киловатт-часов в год (в 1934 г. «Адриатика» продал 860 млн. киловатт-часов 550 тыс. потребителям), каждый с обширным «хинтерландом» филиалов в городах, деревенских районах и на промышленных предприятиях, владея акциями и кооперируясь друг с другом, фактически составили единую национальную сверхструктуру: новый «электро-Рур» Банка Коммерциале. Итальянская промышленность, железные дороги, города в течение нескольких лет в значительной мере освободились от иностранного угля. Национальный импорт уменьшился на несколько миллиардов лир: количество электропечей для выплавки стали

¹ Итальянские гидроэлектростанции производительностью в 11 млрд. киловатт-часов (1933 г.) стоят теперь на первом месте в Европе; непосредственно за Италией следует только Норвегия (9,15 млрд. киловатт-часов в 1932 г.), затем далеко позади идут Франция (5,88 млрд. в 1932 г.), Германия (4,02 млрд.), Швеция (4,90 млрд.) и Швейцария (4,81 млрд.); в этом суть всей «индустриализации» Муссолини. Если в 1912 г. в производство электроэнергии было вложено всего 453 млн. лир (акционерные общества) и оно занимало третье место среди других отраслей промышленности Италии, после машиностроения и текстильной промышленности, то с 1932 г., когда вложенные в него капиталы составляют 10 млрд. лир, оно идет далеко впереди.

выросло до нескольких сот, в то время как до войны их было всего семь.

Теплицу удалось, как будто, создать базу в горах Италии. Но это был всего лишь суррогат. 11 млрд. киловатт-часов означали огромную капиталистическую энергетическую и даже военную мощь и влияние, которым и Милан и Муссолини никогда еще не обладали. Но одного этого было недостаточно; они прикрыли только один фланг фронта. Они привели машину в движение, но не могли выпускать продукцию подобно Руру и Лотарингии. Они нашли замену углю, но не давали стали, действительного объекта и субъекта империализма тяжелой промышленности. Как раз, наоборот: новые массы электроэнергии в Альпах и Апеннинах вызвали мощное увеличение потребности и спроса на сталь в Италии. Этот спрос был вызван не только необходимостью обеспечить постоянную работу и оборудование гигантской технической системы, но также и необходимостью создать для электрического тока как товара соответственный рынок и оправдать капиталовложения. Это могли обеспечить только огромные энергетические потребности крупной тяжелой машиностроительной промышленности и связанный с ее развитием рост городов (потребность в отоплении и освещении).

Еще в 1930 г. и впоследствии итальянские электрические тресты вынуждены были из-за перепроизводства продавать свою электроэнергию в убыток, а несостоятельность некоторых из них (туринского «Сип», например) привела в 1931/32 г. к резкому потрясению и почти банкротству миланских банков, предотвращенному только благодаря вмешательству государства с его фондами. Именно электрический сверх-трест Банка Коммерциале, точно так же как огромные вооружения Муссолини, требовал больше чем когда-либо, не теряя времени, найти для удовлетворения своих потребностей стальной трест—где бы ни пришлось его искать.

Теплиц уже имел в Италии свои сталелитейные заводы, но у этих заводов не было собственного железа. Итальянская стальная промышленность, стоящая вне европейского стального картеля—господствующей ассоциации крупных французских и германских производителей—и пытающаяся во что бы то ни стало сохранить свою независимость, произвела в 1933 г. 1784 тыс. *т* стали—одну пятую германского и одну четверть французского и английского производства; но в то же время в Италии было произведено только 517 тыс. *т* чугуна против 6900 тыс. *т* в Германии и 6300 тыс. *т* во Франции. Это всего 1,6% европейского и 1% мирового производства чугуна. Как же в таких условиях может преуспевать Муссолини? Один тиссеновский трест

(Vereinigte Stahlwerke A. G.) в Германии производит в семь раз больше железа, чем вся Италия¹.

Следовательно, итальянская промышленность должна импортировать не только большую часть потребного ей чугуна (французско-германский синдикат будет всеми способами ее эксплуатировать и создавать затруднения), но также из-за ограниченного производства железа в пределах страны Италия вынуждена покупать, главным образом, иностранную руду или субституты — железный лом, пириты и т. п. Вместе с металлоизделиями, машинами и электрическими материалами Италия ввозит ежегодно около 1½ млн. *т* железа и стали, уплачивая за них не менее 4 млрд. лир.

Таким образом, существующая итальянская стальная промышленность, хотя и располагает обширными предприятиями, по существу является не более как импортирующей и заканчивающей обработку промышленностью, целиком зависящей от импортного сырья: это только голова, у которой нет туловища. Теплиц полностью контролирует эту промышленность. Генуэзский комбинат «Ильва» (Alti Forni e Acciarie d'Italia), председателем которого еще год или два назад был Теплиц и в руководстве которым участвовал глава его электрической промышленности, бывший фашистский министр финансов граф Вольпи, производит на своих заводах в Маргера и Удине 78% всей итальянской продукции железа и 36% итальянской стальной продукции.

Теплиц в течение ряда лет пытался превратить этот концерн — основанный в 1905 г. с капиталом в 20 млн. лир и ныне распоряжающийся капиталом более 800 млн. лир — в новую державу тяжелой промышленности в Европе, равную гигантским французскому и германскому трестам. Это была одна из самых дерзких его идей. Вскоре после войны «Ильва» стал так лихорадочно расти внутри Италии и приобрел так много различных предприятий — в том числе большую судостроительную фирму «Ллойд-Медитерранео», электрические фирмы, машиностроительные заводы и пр., что одно время он был близок к банкротству.

Другие сталелитейные заводы также находятся или под полным контролем Банка Коммерциале, как, например, хорошо известные умбрийские электростальные предприятия «Терни», в которых имеет долю Дуглас Викарс и секретарем правления которых до недавнего времени был сын Теплица, Лодовико, или под прямым влиянием Муссолини и его военного

¹ Продукция железа люксембургского комбината «Арбед» достигла в 1933 г. 1,6 млн. *т*, продукция американского стального треста — 5 млн. *т*, нового японского треста — 2,9 млн. *т*.

министерства; таковы большие военные предприятия «Ансальдо» в Корнильяно, председателем которых является бывший товарищ военного министра и один из ближайших коллег Муссолини, генерал граф Уго Каваллеро (в то же время директор «Кредито Италяно») или завод военных материалов Коне в альпийской долине Аоста, директором которого является бывший морской министр адмирал Сириани.

Все это вместе образует некую темную компанию крупных дельцов, генералов и правительственных политиков, компанию, подобные которой существуют и в других странах и принимают верховные решения о судьбах народов. Но здесь переплетение между прибылью, смертью и «политикой» еще теснее, еще интимнее и еще более цинично. Что касается иностранных интересов, то в этом итальянском фашистском гигантском тресте по производству вооружений в особенности замешаны могущественные британские интересы, от которых тянутся нити к очень крупным международным группам (по внешности они вовсе не выглядят «фашистскими», а, наоборот, считаются традиционными оплотами международного либерализма). Но в Италии этот военно-промышленный блок в действительности направляется двумя людьми: Джузеппе Теплицем (или его непосредственными наследниками) и Бенито Муссолини. Технически от этого блока зависят все крупные потребляющие металл отрасли промышленности в Италии: автостроение, электротехника и вся так называемая «вторая группа» фашистских корпораций, которая охватывает все металлообрабатывающие отрасли. И все-таки этот стальной блок Теплица бессилён — у него нет железа.

Где Банка Коммерциале достанет железо? Политически это такой же острый, животрепещущий и решающий вопрос, как и обратный вопрос германского капитализма: как Тиссен освободится от своего железа? Проблема перевернута, но результат в обоих случаях один и тот же: мобилизация фашизма и его неистовый бешеный натиск, доходящий до пароксизма, до слепого безумия, именующегося фашистской внешней политикой. В данном случае последствия идут даже гораздо дальше: один фашизм сталкивается с другим. Ведь пункт, куда устремлено и неизбежно должно быть устремлено внимание и Банка Коммерциале, тот же, куда с севера двигают свои силы Рур и Тиссен: это *Австрия — Альпийская горная компания, штирийское железо*; все это называется на языке этих капиталистических групп «дунайской политикой».

Рур и миланский капитал уже давно встретились в Штирии и таким образом пришли в непосредственное соприкосновение в самом центре Европы и на Дунае; это было еще в то

время, когда предшественник Гитлера Стиннес пытался посредством обесцененной марки скупать куски Европы, а Муссолини еще только числился в составе нерегулярных резервных войск магнатов Ломбардии. Сразу после войны обе стороны пытались колонизировать Австрию — тогда совершенно разрушенную, потрясенную инфляцией и находившуюся в состоянии худшем, чем публичное банкротство; главной целью обеих сторон был захват Альпийской горной компании. Вышедшая из войны на стороне победителей Италия имела первенство.

Банка Коммерциале послал одного из способных своих людей и спекулянтов, австро-итальянца Камилло Кастильони, который начал шаг за шагом «помогать» Австрии, поставив это дело на широкую ногу, другими словами — стал скупать ее посредством итальянской лиры. В течение трех-четырех лет этот сын раввина из Триеста, который казался в этой разоренной стране новым Ротшильдом, контролировал капиталы в сотни миллионов, значительную часть национального богатства Австрии, в том числе промышленные предприятия, банки, массу реальных ценностей, газеты и парламентских политиков. Его уже называли «некоронованным королем Австрии», и он был почти так же влиятелен, как официальный глава правительства, лукавый канцлер в пурпурной сутане, доктор Зейпель.

Это было время первой итальянской «дружбы» венского правительства; в Вене и в Риме правила одна и та же международная католическая партия, вдохновляемая иезуитами (католические «Пополяри» Дон Стурцо правили незадолго до прихода фашистов).

Кастильони особенно тесно связался с одним из лидеров этой партии, губернатором Штирии, доктором Антоном Ринтеленем, политиком, который управлял этой важной провинцией как бесконтрольный сатрап и был фактически ее хозяином. Он сам и его ближайшие правительственные чиновники основали совершенно частный банк «Штейрербанк», назначив самих себя его пожизненными директорами; под различными политическими личинами эта клика пользовалась всевозможными монопольными привилегиями и очень мало интересовалась правительством в Вене. Агентство Банка Коммерциале в Австрии (*Società Italiana di Credito*), председателем которого до сих пор является Теплиц, имело «интересы» в «Штейрербанке». Эти дружеские связи обеспечили Ринтелену полную политическую поддержку итальянского правительства, на которое он с этого времени полностью опирался; Ринтелен был одним из первых действительных основателей знаменитого хеймвера — нынешней гвардии Муссолини в Австрии. А во

владение Ринтелена входили также штирийские железоделательные заводы.

Все было подготовлено к тому, чтобы разрезать Австрию на куски. В 1919 г., через «агентство» Ринтелена, Кастильони «приобрел» 50 тыс. акций Альпийской горной компании за счет Банка Коммерциале; в то же время другая итальянская группа (Fiat-Credito Italiano) купила еще 200 тыс. акций; вместе это составляло половину капитала компании. Так как основные предприятия концерна в Леобене и Донавице расположены как раз на главном железнодорожном пути Вена—Италия, то общие перспективы этого дела были весьма прозрачны. Одновременно группа Ринтелен—Кастильони—Банка Коммерциале возглавила эксплуатацию гидроэлектрических станций и электропромышленности района (комбинат «Стевеаг»). Казалось, что штирийское железо обеспечено за ломбардскими герцогами. Казалось, что дунайское государство в ближайшем будущем станет итальянской колониальной провинцией и в финансовом и в политическом отношении. Впервые пространство от Апеннин до Штирии охватил единый блок.

Тогда-то и выступил Гуго Стиннес, почуяв опасность новой силы на юге. Этот непревзойденный игрок на инфляции также обратил свое внимание на Вену, рассматривая Австрию как небольшое дополнение к его комбинату; а с промышленной точки зрения он был несравненно более могущественен и имел гораздо более глубокие корни, чем миланские финансисты. Германский стальной король в то время предложил итальянцам компромисс и сотрудничество—нечто вроде раздела Австрии пополам. Миланцы должны были согласиться, потому что в противном случае для железоделательных заводов Альпийской компании не было бы угля; уголь шел из Германии.

Стиннес приобрел у итальянцев 200 тыс. акций Альпийской горной компании (в 1921 г.) за 86 млн. лир—так зародился «пул Стиннес—Кастильони» с Ринтеленом в качестве главного политического представителя и Апольдом в качестве главного технического руководителя, пул, который был единой, господствующей в Австрии силой, фактически не имеющей конкурентов. Австрийская «старая держава»—венские Ротшильды, бывшие друзья и банкиры Габсбургов—не играли, пожалуй, больше никакой роли, а правящая клерикальная партия работала и на Германию и на Италию.

Казалось, что таким путем в Австрии создавался большой экономический и политический союз между ведущими капиталистическими силами Германии и Италии, союз, направленный против Франции, король вооружений которой, Шнейдер-Крезо, также энергично продвигался по направлению к Дунаю;

через Парижскую репарационную комиссию Франция даже запретила Стиннесу поставлять уголь Альпийской компании. Это сотрудничество имело особое значение для тяжелой промышленности. Железо Штирии стало более или менее «нейтральным». Но Милан — это было в дни до возвышения Муссолини — еще не пустил достаточно глубоких корней. Когда в 1924 г. австрийская инфляция пришла к концу, а великий трест Кастильони взлетел на воздух в буйном бумажном вихре, увлекая за собой ореол и политическую славу итальянской лиры, Банка Коммерциале — его действительный кредитор и вдохновитель (он авансировал Кастильони 120 млн. лир) — смог спасти в этом колоссальном банкротстве для себя и для Италии только часть собственности треста.

Остаток большинства акций Альпийской горной компании перешел к германскому стальному тресту, где их унаследовал Тиссен, и с этого времени Австрия экономически, а вскоре и политически попала под пяту Германии: инициатива «помощи» перешла к Берлину. Даже Ринтелен, сюзерен Штирии, начал менять фронт и поглядывать не на юг, а на север. Первая попытка итальянской тяжелой промышленности сделаться «независимой», проникнув в долину Дуная, потерпела поражение. Теплиц попрежнему зависел от Рура.

В конце 1927 г. два руководителя германского стального треста — Тиссен и Феглер — лично прибыли в Рим и вели секретные переговоры с Муссолини. Последствия этой встречи многочисленны. На деле эти переговоры повели скорее к политическому соглашению между германским и итальянским фашизмом и к внезапному «загадочному» росту влияния Гитлера в Германии, чем к удовлетворительному и длительному разрешению проблемы итальянской тяжелой промышленности, которая интересовала Муссолини больше всего. Молодой германский национал-социализм получил полную идеологическую и практическую поддержку от итальянского «материнского движения», Геринг разъезжал туда и обратно между Мюнхеном и Римом, а Гитлер, с одобрения рурского капитала, провозгласил союз с Италией краеугольным камнем германской внешней политики. Но Италия осталась почти ни при чем, если не считать новой тактической позиции по отношению к Франции.

Однако, когда сам Гитлер пришел, наконец, к власти в Германии и настало время исполнять старые обещания, то оказалось, что «краеугольным камнем» новой германской политики стал *аншлюсс*, абсолютное безусловное и безраздельное присоединение Австрии к Германии; о каком-либо внимании к итальянским интересам или об уступках Италии не могло быть и речи.

Муссолини пришлось убедиться в том, что австрийский национал-социализм не хочет ни с кем делиться и угощает про-итальянский хеймвер динамитом; что Гитлер триумфальным маршем должен пройти из Австрии через всю долину Дуная до самых Балкан и Ближнего Востока, подчиняя себе и захватывая все, что было до сих пор «итальянской зоной»; ведь в конечном счете после того, как эта лавина поглотит и отберет все, что ей нужно у сельскохозяйственных стран Юго-восточной Европы, она неизбежно должна будет устремиться к новому объекту «проникновения», к Милану и Альпам, к «превосходству» над низшим и «презренным» римским фашизмом, не обладающим ни углем, ни железом, ни нефтью, но перегруженным обесцененным сельскохозяйственным сырьем и владеющим огромными источниками гидроэлектрической энергии, угрожающим рурской угольной торговле. Не было никаких сомнений, что согласно этому плану в конечном счете Муссолини и Теплиц не избежали бы участи вассалов северного фашизма. *Тиссен* обманул *Муссолини*. Муссолини и Теплиц повели одновременную атаку на Вену и Штирию.

Они больше не вели переговоров с германскими «друзьями», теперь они пытались прямо захватить в свои руки решающие позиции в Австрии, т. е. и Альпийскую горную компанию и политическую и военную власть. Миланский план получил теперь законченный вид. Штирийский железный район не только должен был раз и навсегда попасть под контроль итальянской тяжелой промышленности и стать, таким образом, вместе с угольными копями Венгрии, базой для больших вооружений Италии; это был теперь только технический стержень более широкого, более грандиозного проекта.

Отныне вступал в силу план, намечавший непосредственно и полностью объединить центрально-европейскую дунайскую зону — Австрию, Венгрию и Балканы — с итальянскими Альпами и Апенниннами, связать их политически, экономически и в военном отношении и таким образом создать новый грозный *итальянский сверхкапитализм*, почти удвоив его территорию! Такова была сенсационная историческая идея дельцов Милана, последний и высший продукт современного империалистического развития, которое так поощрял и ускорял Муссолини: а это означало не более не менее как южный *контраншлюсс* Банка Коммерциале против северного аншлюсса Рура.

Две концентрированные капиталистические системы равного калибра стояли одна против другой, обе в фашистских тогах, обе с ультрафашистской идеологией и гигантскими взаимоисключавшими друг друга планами империалистской экспансии. В этот момент третья фашистская резиденция, Вена,

стала пороховым погребом. Муссолини заключил с Дольфусом и Гембешем римские договоры (март 1934 г.) в качестве прелюдии к полной экономической, политической и военной федерации Италии, Австрии и Венгрии под верховным руководством римского дуче.

Этот союз начался с взаимных торговых преференций на сельскохозяйственные и промышленные продукты, с соглашений о путях сообщения, о постоянной «координации» в области внешней политики, с тайных военных конвенций; последней стадией его должно было явиться создание новой консолидированной политической империи, простирающейся от Альп до Черного моря, от Вены до Сицилии; на востоке — господствующей на Балканском полуострове над старыми сателлитами Италии: Албанией, Болгарией и, может быть, Румынией, на юге — достигающей экваториальной Африки, захватывая Абиссинию и, может быть, какую-то часть Британской Африки, на западе — отделяющейся от Франции электрифицированной горной стеной Альп (включая швейцарский Тессин), на севере — граничащей с германским фашизмом, теперь отброшенным за Дунай.

Это означало не более не менее как *восстановление Восточной Римской империи* старых императоров, — что было самой сокровенной, самой честолюбивой и самой тайной из всех неоецаристских мечтаний Муссолини и из всех целей политики «Великого фашистского совета»; в действительности, это не что иное, как план и мечта маленького галицийского еврея Теплица, представителя скованных производительных сил капиталистических электрифицированных Альп, так же как гитлеровский план «трансконтинентальной германской расовой империи» представляет собой схему и мечту скованных производительных сил капиталистического рурского угля, Стиннеса и Тиссена.

Такова эпоха концентрированного капитала, одна из самых чудовищных, самых фантастических и самых безумных эпох, которые знала когда-либо человеческая история. И где бы ни появлялся концентрированный капитал, где бы ни образовалась его ячейка, вызывающая к жизни фашизм и начинающая расти быстро, как тропическое растение, — там *должны* возникать проекты и замыслы такого рода и таких пропорций, безразлично, кто за ними стоит, безразлично, в каком пункте мира они возникают, в центре ли континента или на берегу океана (сравните пан-азиатский план Мицуи — Араки в Японии), и безразлично, направлены ли они один против другого, и перекрещиваются ли они друг с другом.

Капиталистическая анархия празднует свой высший триумф. Массы капитала, разбухшие до предельных размеров, достиг-

шие предела своих способностей и быстроты кругообращения, с силой вырываются на свободу, сталкиваются друг с другом, взрываются и носятся в пространстве, как свободные космические тела, превращая мир в пылающий, трагический и трагикомический ад. Это дело не рук человеческих, ибо сам человек захвачен, отброшен и раздавлен этими массами капитала. Капиталистическое общество уже пережило отведенный ему историей срок, но оно отказывается умирать и поэтому разрушает себя и душит, оно не может больше выдерживать страшного перенапряжения и сжигает себя изнутри. Законы этого общества, диалектические законы экономики, определяют нашу эпоху, эту эпоху великих преобразований и ее трагедию.

Эти законы, совокупность которых выражается сверхимпериализмом, породили фашизм. Но они также и взрывают фашизм, толкают Муссолини против Гитлера, национал-социализм против фашио, палачей рабочего класса на юге против палачей рабочего класса на севере. У истории есть свои законы и свое правосудие. Альпы против Рура! Еще до того как итальянский и германский народы восстанут и сметут своих угнетателей с лица земли, поднимаются гигантские стихийные силы, начиненные капиталистическим динамитом и с грохотом сталкиваются над головами тех, кто приводит их в движение. Рим против Берлина! А тем временем в Вене происходит 25 июля.

ГЛАВА III

КОГДА ПАДЕТ ВЕНА?

Решительная контратака Муссолини на тиссеновские позиции в Австрии началась сразу после подписания договора в Риме. И первым ударом была насильственная передача, начавшаяся весной 1934 г., Альпийской горной компании от Тиссена к Теплицу.

Муссолини больше не вел переговоров ни с Тиссенем, ни с его австрийскими агентами. Он сделал нечто более решительное. Он просто пустил в ход своих политических вассалов в Австрии, клерикально-фашистское правительство Дольфуса, и заставил их принять решение о передаче штирийского комбината в их собственные руки, применяя прямое государственное принуждение, т. е. действуя через головы правления самого комбината при отчаянном сопротивлении его директоров. В апреле и мае 1934 г. в ходе австро-итальянских «торговых переговоров», относительно выполнения римских решений выяснилось, что правительство Дольфуса просило Италию о «помощи» для своей падающей торговли и промышленности, и в первую очередь о помощи для Альпийской горной компании.

В чем должна была состоять эта помощь? Она должна была заключаться не в чем ином, как в прямом вложении итальянского капитала: должно было произойти нечто вроде *слияния Альпийской горной компании и генуэзского комбината «Ильва»* — ведущей стальной фирмы в Италии. «Ильва» должен был одновременно и приобрести преобладающее большинство акций Альпийской горной компании и установить с австрийским комбинатом «далеко идущее сотрудничество» в технической и производственной политике. Смысл этого был достаточно ясен. Это означало просто напросто, что итальянский стальной трест поглотит Альпийскую горную компанию, как раньше поглотил ее германский стальной трест. Это означало, что синьор Джузеппе Теплиц, президент «Ильва», граф Вольпи, директор (и бывший министр Муссолини), маркизы Пачелли

и Клаварино, инженеры Боччиардо и Гаджа и прочие тузы миланской и генуэзской промышленности должны были занять посты, принадлежавшие прежде господам Фрицу Тиссену, Альберту Феглеру, Антону Апольду и прочим исполнителям воли Рура, контролировавшего штирийские запасы железа; это означало также, что бесценное старое сокровище Стиннеса должно было раз и навсегда переменить ориентацию, национальность и расу.

Это было большим сюрпризом. Но наиболее поразительным было то, что официальное руководство Альпийской горной компании — в конце-то концов, крупнейшего предприятия Австрии. — руководство, назначенное по уставу акционерами и все еще несшее полную ответственность за практическое ведение дел, не имело никакого понятия об этом плане, который должен был решить судьбу всего предприятия! Правление не только не давало своего согласия на приглашение «Ильва», оно вовсе не принимало участия в австро-итальянских «торговых переговорах» и не посылало на них своего представителя. В самом деле, несмотря на увеличение производства почти на 100%, правление незадолго до того открыто и сознательно сократило экспорт, включающий, следовательно, и поставки Италии. Дольфус несколько не считался с руководителями компании.

Затем последовала странная причудливая борьба между правительством и частным концерном в юдной и той же стране, борьба, напоминающая междуусобную войну центральной власти с местными герцогами в феодальную эпоху; борьба, которая велась пока подпольно, при помощи экономических и политических мер, через посредство комиссаров и путем декретов, но которая вскоре должна была решиться силой оружия, примененного с обеих сторон. Если не знать этой подоплеки, не знать заранее об этой частной ссоре, то невозможно понять и правильно оценить парадоксальные формы гражданской войны в Австрии 25—28 июля 1934 г., а в особенности поразительную роль, сыгранную частной компанией в вооружении, стратегическом руководстве и организации всего выступления. (Национал-социалистский путч в Штирии несравненно важнее, чем восстание в Вене!)

Дольфус произвел голую политическую экспроприацию — акт, противоречащий всем законам о промышленной и частной собственности. Сперва правительство использовало стачку на заводах Альпийской горной компании для того, чтобы, обвинив компанию в плохом руководстве и серьезных неполадках, а также в скверном обращении с рабочими и в политических интригах, назначить официального государственного комиссара, который должен был осуществлять контроль над компанией. Назначение комиссара не обеспокоило Апольда, вполне

осведомленного о том, что его национал-социалистская армия готова к выступлению по всей стране; он ответил выходом своей компании из Национальной федерации австрийской промышленности! Крупнейшее промышленное предприятие в стране откололось официально от «нации», потому что существующая политическая форма не удовлетворяла его и потому что, благодаря иностранной помощи и штыкам австрийских национал-социалистов, у него была в кармане другая национальная форма.

Правительство и его пресса обвинили компанию в том, что она ведет обманную финансовую политику и под видом «потерь» за последние два года — 1932 и 1933 — проводила финансирование путчистского движения. Государственные и банковские кредиты предприятию были сокращены; Niederösterreichische Eskomptegesellschaft, бывший до тех пор банком Альпийской горной компании, был объединен правительством с другими крупными банками Вены в единое учреждение (реорганизованный «Кредитанштафт»), и новый монопольный банк возглавил Роберто Адлер, представитель Банка Коммерциале. На это Альпийская горная компания ответила изменением финансовых отношений с венскими банками, связанными с правительством, и выбрала Аполяда председателем аутсайдерского банка «Меркурбанк», большинство акций которого находилось в руках связанного с германским правительством Дрезднер банка. А затем в Штирии началось лихорадочное вооружение мелких буржуа, студентов и наемников.

Положение было теперь совершенно ясно. Тиссен стал не на жизнь, а на смерть бороться с Банком Коммерциале, бывшим союзником своего предшественника Стиннеса, за индустриальную гегемонию во всей дунайской и Южной Европе. Стратегия его была следующей: экономически — полная монополизация штирийской железной руды для домен Рура, захват Вены и Дуная как транзитных станций для нового наступления германского экспорта на Балканы и Ближний Восток, постоянный шантаж Италии и угрозы по ее адресу, возможные благодаря абсолютному контролю над угольными и железными запасами, жизненно необходимыми Италии; политически — продолжающееся укрепление австрийского национал-социализма, необходимое для того, чтобы окончательно гарантировать эти экономические цели, и, кроме того, поощрение нового балканского фашизма с германским «оттенком» («Железная гвардия» в Румынии, «михайловцы» в Болгарии, «Усташи» в Хорватии и т. д.), чтобы оккупировать политически для Германии всю Юго-восточную Европу вплоть до самых границ Италии.

Этой стратегии противостояла стратегия Теплица — Муссолини: смысл операций тот же, но наступление должно разви-

ваться не с севера на юг, а с юга на север, с Дольфусом вместо Габихта во главе; Ильва вместо Аполда, австрийские клерикалы вместо австрийских национал-социалистов, хеймвер вместо СА, слава Рима вместо германизма и «цивилизованные» средиземные фашио против «варварской» северной свастики.

Это был в основном бой, данный *тяжелой промышленностью*, подобный тому, который на другом фронте, на западе, шел между Руром и стальными королями Лотарингии и политическим выражением которого был антагонизм между Германией и Францией. До сих пор соотношение сил в области тяжелой промышленности на Дунае было более или менее неустойчивым и изменчивым. Пока Муссолини не мог обеспечить себя железом из Центральной Европы потому, что, шантажируя Италию, Альпийская горная компания систематически сокращала свой экспорт железа, «чтобы не конкурировать с германским стальным синдикатом»¹, и потому что в то же время международный стальной синдикат, контролируемый Германией и Францией, регулярно заваливал рынок самой Италии, продавая железо по бросовым ценам; до тех пор и Тиссен не мог должным образом мобилизовать свою австрийскую железную руду и эффективно использовать ее для Германии, так как Муссолини постоянно сидел в засаде у ворот Вены. Теперь дело должно было решиться.

Если бы Теплицу удалось создать объединение Альпийская горная компания — Ильва — Терни — Ансальдо — Коне и одновременно влиять на венгерскую угольную промышленность, то он мог бы основать *новый южноевропейский стальной трест* с продукцией в 2 млн. или 3 млн. т, это смешало бы карты во всей европейской стальной и военной промышленности, а следовательно, во всей европейской закулисной политике. Вслед за Руром и Лотарингией, до сих пор абсолютно контролирующими континент (Южный Уэльс не имеет влияния на континенте), вырос бы новый юноевропейский гигант, требующий равных прав при распределении власти и прибылей.

Такое объединение юноевропейской тяжелой промышленности не только вооружило бы Муссолини до зубов и превратило бы его в военный фактор совсем иного значения, чем ныне, не только добилось бы прибыльных поставок военного снаряжения и железнодорожных материалов дунайским и балканским странам и опрокинуло бы все германо-французские пулы по продажам; оно угрожало бы также всем остальным существующим на юго-востоке Европы сталелитейным и военным заводам и, вероятно, поглотило бы их. Такие

¹ Сообщение в официальной «Wiener Zeitung» после правительственного обследования компании.

важные заводы военных материалов, как Шкода (24 тыс. рабочих) — оплот правительства Бенеша в Праге, «Берг-унд Хюттенверке» и «Витковиц» в Чехословакии, «Решица» (собственность бухарестской династии и правящей либеральной партии) в Румынии и т. д., которые были вовлечены до сих пор в сферу влияния короля французских вооружений Шнейдера-Крезе и частично в сферу британского Виккерса и играли крупную роль во всей системе «Малой Антанты» и «Балканской Антанты», — все они должны были рано или поздно быть раздавлены неумолимодвигающимся вперед паровым катком Теплица, Вольпи, Медичи и марширующей за ними дипломатией Муссолини; это создало бы совершенно новые условия в этой зоне как для Франции, так и для Германии.

С этой точки зрения острая схватка между Тиссенем и Муссолини в Австрии в 1933 и 1934 гг., борьба за штирийское железо и за власть в Вене была только частью великой *европейской стальной битвы*, бушевавшей со времен войны, битвы, которая долго определяла историю континента в столь же значительной степени как и борьба за нефть между Англией и Америкой в другой, атлантической, зоне земного шара. Различные стадии этой битвы были отмечены такими потрясениями в мировой политике, как рурская интервенция в 1923 г., саарский конфликт и бурный рост национал-социализма в Германии в 1929—1933 гг.

Борьба за континентальную стальную гегемонию, начатая Стайнессом, продолженная Тиссенем и доведенная до крайнего напряжения Гитлером, стоит на переднем плане всей политики германского капитализма; и от нее зависит все его существование, так как она представляет собой существо самой жгучей империалистской проблемы германского фашизма и даже вызвала его к жизни. Тиссен произвел свой переворот против Брюнинга, Отто Вольфа и республиканцев, имея в виду именно эту проблему; поэтому вмешательство Муссолини в эту битву, не говоря уже о его победе, совершенно достаточно, чтобы со скоростью взрыва вызвать антагонизм между «дружественными» Германией и Италией и превратить эту дружбу в непримиримую враждебность.

Но на этом дело не кончается. Этот антагонизм начинает неудержимо проникать глубже и глубже, поражая все части и органы германского и итальянского капитализма. Где железо становится яблоком раздора между интересами крупного капитала, там не может быть мира. Начинается всеобщее потрясение, которое захватывает не только итало-германскую торговлю: германский экспорт в Италию составил в 1933 г. только 38% рекордной цифры 1927—1929 гг. и в 1934 г. упал еще больше; вся внешняя торговля между этими странами

упала с 4,5 млрд. марок в 1929 г. до 1,89 млрд. марок в 1933 г.; мало того, что идет упорная ожесточенная борьба за экспортные рынки Центральной и Южной Европы, борьба, в которой Германия систематически бомбардирует и расчленяет итальянский «блок Стрезы» (Италия, Австрия, Венгрия) своими товарами, чтобы демонстрировать «невозможность какой-либо комбинации в дунайской зоне без Германии»; мало того, что объявлена открытая война между германским и итальянским судоходством, между Гамбургом и Триестом. Триест (а также и Фиуме). чтобы отвлечь поток центрально- и восточноевропейских товаров от германских портов на Северном море, направив его в Средиземное море, предоставляет всевозможные открытые и тайные скидки и привилегии для этих товаров, в то время как Гамбург и Бремен со своей стороны забрасывают итальянских клиентов с Адриатики предложениями неслыханных премий. От этой конкуренции теряют обе стороны, но тем не менее борьба продолжается с большей силой, чем когда-либо¹.

Но помимо всего это столкновение достигает своего высшего развития как в политическом, так и в военном отношении в Центральной и Юго-восточной Европе. В то время как начинает шататься старая «восточноримская» система сателлитов, в то время как ревизионистская Венгрия отвернулась от своего «самого преданного» союзника, а в Болгарии пало про-итальянское правительство Мушанова — Волкова — Михайлова, в то время как Румыния под властью Дука и Татареску охладела в своей дружбе к Риму и даже полуколониальная Албания пыталась бунтовать против своего покровителя (морская интервенция Муссолини в Дураццо в 1934 г.), Гитлер, Геринг и Розенберг прибегали к *непосредственным военным угрозам по адресу Италии*.

В то самое время, когда национал-социализм наводняет Австрию, когда в Штирии готовится покорение Вены, Гитлер делает через посредство тайных эмиссаров предложение Югославии о том, что в случае победы национал-социалистов в Австрии и их поддержки белградским правительством, он передаст Каринтию — провинцию Южной Австрии — в руки

¹ Только в 1928 г. Гамбург и Триест заключили фрахтовое соглашение, которое должно было исключить возможность конкуренции между ними. Теперь Триест пытается привлечь грузы даже из Польши и Южной Германии и специально устанавливает беспошлинный ввоз для Австрии; одновременно ганзейская защитная ассоциация предлагает австрийским экспортёрам, везущим грузы в Гамбург и Бремен вместо Триеста, премию в 0,80 австрийских шиллингов за каждые 100 кг кофе, 19,30 шиллингов за такое же количество чая и 3,50 шиллинга за хлопок-сырец. Тоннаж, прошедший через Триест в 1933 г., был в два раза больше, чем 10 лет назад, — 5,2 млн. т против 2,7 млн. т.

Югославии! Именно это предложение было целью неоднократных поездок Геринга и господина фон-дер-Гогенэстен в Белград.

Что такое Каринтия? Это, вместе со Штирией, естественная военная база для развертывания фронта Италии в войне с Югославией, злейшим и старейшим из всех ее врагов! Если Австрия будет в руках Муссолини, то Штирия и Каринтия не только дадут железо для Альпийской горной компании, но также и представят прекрасную и наиболее удобную базу для уничтожающего наступления на Югославию с севера. Такой базой уже не является собственная итальянская истрийская граница с Югославией, а с тех пор как заколебалась Албания, у Муссолини нет такой базы и на восточном побережье Адриатического моря.

Если, однако, Штирией будет владеть Гитлер, а соседней Каринтией — его союзник Карагеоргиевич (сербская династия), то армия Муссолини окажется под ударом. А тогда может случиться, что наступление австрийских легионов национал-социализма, воздушных эскадрилий Геринга и югославских войск изменит в один прекрасный день границу у Бреннера, уничтожит исторические завоевания, добытые Италией столетней борьбой, и превратит Триест, восточный порт новой римской империи дуче, в южный порт новой священной германской империи Гитлера.

К этому сводилась в конечном итоге борьба Тиссена, борьба за штирийское железо и за «душу Австрии». Конференция в Венеции в июне 1934 г., встреча двух вождей мирового фашизма перед восхищенной аудиторией чернорубашечников и коричневорубашечников, перед венецианскими гондольерами, лондонскими корреспондентами и ньюйоркскими фотографами была последней попыткой добиться компромисса, по крайней мере временного *modus vivendi* или раздела Австрии. Единственным человеком, допущенным на это свидание двух «сверхчеловеков», был граф Вольпи — агент Банка Коммерциале. Но законы крупного капитала более могущественны, чем законы международной фашистской солидарности, которая не существует, а если и существует, то только тогда, когда она направлена против международного рабочего класса и против социализма.

Юпитеры в Венеции потухли. И в Австрии наступила ночь. Расстановка сил полностью закончилась. Позади сближались гигантские силуэты концентрированного рурского угля и концентрированного альпийского электричества: Тиссен против Теплица. Перед ними трубили политические маршалы: Гитлер против Муссолини. Одной линией ближе — национальные генералы: Габихт против Дольфуса. И, наконец, на первой линии

атакующих войск: австрийские национал-социалисты против хеймвера. А между ними, среди ударов, атак и проклятий двух армий, австрийский народ, за «душу» которого велась борьба.

* * *

24 июля Альпийская горная компания и ее партия подали сигнал. 25-го в полдень началось «восстание». В час пополудни был убит Дольфус.

Техническая организация — как это почти всегда бывает у национал-социалистов — была превосходна. Старый стратегический прием Геринга-Шлиффена — застичь противника врасплох — снова полностью удался. В течение пяти минут небольшой отряд в 154 человека, одетых в полицейскую и военную форму, захватил дворец канцлера, чтобы арестовать правительство и одним ударом лишить его возможности действовать¹. Другая группа в 15 человек осаждала радиостанцию, чтобы объявить об образовании нового правительства, как о свершившемся факте. По всей Австрии в то же время местным командам национал-социалистов отдавались зашифрованные телеграфные приказы о выступлении, а 50 тыс. солдат австрийского легиона в боевом порядке стояли на баварской границе, чтобы по первому знаку ударными колоннами ринуться к Вене на грузовиках — список нового правительства в Австрии был уже составлен. Ринтелен, давнишний проконсул Штирии и клиент Альпийской горной компании, игравший теперь роль «австрийского фон-Папена», фигурировал в этом списке в качестве канцлера; Габихт и Фрауенфельд — в качестве представителей Гитлера. Но уже через несколько часов в Вене и по всей стране, за исключением Штирии и Каринтии, путч потерпел непоправимое поражение.

Что же произошло? Всего лишь своеобразный урок, касающийся внутренних взаимоотношений между крупным капиталом и фашизмом, *преломившихся в призме бушующей гражданской войны*, гражданской войны в полном разгаре. Почему первоначальный оперативный удар национал-социалистов в Вене — захват правительственных зданий, арест министров, террористические покушения на жизнь членов правительства и т. д. — был так успешен и достиг цели практически в течение нескольких минут? Потому что все это была работа СС, маленькой специальной гвардии чернорубашечников, которая является

¹ Национал-социалисты просчитались всего на несколько минут, и только благодаря случайному доносу в последний момент не были арестованы все министры, собравшиеся на заседание кабинета; некоторым из них, во главе с Шушнигом, удалось бежать и организовать отпор.

только техническим, а не политическим (в смысле массового движения) инструментом, которая представляет собой полицию, а не солдат фашизма.

Все выступление, включая и нападение на дворец канцлера, убийство Дольфуса, арест Фей и других министров, налет на радиостанцию и все прочие неожиданные вылазки, было фактически организовано и выполнено одним центром — «Секцией VIII (Австрия)» мюнхенского генерального штаба гитлеровских чернорубашечников, а в самой Вене — только одним отрядом чернорубашечников — «штанدارт (полк) номер 89». К этому полку принадлежали: убийца Дольфуса — Планетта, командир отряда, ворвавшегося в Балльхаузплатц, Хольцвебер и все остальные арестованные путчисты; даже Рудольф Дертиль, человек, который в сентябре 1933 г., за десять месяцев до путча, произвел неудачное покушение на жизнь Дольфуса, тоже состоял в этом полку.

Следуя плану, начертанному Гиммлером, высшим начальником германских чернорубашечников, и Биглером, Шварцем и Гессом, возглавлявшими австрийский отдел мюнхенского генерального штаба¹, несколько сот человек из венского отряда СС одним ударом в течение нескольких часов «захватили» решающие пункты в Вене.

Технический инструмент действовал превосходно, стратегическая база для политической революции была обеспечена. Но эта политическая революция не произошла, т. е. не произошло *массового восстания*, которое должно было последовать за технической подготовкой; ее не было и в Вене, в решающем

¹ На ответственности именно этого штаба на Габельсбергштрассе в Мюнхене — а не австрийской национал-социалистской партии — лежали почти все крупные террористические акты, совершенные национал-социалистами в Австрии за последние несколько лет. Эмиссары этого штаба расположились в Линце, близ баварской границы. Более того, для организации июльского восстания систематически посылались инструктора из специального террористического отряда майора Буха — человека, который «организовал» убийство Рема и Гейнеса. Штаб СС в Мюнхене располагал также специальными командами «Австрийского легиона» в Баварии. Каждая команда делилась на отряд пехоты из 60 человек, имевших на вооружении винтовку, штык и солдатский ранец, и на отряд «ударных войск», снабженных стальными шлемами, ручными гранатами и 32-зарядными револьверами. Глава венских СС — адвокат Густав Вехтер — успел во время удара в Германию, когда его подчиненных отправляли на тот свет. Штаб австрийских штурмовиков, также находившийся в Мюнхене, играл второстепенную роль. Его начальником был Герман Решни, по специальности бывший учитель, а затем лейтенант чешского гренадерского полка, окруживший себя несколькими старыми австрийскими генералами (Ригль, Гааз). Один из самых активных участников июльского путча и убийства Дольфуса — Гласс — является сейчас главой австрийской секции германского Гестапо, а другой — Аксель Дрильмайер — стоит во главе балканской секции.

пункте. Почему? Потому что в ней не приняли участия фашистские массы *мелкой буржуазии* Вены; пока венские СС со своими «сотнями» (группами по сто человек) выполняли остроумный стратегический план переворота, венские СА, насчитывающие в своих отрядах в Вене десятки, а по всей стране сотни тысяч человек, даже не подумали шевельнуться и, хотя их политического выступления упорно ждали, остались пассивными наблюдателями.

Германское 30 июня повторилось здесь с поразительной точностью, но лишь в обратном направлении. СС — аппарат — действовал и там и здесь; СА — масса — не пошевелилась ни тут ни там, потому что полиция и армия были против них, а восстание подвергало опасности их жизнь, собственность и комфорт. В первом случае дело повернулось в пользу Гитлера, во втором — против него. Но в обоих случаях социальный состав фашистской массы расстроил фашистскую стратегию (в первом случае Рем рассматривается как представитель этой массы). Этот закон непреложен (см. главу «Ночь длинного ножа, или апофеоз фашизма»), и то, что восстание австрийских национал-социалистов, гитлеровский венский мятеж, подчинялось этому же закону, было только логически неизбежным. Здесь важно другое, и это «другое» дает дополнительную яркую иллюстрацию. «Массовая революция» национал-социализма не разразилась в Вене, но она разразилась и бушевала несколько дней в Штирии и Каринтии: непосредственно в той зоне, где находятся позиции тиссеновского капитала в Австрии.

Здесь — в Леобене, Эрцберге, Вольфсберге, Радентгейне — мелкобуржуазные массы (а не только отдельные отряды СС) действительно вышли на улицу как армия, вооружились, образовали организованные атакующие отряды, окружили казармы жандармерии, военные склады хеймвера, почтовые конторы, учредили новые органы власти, разбрасывали с грузовиков и мотоциклов прокламации о новом режиме, патрулировали улицы и даже пытались нападать на небольшие изолированные подразделения войск, если превосходили их численностью. И здесь фашизм действительно захватил и удержал политическую власть в течение нескольких дней, а в некоторых случаях даже целую неделю, в то время как в Вене было достаточно трех часов первого же дня для того, чтобы ни один национал-социалист и носа не высунул на улицу. Последние и, пожалуй, самые кровавые стычки происходили в Штирии и Каринтии вплоть до 1 августа. Только тогда — через шесть дней после нападения на Дольфуса — путчистов заставили при помощи армии очистить этот район и отступить за югославскую границу.

Это был настоящий активный, воинствующий фашизм: точ-

но таким он был в Германии в феврале и марте 1933 г. Это объяснялось тем, что в Южной Австрии, как в свое время в Берлине и в противоположность Вене, он мог быть взращен, организован, обучен и вдохновлен на основе совершенно специфической внутренней базы: Альпийской горной компании, отпрыска рурской олигархии в дунайской Европе.

Штирия и Каринтия были колыбелью национал-социалистского путча в Вене в июле 1934 г. А Альпийская горная компания была колыбелью путча в Штирии и Каринтии. Она была душой и телом заговора. Ее заводы, разбросанные по этим двум провинциям, были главными стратегическими пунктами, генеральными штабами, складами продовольствия и аммуниции, ее инженеры, из которых семеро были впоследствии арестованы, и мастера являлись главными офицерами и вожаками. А ее директор, Апольд, фигурировавший в списке министров нового правительства, и его зять Цальбрюкнер были всеобъединяющим мозгом, побуждающим и вдохновляющим к действию все и вся.

В Донавице, резиденции главной конторы концерна, где в боях с правительственными войсками было много убитых и раненых, путчистов собирали в цехах, экипировали в рабочих общежитиях и снабжали оружием, спрятанным в штольнях, галлереях, товарных складах и даже в заброшенных домах. (То же самое происходило и на других австрийских предприятиях, контролируемых германской тяжелой промышленностью, — на Радентгейнских магнезитовых предприятиях в Каринтии и на Крупновском заводе металлоизделий в Бернбурге; оба директора-распорядителя этих заводов были впоследствии арестованы и сняты с должности.)

До самого последнего момента, когда военные суды в Вене и в остальной Австрии уже работали полным ходом, а вожаки путча бежали в Германию, в этих двух районах все еще продолжали драться, с ожесточенностью и решимостью, драться методически, организованно, применяя определенную стратегию, драться не сдаваясь; мир не воцарился до тех пор, пока последние путчисты не были арестованы или оттеснены в Югославию. Вот как выглядит фашизм, когда им непосредственно руководит, когда его ведет и вдохновляет капиталистическая олигархия.

Каков же был результат? В 1934 г. восстание в Вене было проиграно. Но была проиграна, с точки зрения Тиссена, и Альпийская горная компания. *В Австрии не стало более тяжелой промышленности, подчиненной Руру.* После борьбы, длившейся пятнадцать лет, штирийское железо переменило владельца. Убийца Дольфуса, агент венских СС, Планетта был застрелен. Германский директор-распорядитель Альпийской

горной компании, доктор Антон Апольд, был устранен. Враждующие магнаты не стреляют друг в друга, они только экспроприируют друг друга. Новым хозяином Альпийской горной компании стал крупный офицер хеймвера, господин Иозеф Оберэггер. Он был назначен правительством преемником Дольфуса полномочным «государственным комиссаром» компании; он имел все полномочия на свою ответственность определять внутреннюю политику компании и ее промышленную и иностранную политику; на него была возложена также чрезвычайная миссия «тщательно обследовать» политику и действия предыдущей администрации.

Тот факт, что формально Тиссен и до сих пор владел 51% всех акций компании, не играл роли. Тиссен вел игру и проиграл ее; его можно было теперь экспроприировать точно так же, как он сам вместе с другими рурскими баронами экспроприировал некогда враждебных ему «республиканских» магнатов в Германии. Успех в этой игре изменчив — он зависит от «ориентации» побеждающих фашистов. Достояние Апольда было частично конфисковано; он, вместе со своим зятем доктором Августом Цальбрюкнером, уплатил в пользу государства «штраф» в полмиллиона австрийских шиллингов — контрибуция побежденного. Апольду был «предоставлен отпуск» директором «до окончания обследования»; Цальбрюкнера поместили под надзор полиции в его имение в Штирии. Рабочие компании находились в это время или в тюрьмах Австрии, или в концентрационных лагерях Югославии. Триста служащих Альпийской горной компании были уволены, их места заняли лица, «лояльные по отношению к государству».

Трест торжественно провозгласил о своем возвращении в лоно нации и заново вступил в национальную федерацию австрийской промышленности. Нация называлась теперь Италией. Новый глава компании, инженер Оберэггер, был одним из главарей хеймвера — секции итальянских чернорубашечников на австрийской почве. А Теплиц уже организовывал в Вене новый крупный австрийский банк «Banka Commerciale d'Austria», большинство акций в котором держал Банка Коммерциале Италияна и совет директоров которого был составлен поровну из итальянцев и австрийцев (во главе с истыми римлянами — синьорами Роберто Адлером и Чезаре Гольдманом); банк этот должен был олицетворить и проводить великую политику «экономического союза» между Италией и Австрией и рано или поздно сосредоточить в своих руках действительный контроль над Альпийской горной компанией.

В декабре 1934 г. Вольпи и Пирелли ездили в Вену и Будапешт, чтобы «от имени итальянской индустрии открыть посредством личных переговоров с австрийской и венгерской

промышленностью новые пути для торговли между тремя странами»; они захватили с собой «подробные итальянские планы» («Frankfurter Zeitung» 27 ноября 1934 г.). Джентльмены из хеймвера, клерикальной партии, правительства Шушнига открыли новую эру; вернулись снова дни Кастильони и австро-итальянского делового патриотизма. Только Ринтелен лежал в госпитале с простреленным черепом; он не успел во-время в третий раз переменить свою национальную ориентацию и после Италии и Германии снова вернуться к Италии. Другие сделали это за него. Правительство «Отечественного фронта», повидимому, крепко держалось в Вене.

Такова подоплека 25 июля 1934 г., первого национал-социалистского путча в Австрии, история которого только отражает, но в измененном виде, историю национал-социалистского путча в Германии 31 января 1933 г. В этом и заключается значение этого путча и его урок для тех, кто хочет изучать и понимать современный фашизм. Это всегда одна и та же история, история крови, денег и обмана, смешивающихся в одно грязное целое, называемое фашистской идеологией и политикой. На этот раз Муссолини одержал верх над Гитлером, финансовая олигархия Альп — над финансовой олигархией Рура.

* * *

Но что же дальше? Чего следует ожидать после двух лет кажущегося «затишья» в Австрии, после абиссинской эпопеи и нового германо-итальянского договора Чиапо — Нейрата? Смягчатся ли германо-итальянские противоречия в пользу новой ориентации, возобновления совместной работы? Почему Гитлер, несмотря ни на что, должен снова «сблизиться» с Муссолини?

Он не может дольше ждать. Имманентное внутреннее противоречие между обеими фашистскими системами — римской и берлинской — остается и должно невидимо все больше углубляться.

Муссолини заложил первый камень своей «империи». Далеко на юге взята Аддис-Абеба; нефтяные источники и золотые рудники абиссинских расов помогают отчасти реализовать замыслы миланских стратегов; новые позиции на Красном море — у истоков Нила, на озере Тана — дают им оружие против Англии. Но на противоположном конце, на крайнем севере, Вена остается *ключом* к существованию всей империи. Без железа Штирии, без стратегических путей в Каринтии и на Дунае и без гарантии безопасности на Бреннере, все здание империи остается карточным домиком, а новый

цезарь — явным обманщиком, которому не удастся мистифицировать никого, кто видит глубже поверхности. Он не может отказать от Австрии больше чем когда-либо.

Но больше чем когда-либо Австрия и мост в Южную Европу нужны другому потенциальному «императору» на Севере. Два года он беспрерывно ждал удобного случая; его время ограничено.

Рука, протянутая к Вене, не разжалась. Напротив: несмотря на разрушение цитадели Альпийской горной компании и падение господина Апольда, национал-социалисты в Австрии за два года реорганизовались, запаслись новым оружием и новой тактикой из Германии; они снова представляют собой готовую к выступлению колонну. Австро-германское соглашение в июле 1936 г. только укрепило их позиции; замаскированные друзья Габихта сидят ныне в венском правительстве. И этому самому правительству снова приходится распускать «пожарные команды» и «лыжные клубы» в различных местах для того, чтобы напасть на след тайных национал-социалистских организаций. Призыв к аншлюссу попрежнему не оставляет в покое студентов, мелких служащих и чиновников, недовольных крестьян.

Австрийский легион под руководством тех же командиров стоит в нескольких километрах от германо-австрийской границы, под Куфштейном и в Рейте, — на двух путях, по которым должно пойти вторжение из Баварии в Австрию. Но теперь этот легион является всего лишь авангардом регулярных германских армий, штабы которых расположены в Мюнхене и Дрездене. Прямая связь ведет оттуда в Линц, в подпольную главную квартиру террористских СС в Австрии, и дальше в Вену, где господин фон-Папен, фашистский Макиавелли, держит в своих руках концы всех нитей. Это он занял место господина Апольда. Неофициальный «круг друзей» вокруг посланника Папена, «национальных министров» Глайзе-Хорстенау, д-ра Таухера и др., развивающий свою активность в Вене, это нечто большее, чем дипломатический салон; это предварительный набросок будущего «чисто национального» правительства в Вене, которое повторит эксперимент 25 июля в новом варианте.

А тем временем защита Австрии стала гораздо слабее. Муссолини слишком долго гонялся за африканскими расами. Хеймвер, который в 1934 г. восторжествовал над Габихтом и Ринтеленгом, мертв. Великий правитель Штаремберг — диктатор Вены — забыт; он расстрелял сотни австрийских рабочих и все же не стал австрийским дуче. Майор Фей, второй вождь и «Непобедимый», сегодня больше не имеет за собой и тысячи вооруженных приверженцев; и его игра пришла

к концу. Шушницг разоружает хеймвер, чтобы предотвратить возможное предательство. Ведь уже был такой случай, когда часть защитников родины — штирийский корпус хеймвера — перешел на сторону национал-социалистов; их вождем был Ринтелен. Новая «фронтальная милиция» (Frontmiliz), бюрократическая правительственная организация, без связи с массами и без активных вождей, не является силой, способной оказать действительное сопротивление.

Шушницг делает следующую лихорадочную попытку: вместе с клерикалами он пробует поставить ставку на *Габсбургов*. Маленький Отто и его мать Борджиа должны на троне Франца Иосифа снова укрепить оплот против Севера и сделать его на долгое время неприступным. Может ли реставрация монархии в Австрии действительно изменить положение вещей? Габсбурги являются кандидатами международного католического лагеря, более точно — партии «католического действия» отца Ледоховского, генерала ордена иезуитов.

Клерикальная партия все еще представляет собой силу в Европе. Ее политика не направлена ни на поддержку Гитлера, ни полностью на поддержку Муссолини; эта партия не хочет создания ни тевтонской, ни римской империи, ей нужна «священная римская империя» средних веков с центром в Вене — старый извечно несбывающийся сон католических схоластов и владетельных князей, но к этому они стремятся еще до сих пор. Вот чего хотят сегодня доктор Шушницг в Вене, кардинал Фаульгабер в Мюнхене, легитимисты Карольи и Циши в Венгрии, «католический блок» (монсеньер Шрабек) в Чехословакии, «клерикальная группа» в Варшаве, словенские «федералисты» (монсеньер Корошек) в Югославии и другие разветвления всей этой системы; этого хотели в свое время доктор Брюнинг в Германии и отец дон Стурцо, лидер «Поляри» в Италии.

Эта программа все еще привлекает значительные аграрно-католические клки в дунайской зоне, которые опасаются за сохранность своей земельной собственности и видят в реставрации Габсбургов средство удержаться между великими динамическими силами на севере и на юге¹. Но достаточно ли этого? Достаточно ли Шушницгу Габсбургов, даже при итальянской поддержке, чтобы удержать Вену?

Ясно одно. В данный момент Гитлер не может рискнуть на действительно открытое нападение на Вену, на повторение 25 июля, на этот раз даже при поддержке регулярных германских дивизий, которые на грузовиках могут покрыть

¹ Не случайно, что одним из ближайших личных «советников» и самых доверенных лиц Муссолини был в течение ряда лет отец Такки Вентури, крупный деятель ордена иезуитов.

расстояние от баварской границы до Вены за шесть часов. Слишком большие силы стоят перед ним на главных фронтах, чтобы он мог открыть свой фланг на юге, в то время как предстоит действительно большой поход в другом направлении. Но если Гитлер пока еще не может силой безраздельно захватить Вену и южноевропейский хинтерланд, то он должен обеспечить себе там позиции путем компромисса. Поэтому блестящий взят Муссолини едет в Берлин. Поэтому снова провозглашается «священный союз» двух фашизмов, протягивающийся через континент, несмотря на то, что они всего за два года перед этим стояли друг перед другом с обнаженным оружием и рано или поздно снова окажутся в такой же позиции. На определенном участке их путь общий.

Южный партнер в этом альянсе тоже ощущает слишком большую угрозу своему флангу, чтобы не войти в этот временный блок. В настоящий момент Муссолини боится даже больше, чем соперника на Бреннере, противника на Средиземном море — английского адмиралтейства, которое с Кипра, из Афин, из Белграда, из Константинополя и даже из Парижа организует встречный удар против победителя в Абиссинии. Он боится бури народного восстания в Испании. Ставленник миланской олигархии подписывается под антибольшевистским единым фронтом со взглядом, устремленным гораздо пристальнее на Лондон, чем на Москву.

Это подкладка и фундамент нового «германо-итальянского союза», фундамент, построенный на песке, который завтра может рассыпаться. Но сегодня этот союз позволяет Гитлеру одной ногой ступить туда, откуда он 25 июля 1934 г. так стремительно был отброшен, а именно в Вену: а это — первый этап его плана.

ГЛАВА IV

СОЗДАНИЕ ФАШИСТСКОЙ ЛИГИ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

(Гитлер — Гембеш)

События в Вене не являются изолированным инцидентом. 25 июля 1934 г. и его последствия — мы не говорим о борьбе за железо в Штирии, так как рассматриваем вопрос гораздо шире — являются лишь частью, лишь звеном более широкой цепи событий, разыгравшихся на арене, охватывающей весь европейский континент. Нарастание событий началось в 1934 г., а их развитие еще не достигло своей высшей точки.

Хотя эти сенсационные события на первый взгляд независимы одно от другого и происходят в самых различных пунктах континента, хотя отдельные инциденты отделены промежутками в несколько недель или месяцев, тем не менее все происходящее представляет на деле единый, связный цикл. Отдельные события берут начало в одном и том же источнике, ибо их охватывает цельный, объемлющий отдельные детали, план. Вот звенья этой цепи.

Конец декабря 1933 г. Убийство румынского премьер-министра Дука в результате заговора фашистской организации «Железная гвардия».

Март 1934 г. Попытка переворота, предпринятая фашистскими лигами «Борцы за свободу» и «Балтийское братство» — в Эстонии.

Май 1934 г. Переворот, произведенный группой «Звено» против Кобургской династии и фашистской македонской организации «Имро» — в Болгарии.

Май 1934 г. Переворот и приход к власти правительства Ульманиса и запрещение тайных лиг «Перконкруст» и «Балтийское братство» — в Латвии.

Июнь 1934 г. Попытка переворота, произведенная фашистской организацией Вольдемараса «Железный волк» — в Литве.

Июль 1934 г. Попытка национал-социалистского переворота и убийство канцлера Дольфуса — в Австрии.

Октябрь 1934 г. Убийство югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту хорватской фашистской организацией «Усташи» — в Марселе.

Март 1935 г. Попытка венизелистского переворота и гражданская война в Греции, закончившаяся в августе 1935 г. установлением диктатуры генерала Метаксаса и короля.

Апрель 1935 г. Переворот, произведенный царем Борисом против правительства группы «Звено» — в Болгарии.

Декабрь 1935 г. Вторая попытка путча, предпринятая «Борцами за свободу» — в Эстонии.

Вот что произошло в течение двух лет. События в Вене были лишь вспышкой молнии, осветившей невидимый задний план.

Дело вовсе не ограничивается какой-либо одной страной. Эпидемия таинственных и зловещих политических потрясений внезапно распространилась по всей Европе. Перевороты, покушения на членов правительств, военные заговоры следуют друг за другом с небывалой, кинематографической быстротой. Эти события вспыхивают одновременно в различных «неспокойных пунктах» континента и сменяют одно другое чуть ли не целыми сериями. Отдельные зоны европейского континента превратились вдруг в поле битвы для разнообразных конспираторов, гангстеров и ирредентистов. Ни на одно мгновение нельзя более быть гарантированным от повторения событий подобного рода.

Что кроется за всем этим? Политическая история не знает такого множества подобных инцидентов: беспорядки в дунайских странах и на пространстве всей Восточной и Юго-восточной Европы за 1934—1936 гг. — это не безделица. Это, однако, не волна социальной гражданской войны, не массовые конфликты между пролетариатом и господствующим классом. Разыгравшиеся события не относятся к числу так часто потрясавших Европу классовых битв. Рабочие, подлинно революционный класс, не участвовали ни в одной из этих стычек. Более того, во всех этих сражениях обе враждующие стороны пытались в первую голову подавить и сделать неспособным к сопротивлению самого страшного для них врага — рабочий класс¹. Нет, борьба, идущая ныне между тайными ассоциациями, военными лигами и террористическими заговорщиками, это борьба между различными группами крупной и мелкой буржуазии. Борьба ведется, тем не менее, с крайним

¹ Это положение начало изменяться лишь недавно, с тех пор как рабочий класс, в свою очередь, вступил в борьбу за дело мира, создавая народный фронт с радикальными партиями мелкой буржуазии. И где бы ни происходила эта борьба за мир — так было, между прочим, и в Греции — противник немедленно отвечал режимом террора против *всего* народа.

ожесточением, противники полны желания уничтожить друг друга, и им действительно подчас это удается.

От Ревеля до Бухареста начались стычки, напоминающие стычки бандитов в Чикаго или Шанхае. Замечательно при этом то, что происходящие в разных странах события по существу не имеют никаких *национальных* особенностей. Сенсационные события в Болгарии, Румынии, Австрии, Литве, Латвии, Эстонии, Югославии — а завтра, без сомнения, и в других местах, — в странах со столь различными географическим положением, политическим прошлым и государственным устройством, по характеру своему почти не отличаются друг от друга. Противники дерутся не за ту или иную форму политического правления в стране. На деле все они — Шушниг или Габихт, Карагеоргиевич или Павелич, Вельчев или Михайлов, Сметона или Вольдемарас, Кондилис или Венизелос — являются фашистами и могильщиками демократии. Они борются также и не за проведение определенной политики по отношению к тому или иному классу: все это враги рабочих, угнетатели крестьян, эксплуататоры мелкой буржуазии.

Все участники события последних лет являются защитниками чьих-то интересов, лежащих за пределами их стран; ими руководят невидимые, но грозные силы, силы, снабжающие их своим оружием, своими лозунгами, вдохновляющие их своей настойчивостью. Серия переворотов и покушений в десятке стран на востоке и юго-востоке Европы в 1934, 1935 и 1936 гг. это еще только начало действительно гигантского процесса. Это лишь подготовка *генерального путча*, который должен произвести вместе со своими союзниками аппарат Гитлера — Розенберга *на всем пространстве между Черным и Балтийским морями*. Эта подготовка вызвала, естественно, противодействие французского министерства иностранных дел и других заинтересованных сторон. Австрия на этом фоне — только отдельный эпизод. Вот какова действительная сущность происходящего.

Но, спрашивается, зачем нужен «генеральный путч» — попытка одним махом нанести удар целой четверти континента? «Генеральный путч» это стратегическая форма, которую в этой зоне — зоне, решающей для развертывания фронта германского империализма — присвоила и неизбежно должна была присвоить внешняя политика гитлеровско-гиссеновского государства в 1934—1936 гг. Эта политика не терпит более промедлений, она не может более удовлетворяться частичными экспериментами и медленной «эволюцией» в направлении конечных целей. Необходимо разом, быстро и без отлагательств, вступить в новую стадию борьбы. Нужно избрать совершенно новую стратегию, применив такую форму наступления, кото-

рая затмит все до сих пор известные. Некогда заниматься выбором методов.

Здесь уместно провести аналогию между внешней и внутренней политикой Гитлера. В начале 1933 г. пробудилось народное сопротивление фашизму, и национал-социалисты в Германии не могли более продолжать свое наступление парламентскими методами. Желая избежать краха в последний момент фашисты избрали тогда путь тайной провокации: они подожгли рейхстаг и добились падения Шлейхера. Точно так же и международное гитлеровское наступление должно было применить в намеченных им и стратегически необходимых ему пунктах крайние отчаянные методы. Пришлось отбросить все посторонние соображения и играть ва-банк.

История не ждет, она не приостанавливает свой ход даже ради фашизма. После победы Гитлера в Германии история предоставила ему для выполнения его плана континентальной агрессии лишь точно определенный и строго ограниченный срок. Инициатива будет находиться в руках Гитлера только в течение этого срока. Если же Гитлер не достигнет своих целей достаточно быстро и не сумеет действовать путем «совершившихся фактов», время начнет работать *против* него, и *против* него будет расти все более широкое наступление.

Великая мобилизация Франции, Советского Союза и других демократических стран против плана Розенберга, начавшаяся еще со второй половины 1933 г. и интенсивно проводившаяся по всей Восточной и Юго-восточной Европе, сыграла свою роль. Активность сил, приведенных в действие названными державами, и рост движений, враждебных фашизму, развивались даже быстрее, чем вновь основанные филиальные национал-социалистские партии и гитлеровские агентства¹. Противники фашизма чрезвычайно разнохарактерны: это «либеральные» и полудиктаторские режимы французской ориентации (Румыния, Югославия, Чехословакия, Прибалтийские страны); это, наконец, народный фронт и движение рабочего класса, повсюду объявившего беспощадную борьбу пан-германскому фашизму. Положение Бенеша, Шушница, Лайдонера, Сметоны снова укрепились.

Борьба за господство в этой зоне с каждым днем становится для Гитлера все труднее. Старая тактика «макиавеллистской» дипломатии («Разделяй и властвуй») оказывается недостаточной, как показывает пример Италии. «Легальная» политическая кампания в борьбе за власть терпит крах, как было

¹ См. «Гитлер над Европой?» глава III, часть 2-я, «Тайный интернационал господина Розенберга».

в Австрии. Дует противный ветер, и этот ветер может превратиться в грозный шторм: Германия изолирована теперь и с юга и с востока. Благоприятный момент упущен, ибо не использован резерв времени, предоставленный историей. Быть может, уже завтра антифашистское народное движение в Германии и за ее пределами хлынет через край и возьмет инициативу в свои руки.

В этой обстановке Гитлер не мог не прийти к новому, далеко идущему, решению: Гитлер начинает создавать совершенно новые орудия международной политики и предпринимает действия необычайно серьезные, действия, которые могут в корне изменить весь ход событий. «Мировой план» национал-социализма вступает в свою последнюю фазу. И первым шагом к его осуществлению, его артиллерийской подготовкой, было резкое, внезапное усиление международного путчистского движения, руководимого германским фашизмом.

Политика национал-социализма в 1933 г. была всего лишь детской игрой. «Внешнеполитический отдел национал-социалистской партии» — это второе министерство иностранных дел Третьей империи и олицетворение на международной арене всесильного «главного штаба СС» — готовит почву для «окончательного решения».

В итоге совершенно явственно обозначаются два связанных друг с другом путчистских плана на континенте: это удары по балтийским и по балканско-дунайским странам, т. е. в зонах «Восточного» и «Юго-восточного» пактов. Именно над этими зонами собираются грозовые тучи. Содержание планов, подготовка их и выполнение сходны в обеих зонах. Оба удара служат одной и той же цели.

В обоих случаях непосредственным противником является Франция. Местные правительства или партии, которые должны быть убраны с дороги, свергнуты, физически уничтожены или покорены, это только пешки в игре. Во всех странах будет применен один и тот же метод, а именно прямое, «внепарламентское» выступление активных фашистских террористических групп. Когда наступит благоприятный момент, эти группы произведут переворот, опираясь на свою иностранную базу и не брезгуя никакими средствами.

В балтийской зоне Гитлер и Розенберг в союзе с Польшей Бека заняты организацией во всех четырех лимитрофных государствах — Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии — новой подпольной лиги. Лига эта носит название «польско-балтийского фашистского союза» и должна сыграть роль организатора заговора против правительств «франко-советской ориентации». Это линия фронта *Бек — Маннергейм — Вольдемарас — Ларка — Цур-Мюлен — Скоропадский*.

Во второй, тянущейся от Вены до Бухареста, зоне фронт антинационал-социалистских государств сцементирован наиболее надежно. Гитлер находится здесь в союзе с Венгрией. Германский фашизм связан таким образом со сложившейся террористической силой, влияние которой уже в течение ряда лет ощущается в этой части европейского континента. Это тайная юго-восточная европейская террористическая и ирредентистская лига *Гембеш — Виндишгрец — Михайлов — Павелич*, лига, поддерживаемая также Кобургами и Кодреану. На счет этих двух лиг в Варшаве и Будапеште и центрального руководства, получаемого ими из Берлина, следует отнести все события, происшедшие в 1934—1936 гг. в этой части европейского континента.

Как же все это было организовано?

В течение пятнадцати лет Будапешт был для Юго-восточной Европы тем же, чем для Центральной Европы является Берлин. С 1919 г., с тех пор как в Венгрии победила контр-революция и в стране воцарился белый террор, Венгрия стала в Европе одним из самых крепких оплотов черной реакции.

В течение ряда лет один и тот же человек проводил из Будапешта определенную политику, подобно политике Гитлера, проникающую через границы отдельных государств. Имя этого человека — Юлиус Гембеш¹. Это — нынешний премьер-министр Венгрии и бывший вождь террористической организации «расистов» в Будапеште. Военно-политическая организация, которой он руководит, тайно поддерживается его правительством. Влияние этой организации и ее разветвления простираются от Дуная до Черного моря, охватывая, кроме Венгрии, Болгарию, Югославию, Македонию и, частично, Словакию, Албанию и Румынию.

Эта организация снова и снова привлекает внимание и возбуждает тревогу кабинетов и правительств всех западноевропейских держав. Название этой организации почти никогда не упоминается, в прессе изредка встречаются лишь названия отдельных ее подразделений, и тем не менее именно эта организация ответственна фактически за все чреватые опасностями события и рискованные эксперименты, имевшие место в упомянутых странах. Никогда еще не удавалось прекратить деятельность этой организации и положить конец ее коз-

¹ Гембеш умер в октябре 1936 г. — *Прим. переводчика.*

ням. Совсем недавно эта организация пользовалась покровительством Муссолини.

Официальная программа лиги это — так называемый «ре-визионизм», т. е. борьба за отмену мирных договоров 1919 г. для дунайской зоны, договоров, «искромсавших» Венгрию, Австрию, Болгарию, Македонию и Хорватию в пользу оруженосцев французской политики, новых государств Малой Антанты. В действительности это сборище опаснейших и самых отчаянных ирредентистов. При помощи тайного террора, партизанской войны, поощрения мятежных националистических и фашистских движений, не брезгуя самой обыкновенной уголовщиной (например, подделка банкнот), вся эта компания добивается осуществления одной и той же цели. Этой целью является полное разрушение и уничтожение существующих национальных государств Юго-восточной Европы. На их месте должна вырасти новая антидемократическая конфедерация «угнетенных» дунайских национальностей во главе с венграми. Эта конфедерация должна отомстить чехам, сербам и румынам за договоры 1919 г. и должна снова, как это было много веков назад, сделать Дунай цитаделью злейшей в Европе реакции.

Таков план. Моральные качества людей, борющихся за его осуществление, вполне ему соответствуют. Вся система состоит из трех тесно связанных главных секций: 1) Тайная лига националистических венгерских ирредентистов — «Тес» (отчасти известная широкой публике под названием «Пробуждающиеся венгры»), тождественная официальной ныне правящей в Венгрии партии. 2) Так называемая Внутренняя македонская революционная лига — «ИМРО»; центр ее находится в Болгарии, но «ИМРО» ведет свою работу и в южной части Югославии. 3) Хорватская инсургентская лига «Усташа», развивающая свою деятельность в северной части Югославии. Нити от нее ведут также и к словацким сепаратистам в Чехословакии, антисербскому движению «комитаджи» в Албании, антигусарским инсургентам во Фракии, к нелегальным венгерским и болгарским группам в Трансильвании и Добрудже (Румыния) и т. д.

Всю эту разветвленную сеть нельзя назвать политической партией. Это вооруженный лагерь, тайная армия, скрытая под поверхностью государств Малой Антанты, государств, в которых постоянно тлеет национальная вражда. Центральное руководство находится в руках венгерской «Тес», обладающей самыми крупными денежными фондами, самым большим техническим и военным снаряжением, и наиболее опытными инструкторами. «Тес» следит за политической координацией всей системы.

Что же представляет собой «Тес»? Коротко говоря, это

неофициальное правительство Венгрии. Это мозг и сердце венгерской контрреволюции, организация, вдохновлявшая внешнюю и внутреннюю политику Венгрии в течение более чем пятнадцати лет. Полное название этого тайного общества «Testver Szövetség» (союз-братство — отсюда сокращение — «Tesz»). Это общество было основано так называемой кликой Хорти. Оно имеет членов во всех слоях венгерского господствующего класса: среди землевладельцев, студенчества и, особенно, в армии. Это офицерская хунта, которая утопила в крови Венгерскую советскую республику с помощью румынских войск и заняла затем все посты в государстве, превратив его в «неограниченную монархию без короля».

Пять человек были создателями «Тес» в ее нынешнем виде. Это, во-первых, сам *Хорти* — бывший адмирал австро-венгерской монархии, ныне пользующийся безраздельной властью правитель Венгрии. Этот иступленный враг Малой Антанты представлен или был представлен в руководстве «Тес» начальником своей личной охраны полковником Георгом Гергей и майором Проней. Второй из создателей «Тес» это экс-лейтенант Иван *Хейяш*, венгерский Геринг, знаменитый организатор белого террора и палач венгерских революционеров. Этот дьявольски жестокий человек является до сегодняшнего дня любимцем привилегированного офицерского корпуса. За *Хейяшем* следует барон *Переньи*, представитель аграрной фашистской аристократии и бывший министр внутренних дел. Его официальный титул — «хранитель короны святого Стефана». Барон *Переньи* является председателем «Тес». Четвертый творец «Тес» — князь *Луи Виндитигрец*, злополучный герой дела о фальшивых франках 1926 г. Активнейший путчист-профессионал в дунайских странах, он выполняет роль международного посредника «Тес». (Мы вернемся далее к той особой роли, которую он сыграл в событиях 1934 г.) И, наконец, к числу основателей «Тес» относится *Юлиус Гембеш*, венгерский немец, а не венгр, по национальности, бывший капитан генерального штаба, командовавший войсками Хорти в 1921 г. во время неудачной попытки реставрации монархии в пользу императора Карла. После этого Гембеш стал лидером антисемитской ультрафашистской «Партии защиты расы». Эта партия регулярно организовывала погромы в венгерских городах, до тех пор пока Хорти не легализовал ее, назначив ее вождя премьер-министром.

Эта пятерка, к которой следовало бы, быть может, прибавить бывшего премьер-министра графа Бетлена (также члена «Тес»), составляет нечто вроде постоянной правящей государством директории. Сам Гембеш и «директор» его партии *Никола Матьени* были членами внутреннего комитета «Тес».

Гембеш до конца своих дней являлся почетным его председателем¹.

Признанные вожди венгерского фашизма, все без исключения, были или являются членами этого общества. Среди них друг Хорти граф Клебельсберг (бывший министр народного просвещения), начальник полиции Налосси и епископ Задравец (герои дела о фальшивых франках), Луи Фишер, Ян Мерверт, Стефан Валери (высокопоставленные офицеры генерального штаба) и др. Это та клика, которая распоряжается в венгерском парламенте. Поразительно, что ей удается делать это непрерывно и при отсутствии оппозиции, несмотря на существование различных «разрешенных» партий и происходящую от времени до времени смену министров. Но суть в том, что за этой кликой всегда стоят воля всемогущего регента и штывы армии.

С социальной точки зрения эта клика выражает интересы всех групп венгерских имущих классов. Исключение составляют лишь закоренелые католические магнаты — собственники крупных поместий. Эта группа враждует с мелким дворянством, преданным Хорти и кальвинизму. Она стоит поэтому в оппозиции к правительству и поддерживает Габсбургов.

Итак, правит Венгрией «Тес» — группа, являющаяся душой воинствующего венгерского ревизионизма. Ясно поэтому, что «Тес» развивает свою деятельность не только внутри Венгрии, но и за границей. «Тес» вдохновляет и руководит ревизионистскими движениями на противоположном берегу Дуная, в бурливых балканских странах.

«Тес» непосредственно связана с македонской «ИМРО». Это тайное общество «комитаджи» хорошо известно в истории европейской политики, так как оно фигурировало в числе поджигателей во время всех балканских войн. Уже в течение сорока лет это общество непрерывно является чем-то вроде порохового склада между тремя государствами: Болгарией, Сербией и Грецией.

«Внутренняя македонская революционная организация» — «ИМРО» — была основана в 1893 г. балканскими патриотами Грюевым и Дечевым по образцу старых греческих лиг борьбы

¹ Этот факт был однажды признан даже полуофициальной газетой «Temps», опубликовавшей сообщение своего белградского корреспондента (5.XI.1934 г.). «Тес» появляется перед широкой публикой только под прикрытием хорошо известного «легального» общества «Национальный союз» или «Tarsadalmi Egvesületek Szövetsége» (сокращенное название тоже — «Тес»). Общество официально работает на благо «объединения национальных сил», но на деле это абсолютно та же организация, что и «Тес». Ее председателем является также барон Переньи. Гембеш одновременно возглавлял более узкое военное общество «MOVE» («Magyar Oszzagos Vedo Egylet»).

за свободу. «ИМРО» имела когда-то защиту и поддержку в каждой македонской деревушке. Она должна была тогда стать орудием в руках бедного угнетенного крестьянства Македонии в его борьбе за национальную независимость — сначала против турок, а затем против сербских и греческих жандармов.

Сейчас от «ИМРО» давно уже откололось действительно революционное ее крыло, так называемые «федералисты». «ИМРО» представляет теперь не что иное, как банду беспринципных, жестоких и кровожадных убийц и гангстеров. Эта банда угнетает родную страну, находясь на службе правящих классов Болгарии.

В 1923 г. «ИМРО» помогла болгарским офицерам и фашистам (партии Цанкова) свергнуть демократическое крестьянское правительство Стамбулийского и затем подвергнуть страну кровавому, белому, террору. Дата прихода к власти партии Цанкова открыла для «ИМРО» период расцвета как в Софии, так и в провинции. В столице от нее зависело теперь официальное болгарское правительство. В провинции же, в районах Петрич и Горня Джумая, ею было создано нечто вроде негласного правительства. Крестьяне должны были беспрекословно повиноваться их приказаниям и отдавать большую часть своей выручки в кассу, «комитаджи».

С 1924 по 1934 г. «ИМРО» совершила более тысячи актов индивидуального террора. Члены «ИМРО» нападали на своих противников — по большей части македонских и болгарских левых революционеров — на улицах или в их квартирах и убивали их. Именно так были убраны за последнее десятилетие со сцены самые светлые головы и лучшие патриоты Македонии. Тысячи крестьян пали жертвами «карательных экспедиций» против непокорных деревень и районов. Даже сам лидер «ИМРО» *Ванко Михайлов* получил это высокое звание лишь после того, как им были организованы убийства его соперника генерала Протогерово и почти всех оппозиционных лидеров. Прочие руководители организации пользуются такой же славой. Таковы, например, *Дрангов* или *Влада Георгиев*, убивший двух македонских депутатов (*Димова* и *Томалевского*).

Вот каково лицо современной «ИМРО». Национальные герои и борцы за свободу в прошлом, они выродились в заурядных бандитов и насильников. «ИМРО» не последовала по пути социального раскрепощения, она пошла по фашистскому, антипролетарскому пути шовинизма. Такова зачастую судьба ирредентистских движений, с самого начала четко не определивших своего классового характера. Международное значение «ИМРО» и важность ее союза с Венгрией опреде-

ляются тем, что «ИМРО» ведет на территории *сербской* Македонии постоянную партизанскую войну, против югославских властей.

Политика «ИМРО» направлена на то, чтобы вызвать войну между Болгарией и Югославией. По окончании войны Болгария должна будет претендовать на аннексию македонских областей Югославии. От Греции также должны быть отделены некоторые македонские районы. Ясно, что «ИМРО» связана с антисербским и антифранцузским лагерем болгарских политиков, с лагерем, питающим ревизионистские настроения. Такова партия *Кобургской династии*. Именно в этом источник ее силы.

С самого конца войны, т. е. уже в течение восемнадцати лет, Кобургская династия пытается подкрепить свой шатающийся трон. За нее стоит небольшая преданная династии часть болгарского офицерского корпуса. Против нее — болгарские крестьяне, все прогрессивные элементы в стране и большая часть офицерского корпуса. Офицеры мечтают об установлении военной диктатуры и о союзе с Югославией. За эти цели борется болгарская «Военная лига» полковника Вельчева (известная также как группа «Звено»), к которой принадлежит большинство командного состава гарнизонов, дивизий и военных школ.

Власть в Болгарии постоянно переходит из рук в руки. В 1934 г. «Военная лига» вырвала власть у царя Бориса. В 1935 г. царь Борис напал врасспloh и одержал победу над «Военной лигой». «Военную лигу» поддерживает франкофильская группа. Кобурги же, которые в 1914 г. принесли Болгарию в жертву Гогенцоллернам, однако не потеряли, подобно им, своего трона в 1918 г., снова подумывают о реванше против сербов, греков и турок. Вот почему Кобургская династия готова на все, чтобы объединить свои силы с «ИМРО». Ведь эта организация в самой Болгарии «ликвидирует» врагов Кобургской династии, а за пределами страны систематически совершает набеги на пограничные районы Югославии с македонским населением.

Последний премьер-министр царя Бориса в 1935 г., Тошев, был даже личным эмиссаром Михайлова, лидера «ИМРО». Вельчева и «Военную лигу» поддерживает только небольшая фракция «комитаджи» (группа Протогеровова — Шанданова), соперничающая с группой Михайлова. Члены враждующих фракций стреляют друг в друга при каждом удобном случае. Однако ядро македонской террористической организации с ее высококвалифицированными кадрами политических убийц связано с Кобургской династией и поддерживает тесную связь с «Тес» и венгерским правительством. «ИМРО» — это второй член

тайной «ревизионистской лиги», направленной против Малой Антанты.

Третий член этой лиги имеет ту же политическую окраску и придерживается точно таких же «рабочих методов», что и два других ее члена. Хорватская «Усташи» отличается от «Тес» и «ИМРО» только сферой влияния. Хорватия после войны, против воли ее высококультурного народа, была оккупирована сербами. В Хорватии была установлена свирепая диктатура. Хорватия представляет теперь внутри Югославии «Македонию Севера». Нелегальная «Усташи» (инсургенты) пытается поэтому следовать примеру Михайлова.

Эта малоизвестная маленькая группа состоит из людей, представляющих собой отбросы мелкобуржуазной националистической молодежи, людей, ненавидящих хорватское демократическое крестьянство и его великую партию (движение Радича). «Усташи», руководимая почти исключительно хорватскими офицерами, бывшими офицерами австрийской армии, требует не только полной независимости Хорватии, но и отделения от Югославии Словении, Далматии и Боснии. Это означало бы на деле полное разрушение югославского государства. Югославия стала бы в этом случае даже меньше довоенной Сербии. Союз или федерация новой Великой Хорватии с Великой Венгрией и Великой Болгарией, т. е. уничтожение Малой Антанты, — вот что естественно вытекает из программы «Усташи». Великая национальная партия Хорватии, так называемая Крестьянская партия, не имеет никаких ревизионистских притязаний и не питает антифранцузских настроений.

Лидеры «Усташи»: бывший депутат доктор Анте Павелич; бывший капитан австрийской армии, *старый друг Юлия Гембеша* еще со дней, проведенных в аграмских казармах, Перич; бывший австрийский генерал и губернатор Хорватии Саркотич; бывший офицер австрийской контрразведки Иван Перчевич, — все эти люди ведут себя так, как будто они и не прерывали войны с Сербией. «Усташи» вооружает мятежные элементы в Югославии и совершает там акты индивидуального террора. В некоторых смежных с Югославией странах они держат в лагерях специально обученные кадры террористов. Это делается в качестве подготовки к грядущему «вооруженному восстанию» в Хорватии.

В январе 1934 г. они подготовили крушение скорого поезда в Загребе, в котором Бенеш, Титулеску и Ефтич должны были ехать на конференцию стран Малой Антанты. Весной 1934 г. они бросили бомбу в полицейское управление в Аграме (столица Хорватии). Летом 1934 г. в Аграме снова была брошена бомба, на этот раз на съезде сербских «Соко-

лов» (спортивная организация югославского правительства).

Нападения на железные дороги, мосты и общественные здания являются для «Усташи» обыденным, будничным делом. Ведь недаром же во главе этой организации стоят специалисты, имеющие опыт работы в генеральном штабе. И в то же время в области внутренней политики «Усташи» ничем не отличаются от «Тес» или «ИМРО». В полном соответствии со своей социальной сущностью — это архиреакционные фашисты и такие же заклятые враги рабочих, революционных крестьян и передовой интеллигенции своей родины, как «Тес» или «ИМРО».

Террористические клики, развивающие активную деятельность в разных местностях вдоль Дуная, составляют одну группу, одну систему. Теснейшая связь членов этой группы между собой, их единство в вопросах внешней политики и непревзойденная жестокость — члены ее готовы абсолютно на все и уж во всяком случае не станут считаться с международными условностями, — все это и сделало активные террористические клики в дунайских странах столь важным, действующим за кулисами европейской политики, фактором.

Кажется почти невероятным, что такая организация может существовать в самом центре мирной Европы, и тем не менее существование ее — непреложный факт. Это один из недугов, оставленных в наследство мировой войной и «миром» 1919 г. Официальные правительства по меньшей мере двух стран — Венгрии и Болгарии — являются орудиями этой скрытой силы. Та же темная сила постоянно ведет подрывную работу против правительств других дунайских стран и пытается всячески им повредить.

В Юго-восточной Европе сейчас происходит уже знакомый нам процесс. Мы наблюдаем там ту же социальную и политическую силу, которая в более широком и законченном виде породила в Центральной Европе национал-социализм. Вот почему так быстро идет этот процесс и так велико его значение. В Юго-восточной Европе так же, как и в Германии, фашизм был вначале просто сворой профессиональных наемников, главным образом состоявшей из офицеров мировой войны. То, что эти люди по окончании войны оказались в лагере побежденных, составляло для них еще полбеды. Но демобилизация была для них страшным несчастьем — им пришлось искать себе другое занятие.

Гембеш, Виндишгрец, Волков, Михайлов, Павелич, Перич, Штаремберг нашли себе в Восточной Европе такое же занятие, как Геринг, Рем, Гейнес, Эпп — в Германии. Всем этим людям представилась возможность за хорошее вознаграждение сделаться профессиональными контрреволюционерами, фа-

шистами. Ведь, помимо всего прочего, было так заманчиво снова получить в свои руки оружие. Так возникли первые ячейки национал-социализма, и так же зародился *«воинствующий ревизионизм»* на Дунае — термин, который в этой зоне является лишь псевдонимом фашизма.

И точно так же, как германский национал-социализм, фашизм в Юго-восточной Европе стремится создать империалистическое объединение. «Пробуждающиеся венгры», болгарские «комитаджи» и хорватские террористы уже в течение пятнадцати лет ведут свою повседневную разрушительную работу со все возрастающей энергией. В Будапеште находится главный штаб, руководящий, снабжающий оружием и финансирующий различные национальные секции. Князь Виндишгрец является фактически главой этого штаба.

В 1929 г. в Софии состоялась конференция, на которой были точно разработаны условия сотрудничества между различными национальными группами. Между «ИМРО» и «Усташи» был, с ведома болгарского правительства, заключен настоящий договор. Со стороны хорватов договор был подписан Павеличем и Перчичем, со стороны македонцев — доктором Станичевым и членом парламента В. Васильевым. Павелич, еще в 1927 г. выступавший в Югославии в роли адвоката арестованных террористов «ИМРО», и Михайлов заключили союз. «ИМРО» назначила постоянного представителя и «инструктора» в штаб «Усташи». Первым был назначен адъютант Михайлова, Дрангов, вторым — член главного штаба «комитаджи» и личный шофер Михайлова, Влада Георгиев (он же — «Величко», «Димитров», «Келемен», «Черноземский» и т. д.).

Наряду с этим был укреплен международный центр в Будапеште. Был установлен непосредственный контакт делегатов «ИМРО» и «Усташи» не только с «Тес», но и с наиболее важными венгерскими правительственными органами — министерством иностранных дел и генеральным штабом. Таким образом, получилось, что многие болгарские инсургенты стали играть важную роль во влиятельных кругах венгерской армии. Среди этих лиц мы встречаем, например, Перчица, правую руку Павелича, и, как было упомянуто выше, старого друга Гембеша по армии; профессора Петричевича, также одного из лидеров «Усташи» и в то же время профессора военной школы в Будапеште; Дрангова и др.

Венгерские военные круги не остаются в долгу. Имеется целая группа офицеров, занимающихся обучением и вооружением хорватов и македонцев. Находящийся под командой Перчица лагерь «Усташи» в Янка Пуста на югославской границе, где идет обучение технике терроризма и бандитизма, стал на деле учебной единицей венгерской армии. Один из венгер-

ских военных инструкторов, майор Ковач, сыграл впоследствии важную роль в качестве международного посредника этой группы террористов.

Переньи, Виндишгрец и другие подлинные политические руководители ревизионистского «интернационала», пытались распространить его и на другие дунайские и балканские страны. Так, в Австрии князь *Штаремберг*, глава еще не являвшегося тогда регулярной армией хеймвера, некоторое время склонялся под влиянием Италии к этой политической линии. В Албании Павелич заключил соглашение с анти-сербской ирредентистской организацией Гассан Бека «Прикотина» (Гассан Бек вскоре после этого был убит). В Чехословакии делались попытки связаться со смертельным врагом Бенеша и Массарика священником Глинкой, вождем словацких крестьян-католиков, и его партией сепаратистов.

Во всем этом движении незримо, но явно, ощущается покровительство Бенито Муссолини, великого патрона ревизионизма, противника Франции на юго-востоке и... будущего предателя ревизионистских идеалов.

И все-таки фашистская армия на юго-востоке Европы сама по себе недостаточно сильна, чтобы предпринять действительно решающие по своему размаху действия. Тайная ревизионистская лига на Дунае непрерывно производила мелкие атаки на тыл Малой Антанты. Члены лиги совершали то тот, то другой акт индивидуального террора, умертвили немало ни в чем неповинных крестьян и пограничников. Они затевали и фантастические, рискованные предприятия, вроде подделки французских банкнот. Но на большее фашистская лига не осмеливалась.

Для того чтобы отважиться на более решительные действия, необходимы были контакт и толчок со стороны *более крупной*, а главное в военном и экономическом отношении более сильной, фашистской системы. Именно это нужно было юго-восточному европейскому ревизионизму, чтобы пойти вабанк и с 1934 г. развить такое наступление, которое своей стремительностью должно было смести все на своем пути. Такое наступление должно в этой зоне привести к генеральному путчу по всему фронту против Малой Антанты и ее правительств. Контакт с более могущественной системой установился в конце 1933 г. Розенберг наэлектризовал Гембеша.

Юго-восточный ревизионизм нужен был Розенбергу, как нужен порох для выстрела. В этой зоне, являющейся географически непосредственным продолжением Австрии и последним звеном большой стратегической цепи, ведущей от Центральной Европы к Черному морю, ревизионизм должен был выступать в тех же ролях, что и национал-социалистский путчизм

в Австрии. Розенбергу не оставалось желать ничего лучшего. В этом районе не было ведь ни «германских братьев по расе», ни германского «расового движения», участников которого можно было бы вооружить для борьбы за *аншлюсс*.

Здесь нужно было найти какую-то иную силу, какова бы она ни была, силу, которая послужила бы рычагом и детонатором. Розенберг принял ревизионизм весь, целиком, со всеми его целями, принял безусловно и с энтузиазмом. Пророк чистого тевтонства, организатор интегрального пангерманизма на все сто процентов признал интересы венгров, имеющих своими родоначальниками монголов, славянских хорватов, балканских македонцев. Он признал бы, вероятно, и интересы любой другой национальности. Некогда было заниматься всеми этими мелочами.

Будапештский блок созрел для мировой политики национал-социализма. Наступление на Вену необходимо было продолжить. Притом было ясно, что ирредентисты, которым грозило полнейшее бессилие, более всего нуждались в новом покровителе. Шаткость дружбы с Италией была очевидна, а для Хорти лишение поддержки Муссолини означало полный крах во всех его начинаниях. Более того, это могло вызвать даже непосредственную опасность политических перемен в самой Венгрии, перемен в пользу осмелевшей про-французской легитимистской партии. Хорти грозила бы тогда, быть может, даже потеря власти, завоеванной в 1919 г.

Дело сложилось так, что Берлин и Будапешт неминуемо должны были пойти навстречу друг другу. Коалиция между гитлеризмом и южноевропейским ревизионизмом была завершена в течение нескольких месяцев. В сентябре 1933 г. между германским и венгерским правительствами было заключено политическое соглашение, означавшее полную политическую, военную и экономическую антанту этих двух стран. (Соглашение было заключено фон-Папеном; такова и была цель тайных «праздничных визитов» к Гембешу в 1933 г.¹ этого дипломата, в прошлом выполнявшего террористические поручения офицера германского генерального штаба.)

В тени этого соглашения был образован тесный союз между неофициальными, работающими втайне, фашистскими органи-

¹ Фон-Папен однажды совершенно открыто сообщил о заключении этого соглашения и принятии Германией политического протектората над Венгрией: «Мы совместно поведем миролюбивую кампанию за ревизию мирных договоров, от которых особенно страдает Венгрия. Мы доведем эту кампанию до горького конца (т. е. войны — *Автор*) рука об руку и плечо к плечу. Это единственный путь для того, чтобы решить проблему восстановления в Центральной Европе. В этом заключается европейская миссия германо-венгерской кооперации» (заявление представителям печати 21/IX 1934 г.).

зациями обеих стран. Это союз тайной ревизионистской лиги Виндишгреца и «Внешнеполитического отдела НСДАП». Именно этот союз сыграл решающую роль в последующих событиях.

Соглашение о сотрудничестве было подписано «Юго-восточной европейской секцией» розенберговского «отдела». Эта секция придерживается в своей работе тех же принципов путчизма, что и знаменитая австрийская секция («Главное Управление IV»), организовавшая венский путч 25 июля 1934 г. Сотрудники этой секции выступают официально вместе с Розенбергом как сотрудники «Бюро по изучению национальных меньшинств и национальных движений». В этой, приобретшей такое крупное значение в европейской политике, секции работают темные международные фашистские агенты обычного типа. Подобно самому Розенбергу, некоторые из них происходят из балтийских немцев. В числе сотрудников секции: господин «Степанов» — перевоплотившийся знаменитый Трепич-Линкольн, хорошо известный во всех темных фашистских закоулках Восточной Европы; доктор Гергард Петер — редактор нескольких балканских журналов в Берлине и «советник по югославским вопросам» розенберговского «отдела». Часть розенберговских сотрудников это — хорошо известные контрреволюционные офицеры австро-венгерской армии. Это публика того же склада и тех же наклонностей, — ведь на деле это та же клика, что и члены «Тес» и «Усташи». Бывший австрийский офицер доктор *Штейнахер*, действительный вдохновитель «Юго-восточной европейской секции» и, таким образом, всей тайной дунайской и балканской политики, является, вдобавок, еще выходцем из Каринтии — провинции, граничащей с Хорватией. Доктор Штейнахер был, кроме того, организатором ирредентистской крестьянской армии, которая зимой 1918/19 г., сразу по окончании войны, из южной Австрии подняла восстание против сербов. Этот человек относится к тому же типу, что и Хорти, Гембеш, Виндишгрец, Павелич, Саркотич и прочие эпигоны австрийского генерального штаба. Штейнахер работает сейчас на Гитлера, — это путь, избранный также и его старыми друзьями.

Полное взаимопонимание между «Тес» и ее сателлитами было достигнуто в 1933 г. после подробных переговоров. Еще задолго до того, в 1929 г., в Берлине делались попытки установить связь между Павеличем, главой «Усташи», и тогдашним командиром штурмовых отрядов Манфредом фон-Киллингером, подготовившим в свое время убийства Эрцберга и Ратенау. В январе 1932 г. глава штурмовиков Рем послал лидера австрийских национал-социалистов Фрауенфельда на фашистский конгресс в Софию, созданный теми же группами. Эти связи были еще нечеткими, как это обычно бывает между

фашистами. Вскоре после прихода Гитлера к власти в Будапеште начались переговоры, в которых среди прочих приняли участие оруженосец Розенберга Степанов, второй командир «Усташи» и комендант террористического лагеря в Янка Пуста Перчич и офицер венгерского генерального штаба Ковач¹.

Сотрудничество между Розенбергом, Виндишгрецем и Павеличем было разработано в деталях. В Берлине эти переговоры велись специальными посредниками, например, неизвестным фашистом графом Босси-Федериготти. Отныне «Тес» и вся ее система приобрели нового патрона. «Внешнеполитический отдел национал-социалистской партии» заключил одну из самых выгодных сделок за все время своего существования. Одним из первых непосредственных результатов этой сделки было перенесение главного штаба «Усташи» в Берлин.

Павелич и его ближайшие соратники Елич и Кватерник со всем аппаратом своих сотрудников также поселились в Берлине. В Берлине начали выходить три газеты хорватских террористов: «Nezavisima Hrvatska Drzawa» («Независимое Хорватское государство»), «Ustasha» и «Kroatiapress» (пропагандистский листок для заграницы). Официальным редактором последней газеты был доктор Гергард Петер, сотрудник «Внешнеполитического отдела НСДАП» (его подпись в газете была снята после первого же номера 20/I 1934 г. и заменена именем Павелича). Газеты печатались в типографии «отдела», денежные фонды шли оттуда же. Позже, в связи с установлением официальных отношений между Германией и Югославией, часть организации была перенесена в Данциг. Лагерь в Янка Пуста получил новые крупные субсидии.

Газеты «Усташи» начали бешеную кампанию против «еврейской антихорватской Югославии» и «противоестественной» Малой Антанты, суля в будущем беспощадный террор. Эти же газеты восхваляли германскую политику против «франко-чешско-еврейского капитализма» и «интернационального коммунизма» и превозносили Гитлера как спасителя Германии и вождя, возродившего немецкий народ². Кампания становилась с каждым месяцем все ожесточенней.

¹ Ср. отчет французского журналиста Мишеля Горель в «Excelsior» от 22/X 1934 г. Весьма вероятно, что Влада Георгиев также принимал участие в переговорах.

² После массовых расстрелов в Германии 30 июня 1934 г. «Nezavisima Hrvatska Drzawa», газета Павелича (от 15 августа 1934 г.), писала следующее: «Гитлер еще раз доказал, что он не только может организовать народ, насчитывающий около ста миллионов человек, но что он всегда, даже при самых трудных обстоятельствах, умеет держать народ в повиновении, что он умеет быть для народа не только вождем, но и, с благословения народа, монархом». Террорист пожимал руку террористу.

Положение в Юго-восточной Европе становилось все хуже как для ревизионистов, так и для Германии. Под руководством Барту Франция начала решительное контрнаступление против национал-социалистской опасности. 25 июля провалился путч в Вене. 8 февраля Югославия, Румыния, Греция и Турция образовали Балканскую Антанту, которая координировала действия этих государств с Малой Антантой, Австрией и Советским Союзом и воздвигла сплошной барьер, тянувшийся от Праги до Константинополя. 30 мая Франция с помощью румынских либеральных партий и Титулеску подавила попытку переворота короля Кароля, целью которой было создание «авторитарного правительства» фашистских групп с германской ориентацией.

19 мая про-французская офицерская партия в Болгарии восстала против правительства Мушанова и вырвала власть из рук «ИМРО» и поддерживающих эту организацию ревизионистски настроенных элементов. А в начале октября югославский король Александр должен был посетить Париж, чтобы завершить соглашение между Италией и Югославией. Этим козырем должна была быть бита последняя карта германско-ревизионистской политики на юго-востоке.

Все это походило на всеобщую катастрофу для Хорти, Михайлова, Павелича и, в большей степени, для Розенберга, их нового господина и хозяина, терявшего свои позиции одну за другой. Южная политика гитлеризма, проведение которой началось с такой энергией в 1933 г., — ось всей империалистической политики германского фашизма, — казалось, разлеталась вдребезги.

В середине 1934 г. центральный комитет «Усташи» принял следующую резолюцию (каждый мог прочесть эту резолюцию, так как она была напечатана в «*Nezavisima Hrvatska Drzava*»):

«Мы приговариваем Александра Карагеоргиевича к смерти. Хорватские инсургенты должны выполнить это решение в возможно более краткий срок. Наш вождь (т. е. Павелич)! Мы просим тебя отдать боевикам-инсургентам приказ о возможно более быстром приведении этого приговора в исполнение. Революция придет и потрясет Европу до основания. Мы прольем нашу кровь до последней капли, но мы не станем более ждать».

В августе 1934 г. «*Kroatiapress*», газета, первым редактором которой был розенберговский «советник» доктор Ретер, заявила:

«Пусть не думают Барту, король Александр, Бенеш и Титулеску, что они могут сколько угодно обманывать другие народы. Сама судьба скоро разубедит их в этом. Еще неиз-

вестны час, минута и место, где взорвется смертоносная бомба «Усташи»... Александр Последний в смертельном страхе ждет удара «Усташи». Но уже несомненно, что хорватский народ ждет только сигнала Павелича, чтобы взять оружие и смыть свой позор кровью».

В первых числах октября Павелич и Кватерник покинули Берлин. 9 октября Влада Георгиев — «инструктор» при штабе «ИМРО», представитель Михайлова в исполнительном комитете «Усташи», посредник между балканскими ирредентистами и «Тес» в Будапеште, офицер тайной армии фашистских ревизионистов — застрелил короля Югославии и министра иностранных дел Французской республики и поплатился при этом собственной жизнью.

Уголовный роман? Конечно. Но этот уголовный роман написан самой историей и теми силами, которые превращают мировую политику в преступление, ибо они не могут иначе, ибо это для них единственный путь, который может спасти их самих и их цели. Сараево тоже было уголовным романом. Но ведь оно завершилось мировой войной. Гангстеры в Европе занимают иное положение и располагают иными средствами, чем гангстеры в Америке. Скрытые за европейскими гангстерами движущие силы в миллион раз более могущественны.

«Внешнеполитический отдел НСДАП» играет политическую игру на свой манер. Для этого ведь он и существует. Он будет продолжать эту игру. Это не обязательно исключает, что национал-социалисты не будут применять другие «дипломатические» средства или, что они, например, после поражения «Усташи» не попытаются завоевать благосклонность Белграда. Национал-социалисты уже пытаются связаться с правящей камарильей генерала Вивковича (лидера сербских офицеров) в Белграде. Они надеются, таким образом, окольным путем, соблазнив Югославию «уступками» со стороны Австрии и Венгрии, заставить ее выйти из Малой Антанты. Именно с этой целью было предпринято путешествие генерала Геринга в Белград в июне 1935 г. Если эти планы осуществляются, все узы, связывающие Берлин с «Усташи», будут, конечно, сейчас же порваны. А для осуществления этих планов Берлин потратил немало усилий.

Но все это, однако, лишь детали. Одна линия идет от поджога рейхстага через кровавую расправу 30 июня и убийство Дольфуса к марсельским выстрелам. Последовательность и внутренняя логика событий должны с неизбежностью привести к дальнейшему продолжению этой линии, так как именно она полностью соответствует тому единственному пути, по которому может наступать непрерывно растущий, гигантский, опутанный цепями, германский империализм. Ибо он может

ныне вести свою политику, только расчищая перед собой путь при помощи взрывчатых веществ. Таков политический метод зажатого в тиски, высоко развитого империализма. В этом состоит историческая неизбежность, категорический императив нынешнего национал-социалистского заговора в Европе.

* *
*

Потерпел ли этот заговор окончательное поражение? Ни в коем случае. Австрия и Югославия вырвались в 1934 и 1935 гг. из этого страшного сжимавшегося вокруг них кольца. Но надолго ли?

Мы не пророки. Пророчество неуместно в мировой политике, где нужен только анализ тенденций развития. Но не надо быть пророком, чтобы предсказать, например, то, что следующий удар, который нанесут заговорщики на юго-востоке Европы, падет, по всей вероятности, на *Румынию*.

Румыния не относится к числу стран, требующих ревизии мирных договоров 1919 г., — она не была тогда побеждена и изувечена. Румыния относится к странам Малой Антанты и Балканской Антанты, к числу счастливых, пожинающих плоды Версаля. И, несмотря на это, штаб «юго-восточной европейской политики» в Берлине располагает и здесь — точно так же, как в Венгрии, Болгарии, Хорватии и других странах — орудием для «ниспровержения» иностранной политической линии и для проведения фашистско-террористического переворота. Этот аппарат не ограничивается ревизионистски настроенными странами. Он пронизывает целую географическую зону, действует разными способами, играет на разные политические лады. В данном случае на первый план выступает нелегальная румынская организация «Железная гвардия». *Для нее* борьба еще впереди.

«Железная гвардия» (Garde de Fier) была всего несколько лет назад чисто террористическим, малоизвестным тайным обществом, под названием «Архангел Михаил». Ныне это — иррегулярный фашистский корпус, пользующийся значительным влиянием среди румынского крестьянства, студенчества и офицеров. Подготовку к грядущим решительным боям «Железная гвардия» начала еще в декабре 1933 г. В этом месяце ею был убит премьер-министр Румынии Дука — лидер либеральной партии и твердый сторонник французской ориентации. Заговор, организованный для его убийства, был оформлен совершенно по образу и подобию заговоров, устраиваемых бандами «Усташи» или Михайлова.

Убийца Константинеску был адъютантом главы «Железной

гвардии» *Корнелиу Кодреану*, начавшего свою карьеру в 1923 г. также с убийства. В связи с запрещением антисемитской студенческой демонстрации в Яссах им был убит местный префект полиции. Кодреану, являющийся на самом деле не румыном, а украинцем — по фамилии Зелинский, возглавляет вооруженную организацию, в которую входят тысячи мелкобуржуазных юнцов, студентов и обманутых крестьян. Организация разбита на так называемые «легионы смерти», наводящие страх во многих местностях Румынии.

Даже будучи официально запрещена, эта банда, применяющая методы Ку-Клукс-Клана, долгое время делала в стране фактически все, что хотела. За последние год или два она даже обогнала, пожалуй, антисемитское движение профессора Куза (лига «Ланк»), движение, рассчитывающее на более широкие массы и более «демократическое» по своему составу. И все-таки действительная сила «Железной гвардии» и ее расчеты на успех планов переворота исходят из внешнего источника. Когда Кодреану и его летеинанты предстали в марте 1934 г. перед военным судом по обвинению в убийстве премьер-министра своей страны, они были не только оправданы, но даже заслужили полное одобрение.

Как могло это произойти? Франкофильские либеральные правящие круги в Румынии (партия Братиану — Титулеску) и радикальное демократическое крестьянство («царанисты», во главе которых стоят Маниу и Михалаке) являются решительными противниками «Железной гвардии». Но зато две другие мощные силы в стране ее тайно поддерживают. Эти силы — армия и двор.

Офицерский корпус — отпрыск феодальной касты бояр (крупных землевладельцев), правившей страной до войны, возглавляется престарелым маршалом Авереску, который еще тридцать лет назад руководил кровавым подавлением восстания румынского крестьянства, а в 1918 г. расстрелял сотни бастовавших рабочих. Офицерский корпус боится пробуждающегося валахского и молдавского крестьянства и ненавидит его. После войны крестьяне, впервые со времен турецкого господства, получили куцую аграрную реформу, и теперь силы их все больше крепнут. Двор — окружение молодого короля Кароля — боится и ненавидит как крестьянство, так и либеральную партию, которая почти непрерывно правила страной в годы войны.

Либеральная партия заключила союз с другой ветвью династии, представленной Марией, королевой-матерью. Этой группе удалось однажды в прошлом добиться отречения и изгнания короля Кароля. Армии и двору никогда еще до сих пор не случалось обладать в Румынии полнотой власти,

власти, олицетворявшей до сих пор Титулеску, который пользовался доверием других групп. Но армия и двор борются за власть неумолимо и в течение ряда лет готовят переворот, который должен смести парламентский режим и его партии и установить военную диктатуру.

Мадам Лупеску, фаворитка короля и неофициальная королева Румынии, является давнишним врагом Братиану, Титулеску, Дука, Маниу и всех парламентских сил. Камарилья, группирующаяся вокруг этой дамы, представляет, как в абсолютных монархиях XVIII в. или в России времен Распутина, сильную и упорную оппозицию, расположившуюся у самого кормила власти вокруг особы короля. Эта группа ждет только удобного момента для выступления. Она держит в своих руках важные административные посты, и размеры ее влияния не поддаются учету. Так, «личный секретарь и друг короля» Дину Думитреску в течение ряда лет имел возможность вмешиваться в дела государства через голову членов правительства. Отец его, генерал Думитреску, был начальником жандармерии. Другие члены клики держат в своих руках военное министерство, тайную полицию («сигуранцу»), командование гарнизонами и пр.

В 1934 г. правительству удалось заставить кое-кого из этой продажной клики выйти в отставку. Дука пытался совершенно покончить с этим злом. Но Румыния является монархией. Дворцовая клика, мечтающая о восстановлении деспотизма бояр, представлена в общественной жизни несколькими «независимыми» реакционными политиками типа Авереску, Вайда-Войводы, Аржетойяну и др. Правда, никто из них не имеет большого числа последователей ни в парламенте, ни в стране. Но все эти политики, в совокупности, являются убежденными сторонниками и борцами за режим чисто «авторитарного» личного правления короля.

Самым серьезным противником такого режима и главным препятствием к его проведению является Титулеску, вместе со своим «демократическим» лагерем. Титулеску был всегда настроен вполне франкофильски и всю свою силу черпал во Франции. Вот почему клика двора и генералы настроены в первую очередь и сильнее всего против Франции. Кроме того, эта клика настроена враждебно также и по отношению к Советскому Союзу и «коммунистической опасности», в которой эта группа видит наиболее непосредственную и роковую угрозу династии и крупному землевладению.

Однако мадам Лупеску и армия не располагают в стране партией, которая могла бы произвести переворот в их пользу. Эти группы по рукам и ногам связаны франкофильской Малой Антантой. Последняя зорко следит за тем, что происходит

в Бухаресте и уже однажды содействовала отречению от престола мятежного наследника Кароля. Но реакционный лагерь не сможет выступить вторично на свой страх и риск. Эта роль выпадет на долю фашистов вроде молодцов из «Железной гвардии», которые еще вчера были безвестными террористами, а завтра могут стать преданнейшими защитниками короля.

«Железная гвардия» стреляет в премьер-министра — друга Титулеску. Одновременно она выражает верноподданические чувства по адресу короля. Двор и генералы почти открыто добиваются оправдания участников убийства Дука. Среди последних один из лидеров «Железной гвардии» и хорошо известный генерал Кантакузен. Во время визита Барту в Румынию летом 1934 г. «Железная гвардия» устраивает по всей стране демонстрации за короля и маршала Авереску против французского министра иностранных дел. Брат короля, князь Николай, предоставляет в распоряжение «Железной гвардии» часть своего имения, в котором «Железная гвардия» — запрещенная организация — устраивает вооруженный лагерь. И самое пикантное: «Железная гвардия», эта яростная антисемитская партия, организатор кровавых еврейских погромов в Румынии, совершенно открыто сносится с мадам Лупеску, знаменитой примадонной двора... еврейкой по национальности. Кодреану даже причисывает в связи с этим свою официальную антисемитскую программу. Это его компромисс с «реальной жизнью».

Глава румынских фашистских террористов готов сыграть роль Гитлера. Роль Гинденбурга играет король. Папеновскую роль посредника выполняет румынская мадам Помпадур, комбинирующая будuarную политику с выполнением миссии фашизма. Это новый вариант морганатических связей, так часто и быстро заключаемых этим движением, готовым на все в борьбе за власть. Так готовится грядущий переворот. Власть Титулеску уже в течение ряда лет висит на волоске¹.

Первая попытка, сделанная в этом направлении в конце мая 1934 г., потерпела поражение. Дворцовая клика принудила либеральное правительство Татареску — Титулеску подать в отставку и чуть было не призвала к власти «авторитарное» правительство маршала Авереску. Последний, опираясь на короля, армию и фашистов, должен был разогнать парламент и начать наступление на крестьян и рабочих. Более восьмидесяти генералов в армии поддерживало переворот. Но Франция, в последний момент, мобилизовала все свои силы на Балканах и побудила две большие парламентские партии в Румынии — либералов и царанистов — предъявить королю

¹ Этот «волосок» был оборван, когда книга печаталась. В конце августа 1936 г. Титулеску был «исключен» из состава правительства королем и военными кругами.

объединенный ультиматум. Только лихорадочные усилия преодолели на этот раз «легальный» переворот в Румынии. Но террористическая «Железная гвардия», имеющая так много могущественных покровителей, осталась в засаде.

Румынская мелодрама это не театральная пьеса, точно так же, как происходящее в Югославии или Болгарии — не уголовный роман. Румынский спектакль поставлен тем же режиссером, который руководит событиями в Югославии или Болгарии. Дунайский ревизионизм и румынский монархизм это два козыря в игре, это два лезвия одной и той же шпаги, рукоятку которой крепко сжимают на севере.

Заговорщики «Железной гвардии» связаны с теми же тайными силами и организациями, которые вдохновляют Виндишгреца, Павелича, Михайлова и других «мстителей» на правом берегу Дуная. Кодреану, «легионы смерти» которого носят знак свастики на своих зеленых рубашках, регулярно (так же, как и лига «Ланк» профессора Куза) получает миллионные субсидии от национал-социалистов. Его соратники и офицеры инструктируются и обучаются в Германии. Его газета «*Calendarul*» финансируется из Германии. 700 тыс. германских колонистов в Румынии, находящихся под непосредственным руководством Берлина и организованных в военную силу, поддерживают «Железную гвардию» всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Но теперь для Германии важнее всего объединение различных фашистских организаций и направлений в Румынии. Это самый настойчивый из всех «советов», даваемых Бухаресту из Берлина. В 1935 г. была сделана попытка объединить антисемитскую лигу Кузы, фашистскую аграрную партию Гоги, «Железную гвардию» и группу, возглавляемую другом короля, бывшим премьер-министром Вайда-Войводой, в единый «румынский фронт». Последний должен был составить основу для нового «авторитарного правительства».

До сих пор произошло слияние лишь первых двух из перечисленных организаций. Дело не обошлось при этом без ближайшего участия бухарестского корреспондента «*Völkischer Beobachter*» Вебера, высланного, в связи с этим, из Румынии. Вайда-Войвода заявил: «Гитлер — наш покровитель в борьбе против коммунизма». Дворцовая камарилья и ненавидящая Титулеску армия не хотят никакой иной ориентации, кроме германской.

Король Кароль принадлежит к династии Гогенцоллернов. Самые приближенные к нему люди — Авереску, Вайда, Аржето-йяну, Манойлеску — не только открыто поддерживают перемену фронта в пользу Германии, чтобы парализовать Францию и в один прекрасный день напасть на Советскую Молдавию. Часть из них, кроме того, тесно связана с капиталистическими

предприятиями, которые Германия в последнее время неустанно насаждает в Румынии. Этот процесс идет отчасти через посредств «великого» Дрезденского банка Шахта и Тиссена.

В 1932 г. 41% всей румынской нефтепромышленности принадлежал англо-голландскому капиталу, 21% — франко-бельгийскому, 9% — американцам и итальянцам, 20% — румынам и только ничтожно малая часть находилась в руках немцев. Теперь не только значительная часть румынских акций обществ для контроля, так называемых холдинг компаний, но и большая часть других акций находится в руках немцев. Нефтяная промышленность — главная экспортная отрасль в стране и главная опора государственного бюджета. Дрезденский банк приобретает также контроль и над румынской хлебной торговлей. С 1934 г. Германия играет в румынской внешней торговле гораздо более крупную роль, чем до того.

До сих пор командные посты в хозяйстве страны находились почти исключительно в руках либеральной и франкофильской «династии Братиану» (Братиану контролировали «Банка Романеска», крупнейший концерн по производству вооружений «Решица» и т. д.). Теперь появилась новая мощная капиталистическая группа, связанная с «партией короля». «Внешнеполитический отдел» господина Розенберга имеет, как известно, «экономическую секцию» (ее главой является бывший посланник Дайтц), тщательно координирующей наступление германских банков и промышленности с империалистической стратегией национал-социализма. (Ср. с делом Альпийской горной компании в Австрии — см. главу II второй части.)

Когда все эти усилия принесут плоды? Когда придет конец Титулеску? Когда удастся Вайде и Кодреану водрузить на королевском дворце знамя со свастикой? Когда Розенберг возьмет Бухарест натиском?

Все это может произойти даже раньше, чем будет иметь место победа в «ревизионистских» странах; ведь Румыния находится в состоянии полного разброда. И тогда не останется ничего, что могло бы воспрепятствовать террористско-фашистскому заговору национал-социалистов охватить, подобно лесному пожару, всю Юго-восточную Европу.

Если пожар охватит Будапешт, Вену, Софию, Белград и Бухарест, то он не пощадит и *Прагу*. Даже в этой самой антиревизионистской из всех антиревизионистских стран Европы, в самом сердце Малой Антанты, в цитадели самого Бенеша, даже в ней имеется приведенный в готовность механизм, который в нужный момент должен привести в действие заложенную мину и взорвать цитадель на воздух.

120 тыс. организованных и милитаризованных членов «Южно-германского отечественного фронта» (S.H.F.) пред-

ставляют собой замаскированную лигу германских национал-социалистов в Богемии. Эта лига разбита на «сотни» по образцу берлинских и венских штурмовых отрядов. Лига хорошо вооружена и фактически господствует в Богемии, составляющей четверть чешского государства. Кроме того, лига поддерживает сношения с недовольными «автономистами» в соседней Словакии. Эта лига — тот резервный отряд великой путчистской дунайской армии, который должен вступить в бой последним.

Но Бенеш знает — и этим объясняются многие колебания, а также порой слабости и неопределенность чешской политики, — что дуло винтовки постоянно направлено на сердце Праги. Национал-социалисты Генлейна со времени выборов 1935 г. являются в Чехословакии самой сильной партией. Бенеш знает, что достаточно успешного восстания национал-социалистов в Вене, войны и наступления, предпринятого новыми хозяевами положения в Будапеште или Бухаресте, чтобы заронить искру в Богемии и раньше или позже превратить ее в пылающий костер восстания немецких богемцев и словаков против «чешского ига». Ведь таким образом была бы окончательно завершена постройка моста между Берлином, Веной и Будапештом.

Наилучшим образом защищенные позиции Малой Антанты воспламятся в последнюю очередь, когда почва будет для этого подготовлена повсюду. Но нет никаких сомнений в том, что пожар охватит Чехословакию. Чехословакия одна не может противостоять бурному пенящемуся дунайскому потоку, грозящему снести всю нынешнюю систему. Конрад Генлейн, молодой вождь богемских штурмовиков, ждет только своего часа, чтобы выступить против Эдуарда Бенеша. Скоро и в Чехословакии послышатся выстрелы «ревизионистов».

Вот что происходило за юго-восточной европейской политической сценой в 1934 и 1935 гг. Подобные события будут разыгрываться и в 1936 и в 1937 гг. Вена и Марсель были самыми громкими взрывами, отметившими первый штурм в развертывании «генерального путча» на Дунае и на Балканах. Шушниц, Бенеш и белградское правительство едва устояли против этого натиска.

Несмотря на поражения, наступление не приостановилось ни в Вене, ни в других местах. Оно продолжается в грубых, чудовищных формах. Мы увидим далее, какие сокровенные, глубокие мотивы движут этой борьбой, делая ее проклятой и фатальной необходимостью. Национал-социалисты не могут отказаться от этой борьбы. Подобно одержимым, подобно людям, находящимся в трансе, они не могут приостановить свою подрывную работу в Восточной Европе. Либо они завоюют ее, либо потерпят окончательный, полный крах.

ГЛАВА V

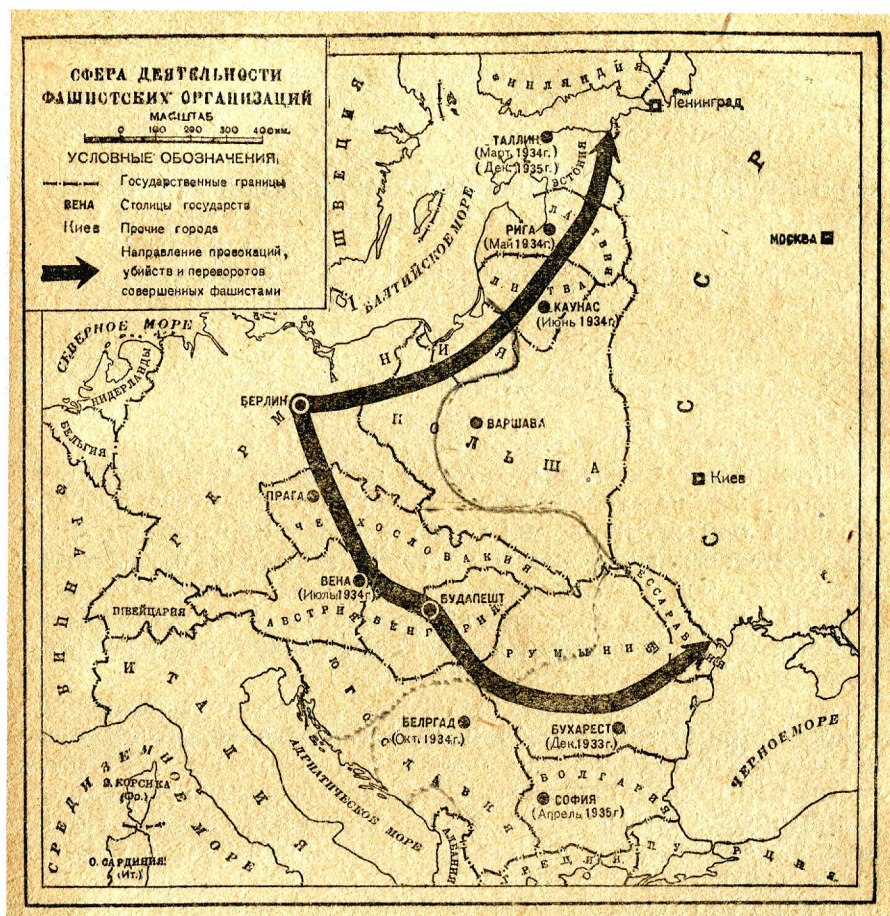
СОЗДАНИЕ ФАШИСТСКОЙ ЛИГИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

(Гитлер — Бек)

Юго-восточная диагональ, т. е. линия Вена — Будапешт — Белград — София — Бухарест — Черное море, отчетливо обозначает усилившуюся, начиная с первых месяцев 1934 г., путчистскую деятельность и фашистскую активность в Европе. Другая, столь же четкая и прямая, диагональ ведет в *северо-восточном* направлении: по линии Варшава — Ковно — Рига — Ревель — Гельсингфорс. Это две заостренных стрелы — к Черному морю и к Балтийскому морю. В точке пересечения обеих лежит Берлин.

Что происходит на северо-востоке? Стрела указывает на новый очаг опасности. Картина здесь снова та же; вся зона словно сотрясается от сильных подземных толчков. Здесь преобладает та же тенденция: постоянная заговорщическая деятельность и наступление со стороны крайних фашистско-террористических групп. И здесь снова создается впечатление, почти полная уверенность, в существовании *центральной* руки, действующей за различными группами и направляющей их деятельность в одну и ту же сторону — руки *региональной* (в отличие от национальной) фашистской лиги.

Это впечатление вполне соответствует действительному положению. В Северо-восточной Европе так же, как и в Юго-восточной, возникла в 1934 и 1935 гг. мощная, охватывающая большое пространство, лига, лихорадочно пытающаяся подчинить своему влиянию всю эту зону и мобилизовать ее для единой политической цели. Употребление термина «лига» не случайно. Эти «лиги» являются новостью в европейской политике и в некоторых отношениях напоминают и вновь вызывают к жизни методы и *формы средних веков*. И тем не менее они являются реальностью; и притом реальностью, которая будет существовать и впредь, играя все увеличиваю-

щуюся и все более заметную роль в грядущих конкретных политических событиях. Что это за лиги?

На первый взгляд это как будто простое продолжение всеобщего международного процесса «фашизации», все шире и глубже захватывающего отдельные районы и непрерывно образующего новые комплексы. На самом же деле, за этим процессом скрывается новое и гораздо более важное явление. Новые фашистские территориальные группы, которые создаются таким образом, это не простые политические системы. Их структура двойственна; их сила и импульс не возникают исключительно и в первую очередь на их собственной почве. В действительности они являются живыми частицами, составными элементами динамики более развитого центрального фашизма; это он высвобождает их, приводит в движение

и направляет по орбите своего политического и экономического притяжения, образуя центральное тело, вокруг которого вращаются эти спутники.

Центральный фашизм, фашизм с более мощным концентрированным капиталом в качестве стержня и с более высокой политической и военной организацией, притягивает, мобилизует и *объединяет* национальные фашистские движения в находящейся под его влиянием зоне и заражает их своей собственной империалистской сущностью. Он становится, таким образом, как бы рассадником международного фашистского движения, создавая или усиливая базу движения повсюду, где местные капиталистические или социальные условия для этого не подходят или недостаточны.

Современная капиталистическая олигархия не только производит фашизм, но и экспортирует его. Новые фашистские территориальные системы, которые возникают таким образом, служат уже не только внутренним целям — отечественной реакции; они являются в первую очередь империалистскими исполнительными органами, инструментами для осуществления конкретной *международной политической* цели их создателя. В результате появляются фашистские лиги, устремления которых сходятся на этой цели. Таков конкретный результат современной международной политики.

Эти «секции» розенберговского «коричневого интернационала», который он основал в 1933 г. для того, чтобы проводить влияние национал-социалистской партии в известных частях континента, первоначально были, главным образом, орудиями пропаганды¹; теперь, по мере того как сильный гитлеровский империализм теснее связывался и сливался с местными фашистскими движениями, эти секции превращались в региональные фашистско-империалистские лиги, лиги, которые являются участниками *всемирного «крестового похода»*.

В этом сущность происходящего и сущность того, что еще обнаружится впоследствии в гораздо более явственной форме. Дело не только в могучем поступательном движении, которое начал и будет дальше развивать германский империализм, компенсируя себя таким образом за другие тяжелые поражения. Это одновременно поворотный пункт и изменение характера развития мирового фашизма в целом. Речь идет уже не об отдельных фашистских партиях, а о больших концентрических территориальных борющихся системах, находящихся под опекой и руководством нескольких главенствующих центров.

¹ См. «Гитлер над Европой?» глава II, часть II, описание этой системы для севера, востока и юга континента.

Эта тенденция исторически очень важна; если не распознать ее как следует, не проследить тщательно и не дать ей отпора, то возможны опасные сюрпризы¹. Именно в этом причина событий 1934—1935 гг. На юго-востоке происходит слияние венгерского, австрийского (путчистского), болгарского, хорватского и отчасти румынского фашизма. На северо-востоке появляется лига, которая охватывает не менее *восьми* четко определенных фашистских сил в этой зоне и которая очень скоро, развернув свой фронт полностью, окажется в центре мировой политики.

Что представляют собой эти восемь сил в новой восточно-европейской фашистской лиге и за что они борются?

1. Первой из них, идущей в голове колонны и играющей здесь такую же сплачивающую и руководящую роль, как венгерский ревизионизм в дунайской лиге, является *польский фашизм*; фашизм, подобно германскому и венгерскому, находящийся уже у власти. Человеком, который олицетворял собой этот фашизм, который создал его и хотел сделать его еще более могущественным, расширив его далеко за пределы его нынешних границ, был маршал Пилсудский; некогда террорист-социалист, позже некоронованный король Польши, он был здесь центральной фигурой, подобно Гембешу в Юго-восточной Европе. А тайной террористской военной организацией, действующей здесь также как скрытый внутренний двигатель и исполняющей в крупном масштабе функции «Тес» в балтийской зоне, является известная «Polska Organizacja Wojskowa» или «POW» (Польская военная организация).

Эта организация возникла когда-то как «террористическая группа» нелегальной социалистической партии Польши («Wojówka PPS»), члены которой бросали бомбы в царских генералов и которая боролась против захвата Польши царской Россией. В то время она была известна как «польский инсургентский легион», участвовавший в мировой войне в составе 10 тыс. человек на стороне Германии против России. Сегодня она выступает под политическим псевдонимом «*группы полковников*» и бросает свою тень на всю Польшу. Эта организация, которая считает, что именно на ее долю выпала честь завоевания независимости современной Польши, в течение тридцати лет была проникнута духом Иосифа Пилсудского, была его силой и опорой; а ее младшие лидеры — полковники Бек, Славек, Пристор, Свитальский, Матушевский и др. до

¹ Знаменательно, что недавно ту же тенденцию можно было наблюдать не только на Дальнем Востоке («антикоммунистический союз провинций Северного Китая»), но даже в Южной Америке (проект «английского блока», состоящего из Уругвая, Бразилии, Аргентины и пр.) и, конечно, на западе, средиземноморской зоны (Испания — Италия).

сих пор являлись фактическими правителями государства и столпами польского фашизма.

Но что представляют собой Бек и «полковники Пилсудского»? Кто выдвинул их, и куда влечет их ужасная, видимо непреодолимая, судьба; что представляет собой эта движущая сила, которая уже в 1934 г. вызвала такие резкие сдвиги в европейской политике и которая в будущем может привести к совершенно непредвиденным последствиям.

Здесь мы видим поразительную иллюстрацию истории и природы современного фашизма; иллюстрацию, показывающую, какой характер может принять это «завоевывающее мир» движение и какие силы его порождают.

Пилсудский был выразителем интересов старого польского феодализма, который снова воскрес в XX столетии. Фашизм стал его новым щитом и эмблемой. Бек, Славек, Пристор, все террористские социалисты в прошлом и маршалы национальной Польши в настоящем, являются непосредственными преемниками и наследниками старых польских феодальных магнатов XVI и XVII столетий, этой касты олигархов и владельцев огромных поместий Радзивиллов, Потоцких, Сапег, Чарторыйских, Вишневецких и др., которые владели часто сотнями тысяч, а иногда даже миллионами¹ гектаров земли, т. е. настоящими аграрными колониями; эти магнаты со своими суверенными армиями составляли в течение веков действительную основу польского государства и толкали его на путь безграничной экспансии.

Они являлись, быть может, самыми крупными феодалами в истории, разбойниками-рыцарями крупнейшего пошиба, но аппетиты их были еще более чудовищными. Миллионы крестьян и поселенцев на всем пространстве между Балтийским и Черным морями были их крепостными; все польское дворянство, «шляхта», было их покорными приверженцами, король Польши — политическим исполнителем их воли. А главной их целью, целью, которой они неуклонно добивались столетиями (фактически вплоть до первого раздела Польши) и от которой они никогда не отказывались, было завоевание и включение в Польшу Украины, Литвы и России.

В те времена эти их притязания также поддерживал иезуитский орден, первостепенная международная и реакционная политическая сила, который использовал их как ударные отряды католицизма «на Востоке». Экономической подоплекой этого было необузданное безграничное стремление собственников-феодалов к территориальным завоеваниям, к новым источникам ренты, новым аграрным колониям для эксплуатации.

¹ Радзивиллы.

Ныне наследники Пилсудского находятся точно в том же исходном пункте. Больше того, они снова представляют преимущественно *точно те же специфические интересы*.

В этом смысл чудовищного анекдота современного фашизма. Главные вдохновители и люди, изнутри поддерживающие в настоящем «полковников» из варшавской группы, являются прямыми потомками как раз крупнейших аграрных династий феодального периода — Радзивиллов, Потоцких, Сапег и т. д. Бек и его клика — как когда-то польские короли — являются подлинными выразителями их политики. Это произошло не сразу, но это стало неизбежным благодаря своеобразным условиям развития и географическим изменениям в новейшей революционной истории Европы.

Русская пролетарская революция, происшедшая в 1917 г., одним ударом уничтожила феодальную земельную собственность в Российской империи. Между Тихим океаном и Балтийским морем в течение нескольких месяцев в народном гневe, в огне восстания революционных рабочих и крестьян, лишился богатств тот класс, который так долго, соединяя европейские манеры с азиатской жестокостью, эксплуатировал одну шестую земного шара. Русский феодализм разлетелся на куски, как глиняный горшок. Но этот исторический процесс был доведен до конца не на всей территории России. Он был завершен на востоке и в центре старой царской России, но он был искусственно прерван и прекращен на самой западной ее окраине — на территории, где лежит современное государство Пилсудского.

Польская буржуазия воспользовалась гражданской войной для того, чтобы на своей территории исказить социальную революцию и превратить ее в «национальную революцию», т. е. сменить русских буржуа на польских буржуа. А в 1920 г., при военной поддержке всей капиталистической Европы, она оторвала еще один кусок русской территории — с запада и с юга.

Это было поразительное зрелище. К востоку от линии между Двиной и Днестром старые земельные собственники и магнаты с «голубой кровью» были экспроприированы, изгнаны, посажены в тюрьмы, убиты. К западу от этой линии они расправлялись с крестьянами при помощи пушек. Именно в этих окраинных районах Белоруссии и Украины старые феодалы с незапамятных времен владели огромными поместьями. И было только естественно и неизбежно, что этот феодализм, пока не подорвана его мощь и не сломлена его упрямая воля к действию и мщению, должен был поглотить Пилсудского, человека, который сам был прежде дворянином и помещиком, который успешно провел войну с Россией и спас существование польских имущих классов. Таким образом его нацио-

нальная революция стала феодальной контрреволюцией. Таким образом польский фашизм стал креатурой, оплотом и орудием *Радзивиллов*.

Князь Януш *Радзивилл*, который сегодня подобно своим предкам, знаменитым литовским воеводам, владеет целыми уездами на северо-востоке Польши, в течение нескольких лет был официальным председателем комитета по иностранным делам польского сейма. Это он стоит за Бекем. Это он вдохновляет новые схемы и планы польской политики; он является также одним из действительных лидеров и людей, оказывающих финансовую поддержку так называемому «правительственному блоку» — коалиции партий, образовавшейся после переворота Пилсудского, чтобы поддержать маршала и «полковников», и неизменно составлявшей с тех пор абсолютное большинство в польском парламенте.

Князь Евстах *Сапега*, предки которого в течение трех столетий были воеводами Белоруссии и вели бесконечные войны с Россией от имени Польши, является сегодня неофициальным вице-королем Польши в Вильне. Это он фактически поддерживает известную «Виленскую консервативную группу» депутата Мацкевича, которая лицемеряет польский империализм в этом литовско-русском окраинном доминионе Варшавы и при посредстве двух организаций, виленского университета и газеты «*Slowo*», непрерывно призывает в течение пятидесяти лет к дальнейшей экспансии Польши на восток. Сапега был польским министром иностранных дел; другой член этой семьи — князь Адам Сапега — краковский архиепископ и глава влиятельного польского клерикализма.

Граф Адам *Потоцкий*, предки которого были галицийскими воеводами и завоевателями Украины, где они владели целыми королевствами, является ныне, вместе с другими членами его династии, крупнейшим землевладельцем южной Польши и в то же время одним из самых влиятельных лиц, связанных с «полковниками»; у него гостил Лаваль во время своего визита в Польшу в мае 1935 г. Один из графов Потоцких, умерший в 1934 г., оставил состояние в полмиллиарда франков, в том числе 80 тыс. га земли.

Князь Здислав *Любомирский*, династия которого также владела частью Украины, а в XVIII в. даже домогалась польской короны, был назначен германской оккупационной армией в Варшаве в 1918 г. регентом Польши. Теперь он является председателем комитета по иностранным делам в польском сенате (вторая палата); он принимал мистера Антони Идена во время его последнего визита в Польшу.

В послевоенной Польше нет владык более могущественных, чем они. А в то же время в этой стране 18 млн. крестьян,

или 80% всего сельского населения, фактически лишены собственности или владеют наделами, меньшими чем 5 *ц* или даже 2 *га*. Министерство иностранных дел в Варшаве заполнено эмиссарами этих аграрных династий и представителями других аристократических фамилий, которые концентрируют в своих руках все важные посты: граф Зембек (товарищ министра по иностранным делам), граф Иержи Потоцкий (сенатор и посланник), граф Ромер (глава протокольного отдела), граф Любянский (глава секретариата Бека) и т. д. Таков секрет Бека — оборотная сторона «польского сфинкса», о котором последнее время так много спорили и размышляли. И вся эта система, система феодального фашизма, увенчана «группой полковников», блестящей политической вершиной пирамиды: офицерами штаба земельных магнатов. Смерть Пилсудского, их маршала, ослабила позицию этих кругов и усилила другие клики.

Соперничающая группа нового главы армии, генерала Рыдз-Смиглы (так называемая «Z-группа»), недавно увеличила свое влияние на внутреннюю политику Польши. Но «полковники» все еще выжидают и, как и прежде, они направляют внешнюю политику. И тут Иосиф Бек — министр иностранных дел, который с 1914 г. был офицером Пилсудского, а затем в течение пяти лет его личным секретарем — является главным наследником. В любой момент возможен внезапный переворот «группы полковников».

Тот факт, что крайняя группа польского фашизма по своему характеру, происхождению и даже по своим непосредственным устремлениям является преобладающе феодальной¹, объясняет также ту важную и знаменательную эволюцию, которую Польша Пилсудского проделала на международной политической арене. Городская торговая и промышленная буржуазия Польши, которая до последнего переворота Пилсудского определяла ориентацию страны, думала об интересах промышленного экспорта и была, следовательно, против Германии, своего наиболее опасного соперника, у которого она

¹ «Феодальная» — естественно, в смысле социально-исторического происхождения и преобладающих экономических интересов этой касты. Ясно, что Радзивиллы, Потоцкие и др., накопившие огромные денежные богатства благодаря получаемой ими ренте, вкладывают их в значительной степени в промышленность и финансы (многие из них — директоры ведущих промышленных компаний и банков) и являются сегодня в такой же мере финансовыми капиталистами, как и крупными землевладельцами. Но этот финансовый капитал, который стоит за фашизмом Пилсудского, сохраняет свою специфическую аграрную ориентацию и тенденции. Анти-тезисом ему являются, например, более молодые промышленные и торговые группы Варшавы и Лодзи, которые именно поэтому выдвинули другую разновидность польского фашизма — крайнюю оппозиционную партию «национал-демократов».

захватила после войны угольные районы Верхней Силезии и экспортную гавань Данциг; партия этой группы — «национал-демократы» — никого так сильно не боялась и не ненавидела, как «наследственного врага на западе», и заключила военный союз с Францией, чтобы не дать Германии снова укрепиться.

В это время ориентация и агрессия польских аграрных капиталистов шла как раз в противоположном направлении. Они глядели на восток, а не на запад. Они были меньше заинтересованы в промышленном экспорте и симпатизировали германской аграрной аристократии, с которой, через Познань (особенно ярко это проявилось на примере с Радзивиллами), они были связаны бесчисленными родственными узами. Как зачарованные они не могли оторвать своего взгляда от тех мест, где находилась когда-то главная масса их легендарных богатств и колыбель их фантастических цезаристских планов: они направляли свои взоры к великой восточной земледельческой равнине Белоруссия — Воынь — Украина. Они никогда от нее не отказывались. Даже после раздела Польши и при господстве русских царей они оставались — с небольшими потерями — действительными господами в этой зоне, потому что русские цари, желая иметь на своей стороне таких сильных слуг, оставляли им большую часть их поместий и их крестьян. Радзивиллы и Потоцкие принадлежали к высшему слою русского эксплуататорского класса помещиков.

Сила, которая сокрушила и уничтожила их мощь, их «частную империю», пришла только в 1917 г., вместе с Лениным и рабочим классом России. Во время большевистской аграрной реформы были конфискованы все их имения на Украине и почти все в средней России и на Воыни. Таким образом погибли состояния в сотни миллионов фунтов стерлингов. Они пытались еще в 1919 и 1920 гг. организовать контрудар и уже тогда пытались с главнокомандующим Пилсудским и его «полковниками» отвоевать Украину. Пилсудскому пришлось удирать из Киева; по польско-советскому Рижскому миру (1920 г.) к Польше отошли лишь сравнительно небольшие лоскутки этой территории. Но с тех пор непрерывно, в течение всего последующего периода, они только и ждут нового благоприятного момента выступить во имя той цели, которая всегда определяла и продолжает определять их частную или политическую деятельность.

До тех пор пока в Западной Европе могущественная Франция была явно антисоветской (в 1920 г. Франция помогала военной компании Пилсудского через генерала Вейгана), а, с другой стороны, слабая демократическая Германия заключила с Советской Россией Рапалльский договор, — эти польские феодальные магнаты поддерживали официальную поли-

тику франко-польского союза. Но в тот момент, когда в Германии появился Гитлер и провозгласил и Париж и Москву будущими объектами германского наступления, а Франция, естественно, в целях самозащиты, вступила на путь сближения с Советским Союзом, определилась окончательная позиция польского феодализма и польского фашизма. Они всегда были против Востока. А теперь они должны были пойти и против Франции: Радзивилл, Пилсудский и Гитлер выстроились в одну шеренгу.

Можно провести прямую параллель между тем, что произошло здесь и в Юго-восточной Европе, где точно таким же образом Гембеш и его венгерский ревизионистский фашизм были «подобраны» и активизированы Гитлером и стали его младшими партнерами в этой зоне. Польские фашисты — также «ревизионисты». Но кроме того этот процесс сигнализирует о чем-то еще более важном. Он показывает, как центральный или *центродинамический* фашизм (Германия), основывающийся на высоко интенсивном монополистическом капитале, может привлекать и практически поглощать местный второстепенный фашизм, собственные корни которого совершенно иного, более раннего, происхождения, в данном случае феодального. Венгрия Гембеша это также главным образом аграрный фактор.

Центральный фашизм воздействует, электризует и ассимилирует местные феодально-фашистские элементы и в этом процессе создает, во всяком случае на определенный период и для определенной цели, высшие империалистские объединения. Это и есть фашистские региональные лиги. Такова в данном случае новая восточноевропейская лига Гитлера и Бека, лига германских коричневорубашечников и польской военной организации, баронов тяжелой индустрии Рура и феодальных воевод с Вислы.

Общая цель этой лиги ясна: завоевание и раздел внутренней Восточной Европы как единственное средство к необходимому «расширению Европы на восток». На севере — передача Балтийской зоны гитлеровской Германии, выступающей в качестве преемника старинного ордена тевтонских рыцарей. На юге — передача Украины вместе с Литвой и Белоруссией Польше Пилсудского, законной наследнице Ягеллонов и Собесских. Таким образом, из тройственного союза Польша — Литва — Украина должна вырасти новая *Великая польская империя*, чтобы стать новой державой, господствующей в Восточной Европе и простирающей свои владения далеко вглубь современной России.

Для этой цели нужна концентрация всех фашистских и империалистских сил на пространстве между Ледовитым океа-

ном и Днестром и как можно более быстрое наступление — великий поход — всех этих объединенных сил против СССР, опасного социалистического «вакуума» на континенте, за счет территории которого «должна быть расширена Европа»; священный крестовый поход, как некогда в средние века, с Гитлером в качестве Карла Великого и «полковниками» в качестве новых Собесских — крестовый поход против новых «неверных», против большевиков.

Что это, новый бред? Нет, это только план передела Юго-восточной Европы ревизионистской лигой (Гитлер — Гембеш). И это не в большей мере бред, чем конкретное содержание неоспоримо существующего тайного договора о союзе между Германией и Польшей, заключенного 26 января 1934 г. под названием «Германо-польского пакта о ненападении».

Гитлер в течение десяти лет официально отвергал всякие притязания на Данциг, Западную Пруссию и Верхнюю Силезию; Пилсудский отвергал, что он против германской экспансии в Австрии, по направлению к Чехословакии, в сторону Балкан и прежде всего по отношению к Франции. Почему? Только из-за существования этого кажущегося фантастическим, но на деле детально обдуманного и детально разработанного плана, только ради идеи обоюдной компенсации за счет «третьего пространства», которое так велико, что сможет удовлетворить все фашистские силы, устремившиеся на восток, и влить в них новую энергию. Отсюда поразительное, изумившее весь мир, «примирение» двух противников, еще вчера объявлявших себя смертельными врагами.

Отсюда новые, кажущиеся такими противоестественными, соглашения между германским и польским генеральными штабами; отсюда внезапно открытые «исторические духовные узы» между германской культурой и польской культурой, после тысячелетия взаимной грызни; отсюда внезапно разгоревшаяся дружба, подчеркиваемая и демонстрируемая в любой момент и при каждом удобном случае. Отсюда путешествие гитлеровского Талейрана, Геббельса, в Варшаву и позже (в январе 1935 г.) путешествие гитлеровского воздушного маршала и члена триумвирата номер два, Геринга, в южную Польшу.

Геббельс вел переговоры с председателем комитета по иностранным делам сейма князем Радзивиллом, прямые предки которого были не только собственниками обширных имений в России, но также состояли в родстве с династией Гогенцоллернов и выступали в Познани как германские вице-короли (один из них был адъютантом-генералом германского кайзера Вильгельма I). Вскоре после переговоров с Геббельсом Радзивилл в серии сенсационных статей высказывался

за безоговорочное признание Польшей международной политики Гитлера во всех ее аспектах, включая захваты на юге и востоке Европы, хотя бы ценой разрыва с Францией. Это был бы исторический «новый старт» для Польши.

Геринг был «личным гостем» краковского графа Потоцкого, который, подобно виленскому князю Сапеге, открыто высказался за германо-польский союз¹. А результатом тайных переговоров явился прямой тайный блок между *Германской национал-социалистской партией* и *«Польской военной организацией»* — воинствующими фашистскими центрами с обеих сторон; блок, который, аналогично союзу между Розенбергом и «Тес» Гембеша для дунайской Европы, начинает теперь все больше охватывать Северо-восточную Европу посредством дипломатии, военной политики, подрывной фашистской деятельности и терроризма.

2. Самым главным помощником, которым могут командовать здесь Бек и Гитлер, и следующим членом великой лиги является барон Маннергейм, лидер финских офицеров и основатель финляндского фашизма (движения «Лаппо»). Этот бывший полковник русской армии, теперь фельдмаршал республики, расположенной к северу от Ленинграда, некогда точно так же, как Пилсудский, и опираясь на те же самые социальные силы крупных землевладельцев и офицерскую камарилью, возглавил «национальную революцию» в своей стране против русских и финляндских рабочих и замучил при этом больше 10 тыс. финляндских революционеров. Сегодня со своей партией антипарламентских террористских лапуасцев, преемников его старой иррегулярной армии, ему нужно подняться ступенью выше — основать открыто фашистскую «Великую Финляндию», которая поглотит северный район СССР — Карелию — и граница которой пройдет в южных предместьях Ленинграда.

Финляндские землевладельцы, связанные с лесной промышленностью, зарятся на обширные леса и природные богатства Севера СССР, которые приобрели особенную ценность благодаря новому Беломорско-Балтийскому каналу; кроме того,

¹ Газета Сапери «Slowo» писала, например, еще 27 июля 1934 г., за два дня до неудавшегося национал-социалистского путча в Вене: «Гитлер не откажется Австрии. Совершенно правильно! Совершенно правильно! Экспансия Германии в этом направлении, экспансия Германии в направлении Тироля, — в интересах Польши». Сам Сапега не побоялся заявить, что единственным условием реконструкции Европы является поглощение «огромного русско-сибирского хинтерланда». А третий магнат, председатель комитета по иностранным делам в сенате, князь Любомирский, принял непосредственное участие в германо-польском «соглашении» через своего родственника, князя Станислава Любомирского, советника польского посольства в Берлине, одного из ближайших коллег польского посла в Берлине Липского.

подобно феодальным магнатам Польши, они боятся мощной волны коллективизированного социалистического земледелия, волны, докатившейся до самых границ и снова вызвавшей призрак революционной реформы в самой Финляндии.

Всего четыре года назад Маннергейм с помощью руководителей финляндского генерального штаба и помимо финляндского парламента пытался привести своих лапуасских террористов к власти и начать агрессивную политику; переворот дал осечку, и теперь лапуасское движение имеет только тринадцать официальных представителей в финляндском парламенте. Но сила этого движения среди землевладельцев, офицеров и студентов не сломлена; лапуасцы безнаказанно проводят белый террор по всей стране; теперь же в лиге Бека и Гитлера барон Маннёргейм нашел новую превосходную опору и рычаг. Он отдал этой лиге душу и сердце.

С первого момента, с самого начала финляндской контрреволюции в 1918 г., Маннергейм всегда был ставленником и союзником германского империализма. С экспедиционным корпусом германских офицеров под командой генерала фон-дер-Гольца он вошел в Гельсингфорс (столица Финляндии), занятый тогда рабочими; он хотел провозгласить германского принца Карла Гессенского королем страны; тогда этот план провалился. С тех пор Маннергейм непрерывно поддерживает контакт с германским генеральным штабом и германскими фашистскими военными организациями. Его всегда вдохновляла идея германской гегемонии в Прибалтике с ним самим в качестве проконсула и конквистадора на Крайнем Севере. Сегодня, после серии визитов в Берлин, он тесно связан с руководством национал-социалистской партии, и лапуасцы получают систематическую поддержку из Германии; они работают под присмотром г-на фон-Трота из балтийского отделения розенберговского отдела, который появился в Гельсингфорсе (Гельсинки) в июле 1935 г.

Политика Бека наполняет Маннергейма энтузиазмом, а постоянное сотрудничество последнего с Польшей, через границы других прибалтийских лимитрофных государств, приобретает особое значение, так как он действует одновременно как посредник и агент Скандинавии, где эту политику поддерживают шурин Геринга граф Эрик фон-Розен, шведский генерал де-Шам, майор Квислинг и др. Среди руководящих деятелей Финляндии, особенно в окружении президента Свинхувуда¹, немало лиц, поддерживающих этот поли-

¹ Свинхувуд потерпел поражение на президентских выборах в феврале 1937 г., что истолковано всей европейской печатью как серьезный удар по агентуре германского фашизма в Финляндии. — *Прим. ред.*

тический курс. Вот почему финляндский фашизм, с его обученными военными резервами, и особенно благодаря своему важному географическому положению на Крайнем Северо-востоке, является безусловным, естественным и агрессивным участником германо-польской северо-восточной лиги.

3. Третий участник этого союза не имеет ни территории, ни отечества, но именно поэтому он является особенно отчаянным элементом, роль которого еще впереди, и его участие здесь далеко не случайно. Это старая, разбитая и полузабытая русская контрреволюция, сконцентрировавшая свои силы в новой форме объединенного *русского фашизма* и теперь снова после перерыва в пятнадцать лет готовящаяся к генеральному наступлению на свою страну. Это движение, некогда столь сильное, но в последнее время зачахшее в отчаянии и бесцельном ожидании на задворках Европы, распавшееся на бесчисленные беспомощные группы, начало оживать только после прихода к власти Гитлера и Араки в 1933—1934 гг.; но теперь это движение снова приобретает, ввиду новой концентрации империалистских сил в Восточной Европе, совершенно иное, специфическое значение. Оно нашло свое место. Теперь его задача снова, как при Колчаке и Деникине, образовать компактную и подвижную массу, которая в грядущем «мировом крестовом походе на восток» должна быть брошена на Москву в самых первых рядах в качестве «национальных» ударных войск и заручиться своей долей при разделе родной страны.

Русский фашизм снова становится, в результате последнего подкожного впрыскивания, живой политической силой; хотя он и ходит на костылях, но он воодушевлен безграничными надеждами, горит нетерпением и готов на все: на новый поход, на новую гражданскую войну, на новый террор, на новую реставрацию. Вот почему он принимается в качестве необходимого партнера в восточную лигу.

Под наблюдением Розенберга, Бека и японцев три наиболее важных группировки русских контрреволюционных эмигрантов и белых офицеров заключили между собой соглашение: Русская национал-социалистская партия в Германии («Национал-социалистская русская лига» — бывший «Ронд»); монархистская партия великого князя Кирилла, кандидата в цари, действующего во Франции и поддерживаемого главным образом бывшими дворянами, крупными помещиками, и «Всероссийская фашистская партия» знаменитого сибирского казака генерала Семенова и его банд, осколок колчаковской армии, которая разбросана по странам от Восточной Азии до Прибалтики и финансируется и вооружается Японией.

Это уже не чисто германское отделение русских эмигран-

тов, подобно «Ронду» Розенберга в 1933 г.: теперь русский фашизм поднялся до уровня действительно всемирного союза, охватывающего главную массу существующих активных остатков русских белых армий в различных странах; групп, которые до сих пор держались самой различной ориентации. Только крупная организация бывших врангелевских офицеров — «Все-русский военный союз» в Париже (РОВС, глава — генерал Миллер), возглавлявшаяся прежде великим князем Николаем Николаевичем, которая пытается объединить старые кадры во Франции и Югославии, все еще официально остается вне союза, но фактически уже является частью его. Так же обстоит дело и с известным тайным обществом «Братство русской правды», которое недавно призывало к убийству Кирова и организовало террористскую деятельность на территории СССР.

Объединение всех этих групп произошло в Берлине под руководством «князя» Бермондта-Авалова, старого друга Розенберга (а еще раньше — Распутина), который в свое время, как и генерал Маннергейм, командовал германо-русскими белыми бандами в Прибалтике; впоследствии он был лидером «Ронды». Другим посредником при заключении соглашения был хорошо известный русский фашист и японский агент Вонсяцкий, который провозгласил о результатах соглашения совершенно откровенно¹. С тех пор русские эмигранты во всем мире превратились в жужжащее осиное гнездо. Снова есть возможность получить финансовые ресурсы; военные планы и проекты реставрации готовы, сборными пунктами будут, вероятно, Польша и Манчжурия.

В мае 1936 г. белогвардеец генерал Бискупский — старый друг Розенберга и сторонник претендента на престол Кирилла — был официально назначен «правительственным комиссаром по русским делам» в Германии; царскому генералу были даны полномочия по формированию «русских полков» в Берлине. Русский фашизм еще не имеет центрального верховного вождя, как у других фашистов, и едва ли будет его иметь; в конце концов ведь это только свора наемников. Но он имеет, наконец, определенную перспективу, точную ориентацию, и он теперь от нее не откажется. Далеко на заднем плане в Берлине, Париже и Харбине последние русские землевладельцы,

¹ Он заявил в Шанхае: «Мы хотим сближения всех (русских) эмигрантов по всему свету. Самое большое наше желание видеть народы Японии и новой Германии протягивающими нам руку и предлагающими нам искреннюю и могучую поддержку». Из всех русских контрреволюционеров за границей официально высказывается против германо-польской ориентации только «либеральная» группа Милюкова в Париже; она имеет, однако, мало сторонников среди массы активных эмигрантов и белых офицеров.

банкиры и нефтяные магнаты мечтают о новом царстве, пусть хотя в виде маленькой полуазиатской колонии. Когда настанет час, тысячи бездомных, отчаявшихся, полубезумных наемников будут на месте, готовые маршировать на восток под знаменами Пилсудского и Гитлера и достигнуть той цели, ради которой они хранят свои презренные жизни: ради завоевания Москвы, ради возмездия второй контрреволюции.

4. Точно такая же концентрация и мобилизация сил проводилась восточноевропейской лигой по отношению к второму партнеру и рыцарю с большой дороги на этом фронте — сепаратистскому *украинскому фашизму*, целью которого является *Киев*, город, откуда он был окончательно изгнан в 1919 г. Здесь происходит следующее. Три активных военно-фашистских организации украинцев, из которых одна была до сих пор про-германской, другая — про-польской, третья — резко анти-польской, объединяются, чтобы вместе повернуться лицом к востоку.

Во-первых, еще в 1934 г. под эгидой Розенберга произошло слияние чисто помещичьей группы гетмана *Скоропадского* (украинский национальный союз — УНО), имеющей свою резиденцию в Германии, с чисто террористской организацией полковника *Коновальца* (украинская военная организация — УВО), действующей в польской Украине (Галиция).

Скоропадский был в 1918 г. в течение около девяти месяцев губернатором Украины, оккупированной тогда германскими войсками; он занимал там примерно такое же положение, как Маннергейм или Бермондт на севере. Он представляет интересы самых реакционных украинских и русских земельных собственников, которые сбежали в Германию, и в течение ряда лет был особенно близким другом Геринга.

Коновалец это человек, который много лет подряд ведет кровавую ирредентистскую деятельность в Галиции против польской оккупации, против режима Пилсудского, и в то же время против революционных украинских рабочих и крестьян; УВО в Польской Украине это почти точная копия Михайловского «ИМРО» в болгарско-сербской Македонии. В прошлом за «УВО» числятся покушения на жизнь Пилсудского (проведенное шурином Коновальца) и на польского президента Войцеховского. Союз между Скоропадским и Коновальцем в 1933/34 г. породил украинскую секцию в системе Розенберга, направленную против Польши так же, как и против СССР¹. Теперь, однако, был предпринят новый шаг. Германо-украинская группа Скоропадский — Коновалец, которая до сих пор рассматривала поляков, как своих заклятых врагов, уста-

¹ См. «Гитлер над Европой?», стр. 132.

новила сношения с третьей украинской группой «Украинской народной республикой» — УНР, центр которой находится в Варшаве; УНР очень тесно связана с Беком и польским правительством.

Лидер УНР, *Андрей Левицкий*, считает себя президентом независимого украинского правительства, а тем временем носит звание члена польского парламента, является наследником и преемником знаменитого атамана Петлюры, который зимой 1918 г. по окончании германской оккупации Украины сверг Скоропадского, расчистил Пилсудскому, путь к Киеву и вместе с ним вел войну против Красной армии. Эта группа представляет интересы украинских кулаков, фашистски настроенных зажиточных крестьян, пострадавших от большевистской аграрной реформы не меньше, чем польские феодальные магнаты, и на деле сотрудничающих с ними уже значительное время. Левицкий и его организация работают в тесном контакте с виленским князем Сапегой, владевшим огромными поместьями на Русской Украине.

И еще одна характерная черта: пока Германия и Польша были врагами и соперниками, социальный конфликт между сторонниками Скоропадского и петлюровцами, т. е. между крупными помещиками и кулаками, доходил до величайшей ожесточенности; не было на Украине врагов более озлобленных друг против друга, чем эти две партии. В тот самый момент, однако, когда центральный германский фашизм подчинил своему влиянию второстепенный польский фашизм и установил высшую магнетическую империалистскую форму, последовала немедленная реакция зависимых украинских групп. Борьба между ними сразу прекратилась, и они вступили в сношения между собой. Здесь снова второстепенные социальные противоречия между буржуазными группировками на время автоматически поглотились высшей империалистской организацией. В международном масштабе был сделан новый шаг, выходящий за пределы существующей империалистской организации в Германии: шаг от отдельной фашистской группы к фашистской лиге.

Переговоры между Скоропадским и Левицким велись в 1934 г. в Праге, столице Чехословакии, страны, между прочим, также владеющей частью украинской территории, на которую зарятся германо-польские империалисты, — чешской Подкарпатской Украиной. А в конце мая 1934 г. в Берлине происходил настоящий конгресс украинских фашистов; на нем присутствовало около ста делегатов (три четверти их из Германии и Польши) и лично Розенберг, Скоропадский и крупнейшие германские национал-социалисты. От имени Гитлера Розенберг изложил в большой речи программу создания будущей

фашистской Украины при поддержке Германии и Польши. Это было уже конкретным результатом.

Украинские фашисты в Германии форсируют военные и политические приготовления против СССР. Украинские фашисты в Варшаве, петлюровцы, открыто поддерживающие лозунг «украино-польской федерации», ведут вместе с князем Сапегой усиленную агитацию против Восточного пакта, а в декабре 1934 г. созывают во Львове конференцию для разработки планов интервенции против СССР; к ним присоединились на этой конференции также украинские меньшевики, и польское правительство пошло на «национальные уступки». Украинские фашисты в Галиции, банды УВО, умеряют свою борьбу против польских оккупационных властей, убивают служащего советского консульства во Львове и направляют всю свою кровожадную деятельность, с одной стороны, против левых галицийских рабочих и крестьян, с другой, — против СССР.

Националисты УВО меньше работают теперь в Галиции, чем в советских районах на правом берегу Днепра. Они пытаются организовывать кулаков, проводить саботаж в колхозах, убивают советских работников и занимаются шпионажем в пользу Германии и Польши¹. Все их внимание сконцентрировано на этом. Ведь все это только приготовления к осуществлению их грез: Германия и Польша должны во второй раз — и на этот раз вместе — вступить в Киев.

5. Следующий партнер в Лиге — литовский фашистский союз «Железный волк» Вольдемараса, нарушающий спокойствие в стране; несмотря на то, что Литва занимает пространство всего в 58 тыс. км² и население ее составляет 2 250 тыс. человек, она, вклиниваясь между Германией, Польшей, Прибалтийскими государствами и СССР, имеет крупное политическое и стратегическое значение. Путь из Восточной Пруссии к Рижскому заливу и от Вильны на запад идет через Литву; со времени захвата Вильны Польшей в 1920 г. и после отделения Мемеля от Германии в пользу Литвы, последняя вынуждена вести оборонительную политику, по отношению к этим двум государствам. План новой польской империи предусматривает поглощение Литвы, бывшей прежде частью феодальной Польши и княжеством Радзивиллов; препятствием

¹ Согласно показаниям арестованных агентов УВО, на Советской Украине они выполняли «новую тактику» «прямого действия против СССР», которую эта организация приняла после личных переговоров между ее вождем Коновальцом и Розенбергом. Официально, конечно, в Польше Коновалец так же подвергается преследованиям, как и раньше. Сообщалось, что летом 1936 г. он замыслил покушение на жизнь советских делегатов на пленуме Лиги наций в Женеве.

к выполнению этих планов являются правительства, находившиеся до сих пор у власти в Ковно, правительства, которые и по сей час ищут поддержки у Франции и Советского Союза. Фашизм Вольдемараса — заклятый враг этих правительств.

Составными частями движения здесь снова являются: экстремистское крыло офицерского корпуса, как повсюду в этой зоне, борющееся за непосредственную диктатуру, считающее Германию своим покровителем; старые польско-литовские землевладельцы, имения которых были в некоторых случаях раздроблены польско-литовской границей; деморализованная, запуганная мелкая буржуазия маленьких городков, которая не прочь по германскому образцу напасть на многочисленных еврейских мелких лавочников и торговцев в гетто, и, наконец, это он сам — Вольдемарас, — карманный Наполеон и отставной диктатор Литвы, тем не менее прекрасно понимающий собственную роль: открыть ворота своей страны, чтобы пропустить кое-кого посильнее, чем он сам. Уже однажды, в 1926 г., опираясь на армию, Вольдемарас захватил власть в Литве и удерживал ее в течение трех лет до тех пор, пока его не свергли консервативные группы другой ориентации (президент Сметона); он не имел достаточной базы внутри страны. Но в июне 1934 г., через пять месяцев после осуществления германо-польского пакта в Берлине, произошло следующее.

Вольдемарас, который до этого был интернирован в глухой провинции как пленник государства, вместе с другими офицерами, начальником генерального штаба Кубелюнас, группой фашистов из организации «Железный волк», имея в своем распоряжении танк и отряд воздушных сил, внезапно овладел столицей, занял главную квартиру генерального штаба и обратился к президенту Сметоне с ультиматумом, в котором предлагал ему подать в отставку в пользу его, Вольдемараса. В ту же ночь (6 июня 1934 г.) начинается концентрация германских войск на германо-литовской границе близ Тильзита в Восточной Пруссии, куда Бермондт-Авалов, лидер иррегулярных русско-балтийских банд в Германии, за несколько недель до того, перенес свою главную квартиру. В Мемеле, литовском порте, принадлежавшем раньше Германии, зашевелились германские национал-социалисты. (Вольдемарас открыто высказывался за установление «соглашения» с Германией по мемельскому вопросу.) На следующий день президент Сметона подавляет путч с помощью оставшейся верной правительству части армии и явно при значительном давлении со стороны Франции, которая незадолго до этого начала создавать балтийскую «Малую Антанту» в составе: Литва, Латвия и Эстония, организуя поддержку Восточного пакта. Вольдемараса снова

увозят в ссылку, офицеры воздушного флота, и его приговаривают затем к двенадцати годам каторги; Бермондт-Авалов исчезает с восточно-прусской границы.

Захват Литвы на этот раз провалился, но теперь обнаруживается, что литовский фашизм имеет совсем иные силы и резервы. Имеются также «легальные» сторонники сближения с Германией, например, новая «партия» богатого литовско-русского графа Зубова в Мемеле. Борьба за Ковно стала международной. В одном лагере находится Франция и, борющийся за мир, Советский Союз. В другом лагере — восточно-европейская фашистская лига, орудием которой стал Вольдемарас. Маленький профессор вышел из игры впредь до дальнейших указаний. Но движущая сила, стоящая за литовскими фашистами, ни на йоту не отступила от своих планов и диспозиций.

Численность германских войск в Восточной Пруссии доведена до 100 тыс. человек регулярных и иррегулярных войск, в то время как противная сторона может выставить 3 тыс. Активность национал-социалистов в Мемеле не прекращается, это показал происходивший там в феврале 1935 г. последний литовский процесс заговорщиков. А с противоположной стороны, с востока, Ковно находится в тисках польского Вильно. С военной точки зрения обе дороги: дорога Тильзит — Ковно и дорога Вильно — Ковно, это всего несколько часов перехода для *пехоты*. А обе эти дороги открывают путь к Минску, столице Советской Белоруссии.

6. Еще шаг по направлению к северу: нелегальная *фашистская организация в Латвии, «Перконкруст»* (Огненный крест) — звено все той же цепи. Политика его направлена против рижского правительства Ульманиса, лидера крупных фермеров, ведущего с Францией и Советским Союзом переговоры о Восточном пакте; против парламента, евреев и социалистов, за военную диктатуру, за «государственную систему национал-социализма» и за новый проект «северного скандинавско-балтийского блока», поддерживаемого Польшей и Германией.

В июне 1934 г., через неделю после путча Вольдемараса в Литве, правительство в Риге раскрыло заговор «Перконкруст» и предупредило переворот, арестовав 90 активных членов этой организации во главе с их официальным лидером *Густавом Цельминьшем* (сам Ульманис перед тем распустил парламент и запретил все политические партии). Но глава латвийского генерального штаба генерал Гартман, который значит больше, нежели Ульманис, и который связан с польским и германским генеральными штабами, остался на своем посту. А действительная лаборатория латвийского, так же

как и эстонского фашизма, это более могущественная организация, описание которой последует и до которой из Риги не дотянутся.

7. Не дотянутся также и до людей, стоявших за заговором в *Эстонии*, последней стране северо-восточного сектора; этот заговор был подготовлен в феврале 1934 г. фашистской «Эстонской лигой борцов за свободу» и ее вождями: генералом *Ларка*, бывшим военным министром; генералом *Тырвандом*, бывшим начальником генерального штаба, и адвокатом *Сирком*. Эта лига, сходная с военными организациями «полковников» в Польше или Маннергейма в Финляндии, объединяет тех контрреволюционных наймитов в стране, которые в 1918—1919 гг., после революции в России, объявили националистическую войну с Советами и основали нынешнюю эстонскую республику.

Одна часть этих наймитов в союзе с крупными фермерами провела аграрную реформу в стране против угнетавших эстонский народ немецких баронов и во главе с генералом Лайдонером правит Эстонией и поныне; другая часть с генералом Ларка во главе пошла с городской буржуазией Эстонии, недовольной существующим режимом. И так как Лайдонер, после конфискации собственности германских баронов, боится Германии и ищет защиты от этой опасности за границей, то враждующая с ним партия «Борцов за свободу» является душой и телом противоположной программы, требующей «общей участи» с Германией.

«Борцы за свободу» получают субсидии от барона Шелла, председателя клуба немецких баронов в Ревеле, вооружают мелких буржуа эстонских городов; несмотря на то, что до 1932 г. этой партии еще не существовало, к весне 1934 г. «Борцы за свободу» были уже так сильны, что едва не захватили власть в стране. Приблизившиеся тогда президентские выборы почти наверняка обещали большинство их кандидату — Ларка, и фашизация Эстонии казалась неизбежной. Только чрезвычайный акт официального правительства Лайдонера, внезапно объявившего военное положение, распустившего «Лигу борцов за свободу», арестовавшего оптом ее членов и установившего «авторитарный режим», смог в критический момент приостановить этот почти завершившийся процесс, процесс, являвшийся точным повторением того, что происходило в Литве, Латвии, Болгарии и Румынии. Тем не менее девять месяцев спустя, в декабре 1935 г., та же самая организация снова предприняла попытку путча, пользуясь на этот раз поддержкой со стороны финляндских военных кругов. Но еще сильнее сказывается влияние другой силы.

Да и что такое Эстония и ее фашизм? Это снова не столько политический фактор сам по себе, сколько географическая стратегическая позиция: южный берег Финского залива, на котором лежит Эстония, дополняет как база для развертывания военных действий северный берег (Финляндию, т. е. Маннергейма); оба эти направления ведут к Ленинграду. Вот почему фигура генерала Ларка не исчезает с ревельского горизонта.

Цепь замкнулась. Балтийское море плотно окружено со всех сторон, как прежде границы Украины. Но ни Вольдемарас, ни Маннергейм, Гельминс или Ларка, ни даже Бек не являются непосредственными командирами всей операции вокруг Балтийского моря. Здесь-то и выступает восьмой и последний член новой восточноевропейской фашистской лиги, который наиболее открыто и непосредственно выражает подлинную ее сущность, обнажает подлинные ее истоки и корни ее могущества.

8. *«Балтийское братство»*. Неизвестны даже точное местонахождение и структура этой организации, но она является одной из самых неправдоподобных и все же типичных организаций, появившихся в сегодняшней Европе, вызванных к жизни фашизмом и налагающих свой отпечаток на современность. С одной стороны, это внешне, как будто, не больше чем собственно балтийская или северо-восточная секция «Внешнеполитического отдела», находящегося в ведении господина Розенберга, который сам родом из Прибалтики. С другой стороны, по существу, по внутреннему строению, это невероятный анахронизм, чуть ли не призрак, вызванный из средневековья; это и в самом деле точное воспроизведение определенного ответвления Ордена тевтонских рыцарей, существовавшего между XIII и XVI столетиями и неоднократно совершавшего в те времена вторжения в Восточную Европу.

Что представлял собой тевтонский орден? Это была воинствующая организация авантюристов отпрысков крупных германских феодальных семей, которым либо из-за закона первонаследования, либо по другим причинам не хватало земель и крепостных в Германии и которые направились поэтому в Прибалтику, чтобы наgrabить там земель и превратить стоящее на низком уровне развития, но еще свободное крестьянство в своих данников. В течение двух столетий, продвинувшись от Одера до Вислы, а затем от Вислы до Двины, орден завоевывал одну страну за другой и «колонизовал» Восточную Пруссию, Лифляндию, Курляндию (теперь Латвия), Эстонию и большую часть Литвы; он повсюду отбирал у населения захваченную землю и делил ее между рыцарями, устанавливая политическое превосходство «германизма» и не-

изменно провозглашая «миссию христианства». Одновременно это феодально-империалистское общество поддерживал мощный германский торговый союз «Ганза»; орден охранял торговую экспансию «Ганзы» на всем Балтийском море и делил с ней прибыли, идущие из обоих источников — и от торговли и от захвата земель.

Владения восточноевропейского ордена германских рыцарей под конец охватывали пространство, ограниченное современной Восточной Пруссией, Финским заливом на севере, нынешней советской границей и Польшей на востоке и юге; эта огромная феодальная колония, включавшая такие города, как Данциг, Мемель, Торн, Рига, Ревель, Дерпт и т. д., распалась (в XIV в.) только тогда, когда правители Польши, Швеции и прежде всего России вторглись в это пространство и выгнали оттуда германских рыцарей, оставив в качестве постоянных вассалов только некоторых из них. Политически это было ликвидацией первой попытки германской гегемонии в Прибалтике. Таков был средневековый орден германских феодалов в Северо-восточной Европе.

Что представляет собой ныне общество «Балтийское братство»?

Его главная квартира, «генеральный конвент», находится в Восточной Пруссии, пограничной провинции Германии, где сосредоточены крупные поместья. Его местные «братства» распространяются на Эстонию, Латвию и Литву. Его цель — «борьба за старое балтийское отечество» и «христианско-рыцарская миссия германизма» в Северо-восточной Европе. Современной формой его является тайная ассоциация «братьев». Предназначенная для него в будущем форма это — «Балтийский орден», который должен быть создан, «когда созреет момент»¹.

Один из вождей «Братства», Раутенберг, пишет в циркуляре, адресованном «братьям», следующее: «События в прибалтийских странах привели к положению, напоминающему XII столетие и делающему новую экспедицию в эти страны необходимой». Другой лидер, Лашевиц, высказался яснее: «Германские колонии на Балтийском море должны служить оплотом против напирających славянских племен». «Комтур» (командор) «Братства» в Эстонии, барон Мейдель, строит планы раздела эстонской земли между «братьями». Это означает новую колонизацию всех прибалтийских стран и, сверх того, русской территории новым германским «орденом-государством» на северо-востоке.

¹ Все эти данные так же, как и приведенные ниже — цитаты относительно тайных целей этой организации, содержатся в материале, который частично стал публичным достоянием в связи с недавним процессом против 70 членов «Братства» в Латвии и Эстонии.

А теперь, вот выдержка из обращения, прочитанного бывшим послом Вернером Дайтцом, директором отделения во «Внешнеполитическом отделе национал-социалистской партии» и одним из главных адъютантов Розенберга, на публичном собрании «Северного общества» в Любеке, столице старой германской Ганзы:

«Задача Германии состоит в приведении в движение европейской карусели торговли, которая в течение четырехсот лет (т. е. после распада тевтонского ордена. — *Автор*) все более и более приходила в упадок, в объединении юго-восточной территории с прибалтийской территорией и — в один прекрасный день — в сплочении их обеих *над Россией* в одно единое экономическое пространство» (подчеркнуто нами. — *Автор*).

Приведем еще одну цитату из статьи в эссенской «*National Zeitung*» — газете, принадлежащей лично Герингу, — от 1 июня 1934 г., из статьи, озаглавленной: «Великое экономическое пространство Балтики».

«Мы должны снова начать там, где четыре столетия назад прервалась старая, связанная с определенной территорией, торговля Ганзы... Страны Балтики имеют одну и ту же судьбу... Юго-восточная часть Европы должна снова войти в контакт с северо-восточной, с районом Северного моря и с Балтикой. *Круг должен быть однажды замкнут над Россией. В пользу Внешнеполитического отдела НСДАП неоспоримо говорит то, что он наметил в этом отношении планы и предположения, которые уже сегодня находятся в процессе выполнения*» (курсив наш. — *Автор*).

И, наконец, сам господин Розенберг в речи, обращенной все к тому же «Северному обществу» 2 июня 1934 г., сказал следующее (через 4 дня после этой речи произошел путч в Литве, а через 11 дней был раскрыт путчистский заговор в Латвии):

«Народы прибалтийской территории находятся сегодня в таком же положении, что и народы дунайской территории. Балтика была некогда центром европейской международной политики... Вступлением к решению этих великих вопросов является здесь также признание того, что Балтика... развивается по своим собственным историческим законам... Мы верим, что великая общая судьба Скандинавии и народов Балтики выше различных систем правительств».

Почти дословное совпадение этих цитат, так же как и приведенных выше, предназначенных для узкого круга, заявлений членов «Балтийского братства», совпадение, которое может быть объяснено только существованием фиксированного, точно сформулированного, основного документа, быть

может, «Коричневой книги» — для посвященных¹, это, конечно, излишнее доказательство. Дело ясно, как день, ясно даже для скептиков и маловеров, для глуховатых или притворяющихся глухими некоторых политических деятелей и «лидеров общественного мнения» на западных границах Европы.

Что такое «Балтийское братство»? Это один из самых чудовищных и все же в известном смысле реалистических фантомов, возникших в мозгу господина Альфреда Розенберга — этого средневекового недоноска в XX столетии, который приобрел такое влияние, играет такую характерную роль и стал почти «классиком» потому, что в XX в. он неустанно пытается найти синтез между современной капиталистической олигархией, ее законами, ее нуждами и стремлениями, с одной стороны, и формами и орудиями самой мрачной, самой реакционной в истории эпохи — феодализма, — с другой: такое сочетание носит название фашизма.

Попытка эта обречена на неудачу; это противоречит смыслу истории и процессу ее развития; эта попытка не диалектична. Но для внутренней трагедии капитализма, трагедии, заключающейся в том, что, находясь при смерти, он отказывается умереть, толкающей его к таким безумным, патологическим химерам, имеют значение даже подобные планы; планы, которые «находятся в процессе выполнения» и до сих пор имеют реальный смысл, хотя их окончательное осуществление условно.

Кто является членами «Балтийского братства», а следовательно, и будущего нового тевтонско-балтийского ордена? Это в первую очередь балтийские бароны, сегодняшние прямые потомки средневековых германских рыцарей-разбойников; все эти Унгерны-Штернберги, Врангели, Цур-Мюлены и пр., точно так же, как польские воеводы на юге, не переставали в течение пятисот лет претендовать на эту зону для своего исключительного пользования; при русских царях они держали нищее крестьянство этих областей в полном национальном и социальном рабстве до тех пор, пока после войны они сами не были, наконец, экспропрированы этими крестьянами и изгнаны (таков был более глубокий смысл «национального освобождения» прибалтийских стран за последний период).

¹ Этот ряд доказательств можно продолжить. Так, господин Штебель, официальный лидер национал-социалистской корпорации студентов, по случаю учреждения специальных «восточных семестров» в германских университетах, заявил: «Так же, как сотни лет назад цвет наших рыцарей, крестьян и ремесленников боролся за завоевание земель, лежащих по ту сторону Эльбы, Вислы и Одера, точно так же сегодня дух новой Германии должен в первую очередь пробить себе путь на Восток». Студент также заучил свой урок наизусть, но он хуже, чем другие, умеет держать язык за зубами.

Еще в 1919 г., почти сразу после военного краха старого российского государства, эти бароны в открытом манифесте, выпущенном «Корпорацией рыцарей», требовали отделения этих провинций от России. Теперь они снова предъявляют эти притязания. Но не они одни! И вот здесь-то и начинается действительно новая и решающая «северо-восточная европейская проблема» германского фашизма, проблема, которая породила бредовый фантом Розенберга.

Гитлер не может решить проблему германского крестьянства. Он не может решить проблему германской мелкой буржуазии. Он не может решить проблему германских безработных. Он создает только узкие аристократические касты для каждой категории, все больше подавляя массы. Отсюда новый кризис национал-социализма. Отсюда 30 июня 1934 г. Отсюда внутренний и внешний пароксизм германского фашизма, заставляющий его забыть всякую предусмотрительность и осторожность.

Восточноевропейская фашистская лига должна решить эту проблему для Гитлера, проблему германской мелкой буржуазии и крестьянства таким же образом, как юго-восточная европейская фашистская лига должна решить проблему германского монополистического капитала. Вокруг этой сжатой формулы вращается в настоящий момент вся концепция современной германской политики. Она служит выражением окончательного решения, к которому пришли германский империализм и его фашизм после трех лет борьбы и экспериментирования: в ней вся его мудрость.

На юго-востоке — прорыв для Рура, для скованного и пытающегося найти выход для своей энергии германского индустриального капитала, машины которого, через Дунай и Балканы, должны достигнуть открытых азиатских рынков. На северо-востоке — прорыв для мелкой буржуазии, для миллионов пауперизованных и отчаявшихся крестьян, мелких буржуа и безработных (из мелкой буржуазии), которые восстали на стороне фашизма, чтобы обеспечить свое существование, но которые однажды снова восстанут — на этот раз вместе с рабочим классом — против фашизма, если он не обеспечит их существования — каким бы путем он это ни осуществил. И фашизм «нашел» этот путь.

Это имеет весьма определенный смысл. Не только старые местные «балтийские бароны» — прямые наследники феодального тевтонского ордена в Северо-восточной Европе — являются людьми, стоящими за новым балтийским орденом или выражающими его социальную сущность. Устремления ордена еще более сформировались и усилились благодаря всей подталкивающей его массе обделенных внутри Германии. Это

юнкера с восточного берега Эльбы, друзья фон-Папена и Гинденбурга, которые за последние пятьсот лет чувствуют себя слишком стесненными на родине и которые охотно раздобыли бы новые поместья для своих сыновей и родственников¹. Это затем «младшие сыновья» новых «наследственных крестьян» (Erbhofbauern), которые после «аристократической аграрной реформы Дарре» были навсегда отстранены от раздела имущества, а из-за безработицы не могут стать даже пролетариями. Это также городские национал-социалистские мелкие буржуа, которых их мессия-Гитлер не может ни накормить, ни повесить и которых он должен поэтому превратить в новую аграрную касту; это, наконец, все прочие социальные группы и элементы, ставшие огромным мертвым балластом в государстве фашистского монополистического капитала, балластом, который внутри страны нельзя ни «разгрузить», ни уничтожить, а можно только *вытолкнуть*. Место, куда можно его вытолкнуть, существует. Есть также и почва, на которой изгнанная мелкая буржуазия должна получить крещение в качестве новой аграрной касты победителей; и таким образом вся проблема решится, как по волшебству. Как же тут не притти в восторг старому балтийскому фантазеру Розенбергу?

Новый балтийский орден и его королевство восстановит «циркуляцию» и «равновесие» в социальной жизни Германии. Он облегчит жизнь в городах и возродит деревни. Он создаст и навсегда обеспечит Германии продовольственную базу, недостаточность которой всегда была серьезной опасностью в военное время. И, наконец, он откроет для германской промышленности новый рынок. Потому что так же, как старый орден тевтонских рыцарей опирался экономически на торговый союз «Ганзу» и к прибылям от грабежа земель присоединял прибыли от торговли, так же и новое государство розенберговских рыцарей будет непосредственным агентом Рура и каналом для его продуктов. Северо-восточная Европа для германских фашистов! И снова над Балтикой несется клич: «Schwert, Kreuz und Deutschtum!» XX столетие только на один шаг ушло от XIII. Гитлер тащит его назад.

Вот почему «Балтийское братство» — скрытая, эмбриональная форма будущего балтийского ордена — становится таким важным фактором в практической восточноевропейской политике. Оно становится, таким образом, наряду и вместе с ор-

¹ «Балтийская перспектива», предложенная Гитлером этим элементом, — одна из самых реальных и сокровенных причин для временами непостижимой «рыцарской лояльности», с которой фон-папеновское крыло германских юнкеров продолжает относиться к национал-социалистскому режиму.

деном польских феодалов, который называется Польшей Пилсудского, второй подлинной опорой фашистской восточной лиги, вторым руководящим партнером в проводимом здесь походе на цивилизацию. Розенберг и Радзивилл, две ветви одного дерева, осуществляют вместе политическую контрреволюцию в Восточной Европе, а если копнуть всего одним слоем глубже, то и экономическую *аграрную контрреволюцию* в этих странах. Это нечто большее, чем выполнение их собственных планов, чем борьба за их собственные специфические интересы.

Контрреволюция с точки зрения капиталистической является двойкой необходимостью — только так можно компенсировать и поддержать остатки мелкой буржуазии и среднего сословия в Германии, удушаемых монополистическим капиталом. И только так может быть одновременно создана экономическая основа для акта, который должен будет увенчать всю деятельность мировой капиталистической реакции, для политического и военного уничтожения СССР. Это положение чрезвычайно важно. Советский Союз — это смертельный недуг в мировой капиталистической системе, потому что он представляет на шестой части света необычайно могущественное бесклассовое общество и необычайно могущественную социалистическую промышленность.

Для того чтобы раз и навсегда с корнем разрушить это общество и эту промышленность, недостаточно одного только военно-политического поражения и завоевания СССР; необходимо одновременно разрушить существующий экономический фундамент, техническую базу обеих этих сил: для этого надо насильственно превратить СССР в аграрную колонию, отбросить развитую экономику страны до уровня отсталого аграрного общества и, как следствие, вновь превратить полных достоинства социалистических мужчин и женщин в разъединенную, распыленную армию сельских пролетариев и крепостных. Новое социалистическое общество в Советском Союзе не только в военном и политическом, но также и в социальном отношении должно быть разрушено и *обесположено*. Вот что означают объективно планы Радзивиллов на юге и розенберговских баронов на севере. Вся программа этого крестового похода сводится в конечном счете к этому, т. е. к воссозданию нового феодального класса в Восточной Европе на месте бесклассового социалистического общества.

Восточноевропейская фашистская лига представляет поэтому синтез двух тенденций: во-первых, специфической империалистской борьбы за восточноевропейскую монополию и борьбы аграрного капитала за захват новых земель, за новые источники ренты; и, во-вторых, всеобщей социальной необ-

ходимости мирового капитализма в целом к уничтожению индустриально-пролетарской страны, занимающей пространство между Западной Европой и Восточной Азией. Вот почему — даже если не было бы других причин — так силен политический импульс этой лиги. Она исторически представляет собой чудовищное усилие: усилие повернуть историю вспять, усилие, которое капитализм делает перед лицом гибели.

Итак, «Балтийское братство» в качестве действительного внутреннего стержня этого похода организует «окружение Балтийского моря», в то время как Радзивиллы, Потоцкие и Сапегы заняты подготовкой блокады Украины. Оно создает латвийский фашизм, подхлестывает Маннергейма в Финляндии, электризует Ларка и его ветеранов в Эстонии и гальванизует Вольдемараса в Литве. Все эти мелкие офицеры, одержимые манией величия профессоры, опереточные диктаторы и прочие карманные Муссолини, даже не отдают себе полного отчета в том, почему все они сразу стали вдруг так велики и могущественны; именно потому что все они тоже делают европейскую историю, им разрешено производить маленькие «революции» собственного изготовления.

Они только что появились на сцене и они полностью удовлетворены ролями военных наемников сегодня и феодальных вассалов завтра в той новой империи, почти беспредельной по своим пространствам, почти неисчерпаемой по своим возможностям эксплуатации, которую должен открыть крестовый поход их господ на восток. Они прыгают и заставляют прыгать лавочников Ковно, зажиточных фермеров с берегов Финского залива, адвокатов из Ревеля и студентов из Риги.

Лидеры подпольного «Балтийского братства»: таинственный «магистр ордена» в Восточной Пруссии, господин Курселль; руководитель в Эстонии, барон Мейдель; руководитель в Латвии, Шенфельд; руководитель в Литве, барон фон-дер-Ропп, и пр., диктуют политическую линию¹. Они вдохновляют балтийскую армию, собирающуюся в Восточной Пруссии, так же, как и «безобидные» военные миссии германских и польских офицеров генерального штаба, недавно посетившие страны Прибалтики.

Восточная лига Гитлера и Бека марширует. Оба они идут вместе и будут продолжать идти вместе, в полном мире и согласии, до тех пор пока не будет достигнута их непосредственная цель — поражение большевизма. Но когда это будет достигнуто — а эти люди, по крайней мере, верят, что это

¹ Существование связи между «Балтийским братством» и эстонскими фашистскими «борцами за свободу» было, например, установлено с полной достоверностью. Орган «борцов за свободу» «Vyvtlus» основан при германской поддержке.

будет, — тогда произойдет маленькое изменение — последний акт в этой современно-средневековой фантазии: Торжествующий победу «Балтийский орден» германского фашизма, в сознании своей победы и своей «исторической миссии», сделает одно последнее маленькое движение, которое даже не будет стоить ему никаких особых усилий. *Он уничтожит наследников Пилсудского* — ни больше и ни меньше. Он вдребезги разобьет «поляков», «польскую свинью», этих «наследственных врагов германской расы», которые беспрерывно в течение восьми столетий не переставали враждовать с ним, которые в 1410 г. покончили с первым тевтонским орденом (битва под Танненбергом) и с тех пор вызывают отвращение в каждом истинном германце — кроме тех периодов, когда они нужны как орудия и пока они, следовательно, являются «братьями».

Гитлер раздавит свою союзницу Польшу Бека, которую он поднял до ранга «большой державы», сам вовлек в крупную игру, раздавит на следующий день после «грядущей» совместной победы, раздавит ее всей своей колоссально увеличившейся мощью и устроит новый раздел Польши, гораздо более тщательный, чем три первых: с Украиной и Литвой в качестве частей «федерации» под *германской* гегемонией в соответствии с первым первоначальным планом Розенберга; планом, который был «модифицирован» временно, по «тактическим» соображениям, но от которого никогда не отказывались. Тогда действительно будет «Finis Poloniæ». Конец «полковникам», конец Радзивиллам, конец всем этим жадным и жалким лилипутам, которые думают, что они могут объединиться с тигром, чтобы напасть на льва.

Но лев жив, и когти его крепки как никогда.

ГЛАВА VI

НОВЫЙ ГЕРМАНСКИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПЛАН

(План Гофмана)

Ход событий ясно показывает: на континенте созданы два новых объединения: Восточная фашистская лига и Южная фашистская лига. Первая тянется от финско-скандинавских границ до польской западной Украины. Вторая охватывает пространство от дунайских стран до Ближнего Востока. И та и другая стали неотъемлемыми факторами в европейской политике. И та и другая превращают свои зоны в бурлящий политический котел, каким была раньше Германия. И обе вместе представляют собой нечто новое: широкий герметический барьер, проходящий сквозь всю Европу от Атлантического океана до Черного моря.

Это характерно для обеих лиг. Бек и Гембеш, восточно-европейский «бонапартизм» и южноевропейский «ревизионизм», фашистские маршалы на Балтийском море, на Висле и на Дунае подают друг другу руки; образуется замкнутая непрерывная линия. От северной до южной окраины континента нет ни одного пункта, ни одного сектора, не охваченного этой линией. Это система укреплений, две региональные группировки, преследующие, как будто, столь разнообразные политические цели, занятые столь различными проблемами (что общего имеет болгарский террорист Михайлов с финским генералом Маннергеймом?), сливаются друг с другом; они образуют единую политическую территорию.

Варшава и Будапешт — два главных бастиона; Берлин — позади линии — полевой штаб; Вена — в центре — ключевая позиция, захват которой будет означать окончательное воссоединение двух армий и начало решающего генерального наступления. Но для какой цели воздвигнута эта, так тщательно сцементированная, стена? Какова конечная и центральная идея этого, как будто случайного, объединения?

Назначение новых фашистских региональных лиг совершенно очевидно. Это в первую очередь огромные *контрреволюционные* союзы, оплоты всеобщей фашистской реакции и мятежа, национальная форма которых перерастает в региональную. Ясно, что такие союзы, объединяя фашистские партии нескольких стран, подчиняя их общему политическому руководству, общему плану действия, в первую очередь подрывают в корне внутреннюю структуру стран, входящих в эти зоны.

Лига Бека (покойного Пилсудского) становится ведущим фактором в фашизации всей Восточной Европы; эта преимущественно аграрная часть континента, с ее слабыми полудемократическими послевоенными государствами и не игравшим самостоятельной роли господствующим классом, до сих пор проявляла все же относительную устойчивость. Лига Гембеша мобилизует сразу все реакционные и ирредентистские течения на юго-востоке Европы, который издавна считается центром циклонов на континенте и объединяет их в единую грозную антидемократическую волну.

Ожесточенность классовой борьбы в этих районах явно растет в размерах, еще небывалых со времен войны. Самопроизвольно возникавшие, отдельные фашистские организации первого периода, имевшие лишь случайный характер, организации, которые были недолговечными и не имели между собой связи, уступают место мощному, пустившему глубокие корни движению, ни на минуту не ослабляющему своего наступления, имеющему в своем распоряжении неисчерпаемые средства и представляющему практически связанное территориальное единство. Разжигание страстей мелкой буржуазии, антипарламентская агитация, террор против движения рабочего класса, волна джингоизма и антисемитизма — резко возрастают; идет непрерывное вооружение путчистских элементов.

Никогда еще не были местные силы контрреволюции так мобильны, никогда не были их атаки на рабочий класс и демократию так упорны и интенсивны. И в самом деле, перспектива гражданской войны, перспектива решающего удара фашистов и установления террористической диктатуры стала в поразительно короткий срок совершенно явственной во всей сфере деятельности двух лиг, т. е. там, где вплоть до 1934 г. парламентский режим казался таким устойчивым и даже, пожалуй, влияние второго интернационала казалось таким значительным.

Страны на северо-востоке Балтики, где социал-демократические лидеры годами — так же, как в Германии — находились у кормила власти, теперь находятся на волоске от захвата власти крайними фашистскими партиями. На юго-востоке Европы, где до сих пор, перемежаясь с демократическими

«островками» (Чехословакия), правили консервативные династические или «авторитарные» системы, государственная власть может в любой момент перейти в руки путчистского фашизма, так как рабочий класс там уже полностью терроризован. Такова яркая картина, освещенная разгоревшимся в этих зонах Европы фашистским движением.

Новые таинственные лиги на Балтике и вокруг Дуная несомненно являются в первую очередь огромными армиями гражданской войны; они поглощают местные фашистские движения со всеми их силами и ресурсами; через пятнадцать лет после прихода к власти Муссолини и через три года после прихода к власти Гитлера фашистская контрреволюция переходит от масштабов отдельных стран к масштабам целых географических блоков.

Эти лиги являются, во-вторых (и это так же очевидно), крупными агентствами высшего фашистского империализма — гитлеризма, внешнюю политику которого они неукоснительно осуществляют. Региональные блоки фашистских партий становятся чем-то вроде тайных придатков центрального («центродинамического») фашистского государства, каналами его влияния, инструментами его тактики и дипломатии. Они служат для него всем, чем обычно в области внешней политики служат друг другу союзные государства. Они помогают Вильгельмштрассе во всем.

Восточная лига осуществляет один из величайших и наиболее удивительных поворотов в современной европейской политике: переход Польши, традиционного союзника Франции, на сторону Германии. Эта лига начинает также подчинять Германии и балтийские государства, до сих пор находившиеся под преобладающим влиянием Англии, подрывая созданную Парижем «Балтийскую антанту» проектом «польско-балтийского союза» и забрасывая сети германского влияния вплоть до «нейтральной» Скандинавии; никогда еще рука Германии не протягивалась так далеко на северо-восток. Все это одно, единое наступление против «коллективной безопасности» на востоке.

Южная лига также явно открывает дорогу германской экспансии на всем пространстве Дуная и Балкан, где гегемония принадлежала до сих пор Франции и Италии. Ее страшная хватка сжимает Малую Антанту Бенеша со всех сторон, оказывая давление на эмансипированные славянские силы на юге; тем самым лига вознаграждает Берлин за ненадежный «великий альянс» с Римом. Гитлер потерпел жестокое поражение в Австрии в июле 1934 г. Он тогда потерял помощь Италии, бывшую первоначально козырем во всей его внешней политике. Но теперь Гембеш, Кобурги, Карольи, Габахт

и Метаксасы, образовавшие новый фронт к западу от Адриатики, составляют на всякий случай замену колеблющегося «союза» с Италией; это очень важный процесс.

Гитлер и барон Нейрат в самом деле решились на крупный шаг; их новые союзники заменяют ныне те союзы, которые заключала старая Германия довоенных времен (с Габсбургской империей, Болгарией и пр.). Форма союзов изменилась. Союзы польских, венгерских, румынских, финских, австрийских, литовских, хорватских и латвийских фашистов слепо следуют международному курсу национал-социализма, движимые его динамически-империалистским весом. Они угрожают всем правительствам, которые не примыкают к германской ориентации, тайно или явно работают против коалиций или «пактов», исходящих с какой-либо другой стороны, и являются во всех своих разветвлениях завуалированным продолжением германской дипломатии.

Лиги являются, в-третьих (и здесь тщательный анализ не оставляет никаких сомнений), *экономическими* формированиями крупного германского капитала, прямыми орудиями Тиссена и германских трестов в их борьбе за рынки, за источники сырья, за сельскохозяйственные районы, и помимо всего этого — за создание новой «самодовлеющей» сверх-империи «Grossraum-Wirtschaft» (хозяйство огромных пространств). Это ни в коем случае не отдаленная, подчиненная тенденция. Фашистские группировки между Балтийским и Черным морями являются не только эмбриональными хотя уже видимыми звеньями в этой империи, — которые однажды, согласно плану Розенберга, должны быть прямо и непосредственно включены в нее, — но даже сегодня, под различными политическими этикетками, они безусловно являются непосредственными агентами и представителями германского капитала: такими же, какими в Германии были все время национал-социалисты.

Совершенно очевидно, что юго-восточные фашисты — Хорти, Габихт, Кодреану и пр. — следуют именно по тому пути, который всегда представлял главный выход для германского капитализма, его экспорта и колониальной экспансии; как раз по тому пути, который пытался заполучить «Дейче банк» до войны под эгидой Вильгельма II: это путь Берлин — Багдад. Косвенно они осаждают великий центральноевропейский торговый путь, ведущий через Вену, изолируя обширный и многообещающий балканский рынок, последний «свободный рынок» в Европе, для тиссеновских и крупновских военно-промышленных предприятий, паровозостроительных заводов и машиностроительных комбинатов; отдавая в лапы германского капитала неопценимые и так долго оспаривавшиеся запасы австрийской железной руды, румынской нефти, венгерской пше-

ницы, югославской меди; поддерживая и подкрепляя новую экспансию германских банков на Ближний Восток. Германская внешняя торговля систематически и явно продвигается в тех направлениях, где развиваются эти «движения».

Точно таким же образом вся восточная фашистская группа готовит почву для второй «аграрной» части программы германского капитализма; для ампутации и изгнания значительной части германского крестьянства, мелкой буржуазии и безработного пролетариата — баласта монополистического государства — в Восточную Европу («колонизация славянских стран»). Польские, балтийские и русские фашисты — это только пионеры, «прокладывающие путь» в этом чудовищном проекте; этот проект должен окончательно высвободить королей Рура из смертельных социальных объятий, в которые они попали; эти фашисты являются так же вассалами будущих германских «аграрных колоний».

Таким образом, под поверхностью политики ткуются нити и закладывается фундамент для гигантского нового «таможенного союза» на континенте под «германским руководством»; этот «союз», перекраивающий всю экономическую карту Европы, в течение десятков лет был самой сокровенной мечтой, главным устремлением германского капитализма, и сегодня при докторе Шахте он является прямой целью и главной идеей экономической политики Третьей империи. Территория этого «союза» совпадает с пространствами названных фашистских групп; где бы они ни действовали, там видна рука германского капитала, везде, где они пользуются полнотой власти, обеспечена экономическая гегемония Германии. Это третья нехитрая «загадка» двух новых фашистских блоков между Балтийским и Черным морями: они являются, помимо всего прочего, экономическими факторами, орудиями олигархического монополистического капитала Центральной Европы в его борьбе за гегемонию на континенте.

И, однако, все это еще не главное. Контуры этих блоков прячут в своей тени другую идею. Ее реальная цель — не подготовка почвы для контрреволюции в восточных районах, не дипломатическая поддержка германской политики, не капиталистическая подготовка германской экспансии. Все это вещи второстепенные и подчиненные; ставкой является нечто более крупное. В самом глубоком смысле новые фашистские лиги на северо-востоке и юго-востоке Европы не являются политическими, экономическими и дипломатическими органами: это потенциальные *антисоветские армии*.

В этом ключ к решению великой проблемы. На этом построено все здание. Этим объясняются в конечном счете взаимопроникающие связи и переплетения самых разнообраз-

ных «национальных» партий, групп и «лидеров», союзов ультра-националистов, целая серия поразительных и таинственных политических происшествий, путчей и даже террористических актов, которые потрясают одну четверть континента. Все эти явления пронизывает единая, связывающая их, идея. Стена, выстроенная фашистскими маршалами от Финского залива до Босфора, является по существу ничем иным, как первым конкретным выражением нового германского стратегического плана — восточного «плана Гофмана», который пришел на смену западному «плану Шлиффена».

Здесь начинается вторая глава истории национал-социализма. Глава, в которой глубокий внутренний кризис вырастает до чудовищных фантастических размеров; глава, которая неизбежно и непреложно должна закончиться гибелью национал-социализма.

Значение всех этих событий, того поворота, который сделал германский фашизм после кровавой ночи 30 июня 1934 г., решившей судьбу взбунтовавшейся германской мелкой буржуазии и одновременно судьбу гитлеровского курса, становится совершенно ясным. Все стадии германской политики, все политические демонстрации Германии с того времени фактически направлены в одну и ту же сторону, ведут с несомненной последовательностью именно к этому единственному пункту — к новому военному плану, и именно с этой точки зрения объясняются венский путч 25 июля 1934 г., конфликт с Муссолини, пакт с Польшей, борьба против Восточного и Дунайского пакта, морское соглашение с Великобританией, ремилизация Рейнской области, новая «мирная программа на Западе», а теперь и «священный союз» с Японией. Стрела приближается к цели. Идея мертвого генерала Гофмана начинает осуществляться.

* *
*

Что такое план Гофмана? Как он возник, как случилось, что он, полностью овладев умами национал-социалистов, вытеснил все остальные замыслы подлинных владык Третьей империи?

Он обращает германский фашизм на восток вместо запада. Он ставит фашизм перед континентальным фронтом, за которым находится территория в 21 млн. км² с потенциальными людскими резервами в 175 млн. человек, вместо старой рейнской границы и 40 млн. непосредственных противников. Он беспощадно бросает фашизм против державы, величайшей и сильнейшей из всех, какие существуют сейчас и когда-либо существовали в истории, против Союза советских республик —

основы будущего победоносного социалистического человечества. Он приговаривает фашизм почти с математической точностью к гибели, к полному и окончательному распаду; с логической точки зрения это — безумие, с моральной — варварство, с технической еще хуже — просчет. И все-таки этот план сегодня, так же как и в течение последних двух лет, владеет умом Гитлера; делает голос Геринга крикливым и истеричным; вращает колеса тиссеновских машин с головокружительной быстротой.

Как он возник? Как случилось, что план Шлиффена, неизменная основа германской политики и германских притязаний в течение сорока лет, их ось во время мировой войны, драгоценное наследие Гинденбурга, безоговорочно и демонстративно принятый Гитлером и Герингом в качестве их главной задачи во время их прихода к власти 30 января 1933 г., как случилось, что этот план должен был уступить место новому плану, направленному в совершенно противоположную сторону?

Такая постановка вопроса может вызвать недоразумение. Национал-социалисты не отказались и не откажутся от плана Шлиффена — схемы похода на Париж, а затем на Лондон; этот план остается незыблемым пунктом программы германского фашизма. Тиссеновская континентальная доктрина — главная пружина германского фашизма, — диктующая завоевание всего европейского пространства для необходимой экспансии германского промышленного капитала и для изгнания избыточных частей германской мелкой буржуазии и трудящихся — неизменна до тех пор пока существует германский капитализм; ведь германский капитализм не может отказаться и не откажется от мысли о сокрушении Франции и поражения Англии.

Лотарингия, Уэльс, лондонское сити, Бельгийско-люксембургский район были и остаются силами антагонистическими Руру; если Рур хочет жить, то эти силы должны быть разрушены или захвачены посредством войны Германии с западными державами. Это непреложно. Но не это — не существование или жизненность плана Шлиффена против Запада — ставится под вопрос, подлежит обсуждению лишь вопрос о том, в какой последовательности он участвует в больших замыслах и диспозициях германского фашизма.

В начале 1936 г., на четвертом году «великой эпохи» Адольфа Гитлера, после тридцати шести месяцев непрестанной борьбы, обмана, насилия и интриг, оказалось, что Гитлер, сосредоточивший свое внимание главным образом на Западе, стоит перед барьером, непроницаемость которого сделала его почти абсолютно неприступным. Призрак «национал-социализма над Европой» возымел свое действие. Эта непроницаемость не просто дипломатическая или политическая; она стратегическая

в самом конкретном смысле этого слова. Геринг не может больше найти никакой бреши для наступления на запад, предусматривая, что он *начинает* с этого фронта; такой бреши нет ни в горизонтальном, ни в вертикальном направлении — последнее обстоятельство имеет решающее значение.

В начале 1934 г. на вопрос, «может ли Германия выиграть войну?», можно было отвечать утвердительно, потому что в этой войне на западе, несмотря на французский пояс укреплений, все еще имелось три открытых стратегических пути: путь на крайнем севере — через Голландию — Бельгию, путь на крайнем юге — через Швейцарию; и великий безграничный путь над землей — открытый путь на Париж для геринговской воздушной армады, которая должна была начать наступление и сделать его возможным и по двум другим путям¹.

Тем временем обнаружилось кое-что в области высокой европейской политики: предварительный результат большой тактической диверсии, сделанной германской дипломатией, которая на «нео-бисмарковский» манер намеревалась натравить одну против другой западные державы и в особенности — оторвать Англию и Италию от Франции. Именно таково было главное условие для повторного применения шлиффеновского плана против Франции, условие практической возможности использования этих трех путей. Предварительный результат оказался полностью отрицательным: вместо изоляции Франции от Англии и Италии существует пока франко-итальянский военный сговор (соглашение Бадольо — Гамелен) и фактически чуть ли не франко-британская военная антанта (заявление Болдуина о том, что «наша граница лежит на Рейне»). Стратегически это ведет к следующему.

Крайний южный проход для наступления Геринга на Францию — Аарская долина в Швейцарии — внезапно закрылся. Это произошло с момента, когда пропала надежда, что Муссолини по ту сторону Альп соединится с идущей из Баварии германской армией для совместного удара по южному флангу Франции; теперь, напротив, Германия видит перед собой объединенный и усиленный фронт франко-итальянских армий, простирающийся от Бреннера до Лотарингии, — с этого момента идея марша через Альпы, сама по себе безрассудная и рискованная, становится для Германии стратегической нелепостью, предприятием абсолютно невыполнимым.

Все специфические шансы, которые сулило объединение с вооруженными миллионами Муссолини, исчезли; осталась теперь перспектива фантастического марша современной, тяжелой вооруженной массовой армии — ее танков, тяжелой артил-

¹ См. «Гитлер над Европой?», часть II, главы VI, VII и VIII.

лерии, моторизованных дивизий и бесконечных обозов — через узкие проходы высочайшего горного хребта в Европе и по его склонам; сотни летающих над этой армией вражеских аэропланов превратят ее поход в ад. Такой марш невозможен; через несколько дней германской армии не станет; она превратится в искалеченные, терроризованные, панические толпы.

Нельзя вести абиссинских кампаний в Европе. Большие маневры, которые в сентябре 1935 г. проводились одновременно в итальянских Альпах, в Швейцарии и во Франции, бесспорно доказали, что с эпохой военной моторизации отошла в прошлое эпоха больших горных *наступлений*: быстрые моторизованные дивизии не могут пройти с нужной им скоростью. Они содержат больше тяжелой стали, чем солдат¹, и застревают в узких горных проходах, теряя как раз свое специфическое и решающее качество — скорость, играющую главную роль в современной войне движения. Не защищенное от вражеской обороны на земле и контратак с воздуха, наступление превращается в катастрофу.

И совершенно ясно, что в этом ничего не меняет и новое германо-итальянское «сближение». Поскольку Муссолини тоже предпринимает тактические маневры и макиавеллистические шахматные ходы, чтобы противопоставить Германию Англии, он не начнет войны против Франции, с которой он два года назад заключил военное соглашение. Ведь в этом случае он теперь будет иметь против себя не только французскую армию и воздушный флот, но и английский средиземный флот — комбинацию, которой он боится больше всех других и которая для него оказалась бы смертельной. В этом случае для него была бы потеряна и Австрия, отданная на производ «союзных» германских отрядов. Такая политика для Италии немислима. С того времени, как Муссолини ведет новую политику, швейцарская брешь для германского наступления на западе герметически закрыта.

Иначе обстоит дело с брешью на другом конце: северным проходом через Голландию. Здесь условия были с самого начала гораздо более благоприятными потому, что обходное движение — Южная Голландия — Северная Бельгия — Северная Франция — немедленно вывело бы германскую «ударную армию» в обширное и открытое пространство, оставив всю французскую линию укреплений и их новое бельгийское продолжение — арденнские фортификации — в стороне. Единственным

¹ Современная пехотная дивизия насчитывает 450 пулеметов (против 32 во время последней войны), от 180 до 200 легких и тяжелых орудий (около 70 во время мировой войны), от 30 до 40 тяжелых и десятки легких танков, от 2 тыс. до 3 тыс. мотоциклов, все виды технических материалов, оборудование для сооружения мостов, оборудование для связи и пр.

серьезным препятствием мог бы явиться канал Альберта Антверпен—Льеж. Наступление по этому пути должно было пойти через Антверпен и Брюссель, т. е. к северу от Мааса, а не через Льеж. Это действительно идеальное направление для нового, на этот раз неотразимого, «шлиффеновского удара» против Парижа, во много раз усиленного, благодаря моторизации и воздушному флоту; именно эту «брешь» на крайнем севере облюбовали германские генералы и всегда имели ее в виду в качестве нового основного варианта шлиффеновского плана.

Теперь, однако, эта брешь также крепко закрылась, не менее герметически, чем на юге. Силы, закрывшие ее: мистер Болдуин, провозгласивший новую «рейнскую доктрину» Британской империи, британское адмиралтейство, которое может в один прекрасный день направить свои корабли в Голландию и Бельгию, чтобы защищать эту доктрину, и сэр Эдвард Эллингтон, маршал воздушных сил, который может послать весь британский военный воздушный флот (а кто может сомневаться, что этот флот составит грозную силу) в том же направлении, к бельгийско-голландскому берегу, чтобы укрепить заслон против германского нашествия. Против такого заслона, против такой контрконцентрации, германские «убедительные аргументы» разобьются вдребезги, потому что эти препятствия будут не намного слабее «стальной стены Мажино» дальше к югу. Здесь уже само германское наступление получит удар во фланг. А это означает крах шлиффеновского метода.

Не приходится говорить о том, что в тот самый момент, когда Британия сконцентрирует силы на голландском побережье Северного моря, Голландия уже не окажется более беспомощным и бессильным объектом германского «сквозного марша».

Англо-французское военное соглашение на Западе означает одновременно привлечение и *активизацию* Голландии. Голландцы не имеют ни стоящей упоминания армии, ни воздушных сил; но они имеют кое-что другое для самозащиты—свои шлюзы. Если они будут уверены в поддержке и прикрытии тыла со стороны Англии (в связи с колониями в Голландской Ост-Индии голландцы во всяком случае имеют какие-то военные отношения с Англией), то они в решающий момент откроют шлюзы и каналы, в течение нескольких часов затопят страну, разрушат мосты и переходы, и «молниеносный марш» германских моторизованных колонн будет приостановлен, как раз на то время, которое нужно для высадки английского сухопутного десанта, для появления воздушных эскадрилий и для входа английского флота в голландское внутреннее море (Додрехтский залив). Пространство между

этим морем и укрепленным бельгийским каналом Альберта легко может тогда стать ловушкой для германской армии. Это обещает зрелище, несколько напоминающее то, которое произойдет в Швейцарии, если германские войска будут наступать одновременно против французов, итальянцев и швейцарцев; здесь также очень быстро ничего не останется от наступающей германской армии.

Новейшее направление в бельгийской политике — заявление короля Леопольда в октябре 1936 г. о «нейтралитете» — ни в коей мере не меняет эту перспективу. Это заявление, конечно, не означает, что Бельгия обнажит свой фронт против германского нашествия. Напротив, этот шаг Бельгии немедленно привел к тому, что французский генеральный штаб продолжает «линию Мажино» на самом северном участке французской границы, позади Бельгии, до моря и таким образом окончательно ликвидирует «брешь на севере». Это заявление побудило также и Англию к дальнейшему укреплению своих воздушных и морских позиций на Средиземном море. Действительный смысл бельгийского заявления состоит в том, что эта страна под влиянием реакционных сил — династии и движения рексистов — не хочет следовать за Францией, проводящей политику коллективной безопасности в Восточной Европе. Бельгия открыто выступает за то, чтобы Гитлеру «были развязаны руки на Востоке». Она отказывается от присоединения к франко-советскому пакту. Но на западе, на фландрско-голландском побережье, стратегические условия от этого не изменились.

Дело в том, что две стратегических бреши на западной границе Германии превратились — благодаря недавним изменениям в европейской политике, благодаря провалу гитлеровского «дипломатически-тактического плана», благодаря политике Барту, Фландена и Идена — в стратегические *бастионы*; из широких «перспектив» для германского вторжения они стали угловыми фронтами против него. Это решает вопрос.

Ведь раз нет этих проходов вниз, на земле, теряет свою силу также идея третьей и наиболее важной операции — наступления Геринга наверху, в воздухе. Париж все еще можно разрушить с помощью воздушных крейсеров безумного Нерона германского фашизма, но Гитлер уже не может таким образом выиграть войну. Гораздо больше вероятности, что Берлин и Рур будут разрушены даже раньше, так что германская армия вовсе не успеет отправиться в свой великий поход.

Это не просто вопрос о франко-британском союзе в воздухе, о комбинации французских и британских эскадрилий, представляющих такую силу, с которой даже Герингу, с его

«сверхмощным стандартом» для германской авиации едва ли удастся тягаться (мистер Болдуин будет, возможно, рассчитывать также и на это, и его взгляды на справедливость норм в этой области, вероятно, иные, чем по вопросу о подводных лодках). Во всяком случае после такой встречной подготовки воздушная атака на Париж может потерять значительную долю своей привлекательности для германских воздушных кондотьеров.

Но даже если геринговской воздушной армии удастся достигнуть численного или тактического превосходства над французскими и британскими силами и прорваться к Парижу, то она бесцельно повиснет в воздухе. Без войны на земле нет войны в воздухе; без одновременного или немедленно следующего наступления моторизированных дивизий на земле воздушная бомбардировка остается в конечном счете бесцельной; нужно занимать территорию, а не только разрушать. Эта простая истина (которую теперь иногда забывают энтузиасты воздуха) не оставляет места для сомнений.

Если Гитлер, Геринг и Бломберг обнаружат на своем западном фланге, от итальянского Бреннера до голландского побережья, непрерывную цепь непроходимых позиций, неприступных для любой атаки, «обхода» или «прорыва», то им придется оставить всякую мысль о воздушной атаке на этом фронте. Шлиффеновский план как на земле, так и в воздухе — это пустой звук.

Шлиффеновский план сохраняет свою силу только при одном условии: *если это наступление на западе Германия предпримет не сегодня, не при существующем соотношении сил, не как начальную операцию*, если шлиффеновскому плану генерального наступления на Францию и Британию будет *предшествовать* другой план, другое наступление, в другом направлении, изменяя всю картину, перетасовывая и *преобразовывая* все политические, дипломатические и стратегические условия и доставляя Германии новую, несравненно более прочную, базу, опираясь на которую эту попытку можно будет повторить с совершенно иными шансами на успех. В этой формулировке важно каждое слово. Она содержит и объясняет действительную скрытую причину современного курса германской политики; причину временного перехода от старого плана Шлиффена на западе к новому плану Гофмана на востоке (в то время как на западе расчет пока еще строится на переходе власти к местному фашизму). Вот почему Гитлер призывает мир к походу на Москву.

Но даже если эти призывы представляют собой чудовищное лицемерие, беспримерное мошенничество, является ли новый план выходом *для него*, для Гитлера? Может ли он

спастись такими средствами? Чтобы избежать краха своего первого устрашающего стратегического плана, Гитлер наметает еще более страшный план, несравненно более злоедающий, собирающий совсем иные силы и вызывающий новых духов. Сумеет ли он выдержать все это? Какова цена нового германского военного плана, таинственного гофмановского плана номер два?

Его первоначальный автор, отставной майор-генерал *Макс Гофман*, член германского генерального штаба с 1901 по 1918 г., представлял собой патологическое явление. Этот офицер не принадлежал к великой классической школе германских генералов, являвшихся творцами современной научной стратегии — потомками Клаузевица, сохранивших через Мольтке, Шлиффена и Секта наследие после-наполеоновского военного искусства Европы и всегда отличавшихся своим ясным, трезвым и глубоким стратегическим мышлением. Эта школа, которая чуть не выиграла войну и потерпела поражение только благодаря почти случайной ошибке в начале, не имеет с планом Гофмана ничего общего.

Макс Гофман принадлежал к другому толку среди прусских милитаристов. Он был изолированным аутсайдером в германском генеральном штабе, имел заметный талант, хотя и обладал ослиным упрямством и был поражен одним серьезным недостатком. Этот человек, в отличие от цвета прусского генералитета являвшийся буржуазным офицером, бывший в начале войны всего лишь лейтенантом-полковником, страдал от навязчивой идеи. Эта идея вдохновляла его зачастую на отдельные блестящие мысли, остроумные, главным образом, с тактической точки зрения, но в целом она обрекала его на опасный фанатизм. Он страдал этим с первых шагов своей военной карьеры, когда его — 35-летнего капитана — только что отозвали из шлиффеновского генерального штаба на незнакомый театр военных действий — в Манчжурию в 1904—1905 гг., где маленькая молодая японская армия померялась силами с большой опытной армией царской России и разбила ее.

Гофман был представителем германского генерального штаба в первой японской армии, и он никогда впоследствии не мог позабыть того, что он видел: огромный фронт, простирающийся на тысячи километров; громадную армию, вместе с резервами насчитывающую миллионы солдат, но передвигающуюся как колода и дерущуюся подобно защищающемуся буйволу; и

вторую армию — очень маленькую, но словно отлитую в форме, тренированную до кончиков ногтей и полную энергии; армию, которая атаковала колосса и прошла сквозь него, как сквозь пуховую подушку. Это зрелище отравило военное мышление Гофмана, который никогда потом не мог его забыть.

Когда пришла мировая война и германский генеральный штаб приготовился к великому испытанию, Гофман стал главой оперативного отдела штаба восьмой германской армии, которая находилась в Восточной Пруссии и готовилась к встрече с русскими войсками. На этом посту Гофман, имевший вначале лишь небольшой чин, стал подлинной душой, направляющим и движущим умом всего германского *восточного фронта*; этот фронт рассматривался германским главным штабом — младшим Мольтке, Фалькенгайном, Клуком, а впоследствии Людендорфом и другими — только как вспомогательная позиция, которую надо удерживать, но незначем форсировать, так как единственно решающее генеральное наступление происходит на западе. В то время как цвет германского штаба был занят там и его глаза были устремлены на Париж, пристальный взгляд Гофмана с первых дней августа 1914 г. был направлен на восток.

Как крупный военный специалист, возглавлявший операции восточно-прусской восьмой армии, которая была в августе 1914 г. атакована казаками Ренненкампа и оказалась в очень тяжелом положении, Гофман, хотел он того или нет, был одним из тех, кто в первую очередь отвечал за то, что «для спасения восточной Пруссии» два корпуса из наступающей на Париж армии Клука были отозваны и брошены в Восточную Пруссию; хорошо известно, что из-за этого на Марне был похоронен германский план Шлиффена, а следовательно, и победа в великой войне. Но в то же время как стратегический руководитель той же армии, Гофман в те дни у Танненберга полностью разбил пополненную свежими силами царскую армию и взял в плен почти весь ее авангард; не Гинденбург и не Людендорф, а Гофман, глава оперативного отдела у старого генерала фон-Франсуа, был подлинным вдохновителем Танненберга, битвы, которая создала славу Гинденбургу.¹

Итак, Гофман остался верен своей системе; он одержал победу над Россией и поплатился за это поражением в мировой войне. Впоследствии Гофман отвечал за весь русско-германский фронт; когда Гинденбург и Людендорф были отозваны в главную квартиру, Гофман стал фактическим «главнокомандующим на востоке», только номинально имея над собой на-

¹ Это уже как будто больше не оспаривается хорошо информированными военными авторитетами.

чальником престарелого баварского принца Леопольда. Он оставался на этом посту до окончания войны на этом фронте — до Брест-Литовска. И здесь последовала третья стадия этого странного военного психоза.

Если в 1905 г. Гофман видел в качестве русской армии гнилые дивизии генерала Куропаткина, если в 1914 г., когда он снова встретился с ней, она представляла собой дезорганизованный, охваченный паникой корпус генерала Ренненкампа, то в ноябре и декабре 1917 г. он видел ее в третий раз, как «большевистскую армию», просящую мира и соглашающуюся на его жестокие условия: ему казалось, что его представление о русской армии подтвердилось и в третий раз. Это было его кардинальной ошибкой; ошибкой, от которой он уже не смог избавиться и которая легла в основу его знаменитого «нового военного плана»; эта ошибка предопределяет будущее германского фашизма.

Гофман видел нечто умирающее, видел конец процесса, конец режима, а ему казалось, что он видит нечто постоянное и неизменное. Он видел смерть *царской* армии, которая в ноябре 1917 г., тяжело раненая, распалась навсегда и физически была спасена большевиками, как человеческая социальная сила, именно благодаря Брест-Литовскому миру; а он думал, что это и есть большевистская армия. Большевистская армия рождалась только месяцы и годы спустя в процессе гражданской войны, в процессе новой мобилизации, в процессе стабилизации советской власти при Ленине и, наконец, выросла в могучую силу — в процессе социалистической реконструкции при Сталине. Но способный генерал Гофман — почти гений — никогда этого не знал. Его стратегическая схема, которая станет достоянием мировой истории, зародилась и выросла, потому что ее создатель был сбитым с толку человеком, пораженным полной политической и военной слепотой.

Но схема прокладывала себе путь. Это одно из тех явлений, которые могут произойти в капиталистическом да еще фашистском мире, считающем себя таким проницательным, таким методичным и таким исключительно разумным; и поэтому (именно поэтому, так как мы ведь не придаем большого значения психологии как самостоятельному фактору в игре больших сил) этот маленький психологический этюд имеет свою иллюстративную ценность. При рождении современного нового германского военного плана участвовала сумасшедшая повивальная бабка.

С этой точки зрения история этого плана — типичный процесс, следующий обычному ходу капиталистического развития: от частного лица генерала Гофмана до узкой группы антибольшевистских сверх-капиталистов и авантюристов вы-

сокого полета; от капиталистов — к более широкому кругу «демократических политиков» и от демократических политиков — к фашизму.

Гофман провозгласил свой «новый план» сразу после войны среди дымившихся развалин Европы: немедленная кампания против России; концентрация новых армий на Висле и Двине по примеру Наполеона; молниеносный марш под германским командованием вслед отступающим большевистским армиям; занятие Ленинграда и Москвы в течение нескольких недель; окончательное очищение страны вплоть до Урала и, таким образом, спасение истощенной цивилизации путем завоевания половины континента.

Это было великое открытие. Это было новое провозглашение наполеоновской идеи, через сто лет после Святой Елены, через двадцать четыре часа после разрушительной мировой войны; эту идею провозгласил генерал, который только что потерял в этой войне все — государство, победу, командование, солдат и даже мундир, с которого революционные рабочие новой Германии срезали эполеты. Этот случай чрезвычайно интересен. Победенный генерал предлагает наполеоновскую кампанию — один, без армии. Это был анекдот. Но это был также и исходный пункт.

У Гофмана не было армии, но у него был круг друзей и покровителей, которые нетерпеливо выдвигали его вперед. Кто были эти смелые стратеги? Пока еще не было фашизма; не было ни фашистских масс, ни «фюрера», а партия Адольфа Гитлера, мюнхенского ефрейтора, насчитывала ровно семь человек; Гитлер был седьмым. Но Гофмана кое-кто поддерживал.

Публичным агентом и герольдом этого круга, стоявшего за Гофманом, привлекавшего на его сторону всевозможные попадавшие на его пути салоны, был некий *Арнольд Рехберг*, далеко не безызвестный «частный» политик, не принадлежавший ни к одной из крупных политических партий, но все же располагавший как будто некоторым влиянием. Он был связан с германской калиевой промышленностью, руководителем которой был его брат. Он поддерживал связи с несколькими хорошо известными антибольшевистскими агентами, вроде Джорджа Белла, с людьми, занимающими высокие посты в международных нефтяных трестах, и прежде всего с очень влиятельной, очень привилегированной политической организацией «клубом господ» — сборищем феодальных землевладельцев и высокопоставленных гражданских чиновников. Но Рехберг значил больше, чем все это: он был бывшим личным адъютантом германского *кронпринца*.

Вдохновителем и патроном гофмановского плана был кронпринц. Этот человек в течение ряда лет, хотя и спря-

тавший за кулисами дворцовых интриг, был одним из наиболее «злых гениев» германской политики: он был одним из самых неразборчивых в средствах авантюристов нашего времени, одним из действительных преступников, виновных в падении Германии; до войны он славился своими экстравагантными приключениями, во время войны — своими подвигами в тылу, после войны он бежал из страны одним из первых, теперь он вынырнул снова. Рехберг был всегда только его «Porte-parole»¹. (Два других члена группы Рехберг-Гофман — барон фон-Хюнефельд и майор фон-Куммер — были также бывшими адъютантами кронпринца.) Гофман возлагал свои надежды на кронпринца уже во время войны, когда он разошелся во взглядах на методы ведения войны с главными военачальниками, а «маленький Вилли» был в то время известен как лидер фронды против кайзера и его ставки.

Что привлекло этого дворцового героя к гофмановскому проекту? Он всегда был человеком, потворствовавшим самым безумным идеям и самому безудержному хвастовству. Он не стеснял себя ни в чем, когда речь шла о его личных целях. В 1916 г., накануне Вердена, он не остановился перед тем, чтобы посылать сотню за сотней тысяч германских солдат на смерть, — ему хотелось заработать титул «победителя Вердена» и «спасителя отечества»; он заслужил клеймо «верденского мясника». Он был разбит на Марне (как командующий Пятой германской армией); разбит под Верденом; с презрением выброшен солдатами после перемирия. Он ничего не уступил. Теперь для него стояла на карте самая важная вещь — потерянная корона, и он играл ва-банк.

Этот любитель хорошо пожить, которому так долго пришлось ждать при подозрительном отце своей очереди сесть на трон, выскользнувший из его рук в последний момент, ненавидит революцию быть может больше, чем кто-либо другой; он был способен на все — лишь бы снова оказаться наверху. Бессмысленный капповский путч в марте 1920 г., который на три дня снова отдал Германию во власть жестокой реакции и после которого бесконечно сменялись кризисы и потрясения, был первоначально его предприятием. План Гофмана был другим ловким ходом этого скоророха.

С помощью этого безумного «наполеоновского» плана, задуманного ненормальным человеком и толкающего Германию на путь новой катастрофы, он — претендент на трон — рассчитывал нанести прямой удар в спины тех, кто, по его мнению, составлял главное препятствие его притязаниям и кого он ненавидел едва ли не больше чем революцию. Это

¹ Человек, говорящий от имени другого. — Прим. переводчика.

были «республиканские» генералы, лидеры нового рейхсвера, с их «про-русской», «восточной ориентацией» — стержнем политики Ратенау, Штреземана и всех прочих «плебеев». Кронпринцу требовался иной выход. Не кто иной, как он со своими адъютантами и со своими далеко идущими политическими связями, ухватился за идею Гофмана и превратил ее в полную и конкретную военно-политическую схему.

Основа была ясна. Разбитая на западе, Германия должна ударить на восток, а так как у нее нет своей большой армии, нет сил, достаточных для такой кампании, она должна заключить военный союз с Францией, а если удастся — также и с Англией. Комбинированная новая армия для «экспедиции на восток» будет состоять из французских и германских сил в пропорции 5:3 и должна иметь даже объединенный генеральный штаб.

Кронпринц не замедлил предложить в качестве верховного начальника этого генерального штаба, а следовательно и главнокомандующего германской армией, маршала Фоша, человека, который разбил его во Франции, «версальского дьявола», врага злейшего из всех, каких Германия когда-либо имела. Рехберг и в самом деле посетил Фоша и вел с ним переговоры от имени кронпринца, и Фош — в то время более или менее «затертый» Пуанкаре и Брианом, разочаровавшийся в своих надеждах на роль нового Мак-Магона во Франции после войны и вдобавок клерикал, непримиримый враг большевизма, — одобрил план Гофмана и даже опубликовал дружеское приветствие генералу Гофману¹.

Такова была первая форма гофманиады. Человек, который в Версале протасил Германию по грязи, и человек, который в результате версальского мира потерял трон и честь, эти два виновника величайших бедствий в мировой войне объеди-

¹ Трудно поверить всему этому, но факты неоспоримы. Приветственное послание Фоша Гофману появилось в его интервью, опубликованном в «Neues Wiener Journal». Вот его слова: «Я не настолько безумен, чтобы поверить, что горстка преступных тиранов может и в дальнейшем господствовать над половиной континента и обширными азиатскими территориями. Но ничего не может быть сделано до тех пор, пока Франция и Германия не объединились. Я прошу вас передать мое приветствие генералу Гофману, величайшему поборнику антибольшевистского военного союза». Рехберг заявил, что Фош в беседе с ним высказывался за «тесный и более неразрывный союз» между Германией и Францией, чем тот, который «Бисмарк заключил между Пруссией и Баварией». Французский адмирал (Дегу) также публично выразил в то время свое одобрение планам Рехберга. Случайно ли то, что через десять лет именно эти элементы выдвигаются на первое место во Франции. Рене Лопиталь — хорошо известный во Франции сторонник «франко-германского сближения» и председатель Франко-германского комитета, основанного в конце 1935 г. видными национал-социалистами в Париже, — это бывший адъютант Фоша.

нились, чтобы начать новую войну. Теперь план Гофмана надо было уже принимать всерьез. Он начал притягивать также и другие «антибольшевистские» или антирусские силы.

Еще во время войны Гофман установил тесный контакт с Пилсудским — антисоветским властелином Польши — и его «полковниками» из «Польской военной организации». Уже тогда, в 1917 и 1918 гг., Гофман, будучи в оппозиции к Людендорфу, настаивал на том, что Польша с запада должна быть «поощрена» Германией (Людендорф требовал аннексии западной Польши), и в то же время он поддерживал планы Пилсудского относительно Белоруссии и Литвы (Вильно). Действительным отцом и автором знаменитого германо-польского пакта о союзе, заключенного в 1934 г., является Гофман.

Это также он был действительным инициатором «независимого украинского государства», признание которого по сепаратному мирному договору, еще до заключения Брест-Литовского мира, он почти вырвал в феврале 1918 г. благодаря личному нажиму на Австрию и графа Чернина.

На Пилсудского, которого прогнали из Киева в 1920 г., можно было положиться для новой экспедиции, затеянной окружением кронпринца. Через знаменитого германо-шотландца Джорджа Белла (которого, подозревая в разоблачениях, национал-социалисты выследили в 1933 г. в Австрии и убили) Рехберг связался также с очень значительной и влиятельной персоной в Англии, которая с генуэзской конференции 1922 г. проявляла несколько чрезмерный и излишний интерес к запаху нефти с русского Кавказа и поэтому видела в большевизме всемирного врага; эта персона и ее окружение в Англии неизменно были участниками антибольшевистских экспедиций.

Вдобавок, Рехберг немало носился с планом «германо-французского стального треста», как «органического дополнения» и «основы» для германо-французской «военной антанты». Для многих групп тяжелой промышленности в Лотарингии, которым Рехберг обещал особую сферу влияния в южнорусском Донбассе — старой области деятельности французского капитала, — эти предложения были не менее заманчивы, чем для маршала Фоша идея реванша за 1812 г.¹

¹ Тяжелая промышленность Донецкого района — огромные угольные запасы и военные заводы в этой части России — принадлежала до войны почти целиком крупным франко-бельгийским группам. Этот забытый факт все еще от времени до времени вспыхивает под поверхностью международной политики, хотя и не так ярко, как излучения бывшей частной собственности в нефтяных зонах Кавказа. Заинтересованные французские группы это, грубо говоря, те же самые группы, которые заключили договор об «общности интересов» в Саарском районе с германскими стальными и железными комбинатами. Это объясняет многое также и на будущее.

Первый крупный германо-французский синдикат, который, между прочим, действительно зародился в то время (а также единственный, который выжил), был германо-французский калийный картель — отрасль брата господина Рехберга.

Итак, должное внимание было уделено даже финансированию гофмановского похода на СССР. Кронпринц завершил этот «гениальный план» со всех его сторон.

ГЛАВА VII

ЭТИКА ПЛАНА ГОФМАНА

Был ли этот план внушен гением? Весь старый германский генеральный штаб, все высшее офицерство, лишь за маленьким исключением, которое составляло круг приближенных «маленького Вилли», содрогались при мысли об этом. Ни на один момент полководцы старой армии не принимали плана Гофмана всерьез и не видели в нем ничего кроме явного безумия, неверного расчета и прыжка к катастрофе. Это была единодушная позиция обеих групп в генеральном штабе после революции.

Этого мнения держалось «левое крыло» оппортунистических генералов, «слуг республики», подобно Секту, Шлейхеру, Гренеру, Гаммерштейну и другим создателям нового рейхсвера, так же как и «правое крыло» открыто контрреволюционных штабных офицеров, путчистов, вроде Людендорфа, полковника Бауера, полковника Николаи и пр. В этом они были едины, как бы резко ни расходились они по другим вопросам.

Здесь это не было вопросом личных разногласий, хотя, понятно, Гофман горячо ненавидел Секта, выбросившего его из рейхсвера, и хотя Гофман так жестоко оскорбил Гинденбурга и Людендорфа в споре о том, кому принадлежит пальма первенства в победе при Танненберге. Политические разногласия также были здесь не при чем. Все эти генералы и офицеры, происходящие из одной и той же касты, были в душе контрреволюционерами, антидемократами и монархистами; даже «лояльные республиканцы», в роде Секта или Шлейхера, расходились с путчистами только в оценке политического *темпа* и тактической формы контрреволюции («путч» или «легальное завоевание изнутри»); Сект даже неоднократно оказывал личные услуги кронпринцу. А Людендорф, самый реакционный и агрессивный из всех генералов, человек, который принадлежал к тому же кругу политических заговорщиков, что и кронпринц, и который с 1919 г. подготовлял

именно ему путь для монархической реставрации и для расправы с республиканцами, этот самый Людендорф накануне капповского путча резко *порвал* с кронпринцем и обратился полностью против него — из-за гофманского плана. Это была одна из скрытых причин провала путча.

Старый, закоренелый милитарист, действительно великий германский стратег времен войны и, наряду с Сектом, прямой наследник Шлиффена, попытался на этот раз сделать все что мог для того, чтобы отвратить сына кайзера от этого плана. Но когда все переговоры и попытки, предпринятые им и его посредником, полковником Бауэром (бывший начальник оперативного отдела германского главного штаба), потерпели неудачу и произошел капповский путч, который, согласно первоначальному основному плану, должен был посадить на престол кронпринца, Людендорф и Бауэр — лидеры путча — отказались даже принять эмиссара кронпринца — ни за какую цену они не хотели вручить ему кормило государственной власти¹.

Вильгельмовские и республиканские военачальники боялись одного и того же. Дело было здесь не в политике, а в чем-то ином. Это было расхождение по основному стратегическому вопросу.

План Гофмана означал по существу не только полный разрыв с планом Шлиффена, но что гораздо важнее — со всей современной научной школой германской стратегии, и возвращался к эпохе европейского военного искусства до Клаузевица — к стратегической школе Наполеона. Это казалось удивительным, но ведь в этом сущность плана Гофмана. Это означало возврат на столетие, возврат от стратегии современной концентрической сверх-интенсивной войны к романтическому периоду больших, чисто экстенсивных, войн движения и дальних походов. А, по существу, это означало возврат от стратегии капитализма к стратегии феодализма.

Что позволяло Наполеону проделывать огромные трансконтинентальные кампании, брать «штурмом» целые империи, совершать сметающие все на своем пути походы небывалых размеров? Чем он отличался от современных полководцев, подобных Шлиффену, Фошу, или Людендорфу?

¹ Этот эпизод мало известен, но приобретает особый смысл в свете последних событий. Адьютантом кронпринца, которого полковник Бауэр отказался тогда принять, был барон фон-Хюнефельд. Между прочим, это был последний политический акт Людендорфа. После неудачи капповского путча он безнадежно впал в религиозный мистицизм (возвращение к языческой «вере Одина»), начал кампанию против «иезуитов, евреев и франкмасонов», предложил Британии и Франции кампанию против большевизма, присоединился на короткое время к Гитлеру (1923 г.) и затем совершенно отошел от политики.

Наполеон совершал походы. Шлифпен вел позиционную войну. Наполеон собирал десятки и сотни тысяч своих солдат и бросал их в намеченных им направлениях и по выбранным им путям. Шлифпен собирал материальные, технические, экономические и человеческие ресурсы — артиллерию, транспорт и дивизии — и усиливал их до крайних пределов. Наполеон делал головокружительные молниеносные марши, появлялся сегодня в десятках километров впереди или позади от той позиции, где он был вчера, переходил из страны в страну, стремительно пересекал континент, наступал, занимал территории и был вездесущ. Шлифпен, готовясь к прыжку, накапливал боевые средства в одном месте, а затем внезапно со всей силой обрушивался на противника. Наполеон делал переходы. Шлифпен совершал прорывы. Наполеон неожиданно появлялся на всех путях. Шлифпен пробивал свой путь через единственную брешь и наносил удар. Наполеон побеждал при Маренго, Аустерлице, Москве. Шлифпен прославился «Каннами». Наполеон одерживал победы благодаря военному экстенсивизму. Шлифпен побеждал с помощью военного интенсивизма.

В чем действительное различие между обеими стратегиями? Это различие между капитализмом и феодализмом; между орудиями двух эпох. Наполеон побеждал посредством своей экстенсивной стратегии, доведенной до кульминационного пункта, потому что феодализм — до-машинный общественный строй — предоставлял ему *пространство* и *время* для этого; он использовал максимально и то и другое.

Он использовал пространство, владея открытыми, незащищенными, оперативными путями с помощью простых средств «специфического превосходства» в человеческом материале (тактическая концентрация) и выигрывал в *темпе* (быстрота переходов); обычно он разбивал противника еще до начала сражения. Наполеон пал тогда, когда при Ватерлоо его генерал де-Груши превратил этот принцип в свою противоположность.

Он наилучшим образом использовал время, так как война докапиталистической эпохи без применения механизации делала его полностью независимым от всякой технической подготовки; ему не было нужды ждать чего бы то ни было (например, завершения обширных программ вооружения, как это приходится делать современным стратегам), и он мог бросать свои войска туда, куда ему хотелось и в любой момент, когда он считал это нужным.

Таким образом он завоевал континент и стал чуть ли не новым Александром Великим, чуть ли не завоевателем мира; на самом деле это было высшим и окончательным выражением достигшей своего кульминационного пункта *феодальной* воен-

ной стратегии — чисто экстенсивного, свободного движения людей на открытом пространстве.

Капитализм покончил с этой стратегией, так же как и с феодализмом вообще, и превратил Наполеона в военного недоросля. Он принес с собой технику, оборонительные и наступательные машины, и гигантские массы железа, бетона и химических средств, которыми он преградил пути и дороги, замкнул открытые пространства, парализовал движение и ограничил время. И чем дальше шел этот процесс, чем больше влияние капитализма изменяло и преобразовывало средства ведения войны — материальную базу, орудия, место сражения и военную науку, тем все более новым стратегическим ключом к превосходству становился предельный организационный и территориальный *интенсивизм* (ограничение) для цели концентрического *прорыва*, единственно возможного пути к победе¹.

Для этого необходимо: во-первых, максимально возможная ограниченность всего пространства неприятельской страны, глубины и протяженности неприятельского хинтерланда, для того, чтобы с помощью прорыва сразу обеспечить решение, т. е. для того, чтобы иметь возможность немедленно достигнуть неприятельских центров (даже после успешного прорыва современная стратегия допускает возвращения к стратегии движения только на краткий период, а именно — не на слишком большие расстояния, так как противник может организовать новые оборонительные позиции²). И, во-вторых,

¹ Генерал Сект коротко замечает в одной из своих военных работ: «В условиях современной войны фланговое движение — это глупость, а прорыв вражеского фронта — единственный возможный маневр, который может привести к решающей победе». Характерным для Наполеона стратегическим методом было фланговое движение. Сект объясняет далее, что он понимает под прорывом: «Удар, неожиданный, молниеносный, оглушительный, нанесенный в первые же часы войны и использующий каждую унцию силы... Подобное урагану, оглушительное вторжение армии с лучшим, превосходящим вооружением».

² Людендорф понял это в 1918 г., когда при его последнем наступлении на запад он действительно прорвал укрепленный фронт союзников в глубину на 60 км с неимоверной затратой сил (192 дивизии!) только для того, чтобы быть остановленным, и на этот раз окончательно. Ведь Париж все еще был слишком далек, а Людендорф оказался перед новой линией укреплений! 60 км было достаточно, чтобы обеспечить его и сделать прорыв бессмысленным и на деле привести к окончательному поражению (последовавшее контрнаступление союзников привело к Германской капитуляции — в ноябре 1918 г.). А что, если такой прорыв будет предпринят по отношению к стране или фронту, глубина которого (расстояние между фронтовой линией обороны и решающими центрами в тылу) измеряется не десятками, а сотнями и тысячами километров, к стране, которая имеет вдобавок практически неограниченные резервы? Мы вернемся к этому чрезвычайно важному вопросу в следующей главе.

максимальная ограниченность потенциальных резервов противника для того, чтобы избежать слишком равномерной концентрации собственных сил по всей длине фронта или впоследствии, в дальнейшем продвижении, не встретиться со снова выравненным фронтом противника¹. В итоге необходим неприятель с возможно коротким хинтерландом, с минимальным числом и как можно ближе расположенными крупными центрами, в стране с возможно меньшим населением.

Именно таков был «неприятель», избранный согласно шлиффеновскому плану и всей современной германской «западной стратегии»: это — Франция или, говоря более конкретно, Париж. Ведь Шлиффен в своем плане нашел идеальный объект, удовлетворявший всем этим условиям. Имелись налицо: относительно короткая французская граница, близость пункта главного прорыва (Бельгия) от неприятельского центра — Парижа; 40-миллионное население Франции по сравнению с 70-миллионным в Германии. Стратегия Шлиффена и стратегия современной ему германской военной школы *стояла на высоком уровне* и была единственно возможной именно потому, что Шлиффен выбрал этого «идеального» противника, выбрал лучшее направление.

Эта стратегия отвечала потребностям своего времени. Она превосходила наполеоновскую стратегию и имела преимущество по сравнению с ней не потому, что ее методы были выше или ее полководцы более талантливы, но потому, что она базировалась на капитализме, приняла капитализм как главный элемент в своих расчетах и благодаря капитализму приобрела военное первенство.

Этот краткий стратегический очерк был необходим: он содержит смертный приговор плану Гофмана с военной точки зрения.

Гофман бросил вызов германскому генеральному штабу и мечтал об «экспедиции на восток», потому что, минуя всю современную стратегическую школу Клаузевица — Шлиффена — Людендорфа — Секта, он хотел вернуться назад к Наполеону. В окружении прусских генералов, воспитанных в атмосфере наиболее современного военного опыта и традиций, этот своеобразный военный ум не переставал мечтать о великом корсиканце и признавать его своим непосредственным учителем. Он не скрывал своего убеждения, что «Наполеон был величайшим полководцем *всех* времен» (курсив наш. — Автор).

¹ Раньше, в период чистой, нестесненной войны движения, это обстоятельство также не играло такой роли, по той простой причине, что в неприятельском фронте всегда были «бреши», благодаря которым можно было совершать «фланговые» операции.

Войны Наполеона казались Гофману высшим достижением военного гения, его сражения и походы — образцами военного искусства, а его кампания в 1812 г. от Парижа до Москвы — стратегической неоконченной симфонией. Он учил Наполеона наизусть (Шлиффен и Сект изучили Ганнибала, а Сект занимался также техникой и экономикой) и фактически внес всего лишь один корректив в наполеоновские планы. Гофман буквально заявил, что если бы Наполеон имел в 1812 г. железные дороги, моторизованный транспорт и телефоны, «то он еще сегодня был бы в Москве»¹. Так разрешал он проблему: Наполеон плюс железные дороги восстанавливали в новой форме стратегию великих нашествий, которая должна была преодолеть шлиффеновские «ограничения» и снова вызвать к жизни великую военную эпоху.

В этом заключался в основном вызов, брошенный руководящей научной школе германской армии и ее политике «про-восточной» и «анти-западной» ориентации. Эти люди — не только Сект, но и Людендорф — знали из опыта последних пятидесяти лет и особенно последней мировой войны, что плотная механическая стена обороны сегодняшнего дня, являющаяся созданием капитализма, отбросила и уничтожила все специфические атрибуты прежней, и особенно наполеоновской, стратегии движения — эластичность пространства, быстроту, чисто тактическую концентрацию; они понимали, что сегодня было бы достаточно линий современных укреплений и двух «механизированных» дивизий, чтобы уничтожить любого Наполеона в разгаре его «блистательных маршей»; для них было ясно, что железные дороги, автомобили и танки, если они имеются также и у неприятеля, не только не ликвидируют позиционную войну, но скорее ожесточают ее, и что даже «Наполеон на автомобилях» с коммуникационными линиями позади него все же обнаружит впереди себя герметически закрытую линию обороны, которая может быть прорвана в одном месте при максимальной затрате сил; и что как раз при таком прорыве уже нельзя отдавать предпочтения фронту наибольшей длины и наибольшей глубины, — фронту, который представляет собой громадный СССР, с территорией в 21 млн. км² и с населением в 175 млн., а надо ориентироваться на сравнительно короткую линию обороны — на запад.

В этой стратегической аксиоме заключался простой секрет «русской ориентации» научной военной школы, которая взирала на гофмановский «нео-наполеонизм» с презрением и ужасом. Сект и другие приверженцы неизменной ценности шлиффеновского плана естественно приняли во внимание тот факт,

¹ Рехберг цитировал эти слова в «Journal des Débats» от 14 мая 1929 г.

¹⁴ Гитлер против СССР

что там, на западе, вырос тем временем новый барьер, оставивший далеко за собой все форты Вердена, это — фортификации Вейгана. Но ведь именно поэтому они и были «руско-филами».

Они рассчитывали на многомиллионную русскую армию и на другие неисчерпаемые силы и возможности СССР, которые в сотрудничестве с Германией опрокинут этот барьер. Эта схема могла быть основана на серьезной политической иллюзии (это без сомнения, так и было) — на вере в то, что такой германо-русский военный союз возможен. Но если он возможен — а этого как раз и добивались эти генералы, — то и этот план со *стратегической* точки зрения был действительно большим маневром; это был, вообще говоря, единственный военный план, приемлемый для Германии после войны. Не могло быть сомнений, что такой германо-русский военный союз, т. е. соединение и синтез этих огромных человеческих, технических и экономических ресурсов, союз, охватывающий четверть миллиарда людей, сможет одним толчком изменить любое соотношение сил в Европе. В Западной Европе не будет тогда никакой силы, ни одной стратегической позиции, которая смогла бы устоять перед этим сокрушительным напором. Осуществление второго плана Шлиффена было бы делом совсем нетрудным, а Версаль стал бы не более как пустым звуком.

Такова была цель генералов «про-восточной» ориентации: они не верили в возможность иной стратегии. Они знали притом, что теория Гофмана о «небоееспособности большевистской армии», армии, которая будто бы не сможет оказать действительного сопротивления и создать современную линию обороны, была так же несостоятельна, как и все другие идеи этого фанатика, который заснул еще в Брест-Литовске и с тех пор не просыпался.

Гаммерштейн и еще несколько человек из числа коллег Секта, посетивших СССР и очень внимательно изучавших его, понимали, какая сила медленно, но неуклонно там растет. Они имели достаточное социальное чутье (которое у Гофмана отсутствовало совершенно), чтобы понимать, что будущая социалистическая армия Советского Союза не только оставит далеко позади старую, царскую армию, но станет безусловно с точки зрения кадрового состава, в техническом и политическом отношении самой могущественной армией в мире, больше того, армией, которая, если на нее нападут, найдет союзников в любой стране мира, а главное — в стране своего противника. Они отказывались ускорять социальную революцию в Германии, которая должна последовать за «экспедицией в Москву» после первого же поражения.

Никакой Вейган не смог бы стать таким опасным и «непроницаемым», как эта новая мировая держава на востоке, которую Наполеон-Гофман хотел «сбить с ног» при помощи кавалерийских бригад и моторизованных колонн! Нетрудно понять, что реакционеры, монархисты и анти-демократы — Людендорф, Сект и Шлейхер — сделали все что могли, чтобы похоронить измышления кронпринца и его стратега.

Они сделали это с тем большей решительностью, что конфликт внутри генерального штаба далеко не был новостью и уже имел прецедент. Из дворцовых кругов уже прежде делались злобные нападки на школу Шлиффена, и Германии за это пришлось жестоко поплатиться. Человеком, который сорок лет назад появился в качестве предвестника Гофмана и требовал «восточной войны», был фельдмаршал граф *Вальдерзее*, отмеченный в аналах германской истории как один из самых крупных придворных интриганов того времени; а особой, которая на три года — с 1888 по 1891 — сделала его начальником германского генерального штаба, несмотря на отчаянные предупреждения со стороны Бисмарка, был отец кронпринца — Вильгельм II, в те дни также много обещавший молодой человек. Вальдерзее вовсе не был военным мыслителем; он был напыщенным аристократом. Но зато он был личным врагом Бисмарка — основателя империи, — место которого, т. е. место канцлера государства, он хотел бы занять сам.

Главным агентом Вальдерзее был чиновник германского министерства иностранных дел фон-Гольштейн — «серая знаменитость» в германской довоенной истории, хорошо известный всем современным политикам; ныне существуют документальные доказательства того, что он страдал умственным расстройством, отчаянно спекулировал на бирже и в то же время был неофициальной силой, стоявшей за всей германской дипломатией.

Вальдерзее и Гольштейн составили заговор против Бисмарка: Вильгельм II боялся, что слава основателя империи затмит его самого. Они свергли Бисмарка и сделали канцлером государства генерала Каприви, подчиненного Вальдерзее. И первым актом этой «дворцовой партии» (1890 г.) была ликвидация русско-германского «гарантийного пакта» — пакта о дружбе между Германией и Россией, который Бисмарку удалось заключить после многих усилий и который он рассматривал как завершение всей своей деятельности, потому что этот пакт гарантировал германскую восточную границу, в будущей войне с Францией.

Бисмарк был потрясен (он уже тогда предсказывал грядущее поражение Германии в мировой войне); царский ми-

нистр иностранных дел фон-Гирс тщетно пытался изменить решение Вильгельма II. Вскоре последовал неизбежный ответ: заключение военного союза между Россией и Францией. Вальдерзее пытался, конечно, убедить кайзера начать «превентивную войну» против России и Франции, но Вильгельм II выгнал его из генерального штаба: он слишком поздно обнаружил, что он натворил. Шлиффен и его генералы приняли на себя военное руководство. Но трех лет авантюры Вальдерзее было достаточно, чтобы разрушить их планы и сделать грядущее поражение в войне почти неизбежным в результате «войны на два фронта» — против Франции и против России.

Сект и Людендорф восставали против плана Гофмана не только потому, что элементарная современная военная стратегия показывала им чудовищную бессодержательность этого «нео-наполеонизма», но также и потому, что они знали о таком историческом прецеденте и его последствиях. Серьезный, стоявший на высоте военной науки, германский генеральный штаб не мог больше допустить подобных авантур. Нельзя было позволить кронпринцу и Гофману играть их военную игру.

Но не генеральный штаб, а кронпринц и Гофман оказались победителями в конфликте, точно так же, как в свое время Вальдерзее, Гольштейн и Вильгельм II — против Бисмарка. План Гофмана восторжествовал. Как могло это стать возможным?

Сделал это возможным один человек: тот человек, который стал для кронпринца и Гофмана новым Гольштейном: господин *фон-Папен*.

Это не случайно. Круг тот же. Франц фон-Папен — знаменитый представитель германского консерватизма, бойкий кавалер последних дней республики — был не только действительным хозяином в Клубе господ, месте сбора монархических заговорщиков; не только одним из самых близких и самых активных агентов кронпринца и его тайной дворцовой клики (отсюда его «таинственное» влияние на германскую политику).

Папен также с самого начала со слепым энтузиазмом защищал план Гофмана, связывая его с идеями католического миссионерства. Это он несколько лет читал специальные доклады на строго «частных» собраниях Клуба господ о большевизме и европейском крестовом походе против него; в этих докладах звучали почти апокалипсические ноты; в этом вопросе он видел альфу и омегу германской политики. Разговоры о «германо-французском военном соглашении» не сходили с его уст; он лично вел переговоры с французами. Это

он, особенно во второй период, примерно с 1927—1928 гг., был политическим вожаком группировки Гофмана, в то время как его друг Рехберг держался больше на заднем плане. В этой роли Папен должен был выполнить важную задачу.

Бывший молодой офицер генерального штаба, Папен, подобно Гофману, был сторонником самых грубых и самых авантюристских методов: во время войны он был военным атташе в Америке и динамитчиком — организатором смелых террористических актов — в нейтральной стране; после войны этот ловкий офицер — в качестве богатого члена правящей «республиканской» партии (Католическая партия центра), хорошо известного парламентского деятеля и участника всякого рода парламентских группировок — стал важной политической фигурой. Какую игру он вел? Посредством тщательно обдуманных комбинаций он снизу доверху изменил все соотношение сил внутри руководящего консервативного лагеря по отношению к плану Гофмана. И он добился этого, завоевав для кронпринца через головы этого лагеря «хунту» «третьего гвардейского полка» президентского дворца маршала Гинденбурга. Так разворачивается история этой интриги.

Это была не военная, а чисто политическая интрига. До периода папеновского влияния руководящие консервативные политические силы в стране, такие, как националистская партия Гугенберга, полувоенная лига «Стальной шлем», аграрная лига «Ландбунд», все время вели свою политику в том же направлении, что и рейхсвер и его генералы. Ориентировался рейхсвер на политику консерватизма; военные соображения Секта были решающими для Гугенберга, Дюстербера и др.

Главный посредник между Сектом и Гугенбергом, полковник *Николаи* (бывший начальник германской контрразведки), был, например, особенно убежденным и ретивым поборником «про-восточной» ориентации рейхсвера по соображениям стратегической необходимости; он даже агитировал в Турции за желательный, по его мнению, «Русско-германский военный союз». Результатом было то, что Гугенберг — твердолобый лидер консервативной оппозиции, глава «Стального шлема», монопольный владелец большинства германских газет, распоряжавшийся всеми политическими субсидиями, выплачиваемыми тяжелой промышленностью, — разделял в то время про-восточную ориентацию, и поэтому на него так же, как и на Секта, резко нападал в печати Рехберг.

Даже сам Стиннес, капиталистический полубог всей реакции, человек, снабжавший деньгами организацию Гугенберга, был того же мнения. Казалось, что это положение дел не изменилось даже тогда, когда произошло первое изменение

в политической «головке» реакции — смещение Секта, всемогущего до тех пор полководца рейхсвера и республики, и замена его Гинденбургом, новым президентом республики и его камарильей.

В то время не кто иной, как друг кронпринца, первый предложенный в кулуарах консервативного лагеря выставить кандидатуру Гинденбурга в президенты; естественно они оперировали чисто политическими общими аргументами, выдвигая Гинденбурга как «самого популярного человека в национальной Германии» и объединенного кандидата всех реакционных группировок. Кронпринц поддерживал эту кандидатуру как выражающую интересы династии. Официально, для народа, старый маршал должен был быть избран как символ традиций и былого величия Германии, а неофициально как уполномоченный будущей монархии.

Этот проект был даже не нов. Еще в марте 1920 г. капповский путч должен был, согласно первоначальному плану Людендорфа, полковника Бауера, Стиннеса и кронпринца, привести в первую очередь к «избранию» Гинденбурга как «президента со специальными полномочиями», который позже должен был уступить место кронпринцу: старый маневр Мак-Магона. Гинденбург примирился с этим с самого начала и согласился на выставление своей кандидатуры только при этом условии. Он был старым солдатом своего кайзера; а кронпринц был будущим монархом (до своего избрания Гинденбург даже экстренно просил специального разрешения на это у Вильгельма II в Дорне).

Гинденбург был избран. Сект ушел. Управление государством перешло в руки хунты «третьего гвардейского полка»: Гинденбурга старшего, Гинденбурга младшего (его адъютанта), генерала Шлейхера, секретаря Мейснера. Тут-то и началась деятельность господина фон-Папена. Он завоевал хунту изнутри. Он устранил Шлейхера и полностью подчинил своему влиянию трех остальных.

Этого дворцового переворота оказалось достаточно, чтобы сверху донизу изменить всю политическую и идеологическую линию в лагере германской реакции: Гинденбург потащил за собой Гугенберга и всех остальных.

Бойкий вестфальский юнкер, элегантный уланский офицер, ближайший поверенный династии — фон-Папен был лучшим канцлером, которого мог найти монархический президент Гинденбург для своего государства. Его кандидатура была единодушно поддержана Клубом господ, кланом-братством германской аристократии, в котором заседало изрядное количество родственников Гинденбурга и его земляков. Он был политическим деятелем, внезапно, как будто бы по приказанию,

ставшим представителем самой могущественной группы тяжелой промышленности, группы Тиссена, которая через своих эмиссаров — доктора Шахта и барона Шредера — начала настойчиво выдвигать фон-Папена (доктор Шахт оказался «старым личным другом» Рехберга). Всего этого было еще недостаточно. Но, кроме того, фон-Папен, в противоположность Брюнингу, в противоположность Шлейхеру, был единственным крупным консервативным политиком, который твердо решил замолчать большой скандал с так называемой «Восточной помощью». Это было, повидимому, решающим.

При правлении Гинденбурга восточно-эльбские помещики тем или иным способом получали от казначейства «помощь», составившую не менее нескольких миллиардов марок; эти деньги выдавались специально для погашения их частных долгов. Семья Гинденбурга также получила большое снижение налогов на свое запутавшееся в долгах поместье в Нейдеке, в Восточной Пруссии; ближайшие соседи и личные друзья Гинденбурга — Ольденбург-Янушау, граф Финкельштейн, Эйленбург и др. — получили миллионы. Это происходило тогда, когда в стране было выброшено на улицу 6 млн. безработных, которые находились на грани полного отчаяния. Партии левых угрожали раскрыть беспримерную панаму во всех ее подробностях. На карте стояла честь семьи Гинденбурга. Фон-Папен выступил с требованием: немедленно предотвратить скандал любой ценой во имя «национальных соображений». Этот человек был великим политиком. Фон-Папен и его национал-социалистские союзники должны были получить полную власть.

Против этого был только рейхсвер. Шлейхер был таким же милитаристом, как Гинденбург, таким же реакционером, как фон-Папен, и таким же карьеристом, как все эти слуги и лидеры республики. Он бросил в свое время Секта и перешел в камарилью Гинденбурга. Но с военной, *стратегической* точки зрения он был учеником Секта, человеком шиффеновской школы, и он не мог быть иным; стратегией не играют. Он понимал, что поставлено на карту; он знал, что скрывалось за спиной Папена; знали это также и все остальные офицеры генерального штаба — Гаммерштейн, Фрич, Бредов, Адам.

Рейхсвер должен был обратиться против Папена. Ведь речь шла о плане Гофмана. А великий карьерист, но хороший генерал — Шлейхер предпринял самый роковой и самый героический шаг за всю свою карьеру. Он повернул против фон-Папена, против Гинденбурга, против хунты, против всей реакции, с помощью которой и сам он попал в верхи. Он угрожал советникам Гинденбурга раскрыть скандал «восточной помощи»; намекал на мобилизацию полков в Деберице против Берлина. Он потерпел крах и был выведен из строя в послед-

ний момент благодаря Папену, Гинденбургу, Клубу господ и еще одной силе — так же, как Бисмарк несколько десятилетий тому назад. Восемнадцать месяцев спустя Шлейхер окончательно расплатился за свою дерзость. Вместе с женой он лежал на лестнице с простреленным черепом. А рейхсвер на этот раз хранил молчание.

Итак, политический агент группы, поддерживавший планы Гофмана, экс-майор фон-Папен, завоевал политическую власть в Германии. Теперь оставался только один промежуточный этап. А именно — национал-социализм. Это — последняя и самая простая глава в истории происхождения гофмановского плана.

Если Гофман и кронпринц были инициаторами плана Гофмана, то для национал-социализма этот план стал не чем иным, как призванием, идеей, теорией и «мифом». Человеком, который от имени Адольфа Гитлера почти монопольно поставлял и продолжает ставить идеи, теорию и «миф» национал-социалистской партии, является Розенберг, «вторая душа» фюрера. А Альфред Розенберг — прямой ставленник гофмановской группы: пятый крупнейший ее участник после Гофмана, кронпринца, Рехберга и фон-Папена, имеющий специальную сферу деятельности — национал-социалистскую партию.

Прибалтийский студент Розенберг, бежавший из России в Германию в 1918 г., был в конце 1919 г. чем-то вроде личного секретаря Адольфа Гитлера; в 1921 г. он был редактором «*Völkischer Beobachter*» — первой национал-социалистской газеты; затем автором партийной программы и официальным теоретиком национал-социализма; и, наконец, он стал главой «Внешнеполитического отдела НСДАП» и беспорным руководителем национал-социалистской внешней политики. Но прежде, до начала своей карьеры, Розенберг поддерживал знакомство с Арнольдом Рехбергом — главным помощником генерала Гофмана и адъютантом кронпринца.

Именно Рехберг представил Розенберга Гитлеру в Мюнхене в 1919 г.; до сих пор эти факты были слишком мало известны¹. Тот самый Рехберг, который поддерживал с тех

¹ В книге «Гитлер над Европой?», описывая происхождение гитлеризма (часть II, глава III), мы говорили о «трех кругах людей, которые создали нынешнюю национал-социалистскую партию»: круге военных террористов (группа офицеров Эппа), круге монополистического капитала (Тиссен и тяжелая промышленность) и круге Розенберга, «наименее известном круге», который «создал международные связи гитлеризма и в настоящее время управляет его внешней политикой». Мы указывали тогда, что «преждевременно говорить о том, кто именно образует этот круг и

пор через своего преуспевающего протезе постоянный контакт с молодой и активной группой Адольфа Гитлера. Не кто иной, как Рехберг, который в 1921 г. снабдил национал-социалистов, тогда мало известную и почти вовсе лишенную средств группу (они насчитывали 3 тыс. членов), деньгами, на покупку маленького еженедельного журнальчика «Völkischer Beobachter», чтобы учредить таким образом первый орган гитлеризма в Германии. Розенберг стал редактором и издателем этого журнала, и его первые статьи были пламенными манифестами против большевизма и призывами к крестовому походу против СССР. Капитальные затраты на план Гофмана быстро оправдали себя.

В том же году Розенберг участвовал от имени национал-социалистской партии на международной антисоветской конференции в Рейхенгалле, где гетман Скоропадский — бывший наместник Гофмана на Украине — и другие члены гофмановского окружения обсуждали план войны против Советской России. После провала гитлеровского путча в ноябре 1923 г., когда Розенберг шел рядом с фюрером с револьвером в руке, разбитая партия должна была все решительно начинать снова и не могла истратить ни гроша на газету; тогда снова один только Розенберг, при помощи своих специальных связей и ресурсов, обеспечил постоянное существование «Völkischer Beobachter». Председатель калийного треста Ростерг, компаньон брата Рехберга, даже публиковал статьи в «Völkischer Beobachter» под своим именем. Но финансированием печати дело не ограничилось.

Группа Гофмана — Рехберга была *первым* источником средств национал-социалистского движения и Гитлера, прежде чем на помощь им поспешили тяжелая промышленность и Тиссен: это важный факт. Эта группа создала для национал-социалистов первую капиталистическую базу (и не только собственными средствами) еще в дни их зарождения, когда эта партия еще ходила в детском костюме и была слишком мало известна, чтобы удостоиться покровительства тяжелой промышленности. Одна из крупнейших и шумевших субсидий, полученных Гитлером в те дни на создание своего движения, была «помощь», о которой писали в свое время в голландской прессе: эта «помощь» составила около 4 млн. гульденов и была предоставлена в свое время в распоряжение

как далеко простираются его интересы и разветвления». Теперь это время настало. Больше того, настало время сказать все или, во всяком случае, все возможное. Если история человечества и наша общая судьба зависят от чудовищной и низкой интриги, чудовищной и низкой настолько, что перед ней бледнеет всякое преступление, то пусть по крайней мере мир узнает о ней.

Гитлера международным нефтяным магнатом через его агента Джорджа Белла. Эта огромная субсидия сыграла большую роль в развитии национал-социалистской партии.

Кто такой Белл? Это был личный «международный посредник» генерала Гофмана; курьер, который, исполняя поручения Гофмана, беспрерывно разъезжал между Германией и Англией и поддерживал регулярные связи международных антисоветских «интервенционистов»; в 1927 г. он вместе с Гофманом был привлечен по известному делу о фальшивых червонцах. Белл завязал весьма специфическую дружбу с капитаном Ремом, начальником СА, и с Розенбергом: он был «*persona grata*» в национал-социалистских кругах. Так же, как Шлейхера, Рема и Гануссена, его впоследствии пристрелили, когда после поджога рейхстага возникло подозрение, что он может проболтаться.

Хорошо известно, что другим видным патроном национал-социализма был в то время принц Август Вильгельм («Ауви»), который, по заявлению Отто Штрассера еще в 1929 г., снабжал деньгами различные округа и руководителей окружных организаций национал-социалистской партии; впоследствии он стал дивизионным командиром СА и одним из самых влиятельных в гитлеровском штабе лиц. Принц Август Вильгельм — младший брат кронпринца; подобно своему старшему брату, он владеет миллионным состоянием, накопленным благодаря «компенсациям», которые выплачивала им обоим Веймарская республика, и, подобно кронпринцу, он сторонник крайних политических взглядов.

Не установлено точно, верно ли, что в августе 1930 г. Вильгельм II передал национал-социалистской партии через доктора Банга (поддерживающего кронпринца) около полутора миллионов марок¹. Известно, однако, что в сентябре 1935 г. в своем интервью с генералом Уотерсом, бывшим британским военным атташе в Берлине, Вильгельм заявил, что Гитлер спас Германию от коммунизма; но ведь обычно помогают, когда надо спасать. Первые «пожертвования» принцев Кобургбургского, Гессенского, Ольденбургского и Мекленбургского национал-социалисты принимали с гордостью (принц Гессенский является теперь национал-социалистским губернатором своей прежней территории). Таковы люди, финансировавшие национал-социалистов до Тиссена.

То, чем стал генерал фон-Эпп и его «седьмая баварская дивизия» для развития гитлеровской партии *с военной точки зрения*, т. е. первой основой штурмовых отрядов и их руководящим штабом, тем стал для национал-социалистов круг

¹ Об этом сообщала газета «*Berlin am Morgen*» от 5 сентября 1930 г.

Гофмана — Рехберга в *финансовом и международном отношении*. Эти люди с самого начала в очень сильной степени влияли на организацию и идеологию новой партии через посредство Розенберга, члена приближенного к Гитлеру конклава, пользовавшегося там все большим весом и влиянием. А когда эта партия стала слишком большой, слишком тяжелой и слишком могущественной, чтобы покоиться на своем старом базисе, когда она, завоевав миллионы приверженцев, вступила в решающую борьбу за власть и для этой цели нуждалась в союзе с верховным капиталистическим органом — тяжелой промышленностью, тогда снова группа Гофмана — Рехберга — кронпринца подала ей руку помощи и доставила ей новые связи.

У Рехберга был старый личный друг: доктор *Шахт*. Доктор Шахт, одновременно директор «Денат банк» и главный директор Рейхсбанка — государственного банка республики, был главным оруженосцем рурской промышленности. Когда республике пришлось сместить «демократа» Шахта, чтобы уменьшить число плутократов, он открыто стал одним из активнейших участников заговора Папена. Фон-Папен знал, что без гитлеровской фашистской массовой армии его удар против республики и против «про-восточной» политики рейхсвера не может увенчаться успехом, потому что даже если бы ему удалось овладеть гинденбургским дворцом, то этот дворец пришлось бы защищать от наступления левых и пролетарских масс. Гитлеру была нужна тяжелая промышленность для поддержки его политического наступления. Тяжелой промышленности нужен был Гитлер для того, чтобы в борьбе с католическо-еврейской группой (Отто Вольф — Дейтче банк — Брюнинг) и с Шлейхером удержать первенство стального треста и прежде всего для того, чтобы раздавить организации рабочего класса. Группа кронпринца находилась как раз в точке пересечения этих взаимных тяготений. Кронпринц должен был устроить единственное в своем роде сватовство.

Вот каким образом завязались организованные Шахтом и фон-Папеном отношения между Гитлером и тяжелой промышленностью и зародились огромные тиссеновские субсидии национал-социалистской партии. А затем возник исторический национальный союз: коалиция между Гитлером, фон-Папеном, Гинденбургом, Гугенбергом, Шахтом и Тиссеном. Гитлер вскарабкался к власти, и старая гофмановская группа снова встала на ноги в стремя.

Подведем итоги. План Гофмана был с самого начала основной и неотъемлемой составной частью того химического раствора, который называл себя национал-социализмом и ко-

торый постепенно поглотил все остальные элементы германской буржуазии и германской реакции, подчинив таким путем их государство. В этом поглощении и подчинении группа Гофмана постоянно сопровождала национал-социализм и выдвигала его вперед. Она дала гитлеризму многое: первую материальную базу, идеологию (Розенберг), связи с руководящими группами имущих классов и буржуазии, международные связи, импульс к окончательной победе (Эпп дал фашистским офицерам «массы» разоренной мелкой буржуазии).

Розенберг завлек в свои сети душу Гитлера так же, как фон-Папен завлек в свои сети душу Гинденбурга. *Но в конце концов сама группа Гофмана была поглощена гитлеризмом* и заняла в нем самый важный политический сектор, — иностранную политику. Это очень важный итог. Он объясняет, что происходило раньше, и бросает свет на то, что лежит впереди.

Заражение гитлеризма гофманизмом дошло вплоть до самого сердца, оно привлекло к формальному включению плана Гофмана в партийную программу национал-социализма. Этот план можно найти в официальных «39 пунктах» «программы НСДАП», третий пункт которой гласит: «Мы требуем земель и почвы для питания наших людей и расселения нашего избыточного населения»; его можно найти также и в мистическом откровении в гитлеровской «Моей борьбе», где еще в 1924 г. фюрер расшифровал всю важность этого пункта:

«Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания. Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства».

Это только повторение и одобрение «великой идеи» генерала Гофмана в том виде, в каком он выразил ее уже в 1919 г. в своем наполеоновском проекте. Гофман умер. Его проект продолжает жить и будет существовать до тех пор, пока существует национал-социализм. Они неотделимы друг от друга. Движение национал-социализма родилось с этой кровью в жилах; во время реализации этого плана оно обретет свою гибель. Розенберг, апостол Павел Гитлера, остается связующим звеном между мертвым генералом и живым фашизмом.

Кажется гримасой истории или парадоксом Честертона, что на этой почве сошлись два ненормальных архаических ума: фанатик нового аристократического рыцарского ордена и апостол нового мирового крестового похода против еретиков. Капиталистическая иерархия, действительный организатор этого «средневековья», нуждается в обоих. Маленький балтийский студент с глазами одержимого понял, что эта связь не порицается. Он во-время ограничил число малоизвестных, никем не принимавшихся всерьез лиц, из среды которых вышел этот проект. Сегодня он, один из «пятерки», остается в бенгальском свете германской и международной публичной известности.

Генерал Гофман умер в 1927 г., как раз тогда, когда он должен был быть привлечен по уголовному процессу о подделке советских червонцев. Рехберг держится в тени; его прошлое слишком кричаще.

Кронпринц, его бывший хозяин, также остается в резерве. Он ни от чего не отказался, ничего не забыл: хотя Гитлер и не восстановил монархии, кронпринц следит за тем, как побеждают его «идеи», он выжидает; он попрежнему располагает большим влиянием за кулисами (его можно лицезреть на всех национал-социалистских парадах и демонстрациях, особенно на геринговских) и в то же время он призывает Европу «быть благодарной Гитлеру, спасителю от русской угрозы»¹.

Франц фон-Папен — еще один бывший его оруженосец, фаворит при Гинденбурге, кандидат в канцлеры при Шлейхере, вице-канцлер при национал-социалистах — продолжает пользоваться своим флорентийским искусством на другой «ключевой позиции», в Австрии, а время от времени читает в Вене, Будапеште, Скандинавии те самые обращения, которым так громко аплодировали в Клубе господ: обращения о мировой миссии борьбы с большевизмом.

Розенберг — единственный оставшийся на виду. Но он также принадлежит к числу тех, кто получил, наконец, возможность распоряжаться судьбами Германии. Он также единственный из национал-социалистских лидеров, не имеющий министерского портфеля. Но зато он — глава «Внешнеполитического отдела НСДАП». Он стоит за помпезной фигурой

¹ См. его последние интервью в мае 1935 г. представителям британской прессы, которым он также выразил свое удивление, что «Англия остается такой спокойной перед лицом русской угрозы», и представителям французской прессы («Petit Parisien»), которым он сказал, что спасение Европы основано только на тесном понимании между Германией и Францией, так как иначе последует «большевизация» континента. И это еще задолго до обоих «антибольшевистских» съездов национал-социалистов — в сентябре 1935 и в 1936 г.

фюрера и проверяет весь механизм так же, как делал бы это сам сумасшедший генерал Гофман.

То, что последовало за этой трагикомедией, не было ни трагическим, ни комическим; дело свелось не более как к технике и автоматизму. Но этот автоматизм, при всей его обнаженной циничности, таит в самом своем существовании примерное невежество и крах старого германского генерального штаба.

Преемники Шлиффена не умирают, они сдаются. Штаб рейхсвера, хранитель традиций Шарнгорста, Клаузевица и старшего Мольтке, квинт-эссенция военных знаний и научного метода, штаб, который так долго с крайней решительностью боролся против идеи войны на востоке, потому что он видел в этой идее путь к катастрофе, теперь под руководством Гитлера проводит в жизнь план Гофмана. Сект, Фрич, Николай, Адам — крупнейшие представители старого рейхсвера — уступили и делают то, что им приказывают. Снова возникает вопрос: как это могло случиться? И на этот раз ответ звучит куда более прозаически.

Конечно, фашистская контрреволюция сама по себе была толчком достаточным, чтобы нарушить спокойствие этих милитаристов. Они прежде всего люди своего класса — буржуазии, которая, благодаря возвышению Гитлера и беспощадному подавлению социалистического рабочего класса, вернула себе всю власть и все свое превосходство. Некогда «оппортунистические» или «республиканские» генералы, прежде покинувшие своих путчистских коллег, чтобы «конституционным путем» спасти государство от рук рабочих, поняли, что их цель достигнута. Гитлер завершил контрреволюцию.

Во-вторых, это люди своей *касты* — старой прусской военной бюрократии. Не считаясь с наложенными на Германию по Версальскому договору ограничениями и вводя вновь обязательную воинскую повинность, Гитлер возвратил этой касте два средства, необходимых для ее существования: массу новобранцев и национальную казарменную дисциплину. Они могли теперь снова командовать миллионной армией; снова играть ведущую военную роль в Европе. Кроме того, самый угрожающий их конкурент внутри страны за последние годы, иррегулярная армия мелкой буржуазии — СА, была принесена им в жертву. Общественное положение этих офицеров, таким образом, сильно изменилось. Но всего этого было бы недостаточно, чтобы объяснить подобное сальто-мортале, полное изменение стратегической линии.

Куда же делись твердость характера и «этика» старых полководцев германской армии?

Гинденбург, ее первый маршал и герой после войны, не-

задолго до смерти получил, помимо значительных субсидий, большое поместье на имя сына: его сын — совершенно бес-
талантный офицер низшего ранга — был произведен новым пра-
вительством в генерал-майоры. Как бывший германский главно-
командующий во время войны Гинденбург понимал действи-
тельную стратегическую ситуацию. Но как новый крупный
землевладелец Восточной Пруссии этот 86-летний старец ни-
чего так не боялся, как «аграрного большевизма» и «красной
опасности».

Макензен, второй маршал, который жив и до сей поры,
точно так же получил от государства (в октябре 1935 г.)
большое прусское имение (Брюссов) в качестве «наследствен-
ного владения» для себя и своей семьи; его старший сын
был назначен начальником штаба десятого армейского кор-
пуса, другой сын — германским послом в Будапеште.

Сект, основатель рейхсвера и самый выдающийся предста-
витель прежней, «про-восточной» политики, был отозван из
Китая, где он при невыясненных обстоятельствах был чем-то
вроде инструктора в «войсках» Чан Кай-ши, и ему был снова
дан высокий пост в армии. В последнее время Сект был
одним из самых активных сотрудников национал-социалист-
ского военного министерства¹.

Продолжает упорствовать только старый Людендорф, не-
смотря на то, что Гитлер предложил ему самое высокое зва-
ние в армии, чин фельдмаршала и всяческие мыслимые ма-
териальные «почести»; Людендорф отверг поднесенный ему
фельдмаршальский жезл и несмотря на все упрасивания
отказывается публично присягнуть национал-социализму. Его
имя остается в стороне так же, как имена Шлейхера и Бредова,
которые были убиты, и Гаммерштейна, которого подвергли
преследованию и заставили замолчать.

Таковы великие старые маршалы, определявшие курс гер-
манской армии. Они «уступили» — активно или пассивно, по
тем или иным «причинам», как в свое время они уступили
Вильгельму II и его придворным, как они всегда уступают
высшей капиталистической или феодальной силе, которая на-
стаивает на выполнении ее воли. Они меняют окраску и пере-
ходят на сторону политики Гофмана; старое стратегическое
чувье потеряно. В конце-то концов, ветеранам хочется увидеть
новую войну. А прочие? Прочие состоят из их младших пре-
емников и идут по тому же пути, — что еще им остается делать?

Фрич, являющийся с 1934 г. главнокомандующим сухопут-
ной армией, некогда один из ближайших коллег Шлейхера,

¹ Сект умер 28 декабря 1936 г. в Берлине, 70 лет от роду. — *Прим.
переводчика.*

готовится к экспедиции на восток; он осведомлен о судьбе обоих своих предшественников (Шлейхера и Гаммерштейна). Полковник Николай, некогда проникательный начальник германской контрразведки и один из активнейших поборников проекта «германо-русско-турецкого военного союза», один из самых ненавистных противников генерала Гофмана, снова работает в своем прежнем ведомстве. Генерал Адам не командует больше армией, но он занимает пост начальника «Wehrmacht-Akademie» (Военной академии). Генерал Бек, ранее принадлежавший к «шлейхеровской гвардии», а теперь начальник нового генерального штаба, приспособливает свои действительно «необычайные» стратегические таланты к наполеоновским путям 1812 г. Вот, что случилось с рейхсвером.

Только однажды решились эти офицеры возвысить свой голос. Это было в июле 1934 г., через несколько дней после бунта Рема и убийства Шлейхера и Бредова, когда Геринг и Гиммлер совершали в Берлине свои кровавые оргии, а Гитлер был в трансе. В эти дни группа генералов и высших офицеров рейхсвера послала меморандум Гинденбургу. Они заявляли, что отечество в опасности. Они заявляли, что разрыв с заветами политики Бисмарка, измена восточной ориентации и воинственная политика против СССР означают начало новой катастрофы; что военная мощь СССР и международное соотношение сил воспрещают это категорически; и что новое поражение может предотвратить только возвращение к линии Бисмарка и политике безопасности на Востоке. Это был последний вопль, последняя попытка заставить себя услышать. Эти же офицеры служат сегодня под началом у Гитлера, смещен только Гаммерштейн¹.

На деле все они исполняют приказы другого штаба, неофициально за ними наблюдающего и пропитанного уже чисто гофмановским духом. Это, с одной стороны, внутренний военный кабинет Гитлера, состоящий в первую очередь из бывших офицеров германской службы связи, например: генерала Либмана (бывшего начальника военной академии и личного советника Гитлера), подполковника Госсбаха, адъютанта Гитлера и одновременно шефа «армейской персональной группы» — «Heerespersonalgruppe» (генерального штаба) и др. Сюда же надо причислить остатки «Wehrpolitisches Amt der NSDAP» (Военно-политический отдел национал-социалистской партии), т. е. таких людей, как Эпп. Наиболее выдвигающийся предста-

¹ Станут ли они, если в будущем еще раз представится возможность, вмешиваться и ставить палки в колеса Гитлеру? Многие, очень многие на это рассчитывают. К этой возможности надо относиться весьма скептически. Если существуют силы, способные остановить Гитлера, пока еще не слишком поздно, то это более могущественные социальные силы.

витель этой военной клики, группирующейся вокруг Гитлера, это генерал Рейхенау — один из «новой смены». Сам военный министр Бломберг является орудием этой группы. Прежде незначительный провинциальный генерал, он стал первым фельдмаршалом государства. Рейхенау в последнее время командовал баварскими дивизиями, а теперь организует в Восточной Азии связи с японской армией, которая должна напасть на СССР на Дальнем Востоке. А его бывший представитель и командир Третьей армии, охватывающей треть всех новых германских дивизий (на юге) и предназначенной для наступления на Чехословакию, Австрию и Украину, это генерал Федор фон-Бок — никто иной, как бывший «старший офицер генерального штаба» кронпринца во время войны и его личный близкий друг, который даже 9 ноября 1918 г., за два дня до перемирия, пытался посадить кронпринца на трон!

Представляет интерес само количество бывших личных друзей и офицеров кронпринца, занимающих ныне руководящие посты в новой германской армии. Кроме Бока, новый начальник генерального штаба, генерал Бек, прежде также принадлежал к штабу кронпринца. Командир восьмого корпуса, генерал фон-Клейст, бывший «гусар смерти» («Totenkopfhusar»), как известно, во время войны был доверенным лицом кронпринца; после войны он был другом сына Гинденбурга. Люди из этой клики сделали головокружительную карьеру. Сын кронпринца, принц Луи Фердинанд, которому раньше вступление в армию было воспрещено, до последнего времени служил в воздушных войсках и принадлежит теперь к штабу полувойска «Луфтваффе».

Это очень важные факты.

Но существует кроме того еще и другой штаб, который стал более влиятелен, чем все прежние владыки и капитулянты рейхсвера, и от которого все они теперь зависят: это могущественный штаб новой *воздушной* сверх-армии генерала Геринга! Это он — настоящий законный преемник генерала Гофмана; тот, кто, следуя по его стопам, должен выполнить его «наполеоновскую идею XX столетия» и завершить незаконченную симфонию московского похода 1812 г. — на свой собственный лад и своими «новыми средствами».

Наркоман и бывший летчик, второй лидер национал-социалистской партии и глава почти самостоятельного «генерального штаба воздушных сил», Геринг живет во сне и наяву идей «наполеоновского воздушного нашествия», которое должно стать осуществлением плана Гофмана. И действительно, как раз в его собственной персоне и в лице молодых воздушных генералов и других офицеров, находящихся под его командованием (Рейхенау также находится внутри геринговского

лагеря), окончательно сформировалась подлинно гофмановская германская военная школа; типичная и чисто фашистская школа, которая свергла старую шлиффеновскую школу, поставила ее на колени и подчинила себе.

Сект, Макензен, Фрич, Николай и Бломберг — пленники этих маниаков, наконец восторжествовавших; находясь в трансе и экстазе, они ведут Германию по пути, который кажется им завоеванием мира, воскрешением мечтаний Александра Великого; в действительности этот путь не что иное, как прыжок в бездну.

Это нужно понять и представить себе как можно яснее. Ведь именно здесь надо искать причину всей крикливой болтовни о европейском «сплочении» для «спасения цивилизации» и «избавления от большевизма». Вот почему был придуман фантастический план «крестового похода на Восток»: дело в том, что план гофмановского «неонаполеоновского» наступления против восточной части континента требует всеобщей мобилизации западной части континента, армий всех прочих европейских сил, точно так же, как это было в 1812 г.; эта военная необходимость одета в политико-пропагандистскую форму «международного крестового похода за цивилизацию» и фашистской миссии «избавления от большевизма». Фразы прикрывают реальный весьма определенный военный план.

В этом значение торжественного провозглашения на нюрнбергском съезде национал-социалистской партии в сентябре 1935 г. борьбы с «еврейско-марксистско-русской заразой»; значение ежедневных речей и «предупреждений» Розенберга; и — что интересно отметить — в этом значение всех речей о «едином» антибольшевистском фронте, за пределами Германии, речей некоторых очень влиятельных, хорошо известных лиц и политических лидеров в Англии, Франции, Америке, по всему миру. Понимают ли они это? Знают ли они, на чем в действительности основаны призывы к созданию антибольшевистского международного блока? Некоторые из них, конечно, знают. Идея военной оккупации Европы победоносным германским фашизмом и его союзниками их пока не пугает; ибо они верят, что получают свою долю при разделе добычи.

Итак, квази-феодалная «программа возрождения» германского фашизма получает свое логическое завершение. План Гофмана сливается с планом нового германского тевтонского ордена во главе с Гитлером (оба эти плана разработаны Розенбергом). Внутренняя политика сливается воедино с внешней политикой. Новый «вождь» и великий магистр восстановленного деспотического рыцарского ордена начинает свой крестовый поход — как и в былые дни — на Восток.

«Мы начинаем там, где Германия остановилась 600 лет тому

назад... Новая империя должна снова пойти по пути стародавних рыцарей ордена» (Гитлер «Моя борьба»).

Таким образом, эта литературная и романтически звучащая фраза говорит о самых прозаических вещах: сначала «Гитлер против СССР», а затем уже «Гитлер над Европой»!

Трагедия, которая началась 31 января 1933 г. истязанием германского рабочего класса; которая продолжалась 30 июня 1934 г. истязанием германской мелкой буржуазии; которая в самой Германии не коснулась только одной правящей, движущей силы — капиталистической олигархии и ее вассалов, эта трагедия развивается дальше по своим неизбежным законам. Взрывчатая динамика Рура, капитала, сжатого в своем развитии и ломающего свои собственные устои, воплощается в зловещих и искаженных формах, угрожающих самому существованию человечества; это, однако, единственные формы, в которых может воплотиться эта динамика, динамика процесса умирания капитализма. Наследует ли ему грядущее социалистическое общество, которое должно возникнуть в этом процессе, одни только руины? Это вопрос о том, каковы будут *результаты* плана Гогмана.

Итак, мы возвращаемся к тому, с чего начали эту главу. «Дедуктивный» вывод подтверждает индуктивные заключения, существующие факты. Мы знаем, что военная техническая подготовка плана Гогмана — в полном разгаре. Мы знаем, что вся германская современная международная политика сводится к этому, и ни к чему больше. Мы знаем, что кроме собственно германского штаба и над ним уже существует другой, «все-европейский генеральный штаб» для проведения гогмановского плана — это вожди вновь возникших фашистских региональных лиг на северо-востоке и юго-востоке Европы. И мы понимаем теперь также, почему не случайны все недавние поразительные инциденты и взрывы в этих частях континента.

Мы знаем, почему не случайно, что все официальные лидеры этих фашистских групп и организаций — все без исключения — *офицеры* высших чинов. Маршал Пилсудский и после его смерти «полковники» — в Польше; маршал Маннергейм и бывший начальник генерального штаба Волениус — в Финляндии; бывший военный министр генерал Ларка и бывший начальник штаба генерал Тывранд («Борцы за свободу») — в Эстонии; генерал Гоппер — в Латвии; начальник генерального штаба Кубелюнас и офицеры Вольдемараса («Железный волк») — в Литве; генералы Скоропадский, Бермондт и Миллер вместе с русскими и украинскими фашистами; адмирал Хорти и клика генерального штаба Гембеш, Хейяш, Виндишгрец (движение «Тес») — в Венгрии; кобургские генералы и их

комитаджи — в Болгарии; маршал Авереску и генерал Кантакузен («Железная гвардия» и партия двора) — в Румынии; бывшие штабные офицеры Павелич, Перчич и Саркотич («Усташа») — в Хорватии; генерал Метаксас — в Греции, и т. д. и т. п.

Это люди одного пошиба, потому что это один и тот же штаб; это маленькие «национальные» Гофманы, которые «также» хотят маршировать на восток и которые вместе со своими местными приверженцами будут выступать в качестве командиров бригад, дивизий или, в лучшем случае, корпусов главной квартиры Геринга, Бломберга и Рейхенау, подобно старинным польским, австрийским, германским, венгерским и итальянским полкам наполеоновской «Великой армии» в 1812 г. Вот почему они сегодня призывают людей в своих странах к объединению вокруг фашизма. Всех их объединяет гофмановский крестовый поход.

Это всеобщий поход на СССР, от Ледовитого океана до Черного моря, с германской армией в качестве стержня, северо-восточной фашистской лигой (Прибалтика) на одном фланге, юго-восточной фашистской лигой (Дунай) — на другом; и с двумя фашистскими лигами или намеченными или уже существующими на других фронтах: восточно-азиатская лига (Япония и китайско-манчжурские фашисты) в тылу советской Сибири и Атлантическая лига (предполагаемый фашизм в Англии, Испании и Франции), поддерживающая тыл Германии на западе.

Такова полная схема «повторения» наполеоновской континентальной кампании 1812 г., так она проектируется. Она чудовищна, как и весь замысел. Она приводит в движение сотни миллионов людей — больше чем в последнюю мировую войну — и исходит из того, что может бросить половину континента — капиталистическую — против другой половины — социалистической. Удастся ли это? Может ли план Гофмана победить?

* *

*

Эта «идея» претерпела все метаморфозы согласно всем правилам капиталистического развития. Из галлюцинации больного мозга план Гофмана стал жизненным законом, категорическим императивом для империи, и определил собой целый период мировой истории. Пять человек, которые в начале германской послевоенной эпохи стояли как бы в глубокой тени — «перевоспещенный Наполеон», «enfant terrible» династии, американский динамитчик, друг международных нефтяных трестов и ливонский рыцарь XX столетия, — слились синтетически и

амальгамировались в одном имени: Гитлер. Тень нависла над всей Германией.

На этом мы заканчиваем анализ *истории* и происхождения плана Гофмана. Этот анализ был необходим, так как, исследуя истоки этой идеи, он устанавливал будущее германского фашизма. Мы переходим теперь к *конкретной оперативной форме* этого плана — стратегической диспозиции, по которой предполагается достигнуть победы над СССР и завоевания его, и к критике этого плана.

ГЛАВА VIII

ГРЯДУЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ЛЕНИНГРАД И КИЕВ

Генеральное наступление на СССР! Как реализовать этот план? Каким образом должен произойти разгром большевизма? Сейчас же перед глазами разворачивается почти фантастический стратегический план. Наступление на территорию в 21 млн. км², в два раза превышающую Европу по площади, с линией фронта в 3 200 км (сухопутная граница на западе), наступление на страну, простирающуюся от моря до моря и насчитывающую 175 млн. населения. Это не абиссинская или китайская авантюра. Никогда ни один современный полководец не стоял лицом к лицу с такой проблемой.

Можно говорить о проекте германского прорыва в Бельгии, за которым последует марш на Париж; или о прорыве фронта Антантой через Рейн в Западную Германию. Можно представить себе завоевание больших незащищенных колониальных территорий — безоружных провинций Манчжурии или библейских пустынь Абиссинии. Но как нанести сокрушительный удар — а этот удар должен быть сокрушительным — современной, превосходно оснащенной и превосходно организованной стране, превышающей Великобританию по площади в 93 раза, а Францию — в 39 раз, стране с потенциальной армией в 20 млн. солдат, стране располагающей, притом, самой мощной индустрией в нынешней Европе? Как найти путь к сердцу такой страны для армии, которая хочет войти в страну, но хочет оттуда и выбраться, — как нанести Советскому Союзу такой удар, чтобы разрушить его и разбить вдребезги?

Генеральный штаб германского фашизма, который не является, как мы видели, шлиффеновским генеральным штабом рациональной и нормальной стратегии, вынужден искать этот путь. Каковы бы ни были географические, стратегические, технические и социальные условия, но германский генеральный штаб должен найти этот путь любой ценой. В течение столетий взор германских генералов был прикован к 640 км северной

границы Франции, чтобы совершить короткий (320 км) марш на Париж, который им удался только однажды (1871 г.); теперь гитлеровские генералы стоят лицом к лицу с 3200 км границы Советского Союза; целью является Москва. Москва, центр Советского Союза, по крайней мере для социалистической армии, но выиграть решающее сражение японский и германский фашизм мог бы только на Урале, за 2 тыс. км от Москвы (расстояние от Мадрида до польской границы); при чем Москва показала бы пример превосходного использования этой территории.

Дважды в истории было преодолено огромное пространство и взята столица; оба раза это происходило при отсутствии сопротивления со стороны России и не составляло, следовательно, стратегической проблемы.

Первый раз это произошло триста лет назад, в 1606 г., когда старая феодальная Россия, находившаяся на одном уровне развития с современной Абиссинией, была ввергнута в хаос первыми ударами закрепощенных крестьян (русская «смута» после авантюры Лже-Дмитрия), и польская армия, призванная русскими расами — боярами, приветствуемая феодальной кастой, прошла беспрепятственно в Москву только для того, чтобы несколько лет спустя бесславно бежать оттуда вместе с польским принцем Владиславом, которого бояре посадили на трон.

Во второй раз Москва была взята учителем Гофмана, Наполеоном; царь позволил его армии — снова при обнаженном фронте и почти без единого сражения — достигнуть ворот столицы только для того, чтобы дожидаться, когда Наполеон, изолированный и истощенный, побежит по тому пути, по которому пришел (несколько месяцев спустя наполеоновской «Великой армии» не стало, а через два года после этого не стало и императора Наполеона).

Оба раза вторгшаяся армия буквально потерялась в обширном пространстве. Русский гласис¹, простирающийся от Ледовитого океана до Черного моря, оставался практически вне наступательной «проникающей» оперативной стратегии; когда русский фронт был полностью открыт после краха старого государства в 1917 г., то это к неутешной скорби генерала Гофмана не было использовано. Гофман заявил в связи с этим следующее: «Во время войны 1914—1918 гг. мы, немцы, ... прошли по русской территории полпути до Москвы... Мы могли бы легко продвинуться к Москве и остаться там столько времени, сколько нам угодно». Как бы там ни было, история уберегла генерала Гофмана от судьбы его двух

¹ Гласис — скат перед крепостным валом. — *Прим переводчика.*

предшественников и не оставила его даже в Брест-Литовске.

Ныне русский фронт закрыт и забронирован на всем своем протяжении. Белоруссия, Северная Россия, Украина, Центральная Россия, каждая из этих частей Советского Союза сама по себе представляет неприступную могучую крепость. Какой же план составили германские генералы?

Линия русского фронта от Арктики до Черного моря, протяжением в 3200 км, распадается на пять стратегических зон или секторов, через которые можно повести наступление.

1. Крайняя северная, *карельская зона* — от Баренцова моря до Ладожского озера (лежащего против Финского залива), протяжением около 1200 км. Это почти вся советская граница с Финляндией, проходящая в большом редко населенном лесистом районе Северной России; здесь мало крупных городов, почти нет важных отраслей промышленности, вместо всего этого — обширные пустынные пространства. Наступление в этом районе не нашло бы реальной базы и, главное, не имело бы ни политической, ни военной цели, если не считать, что оно могло бы перерезать Мурманскую железную дорогу, связывающую Ленинград и Центральную Россию с единственным незамерзающим портом на севере Советского Союза, что имело бы известное стратегическое значение. Этот большой район на Крайнем Севере с юга граничит с другим районом, от которого он отделяется Ладожским озером. Это —

2. *Балтийская зона*, тянущаяся вглубь материка от Финского залива до Западной Двины вдоль советских границ с Финляндией (южная часть), Эстонией и Латвией, около 550 км длиной, и представляющая собой *путь к Ленинграду*. В этом главное стратегическое значение этого сектора. Он ведет к великому бастиону советского государства на западной его окраине; к его первой революционной столице, городу Ленина, второму по важности политическому и культурному центру, существенной экономической позиции и единственному выходу в Балтийское море (морская база Кронштадт). Кроме того, путь к Ленинграду через этот сектор очень короток: это наследство «географии», доставшейся по гофмановскому договору в Брест-Литовске. Кратчайшее расстояние от Ленинграда до границы на северном побережье Финского залива составляет всего 35 километров. Отсюда идут также важные железнодорожные пути в Москву и Белоруссию. Любая армия, начинающая наступление против Советского Союза из этой зоны — от советской границы с балтийскими лимитрофами, имеет шансы сразу попасть на территорию социалистического государства.

3. *Белорусская зона* — продолжение балтийской зоны от Двины до притоков реки Припяти, протяжением около 400 км,

в середине всей пограничной полосы, охватывает северную часть границы Польши и Советского Союза. Здесь лежит *путь на Смоленск* — промежуточную станцию на военном пути Варшава — Москва и место первого привала Наполеона в 1812 г. Этот сектор, находящийся уже в непосредственной близости от театра военных действий первой польско-советской войны 1920 г., не только охватывает центральное звено Советского Союза на западе — очень важную с политической и национальной точки зрения Белорусскую советскую республику, на которую уже давно зарятся Пилсудский, Радзивилл и польские фашисты, но представляет также географически наиболее близкий подступ к Москве. Расстояние от польской границы до Смоленска достигает здесь 370 км, а до Москвы — 750 км. Но и, наоборот, наступление из России в Польшу также найдет здесь кратчайший прямой путь.

Это плотно населенная территория; народы, живущие на этой территории, отличаются высоким уровнем национального и политического развития, густой железнодорожной сетью; здесь лежало главное направление наступления германской армии в войне 1914 и 1917 гг. Главным стратегическим препятствием к наступлению внутрь России служит здесь, как показал уже поход Наполеона, река Березина. На юге, за широкой полосой трясин вокруг реки Припяти, недоступных для крупных войсковых операций, тянется

4. *Украинская зона* (вплоть до Днестра), около 370 км в длину вдоль южной части польско-русской границы; в этой зоне пролегает *путь к Киеву*. Это — территория, хорошо известная в истории как предмет споров в течение столетий, была объектом военных воцелений феодальной Польши и за последние четыре года привлекает особое внимание Гитлера; прежде это был район обнищавших крестьян, угнетаемых русским самодержавием и обескровленных польскими магнатами, ныне это территория замечательной цветущей Украинской советской республики. В военном отношении этот сектор не только открывает путь к Киеву — национально-политическому центру международного значения (Киев находится в 300 км от границы), но и является также ключом к лежащему за Днепром большому очень богатому зерновому району, «житнице» Советского Союза. В то же время этот сектор отделяет Красную Украину от ее естественного географического и национального продолжения — Западной Украины (Галиции), находящейся под властью Польши, где массовое недовольство крестьян служит постоянным предметом беспокойства варшавского правительства. Пилсудский в 1920 г. вел по этому пути свое наступление и при поддержке украинских белогвардейцев занял Киев, где ему удалось продержаться несколько

недель до тех пор, пока контратака Красной армии не отбросила его назад — чуть ли не к воротам Львова (столица Галиции) и Варшавы — на севере. Наступление в киевском направлении вклинивается в Советский Союз с юга, отрезает Москву от важных источников продовольственного снабжения и угрожает коммуникациям между центром и Черным морем.

5. Крайняя южная *Черноморская зона*, тянущаяся примерно на 480 км вдоль Днестра, последний сектор западной границы Советского Союза — это граница с Румынией. Отсюда идет дорога на Одессу — важнейший южный порт Советского Союза, который после захвата Бессарабии отстоит всего на 40 км от границы, и далее — вдоль побережья к *Донецкому бассейну*, крупнейшему центру каменноугольной и тяжелой промышленности. С тех пор, как ныне советский флот господствует на Черном море (в противоположность Балтийскому), эта зона представляет собой, помимо ее сельскохозяйственного и промышленного значения, мост, соединяющий СССР со странами Средиземного моря и Западной Европой; этот факт приобретает особое значение, если Ленинград окажется под угрозой блокады. Наступление в одесском направлении, в тылу черноморского флота, поставит под угрозу иностранное снабжение СССР с юга, прервет сообщения с турецкими друзьями СССР — и что, особенно важно, — в дальнейшем откроет возможность операций на суше и на море против *Кавказа*, который играет в планах фашистов и участников «крестового похода» весьма специфическую роль. Кавказ является центром советской нефтепромышленности и в то же время крупной приманкой для Великобритании.

Таковы пять путей для наступления на Советский Союз, пять каналов, ведущих во внутрь социалистического континента. Каждый из них равен по меньшей мере всей франко-бельгийской границе с Германией в 1914 г. Два из них ведут на Москву; это путь через Ленинград, протяжением около 640 км, и путь через Белоруссию и Смоленск, около 750 км. Расстояние от Парижа до германско-бельгийской границы составляло в 1914 г. 320 км. Какое из этих направлений выберет германский фашизм, армия великого крестового похода, для решающего удара против Красного фронта, для «генерального прорыва», который должен «пронзить» этот фронт, подобно фронту Франции в 1914 г., и подорвать самые корни Советского Союза при первом же ударе?

Это, в известном смысле, вопрос истории. Но ответ на него нетруден; не труднее, чем ответ на вопрос о направлении главного германского наступления против Жоффра в 1914 г.

Из пяти направлений для главного наступления, направление на крайнем севере и два на юге с самого начала от-

падают. Ни в одной из этих зон германская армия — главная опора наступления — не сможет найти подходящую базу для немедленного развертывания сил и ни одна из них не имеет решающего стратегического и политического значения.

Наступление в Карельской зоне Северной России, между Ледовитым океаном и Финским заливом, естественно не подлежит обсуждению; это наступление пришлось бы начинать из пустынного озерного Финского района; при этом пришлось бы везти всю германскую армию через Балтийское море, чтобы подкрепить пять слабых финляндских дивизий; наконец, все это наступление привело бы только в огромную лесную зону, лишенную политических и военных центров.

Наступление в двух южных зонах — Украинской и Черноморской — отличается такими же трудностями; нужно совершить длительный переход еще до советской границы прежде, чем можно будет начать развертывание сил. Польская армия, которая стоит лицом к лицу с Украиной, не может, конечно, сама предпринять «сокрушительное» наступление против могущественной советской армии; похоже скорее на то, что она, соединившись с германской армией, сама подвергнется страшной атаке с первого же дня войны. Чтобы добраться до украинской границы, германская армия должна или совершить длинное и технически трудно осуществимое путешествие по железной дороге сквозь всю Южную Польшу (польские железные дороги не выдержат бремени этого транспорта уже через несколько дней), или она должна проделать вооруженный военный поход, в полном смысле этого слова, через Чехословакию, поход с боями против чехословацких войск и аэропланов, с боями, которые, конечно, будут достаточно ощутительными.

Германское нападение на Чехословакию должно произойти в этой войне при любых обстоятельствах, и безусловно при современном положении вещей оно представляет смертельную опасность для этой страны (к этой части стратегического «плана Гофмана» мы вернемся впоследствии). Но, разумеется, не нужно понимать это нападение как непосредственную составную часть генерального наступления на Советский Союз, проводимую одновременно с ним; это мало вероятно, по крайней мере до тех пор, пока Австрия и Балканы еще не находятся в руках национал-социалистов. Даже если германской армии, вступившей в Богемию, удастся «разгромить» Чехословакию и при поддержке дунайских фашистов расчистить дальнейший путь на восток, эта победа придет во всяком случае слишком поздно для того, чтобы с той же армией предпринять большое неожиданное наступление на Советский Союз. Время для такого неожиданного вторжения, которое толь-

ко и может в условиях современной стратегии рассчитывать на успех, давным давно будет упущено, и великая армия Советов, естественно, не позволит своему противнику диктовать ей стратегию. Может легко случиться, что в тот самый момент, когда германская армия, совершая победоносный марш с севера, достигнет польско-украинской границы, она не найдет там больше польской армии — своего главного союзника!

Это положение слишком очевидно для того, чтобы в настоящий момент допустить возможность перенесения германского *главного* наступления, нового «шлиффеновского удара» против Москвы, к югу — на Днепр; и здесь-то как раз и ошибается мистер Сайдтботэм («Скрутейтор»), который, обсуждая в «Sunday Times» другие проблемы, замечает: «Не нужно иметь большое воображение, чтобы представить себе план германской кампании, которая, начавшись соединением с Австрией и Венгрией, сначала расправится с Чехословакией и ... которая прорвется на Украину, по направлению к Черному морю»¹.

Возможно и несомненно правдоподобно, что Германия и все фашистские группы на Дунае немедленно пошлют всякого рода *подкрепления*, войска и материалы, польской армии на украинском фронте для усиления ее позиции в борьбе с Красной армией; они постараются сделать это *своевременно*, после того когда дунайская зона будет завоевана национал-социалистами и фашистами и когда произойдет объединение всех этих сил; тогда сможет быть предпринята новая попытка большого наступления на Киев. Это вторая часть германского стратегического «перспективного» плана, к которому мы еще вернемся. Но основной первоначальный удар на Москву не будет и не может быть предпринят здесь, в южной зоне.

То же самое и еще в большей степени относится, конечно, к черноморской зоне, советской границе с Румынией (Днестр и Одесса), так как переход туда германской армии был бы еще более продолжительным и так как Румыния сегодня все еще является партнером Чехословакии в малой Антанте и еще продолжает существовать советско-румынский пакт о ненападении. Необходимость «разгрома» также и Румынии, повторения того, что Макензен сделал в 1916 г., не облегчает германской задачи, а присутствие неподалеку могущественного советского флота в Черном море и турецких друзей СССР отодвигает возможность использовать этот путь для германского генерального штаба лишь на вторую очередь.

Германский штаб должен искать путь, который позволил

¹ «Sunday Times», 3 июня 1934 г.

бы произвести немедленное развертывание собственно германских сил с максимальной легкостью и быстротой, путь, который обладал бы наиболее надежной базой в тылу и вел бы к наиболее уязвимому и центральному, жизненному нерву Советского Союза и советской армии.

Ясно, что из двух оставшихся путей, второй, т. е. белорусская зона с Минском, Могилевом и Смоленском, также не удовлетворяет этим требованиям. Это, конечно, кратчайший стратегический путь Варшава — Москва, но он не лучший из путей Берлин — Москва. Расстояние до советского фронта для германских развернутых военных сил на этом пути действительно меньше, потому что германская армия, вместо того чтобы пересекать всю Польшу, может здесь прямо выйти из Восточной Пруссии через Литву к польско-советской границе (через Ковно — Вильно — около 320 км). Но этот путь развертывания военных сил не особенно благоприятен в политическом смысле — Литва является явным национальным врагом Германии и Польши, а белорусские крестьяне польских пограничных провинций не будут особенно гостеприимны; однако и в стратегическом отношении эта позиция не является лучшей для наступления.

Здесь в центральном секторе своей линии фронта советская армия полностью располагает огромной глубиной хинтерланда, что чрезвычайно важно для крупных военных операций и, главным образом, для их начала (мобилизация, развертывание фронта, перегруппировка). Относительная близость московского центра и его организованного снабжения, густота железнодорожной сети, центральное положение по отношению ко всем остальным районам СССР с их территориальными войсками придают тылу советской армии особую силу, именно в этом месте; ведь и в самом деле именно отсюда красные дивизии начали в 1920 г. свое мощное напористое наступление на Пилсудского (потерпевшее неудачу по другим причинам). Этого пути, ведущего непосредственно не только к Москве, но также и к Варшаве, не зря боялась Польша на всем протяжении истории. Правда, этим путем в 1812 г. прошел Наполеон, но ведь Березина была также началом конца его военной карьеры.

Но самое главное состоит в следующем: вторжение по белорусскому направлению не ведет к политически или экономически *жизненным центрам* Советского Союза, которые находились бы в непосредственной близости от линии фронта. Здесь отсутствует первая цель современного сокрушительного «молниеносного наступления». Такое наступление должно как можно быстрее, после успешного прорыва, достичь одного из жизненных нервов врага, чтобы не растратить своих сил

преждевременно (как это было с Людендорфом после его прорывов во Франции в 1918 г.). Если это не удастся, если не удастся повалить противника после первого же удара, то все преимущества прорыва теряются ввиду новой вражеской линии обороны и создается обратное положение: истощение, а быть может, и полное поражение «прорвавшейся» армии, становящейся в этом случае легкой добычей для контратаки противника. На белорусском секторе или позади него нет жизненных центров Советского Союза: ни Минск, ни Могилев, ни даже Смоленск, который лежит, в конце концов, на расстоянии 370 км от границы, по сравнению, например, с расстоянием в 320 км от Германии до Парижа, не являются в конечном счете такими центрами ни в политическом, ни в военном, ни в экономическом отношении.

Если даже затем германской армии и удастся сюда пробиться, то ей не удастся воспользоваться своими успехами; «пробежать» беспрепятственно 750 км до Москвы — это чепуха, в это мог верить в минуты экзальтации только бедный генерал Гофман. После дневного перехода от пункта прорыва германская армия снова встретит миллионы советских бойцов и мощные укрепления, не заняв ни одной действительно эффективной базы.

Нет, гитлеровский генеральный штаб должен искать другого места для своего «шлиффеновского удара» против социалистического государства. Остается только одна возможность. И это место, этот путь, со всех упомянутых выше точек зрения и по всем соображениям, представляется не только прекрасно подходящим для этой цели, но словно специально для нее созданным, именно здесь для этого расположенным: *это путь на Ленинград.*

Штурм Ленинграда, первой крепости большевистской революции, это квинтэссенция и венец германского нового стратегического плана на востоке; многое происходящее уже сегодня находит в этом свое объяснение.

* *

*

Какое значение имеет Ленинград для германского наступления на востоке?

Стратегически он кажется идеальной оперативной целью. На всей советской территории Ленинград — это пункт, выдвинутый дальше всего, пункт, до которого можно, следовательно, быстрее всего добраться. Расстояние от него до границы на юге (граница с Эстонией) равняется 120 км, на севере (граница с Финляндией) — 35 км, а ширина северного фронта, вклинивающегося между Финским заливом и Ладожским озе-

ром, составляет 59 км. Итак, здесь-то и находятся действительные *ворота*, ведущие в Ленинград.

Но это не единственные ворота.

С запада к Ленинграду непосредственно подходит третья граница — это Финский залив. Город защищен морской крепостью — Кронштадтом, лежащей на острове Котлин, расположенном перед Ленинградом. Финский залив принадлежит тому, кто господствует на Балтийском море. Таким образом, обладатель морского превосходства находится с этой стороны не более чем в 48 км от Ленинграда (расстояние Кронштадт — Ленинград). Такова стратегическая ситуация: 120 км, 35 км, 48 км — с трех сторон.

Для Германии это важно с двух точек зрения. Ей нужна прежде всего мощная непосредственная *морская база* для нападения на советские позиции. Как мы видели, непосредственной базы для развертывания военных действий германским силам на всех прочих путях как раз не хватало, везде германской армии пришлось бы проделать длинный, трудный и весьма сомнительный переход по чужой территории с враждебным населением и неразвитым железнодорожным сообщением. Между тем Балтийское море превратилось для нового германского военно-морского флота почти в германское внутреннее море, стало для германской армии как бы внутренним путем, ведущим прямо к жизненному центру Советского Союза!

Это обстоятельство имеет чрезвычайно большое значение. Оно сразу прекращает всякую полемику на тему о том, что «Германия не имеет границ с Советами». Балтийское море — это новая Бельгия Востока. Германский флот не только может сам по себе предпринять с Финского залива лобовую атаку на Кронштадт и блокировать Ленинград, но с помощью флота может быть также создана вторая база для развертывания германских сил в этом секторе, т. е. может быть в чрезвычайной степени укреплена и сделана почти неприступной *сухопутная база*.

Ленинградская зона, и только она одна, как будто, может быть достигнута германскими войсками по суше без труда и сравнительно быстро. Маршрут через балтийские страны, начинающийся по близости от Мемеля, — наиболее благоприятный для германской армии на востоке; к тому же он не нов для Германии. В 1918 г. германская армия генерала Гофмана была в Ковно, Риге, Ревеле (Таллин) и Финляндии; в 1919 г., после Брест-Литовска, балтийская дивизия под командованием подчиненного Гофману генерала графа фон-дер-Гольца вступила на советскую территорию вместе с русскими белогвардейцами возле Пскова и непосредственно к югу от предместий Ленинграда.

Политически современная Балтика — четыре ее слабых окраинных государства, неспособных к сопротивлению — является творением Брест-Литовска, т. е., иначе говоря, снова генерала Гофмана. Германско-балтийские группы населения этих окраинных государств, остатки бывшей правящей феодальной касты, рассеянные по всей их территории, представляют естественную поддержку для германской армии, идущей из Восточной Пруссии к Финскому заливу. Балтийский фашизм, порожденный Германией и организованный ею, одушевленный только идеей новой объединенной войны против СССР, расчислит — если он не сделает этого еще заранее — дорогу наступающим германским войскам, пропустит их через свои страны; вот в чем назначение балтийского фашизма.

При этих обстоятельствах маршрут Кенигсберг — Мемель — Рига — Ревель (Таллин) может, пожалуй, стать (если не говорить о сопротивлении рабочего класса и прогрессивных элементов в балтийских странах) «прогулкой» германских экспедиционных сил. Но даже если наступающая армия встретит сопротивление и три правительства Балтийской Антанты, чтобы спасти независимость своих стран, противопоставят германскому «молоту» девять своих слабых дивизий, то этому молоту вряд ли придется ударить; ведь одного предупредительного выстрела с германских дредноутов в портах Мемеля, Риги и Ревеля (Таллин) будет достаточно, чтобы добиться у буржуазных правительств абсолютного, немого повиновения Германии. Германский балтийский флот со своей морской артиллерией может покорить три прибалтийских государства в течение нескольких часов; четвертая — страна Маннергейма и Хакселя — уже является союзницей Германии¹.

Одновременно с этим балтийский флот может участвовать в перевозке войск через Балтийское море, а главное, он может также наиболее удобным путем перевезти на фронт все громадные массы тяжелых технических военных материалов, без которых немыслимо современное наступление: артиллерию, танки, транспортные материалы, снаряжение, продовольственные запасы. Германский торговый флот, с тоннажем в 4,5 млн. *т* (по сравнению с 5,5 млн. *т* до войны), снова является сегодня третьим в мире после Великобритании и США; под защитой военного флота этот торговый флот может идеально выполнить такую задачу. Он может сконцентрировать для наступления огромные массы технических военных средств на сухопутных подступах к Ленинграду: ни одна из железных дорог на востоке не может обеспечить этого. Это чрезвычайно важно; в современной войне это решает.

¹ См. примечание на стр. 166.

Германская морская база и германская сухопутная база дополняют одна другую и вместе образуют действительно мощную исходную позицию; неблагоприятное стратегическое расположение Ленинграда само по себе как бы помогает этому. Если проводить параллели, то положение Ленинграда таково, каково было бы положение Лондона при наступлении через Ламанш, если бы вдобавок через канал имелся еще и сухопутный путь, а в Атлантическом океане вместо английского господствовал бы неприятельский флот. Это положение очень напоминает мышеловку. Стратегически, следовательно, это как раз подходящий путь для германского наступления на востоке.

Политически это также не менее удобный объект. Ленинград — это важнейший политический и культурный (если уже не экономический) центр Советского Союза после Москвы; это гнездо революции, ее родина; социалистический советский народ и народы других стран считают его жизненным нервом чуть ли не всей советской системы. Отсюда следуют два вывода. Взятие Ленинграда нанесет (согласно германским расчетам) сильный, быть может, смертельный удар моральной устойчивости социалистического народа и его воле к победе; нанесет удар по всему фронту советских масс, вселит в них панику и неуверенность. И та же победа, благодаря ее моральному эффекту, возымеет свое действие и на другой лагерь: она пробудит и мобилизует русскую *контрреволюцию* — свергнутый класс буржуазии и кулаков, который, по мнению фашистских стратегов, еще жив.

«Ленинград взят Гитлером!» Это означало бы немедленное провозглашение вслед за этим, что в Ленинграде установлено «новое русское фашистское правительство». Действительно, совершенно ясно, что первым актом победоносной германской армии после занятия Ленинграда было бы провозглашение «нового национального русского правительства». Такое правительство представляло бы собой лишь разновидность колониальной администрации, набранной из последних выживших подонков безработных русских белогвардейцев; практической задачей его была бы организация с помощью германских войск (а также и бомбовозов) нового фашистского государства, провозглашенного в старой столице!

Таковы были когда-то намерения генерала Гофмана, который в своем первоначальном плане ратовал за установление «монархистского правительства» в захваченной Москве (быть может во главе с германским принцем, по образцу того, как Польша в 1606 г. возвела на русский престол Владислава). Такую попытку сделала в 1919 г. другая держава, которая тогда точно так же вдохновляла наступление на Ленинград; она выслала против Кронштадта крейсер (он взорвал русский

пароход) и без замедления образовала «национальное русское правительство» для Ленинграда; это было сделано даже еще до того, как были взяты городские предместья, а они вообще не были взяты. Это правительство имело всего лишь один курьезный недостаток: в него в качестве министров входили только бывшие русские владельцы и акционеры нефтяных вышек Баку и Грозного, и никто больше; у этого правительства не было даже шофера, а оно называлось национальным правительством¹. Германский фашизм имеет наготове свои русские колониальные кадры в гораздо большем выборе; это русский отряд в составе восточной фашистской лиги.

Согласно расчетам германского фашизма взятие Ленинграда — это лучший исходный импульс, лучшая воспламеняющая искра для того, чтобы вызвать одновременно с внешним военным ударом против Советского Союза внутренний, политический *распад* в его тылу. В этом заключается одна из самых главных идей всего германского плана. Фашистские стратеги думают, что эта перспектива, возможно, избавит их от дальнейшего длительного похода на Москву (это едва ли мыслимо даже после взятия Ленинграда, что само по себе задача почти невыполнимая) или во всяком случае облегчит и упростит его до чрезвычайности. Главное, это — прежде всего взять штурмом жизненный политический центр социализма. А Ленинград это именно такой центр.

На этой основной идее зиждется вся стратегическая диспозиция войны на востоке, так же как в свое время кампания 1914 г. основывалась на наступлении Клуковского правого фланга через Бельгию на Париж. «Восточный» шлиффеновский удар также должен быть нанесен на севере. Ведущую роль должен сыграть именно левый фланг фашистского крестового похода, фронт которого должен растянуться от Ледовитого океана до Черного моря. Генеральное наступление на Ленинград — это решающая операция против Москвы. Из этого исходит план всей остальной кампании.

Тактика на всех других фронтах и секторах советской территории неизбежно должна в первое время быть по существу оборонительной. На этих секторах, где будут развертывать свои силы не германская армия, но ее национальные фашистские союзники, придется удерживать фронт против превосходящих советских сил, чтобы предотвратить возможное наступление последних.

В центре, в *белорусской зоне*, польской армии придется всеми средствами сдерживать возможное наступление красных сил в направлении Брест-Литовск — Варшава; такое наступле-

¹ Правительство Лианозова.

ние, как в 1920 г., включает в себе опасность польской революции и может также ударить в тыл германской армии в Балтике; польская армия должна будет удерживать свои позиции до тех пор, пока успешная операция германской армии против Ленинграда и Пскова радикально не изменит ситуацию и позволит также и польской армии в свою очередь перейти в наступление. Если советский фронт в Балтийской зоне от Ленинграда до Пскова и далее к Полоцку будет прорван, а важный железнодорожный путь Ленинград — Орша с ответвлением Новосokolьники — Великие Луки — Невель окажется под угрозой, то положение советской армии дальше к югу, в Белоруссии также усложнится; в этом случае польское наступление к Смоленску облегчится, потому что для польской армии появится возможность встречи и соединения с наступающими германскими войсками несколько севернее, в районе около Витебска. Это тактика, сходная с той, которая была избрана в войне 1914—1918 гг. при операциях германской армии с австрийскими войсками, а также и другими более слабыми союзниками Германии.

На крайнем севере, выше Ладожского озера (*Карельская зона*), финляндская армия должна как можно лучше выполнить прорыв, имеющий целью перерезать Мурманскую железную дорогу и новый канал им. Сталина (ведущий от Белого моря до Онежского озера) в направлении Петрозаводска или дальше к северу (около 120 км от финляндской границы); после того как Ленинград будет окружен, такой прорыв стал бы проще даже для сравнительно слабых сил; в свою очередь, отрезав сообщение с портами на Ледовитом океане, он увеличил бы эффективность блокады Ленинграда. Во всяком случае, две второстепенных армии — польская в Белоруссии и финляндская в Карелии — имеют задачу только поддерживать операции центральной группы на левом крыле, т. е. германской ленинградской армии.

Какую задачу германский оперативный план возлагает на *правое крыло*, на юге, растянутое по фронту на 850 км между Украиной и Черным морем? И здесь, так же как в Белоруссии, польская армия, поскольку ей придется рассчитывать лишь на собственные силы, сможет, в основном, только обороняться против превосходящей ее во много раз советской армии и стараться всеми силами удержать фронт.

В связи с существующим соотношением сил было бы ошибочно ожидать в этот начальный период другой тактики, например, немедленного польского генерального наступления по направлению к Днепру (кроме диверсий). Но эта оборона должна стать только прелюдией к наступлению, которое должно начаться и здесь на южном правом крыле, как только

для него созреют условия; этими условиями являются *формирование* на Дунае и поход вниз по Дунаю *второй фашистской армии* против Советского Союза, составленной из всех национал-социалистских союзников в Юго-восточной Европе; они уже теперь работают на Гитлера политически, а когда война вспыхнет, то они начнут немедленно помогать ему и в военном отношении. Коротко говоря: это армия «юго-восточной фашистской лиги».

В тот момент, когда разразится война и когда германские дивизии из Саксонии и Баварии (главнокомандующий генерал фон-Бок, приятель кронпринца) пересекут чешскую и австрийскую границу, почти автоматически произойдет следующее: австрийские национал-социалисты восстанут в Вене, в Штейрмарке и Тироле. Богемские национал-социалисты из гейнлейновского «Отечественного фронта» восстанут в Северной Чехословакии и двинутся на Прагу, которую с другой стороны, с юга, будут атаковать дружественные Германии венгерские дивизии Хорти. Румынские фашисты выступят в Бухаресте и при поддержке некоторых дворцовых и военных кругов потребуют присоединения к новой, реакционной дунайской антанте. Самолеты с аэродромов Дрездена и Будапешта ускорят этот процесс.

А с военной точки зрения все это вместе означает не что иное, как *воссоздание в новой форме прежней австро-венгерской армии*, снова выступающей в союзе с Германией и снова действующей в пользу Германии в южном секторе Европы. И тогда (только тогда!) эта армия, словно возникшая из пепла 1918 г. после Сен-Жермена и Трианона, отправится в поход: туда, где она стояла перед 1914—1918 гг., чтобы начать наступление на Украину. Так просто, если перевести происходящее на военный язык, может быть даже сегодня в основной зоне. Эта возродившаяся армия маршала Конрада фон-Гетцендорфа¹, который на этот раз стал бы только одним из подчиненных Гитлера (а Гетцендорф им не был), снова попытается штурмовать Киев: чтобы занять великую украинскую зерновую зону, парализовать действия советского черноморского флота, создать правительство сепаратистского украинского фашизма (как в Ленинграде), поставить под угрозу русский угольный центр в Донбассе и нефтяной центр на Кавказе; все это для того, чтобы также и с юга вбить клин в Советский Союз, уже атакованный с севера!

¹ Главнокомандующий бывшей армии Австро-Венгерской империи в мировой войне.

Таков план действий правого крыла крестового похода. А так как эта армия, в отличие от 1914—1918 гг., должна быть подкреплена польскими силами в количестве от 25 до 30 дивизий (все польские военные силы насчитывают от 50 до 60 дивизий, остальные должны находиться в Белоруссии), то она надеется, что это наступление будет более сильным, чем когда-либо. Если оно не увенчается успехом, то положение, конечно, радикально изменится и перспектива фашистского триумфального марша на Киев превратится в перспективу народного социалистического и национально-освободительного восстания на Дунае против войны. Если, однако, это наступление окажется успешным, то во фланги советской державы, Ленинград и Киев, будут направлены два клина для того, чтобы пронзить сердце этой державы — Москву.

Так, постепенно отчетливо вырисовываются главные военные контуры этого «нео-наполеоновского» плана, который ставит своей целью уничтожить страну, располагающую 175 миллионами социалистического населения и занимающую территорию в 21 млн км². Это план двух операций большого масштаба, двух больших фашистских кампаний от линии Висла — Дунай до линии Двина — Днепр: первого решающего, наиболее интенсивного, энергичного наступления на левом крыле на севере, опирающегося на Балтийское море; второго последующего наступления на правом крыле на юге, направленного к Черному морю, и комбинированных уравновешивающих операций в центре.

Эта диспозиция лишь слабо напоминает сходный план 1812 г., предусматривавший второстепенный марш левого крыла «Великой армии» (маршал Макдональд и прусский корпус) на Балтику, второстепенный марш правого крыла (князь Шварценберг и австрийский корпус) на Южную Россию и главную операцию под руководством самого Наполеона и с французскими силами — в центре на Варшаву, Смоленск и Москву. Но стратегический план «великой армии» 193(..?) не случайность, не произвольная комбинация, изобретенная каким-нибудь военным теоретиком в германском военном министерстве. Он соответствует сегодня планам и диспозициям умирающего европейского капитализма. Этот план, состоящий из двух операций, соответствует, с одной стороны, экономической и политической динамике германского империализма (являющегося центральной движущей силой), а с другой стороны, расстановке фашистских сил в Европе.

Однако в то же время он основан на роковой ошибке: на решающей неправильной оценке военных сил Советского Союза, на смешении его чисто географической стратегиче-

ской карты с его подлинной военной и политической мощью. Этому посвящены заключительные главы книги.

Между тем, однако, план наступления на Ленинград и Киев становится все более и более конкретным. Многие неизбежно его сопровождающие последствия, имеющие резко выраженное международное значение, например принудительное открытие Балтийского моря (для германского флота и для операций против Ленинграда) и принудительное закрытие Черного моря (для изоляции советского флота и для наступления на Украину и Кавказ), будут нами также рассмотрены ниже, при описании современных германских конкретных приготовлений в соответствии с этим планом.

Конечной целью обеих операций и на севере и на юге остается естественно Москва. Если занят Ленинград, то дальнейший прямой путь в Москву будет, как это предполагается по плану, пролегать вдоль Октябрьской (бывшей Николаевской) железной дороги на расстоянии, примерно, в 640 км, не прерываемый ни большой рекой, ни каким-либо другим естественным препятствием. Германская армия, выйдя из Ленинграда, должна пройти сначала 300 км по направлению к Бологому, находящемуся на полпути к Москве, и открыть совместные действия с польской армией, которая тем временем (после предполагаемого отступления Красной армии на севере) достигнет Смоленска; таким образом, с востока Москва попадает в вилку на сравнительно небольшом расстоянии (примерно 320 км).

Это, однако, только часть второй фазы всего плана, третьей фазой которого должно стать вступление Гитлера в Кремль на белом коне. Мы не намереваемся здесь заходить так далеко в анализе современной германской стратегии и всего этого крестоносного мистицизма. Наступление на Ленинград и Киев — самостоятельные и во всяком случае уже совершенно назревшие проблемы. Практическая подготовка к этим двум операциям уже далеко зашла и не прекращается ни на минуту.

Рассмотрим эту подготовку и перспективы фашистского крестового похода.

ГЛАВА IX

ОБРАЗОВАНИЕ ДВУХ ФАШИСТСКИХ АРМИЙ НА КОНТИНЕНТЕ И БУДУЩЕЕ ЗАПАДА

Германский стратегический план «против Востока» предусматривает проведение кампании против Москвы двумя армиями: Северной фашистской армией и Южной фашистской армией. Каждая из этих армий имеет четко определенную оперативную задачу. Каждая имеет свой исходный пункт, свой район формирования и свой маршрут; каждая после формирования будет насчитывать миллионы людей и возрастет еще на миллионы в процессе развертывания сил. Эти армии будут воевать против СССР. Но что означает эта перспектива в ее более широком аспекте?

Две армии таких размеров и предназначенные для такой цели, которые должны формироваться в одной части континента и пройти сквозь другую, это не пустяк для современного мира и его истории; не пустяк ни их путешествие к этой цели, ни их возвращение оттуда. Каковы перспективы? Чтобы их выяснить, надо, поскольку это возможно, со скрупулезной тщательностью проследить будущие действия двух фашистских армий и исследовать все стадии их будущего марша через континент со всеми его неизбежными последствиями. Только тогда можно будет составить реальную картину того, что в действительности означает «экспедиция против Востока»: поход Гитлера на восток и его возвращение.

Общая схема гитлеровского крестового похода ясна. В идеальном виде она представляется следующей:

1) *Поход Северной фашистской армии* (операция против Ленинграда):

- а) Наступление на Ленинград с моря (захват Балтики, морская атака Кронштадта).
- б) Воздушная атака на Ленинград.
- в) Сухопутная атака на Ленинград (Балтийский марш).

2) *Поход Южной фашистской армии* (операция против Киева).

- а) Оккупация Австрии.
- б) Уничтожение Чехословакии (соединение с венгерской армией).
- в) Поход через Румынию.
- г) Угроза Дарданеллам (действия против Турции).
- д) Вступление на территорию Украины (соединение с польской армией).

К этой диспозиции, к этим восьми различным военным операциям, сводятся в конечном счете все речи Гитлера, Розенберга и Геринга, весь «мистицизм крестового похода», вся повседневная практика современной германской политики, а также и вся программа «избавления» мирового фашизма. По сравнению с этим планом все замыслы Бисмарка и Вильгельма II кажутся седой стариной. Это всего лишь восемь сухих пунктов (неотделимых один от другого), наиболее концентрированное выражение политики в стратегических формулах, но вместе они составляют архимедов рычаг, посредством которого фашистский цезарь Гитлер собирается перевернуть либеральный и социалистический мир. Переходим к техническому анализу всего этого плана.

ОПЕРАЦИЯ ПРОТИВ ЛЕНИНГРАДА

Наступление с моря

Наступление с моря является основой всего оперативного плана Северной фашистской армии. Специфическая особенность современной германской стратегической позиции заключается в том, что Балтийское море является единственным сектором всей военно-географической периферии Германии, где она уже обладает абсолютным (и прогрессивно возрастающим) военным превосходством.

Наступление с моря должно образовать стержень операции, направленной на красную крепость; атака с воздуха и наступление на суше составляют две другие стороны этой операции. Именно захват вод Балтийского моря доставит прежде всего пространство для атаки, для расположения сухопутной армии и сети аэродромов. Для этой цели на Балтийском море должна быть установлена абсолютная гегемония Германии, такая же, какую Англия имеет или имела в Атлантическом океане, в Средиземном море и Индийском океане.

Непосредственными объектами для нападения являются

Кронштадт, морская крепость Советов в Финском заливе, и Ленинградский порт. Косвенным объектом являются берега Балтийского моря, которые должны предоставить Германии военно-морские и авиационные базы и пространство для развертывания армий. Взятие Кронштадта будет означать, что ленинградский фронт советов прорван в самом чувствительном месте. Если Кронштадт вместе с советским флотом будет только отрезан и блокирован, то военная и политическая диктатура Германии над Скандинавским полуостровом и Балтикой будет обеспечена, а при этом открывается путь для наступления на Ленинград по суше и с воздуха: кроме того, откроется возможность и экономической блокады Советского Союза с этой стороны, подобно блокаде Германии с Северного моря в великой войне.

Первая непосредственная цель, взятие Кронштадта, представляет собой с точки зрения военной вещь почти невероятную¹. Эта крепость на острове лежит в восточной узкой части Финского залива между несудоходной северной ее стороной и сильно укрепленным южным берегом; она сооружена Петром Великим и является русским Гибралтаром, о который разбивался уже не один могучий флот. Восемьдесят лет назад, во время Крымской войны (1854 г.), эта крепость была выбрана целью атаки объединенной эскадрой англо-французского флота (в то время это звучало как синоним всей мировой морской мощи), и эскадра ушла обратно, не осмелившись атаковать. С того времени, также и при советском режиме, кронштадтские укрепления непрестанно усиливались. Очень узкий канал между южной частью острова и песчаными отмелями побережья находится под угрозой двойного обстрела орудий крепости и прибрежных батарей Ораниенбаума.

Кронштадт неприступен; особенно с того времени как в его тылу (этим-то он и отличается от Гибралтара) сконцентрированы сухопутные и воздушные силы. Но несмотря на это новое германское адмиралтейство готовится любой ценой совершить свое большое наступление. Оно готовится к нему потому, что это адмиралтейство, подобно новому штабу армии Бломберга, Рейхенау и Бока, подобно штабу воздушных сил Геринга, Уде и Мильха, не может более основываться на нормальной, рациональной стратегии, ибо оно порождено фашистским планом Гофмана.

Более того, люди в этом адмиралтействе — главнокомандующий морскими силами адмирал Редер; глава балтийского флота адмирал Ферстер; глава флота на Северном море ад-

¹ Мы ставим здесь этот вопрос только потому, что его в своих планах ставят германские фашисты. Реальное, объективное соотношение сил мы исследуем в последних главах.

мирал Шульце; гитлеровский «морской советник» адмирал Шустер. — все эти люди так же, как и командный состав воздушного флота, были особенно рьяными, полными энтузиазма защитниками нового плана; те и другие помогли сломить сопротивление офицеров сухопутной армии из ортодоксальной школы Секта-Шлейхера.

Эти наследники Тирпица, имевшие дело, главным образом, с подводными лодками, а не с дредноутами (подводная лодка это такое же сверх-агрессивное новое орудие, каким является и аэроплан)¹, долго чувствовали себя обиженными судьбой и последней мировой войной. Они считали себя подлинными жертвами старой морской тактики Вильгельма II, Гинденбурга и Людендорфа, которые во время войны 1914—1918 гг. держали великий германский морской флот запертым в гаванях, удерживая его от всякого серьезного выступления; они выпустили его из своих рук лишь позже, чтобы по Версальскому договору отправить его прямо на дно Скапа Флоу.

Эта тактика была не только методом Шера и Тирпица; это была также и тактика Джеликко (английского адмирала) и всей господствовавшей до сих пор школы военно-морской стратегии, которая воздерживалась от прямого генерального наступления, ради косвенного господства над морскими путями (сохраняя невредимым флот); эта школа никогда не штурмовала крепостей, но разрешала действовать в сущности только миноносцам и подводным лодкам. Новый германский военно-морской штаб, как подлинное создание и представитель гофмановской школы, военной доктрины фашизма, хочет раз и навсегда разделаться с этой пассивной военно-морской тактикой. То, что не удалось против Англии — победоносная атака с моря, должно удалиться против нового противника — Советского Союза, с его сравнительно слабым флотом и на наиболее благоприятном для Германии военно-морском театре — на Балтийском, а не на Северном море.

Лозунг Тирпица «боже, покарай Англию» («Gott strafe England») на время демонстративно уступает место новому лозунгу: «Неовикинги на Балтике!» Подобно воздушным генералам, фашистские адмиралы чувствуют себя центральными фигурами германской новой стратегии и новой войны. И, следовательно, они готовы рискнуть всем и бросить что угодно на чашу весов для реализации этого безрассудного проекта: генерального наступления на Балтике для оккупации берегов и захвата Кронштадта.

¹ Теперешний командующий флотом на Северном море, адмирал Отто Шульце, является бывшим командиром хорошо известной германской подводной лодки «U-63», потопившей во время войны британский крейсер «Фальмут».

Это предполагает две подготовительных операции: создание обладающего количественным и качественным превосходством *Балтийского флота* как главного орудия наступления и контроль над *балтийскими военно-морскими базами* как позициями для наступления.

Балтийское море со времен мировой войны до очень недавнего времени было со стратегической точки зрения ничьим, так как в нём почти совсем не было современных крупных военных кораблей; если там внезапно окажется мощный современный флот, равный, например, британской отечественной или средиземноморской эскадре, то такой флот на этом море образует непобедимую армаду. Если новый германский военный флот сможет достигнуть, хотя бы приблизительно, размеров британской отечественной или средиземноморской эскадры, то его концентрация на Балтийском море, непосредственно или через Кильский канал, будет достаточна для решения этой части проблемы.

Такова цель новой германской военно-морской программы, основанной на соотношении 35:100 с Англией по морскому соглашению в июле 1935 г. 9 броненосцев с общим тоннажем в 184 тыс. *т* против 15, которые имеет теперь Англия; 5 тяжелых крейсеров (52 тыс. *т*); 10 легких крейсеров (68 тыс. *т*); 39 эскадренных миноносцев (53 тыс. *т*); 3—4 авианосца; 60—70 подводных лодок, в общей сложности 450 тыс. *т* по сравнению с 1 200 тыс. *т* у Англии; это флот, который фактически не только равняется британскому флоту во внутренних водах, или всему французскому военному флоту (510 тыс. *т*); это флот, который будет построен (судостроительные фирмы Германии могут строить по 100 тыс. *т* в год) и на деле будет сильнее их.

Количество (тоннаж), примерно, одно и то же, но качество опрокидывает эти пропорции. Каждая тонна германского флота 1936, 1937 и 1938 гг. будет в среднем по конструкции, вооружению, скорости, силе сопротивления и общей боевой ценности выше тонны английского или французского флотов, кораблей, в значительной мере являющихся наследием первых послевоенных лет или даже оставшихся с дней войны.

Новые германские линейные корабли по 26 тыс. *т*, вооруженные 12 тяжелыми 11-дюймовыми орудиями, а кроме того, 6-дюймовыми, развивающие скорость более чем в 30 узлов¹, уступают британским «Гуд», «Нельсон» и «Родней», водоизмещением в 41 тыс. и 35 тыс. *т*, вооруженных 16-дюймовыми орудиями, которые могут выбить из Средиземного моря весь итальянский флот. Но они сильнее британских

¹ 1 узел (английская морская миля в час) равен 1,853 км в час. — Прим. переводчика.

боевых кораблей тех же размеров; а завтра Германия сможет, если захочет, строить гиганты типа «Гуда», в рамках своей программы¹.

Германские «крейсера» типа «Дейтшланд», выстроенные за последние несколько лет, хотя и являются крейсерами по водоизмещению (10 тыс. *т*), но по своей реальной концентрированной мощи — это линейные корабли: они имеют на вооружении шесть 11-дюймовых орудий и восемь 6-дюймовых орудий (на обычных крейсерах от восьми до десяти 8-дюймовых орудий), их скорость составляет 28 узлов, а радиус действия — 19 тыс. *км*; они могут покрыть расстояние от Гамбурга до Шанхая, не пополняя запаса топлива. Строительство такого германского крейсера обходится в 7500 марок за тонну, по сравнению с 2 тыс. марок за тонну при строительстве старых германских крейсеров, строившихся во время войны; британские соответствующие им по тоннажу военные корабли (10 тыс. *т*) по сравнению с ними являются слабыми судами.

Германские легкие крейсера (6 тыс. *т*, орудия калибром до 6,2 дюймов) несравненно более мощны и быстроходны, чем старые английские корабли этого типа, которые до сих пор составляют половину всей британской мощности по крейсерам, но они также сильнее британских крейсеров нового типа («Аретуза»).

Новые германские миноносцы по тоннажу примерно на 300 *т* превышают английские, имеют орудия большего калибра (5,08 дюйма) и приближаются скорее к кораблям французского рекордного типа «Террибль», которые развивают скорость до 45½ узлов!

Германские подводные лодки, хотя в среднем поразительно малы по размерам (мы увидим впоследствии почему), но благодаря своей сверх-современной конструкции (особенно легкая управляемость, быстрое погружение под воду, одновременное действие нескольких минных аппаратов и т. д.) и своей особой приспособленности к некоторым водам представляют собой замечательное орудие. Именно «карманные подводные лодки» по 260 *т* каждая благодаря своей подвижности и неуловимости действовали наиболее успешно среди тех 800 германских подлодок, которые потопили во время мировой войны 5400 иностранных судов с общим тоннажем в 11200 тыс. *т*!

Теми же качествами обладают также и молниеносные германские торпедные катера (которые производятся сотнями); это небольшие военные корабли по 60 футов² в длину, оборудованные только двумя минными аппаратами, на корме и на

¹ В ноябре 1936 г. начинается строительство боевого корабля, водоизмещением в 35 тыс. *т*.

² 1 фут — 0,3 м. — *Поим. переводчика.*

носу, и двигателем посреди корабля, едва видимые над водой и развивающие необычайную скорость — в 40, 45 и даже 60 узлов.

Такое качество германского флота резко повышает его номинальное количество; официальная пропорция 35 : 100 для Германии по сравнению с Великобританией не отвечает действительному соотношению. На деле можно говорить уже о приближении к старой довоенной германско-английской пропорции — 55 : 100. И этот флот, самый молодой в мире, сконцентрированный в одно единое целое (Великобритании приходится распределять свой флот между семью морями), встречается на Балтике флоты других государств (Швеция, Норвегия, Дания, Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и др.), которые *все вместе взятые* значительно слабее его. Окраинные государства Эстония и Латвия обладают только маленькими береговыми судами, к тому же «флоты» Польши и Финляндии, если их вообще учитывать, следует отнести к германской стороне. Единственное твердое ядро среди этого пассивного, бессильного и устаревшего хлама это — советский флот. Это означает, что будущий германский флот, во много раз более сильный, чем все другие флоты в этих водах вместе взятые, должен согласно своему плану иметь полное превосходство, *абсолютное господство* на Балтийском море. Следовательно, он должен господствовать в этих водах так же, как британское адмиралтейство господствует сегодня на Северном море, и иметь гораздо большее превосходство, чем то, которым пользуется британский флот в Средиземном море. Германские «Гуд»'ы в Балтийском море! Это орудие для блокады Ленинграда, для капитуляции балтийских государств, для наступления на Кронштадт.

Однако это превосходство на море зависит не только от морских вооружений, но также и от морских баз. Германские «Гуд»'ы должны обеспечить себя своим Гибралтаром, своей Мальтой и своим Суэцом, чтобы быть в состоянии провести эти операции. Точно так же, как лорд Фишер начал еще в 1903 г., за десять лет до мировой войны, строить на Северном море морские базы для будущей блокады Германии, и теперь германское адмиралтейство должно подготовить почву к востоку от Ютландии. На *Балтийском море* имеются *семь важных морских баз*, которые необходимо контролировать и которые будут иметь значение в борьбе за Ленинград.

Первая из них — это сам германский северный берег со своей большой военно-морской базой в Киле, связанный через Кильский канал с базой на Северном море — Вильгельмсгафеном. Кильская база под руководством адмирала Альбрехта и наблюдением адмирала Шустера, второго противника Джеллико (после Шера) на Северном море в 1917 г., развилась

теперь в действительно могучую морскую крепость; ее новые форты будут несравненно сильнее уничтоженных по Версальскому договору.

Надежность этой отечественной базы зависит от второй позиции — Зундского и Бельтских проливов — «балтийских Дарданелл», которые открывают или закрывают путь из Северного моря в Балтийское и формально находятся под контролем Дании и отчасти Швеции. Германское адмиралтейство, само по себе независимое благодаря внутреннему Кильскому каналу, должно во что бы то ни стало контролировать эту позицию; только закрыв ее, может оно обеспечить абсолютное господство германского флота на Балтийском море после того, как вспыхнет война, и предотвратить приход, скажем, французской эскадры из Северного моря на помощь Советскому Союзу и возможную атаку Килия. Вот почему Германия поощряет укрепление Бельтов и Эресунда Данией и Швецией; в случае войны эти укрепления будут немедленно переданы беспомощными скандинавскими странами германскому военному флоту.

Германское адмиралтейство использует здесь военные притязания скандинавских военных кругов, которые настаивают на увеличении вооружений. Розенберг предлагает даже такую цену, как «гарантия» существующей датско-германской границы. В 1935 г. Дания начала сооружать авиабазы и базы подводных лодок в фиордах, а начальник датской армии, генерал Вит, поговаривает об укреплении Зунда. Швеция в 1931 г. обязалась оставить свободной свою часть Зунда, но оставила за собой право закрыть эту часть в случае опасности, угрожающей стране; а после скандинавской конференции в сентябре 1934 г. консервативными и военными кругами Швеции ведется систематическая кампания за укрепление Эресунда. В один прекрасный день орудия германских тяжелых крейсеров из Копенгагена и германские аэропланы из окрестностей Стокгольма продемонстрируют действительную цель этих приготовлений. Все это относится к защите западного фланга германского адмиралтейства.

Третья база, расположенная ближе к востоку, уже служит целям наступления: это польская *Гдыня* близ *Данцига*, самый молодой балтийский порт, который еще 10—20 лет назад был безвестной рыбацкой деревушкой, а сегодня является первоклассной современной гаванью; грузооборот Гдыни уже перегоняет грузооборот любого другого балтийского порта. А так как Гдыня принадлежит польскому фашизму, а польский фашизм (через фракцию Бека) принадлежит гитлеровской лиге, то эта база уже, вероятно, обеспечена для «военно-морского гофмановского плана». В 1935 г. эта возможность

получила формальное подтверждение в торжественном визите двух польских эскадренных миноносцев в Киль, и в ответном визите крейсера «Кенигсберг» в Гдыню. Адмиралы обеих стран выступали с речами об «установлении сердечных (Kameradschaftliche) отношений между германским и польским флотами». Это звучит так, словно сильная Германия считается с Польшей, имеющей 6 миноносцев и 3 подводных лодки, как с морской державой! Однако здесь уже имеется налицо иной конкретный результат. В 1935 г. в Гдыне началось строительство 6 новых современных доков, которые впервые сделают этот порг пригодным для военных судов; строительство крупного дока идет своим чередом, а «польская морская и колониальная лига», внезапно появившаяся в поле зрения, требует сооружения мощных боевых кораблей по образцу кораблей крупнейших государств. Лозунг этой лиги — Польша должна иметь колонии за морем. Таким образом, Гдыня — Данциг становится второй базой германского флота на южном побережье Балтийского моря и базой для нового тайного формирования резерва для этого флота под польским флагом. К этой базе должен присоединиться впоследствии Мемель, литовский порт, который лежит значительно ближе к Риге и Ревелю (Таллин) и находится сегодня почти наполовину в руках «автономного» германского совета Мемеля.

Четвертая база контролирует внутреннюю часть Балтийского моря. Это пять нейтральных островов, которые разбросаны в открытых водах между западным и восточным берегами Балтийского моря и в силу своего расположения представляют идеальные базы для подводных лодок и аэропланов. Два из них, расположенные ближе к Скандинавскому берегу, Готланд и Эланд, принадлежат Швеции, которая в 1935 г. организовала на Готланде сильную авиационную базу. Политико-военная ситуация и планы германского адмиралтейства, здесь те же, что и по отношению к Зунду и Бельтам. Два других острова лежат ближе к Советскому Союзу, непосредственно при выходе из Рижского залива, это — Эзель и Даго, принадлежащие маленькой Эстонии; ее «военно-морской флот» состоит из 3 миноносцев, а столица — Ревель (Таллин) отдана на милость германских крейсеров и эстонских фашистов. Эзель и Даго также уже укреплены. Последняя группа островов — Аландские острова — имеет наиболее важное значение, так как она лежит непосредственно в устье Финского залива перед Ленинградом, так что расположенная здесь база для подводного флота оказалась бы в состоянии блокировать красную цитадель; сверх того, так как она лежит в море и все же близко расположена, — она стратегически неоценима в качестве воздушной базы против Ленинграда. Аландские острова

принадлежат Финляндии, обязавшейся в 1921 г. не укреплять их. Но германское адмиралтейство, которое с 1934/35 г. мутит воду в Балтийском море, протянуло свою руку и сюда.

В июле 1934 г. фельдмаршал Маннергейм, лидер финских фашистов, союзник Геринга и бывший регент государства, появился в Лондоне, чтобы поднять вопрос об укреплении Аландских островов. Его сопровождали шведский генерал де-Шамп, финляндский адмирал Шульц — бывший офицер царского военного флота, и германский адмирал Гадов. И в том же году превращение Аландских островов в военно-морскую базу было в принципе решено. Шведские фирмы будут строить подводные лодки по чертежам, присланным из Германии, и, разумеется, именно Германия стоит за шумливой пропагандой в пользу «финляндско-скандинавского военного блока»: такой блок должен стать политическим фундаментом для этого вооруженного кольца островов на Балтийском море — северной Мальты, где германский флаг будет водружен на второй день войны.

Остаются еще только две морских позиции. Одна из них — Кронштадт — база «красного врага», которая должна быть взята штурмом. Другая и последняя наиболее важна из всех опорных пунктов на Балтийском море для германского адмиралтейства и его балтийской стратегии. *Это — южный берег Финляндии*, расположенный на северном побережье Финского залива, и южный угол Ботнического залива, с его знаменитыми шхерами: отсюда-то и намеревается флот Гитлера начать свое прямое наступление на Ленинград. Если Киль, Зунд, Гдыня и Мемель образуют как бы тыл гитлеровского военного флота в этой войне, а острова на Балтийском море — промежуточный этап, то финские фиорды на северо-балтийском театре войны должны представлять передовую линию наступления.

Стратегически это совершенно своеобразная морская позиция, почти единственная в своем роде. Этот район напоминает норвежские фиорды, но длинный берег Норвегии выходит в совершенно открытый Атлантический океан. Расположенные недалеко от Ленинграда между близко лежащими берегами финские шхеры образуют нечто вроде естественных укреплений; это лабиринт, состоящий, примерно, из 30 тыс. мелких островков и скал, обрамляющий укрытые узкие проходы, которые для судов не слишком большого тоннажа и малой осадки представляют превосходные места для стоянок и маневров. Это естественная морская позиция, которую, пожалуй, не часто встретишь на морской карте мира, тем более что она своеобразно совпала с неблагоприятно расположен-

ным Ленинградом, оказавшимся в мешке. Вдоль берега расположена целая серия оборудованных гаваней и посадочных площадок.

Политически эта местность принадлежит Финляндии, т. е., иначе говоря, гитлеровскому второму наиболее важному союзнику после Польши Бека в северной фашистской лиге и чисто стратегически еще более важному, чем Польша. Маннергейм, когда-то подчиненный Гофману командир на финском фронте, а теперь «тень», стоящая за финляндским правительством, является гарантией того, что финляндские фиорды также обеспечены за германским адмиралтейством. Тем временем авангард и главные силы германского флота систематически *специализируются и тренируются для действий в этих специфических условиях*; и в техническом отношении — из-за мелководья северной части Балтийского моря (малая осадка), и в тактическом отношении — из-за узких оперативных путей.

Таково объяснение многих «необъяснимых» секретов германской программы военно-морского строительства. Такова причина того, что Германия, удовлетворившаяся по всем категориям кораблей пропорцией в 35 : 100 по отношению к британскому тоннажу, категорически потребовала для подводных лодок соотношения в 45%, а впоследствии и в 100%; и вот почему, проведя это чрезвычайное требование, она начала строить не большие и средние подводные лодки современного класса от 600 до 1400 *т*, но маленькие подводные лодки по 250 *т* каждая, даже меньшие, чем первые германские подводные лодки по 260 *т* во время мировой войны. Из 26 подводных лодок, построенных или начатых строительством в Германии в 1935 г., 20 относятся к этому типу, и, без сомнения, огромное большинство из 60 или 70 подводных лодок, которые Германия будет иметь в своем распоряжении в ближайшем будущем, также будут иметь такой малый тоннаж.

Если это сравнивать с тоннажем Франции, в настоящее время обладающей самым большим в мире количеством подводных лодок, то сразу бросается в глаза резкий контраст: Франция уже не строит больше подводных лодок меньше чем в 550 *т* водоизмещения, а, наоборот, уделяет внимание все более и более крупным конструкциям (например, знаменитый подводный крейсер «Сюркуф» в 3 тыс. *т* с четырнадцатью минными аппаратами и двумя восьмидюймовыми орудиями). Это не «слабость» германской военно-морской политики; и не больше чем выдумкой является история «конфликта» внутри германского адмиралтейства, согласно которой одна группа требовала больших подводных лодок французского или англий-

ского образца, но была разбита защитниками меньшей модели¹.

Германия строит маленькие подводные лодки не потому, что у нее нет денег, и не потому, что это облегчает массовое серийное производство, но потому, что этого требует ее будущая позиция — Финский залив. Они должны быть такими маленькими, подвижными и легко маневрирующими, чтобы не бояться никакого мелководья (некоторые из них предназначены для того, чтобы заплывать даже в реки). И во всяком случае они будут более опасны, чем германские «швейные машинки» «фламандской флотилии» во время мировой войны, годами державшие в страхе гордый британский флот, при помощи своих двух минных аппаратов, одного пулемета и 88-миллиметрового орудия; несмотря на сети, аэропланы и сторожевые суда, они тогда по пять раз в месяц совершали набеги в Северном море и, пересекая канал ночью, нападали на большие корабли. Теперь цель ближе. Первая новая германская флотилия подлодок, спущенная на воду в 1935 г., названа именем капитана Отто Веддигена, который потопил во время войны три британских крейсера. Но эта флотилия плавает в водах Балтики. Ныне германскому адмиралтейству нужны специальные качества подводных лодок, а не их величина; оно не заинтересовано в больших подводных лодках, особенное преимущество которых в том, что они с легкостью пересекают океаны и способны оставаться в море вдали от порта в течение месяцев.

В этом также причина массового производства «карликовых торпедных катеров», обладающих скоростью в 45 узлов; как это ясно каждому, такие катера совершенно бесполезны и теряются в открытом море, вдали от защищенного берега, но они могут, однако, быть чрезвычайно эффективными в береговых операциях, при атаках на короткие дистанции на большие корабли, стоящие на якоре, уже просто потому, что они не могут служить целью для морских орудий. Даже новые германские крейсера, сами линейные корабли вроде «Дейтшланд», приспособлены для сравнительно мелких вод.

Англо-германское морское соглашение в июле 1935 г. сделало такие планы действительно возможными, предоставив Германии *carte blanche* по отношению к «внутреннему распределению» тоннажа ее военного флота. А сегодня значительная часть этого флота уже плавает вокруг приготовленных для него главных позиций. Германские флотилии, которые

¹ «Manchester Guardian» от 12 сентября 1935 г.: «Сообщают, что между германскими военно-морскими авторитетами идет большая борьба, потому что есть направление, отстаивающее строительство судов тоннажем только в 2—3 тыс. т».

раньше едва ли можно было увидеть с берегов Финского залива, теперь упорно и беспрепятственно крейсируют в водах Северной Балтики; устанавливают для себя базы, устраивают рекогносцировки, маневры и учения для будущей непосредственной атаки на Кронштадт. Теперь — после исследования местных условий вооружений и позиций — яснее вырисовываются контуры решительной атаки, окончательной диспозиции «гофмановского плана на море».

Германский флот, закрыв за собой на западе проливы, держиг под угрозой беспощадного обстрела все центры балтийского и скандинавского побережья, наводит ужас вокруг себя и заставляет повиноваться все окружающее; он концентрируется между финским и южным берегами Балтийского моря и запирает Финский залив. Объявляется блокада Советского Союза и захватываются все «нейтральные» базы. Авиабазы на островах и на побережьях приводятся в боевую готовность. Наступление начинается под покровом благоприятных атмосферных условий, лучше всего во время тумана.

Авангард, состоящий из авианосца, окруженного непроницаемым кольцом эсминцев и быстроходных торпедных катеров, движется вперед. Он пробирается вперед настолько, насколько позволяют туман и бдительность противника. И тогда из тумана начинается неожиданная атака, которую производят десятки бомбовозов, в течение нескольких секунд снявшихся с авианосца, и аэропланы с ближайших сухопутных баз; этой бомбардировке вторят судовые батареи. Если даже противнику, застигнутый врасплох (хотя в общем и подготовившийся), придет в себя, воздушная атака уже успеет нанести серьезный ущерб его линии обороны, его кораблям и его авиабазам; этот ущерб может стать роковым в том генеральном сражении, которое завяжется между противниками, еще даже до того, как в бой вступят силы большого флота. Все в этой операции зависит от неожиданности (афоризм, который стал основной аксиомой также и в сухопутной стратегии); здесь решают подчас минуты. Если неожиданная атака с воздуха удалась, если сила сопротивления неприятеля поколеблена с самого начала, пусть даже хотя бы на короткий срок, то игра наполовину выиграна. Ибо для того, чтобы предотвратить возможность такого оборота дел, атакуемая сторона должна уже *заранее* разрушить вражеские базы с помощью своих аэропланов и подводных лодок.

Что это такое? Военно-морская утопия? Нет. Это подлинное содержание больших маневров военно-морского флота, состоявшихся в 1934 г. в Панамском канале, проводившихся кораблями американского флота и отметивших наступление почти новой «эпохи» в современной морской стратегии. В этих маневрах

задача американского флота состояла в том, чтобы установить, возможно ли в современных условиях, особенно в условиях комбинированного наступления с моря и с воздуха, нападение японского флота на одну из величайших морских крепостей в мире — Панамский канал. Результаты маневров показали: да, это возможно. Силы нападения, несмотря на всю подготовку обороны, с помощью внезапной воздушной атаки из тумана проникли в Панамский залив. Это одна из политических и военных проблем Тихого океана. Но и в Европе было адмиралтейство, которое с лихорадочным интересом следило за результатами этих маневров и немедленно сделало из них совершенно конкретные выводы для своих собственных «больших планов», это германское адмиралтейство. *Германские фашистские адмиралы, гитлеровские морские советники верят в возможность подобного нападения на могущественную современную морскую крепость*, верят в возможность нападения на Ленинград с моря. Они верят также, что в войне с Советами такое нападение представляет собой единственное средство опередить контрнаступление социалистических сил, особенно с помощью аэропланов и подводных лодок, которое со своей стороны может стать уничтожающим (разрушение германских баз). И они будут штурмовать город Ленина, если им дан будет нужный срок. Но ясно также, что результаты всей этой необычайной операции неразрывно связаны с исходом другой операции — они даже обусловлены им, т. е. исходом воздушной атаки.

Воздушная атака

На авансцену выступает Геринг. Он со своей армией собирается во что бы то ни стало сыграть первую скрипку в этой войне: это цель его жизни. Без фашистского воздушного маршала план германского адмиралтейства не может осуществиться. Кронштадт без труда отразит всякую старомодную чисто морскую атаку; в этом не может быть никакого сомнения. Но если Геринг предварительно очистит поле действия для крейсеров из Килия и Данцига и на несколько минут приведет в смятение¹ батареи Кронштадта и Ораниенбаума, если одновременно в тылу морской крепости гражданское население и аппарат обороны Ленинграда будут терроризованы дождем бомб с нескольких германских эскадрилий, то будет пробита первая брешь, в которую смогут проникнуть наступающие германские сухопутные войска.

¹ Во время американских маневров в Панамском канале главный штаб обороны, несмотря на все принятые предосторожности, узнал о неожиданной атаке на полчаса позже, чем нужно.

Планы этих трех различных атак, благодаря специфическим особенностям позиции, органически переплетаются в неразрывный общий план; для того, чтобы увенчаться успехом, все три операции должны быть согласованы одна с другой с величайшей точностью. В целом атака с воздуха образует авангард, морское нападение — главные силы, а сухопутная армия — арьергард. Для атаки с воздуха Балтийское море, его берега и острова, снова представляет естественную исходную базу. Это означает, что внутри созданного германским адмиралтейством *кольца морских позиций* на Балтийском море должно быть создано *второе кольцо воздушных позиций для Геринга*: территориально либо параллельно первому, либо более или менее с ним соприкасающееся.

Это кольцо в настоящее время также находится в стадии лихорадочного строительства, несмотря на все видимые политические, дипломатические и прочие барьеры. Оно начинается с больших аэродромов внутри Германии, центральных тайных резервуаров геринговского воздушного флота; идет далее вдоль северного германского побережья, где уже строятся мощные авиабазы для гидропланов близ Киля, близ Росток (Варнемюнде), на острове Сильт, близ Штеттина и в Восточной Пруссии; отсюда оно разделяется на два рукава вокруг Балтийского моря, левый — охватывает скандинавское побережье, правый нависает над восточным побережьем Балтийского моря. Разумеется, авиапорты и посадочные площадки, которые с 1935 г. начали расти в этой зоне с поразительной быстротой, официально и политически принадлежат Германии не более, чем Бельтские проливы и острова на Балтийском море. Но либо они будут неумолимо втянуты в орбиту германской державы, либо посредством политических и финансовых соглашений будут негласно присоединены к ней.

Германские базы гидропланов на острове Сильт и в Ростке держат, например, Данию, полностью в своей власти; во время воздушных маневров в Ростке в сентябре 1935 г. германский бомбовоз совершенно беспрепятственно летал над южной Данией. Командующий северным германским воздушным округом, одним из шести воздушных округов Геринга, является адмиралом (контрадмирал Цандер), и его штаб расположен в месте пребывания германского адмиралтейства в Киле.

Швеция с 1935 г. начала уменьшать строительство своего флота в пользу усилившихся воздушных вооружений; растет количество бомбовозов и строятся новые аэропорты, которые должны протянуть сети европейских воздушных путей, до сих пор на севере едва достигавших Дании, через Финляндию. А шведская авиационная промышленность контролируется дочерней компанией заводов Юнкерса — предприятий Геринга,

Как это ни странно, *первые* финансовые субсидии на постройку дорогостоящих аэропортов балтийских окраинных государств шли из британских источников. Ясно, почему «развитие северо-европейской гражданской авиации» так поспешно и так неустанно поощряется из Германии. Эта сеть, эта «потребность цивилизации», будет в нужный момент целиком и полностью захвачена и военизирована Герингом. Тогда тысячи германских военных самолетов и их пилоты займут свои места на этих гражданских линиях.

В Польше Герингу нет нужды применять технический и финансовый камуфляж. Со времени его визита в Варшаву, в январе 1935 г. и переговоров с польским начальником воздушных сил генералом Райским германо-польский воздушный союз получил свое завершение. Неизвестно, совершит ли маршал Рыдз-Смиглы здесь еще одно изменение.

Но самая важная и наиболее сильная воздушная позиция организована, разумеется, в Финляндии на наиболее выдвинутом «трамплине» всей кампании. Летное расстояние от Финляндии до Ленинграда исчисляется минутами, если не секундами. И вот эта страна, насчитывающая 3 млн. жителей (в среднем по десять человек на квадратный километр), стала вдруг чем-то вроде воздушного рая. В Финляндии сегодня уже имеется 40 аэродромов; некоторые из них оборудованы ангарами, где может поместиться количество самолетов, вдвое большее, чем то, каким обладает вся страна. В 1935 г. был открыт большой прибрежный аэропорт в Або, центре «района шхер» (таким образом была установлена связь между базой на Аландских островах и завершен авиабарьер через Финский залив). Вся страна покрыта маленькими посадочными площадками; одна авиабаза строится в районе водопада Иматры, другая — в Райайоки, обе в непосредственном соседстве с Ленинградом. В октябре 1935 г. Маннергейм принял участие в тайном совещании между Герингом, Гембешем, Радзивиллом и венгерскими и польскими офицерами воздушного флота в Роминтене (в Пруссии). В 1936 г. он неоднократно посещал Берлин.

«Рейд авангарда» на Ленинград и Кронштадт разрабатывается до мельчайших деталей, несмотря на существование мощных воздушных сил СССР. Герингу пришлось временно отложить исполнение своей мечты «захвата с воздуха» Парижа и Лондона. Разрушение Ленинграда и Москвы — на что всерьез рассчитывает этот маньяк — представляется ему началом дороги на Запад.

Наступление на суше

Комбинированная морская и воздушная атака как таран пробивает брешь в наиболее уязвимом пункте бронированного

советского фронта. Этим, согласно «великой идее» преемников генерала Гофмана, «возвещается» начало войны. Сухопутная армия, завершающая вторжение, должна броситься на «потрясенный» большевизм, расширяя брешь, как можно лучше используя нанесенный удар и развивая, таким образом, оперативную стратегию большого масштаба. С этого начинается проблема «балтийского марша».

«Балтийский марш» это географически отправной пункт всего сухопутного «крестового похода» против Советского Союза, наступления, которое должно пройти по советской территории и привести прямо к Москве. Ленинградская операция должна образовать «брешь», чтобы сделать возможным разрешение задачи, возложенной на основную живую силу фашистской армии, которая может совершить переход и развит наступление только на суше. Вот почему этот марш не менее важен, чем военные действия на море и в воздухе. Если по той или иной причине этот марш задержится, если армия, идущая из Германии, окажется неспособной в нужный момент появиться к югу от Ленинграда, возле Пскова и Двины, то результаты великого эксперимента у Кронштадта могут быть утрачены; эти результаты могут даже стать обратными.

Красный фронт, оправившись от потрясения кратковременной дезорганизации, несомненно, если противник упустит время, снова сплотится и ответит ужасным контрударом (все это неизменно вытекает из предпосылки германских «Гофманов», состоящей в том, что с самого начала инициатива должна находиться на стороне Германии; реальность этого предположения мы рассмотрим позже, здесь мы говорим только о германском плане). Советские самолеты и подводные лодки могут в таком случае представить угрозу для Балтийского моря и всех его баз; но если миллионная Красная армия также начнет контрнаступление, то основы всего плана будут потрясены и инициатива, со всеми ее невоснаградимыми стратегическими преимуществами в современной войне, перейдет на сторону Красной армии.

Эта мысль красной нитью проходит через все планы германского генерального штаба. «Балтийский марш» из Германии к советской границе на севере должен быть рекордным по скорости и сокрушительности, в противном случае он обречен с самого начала.

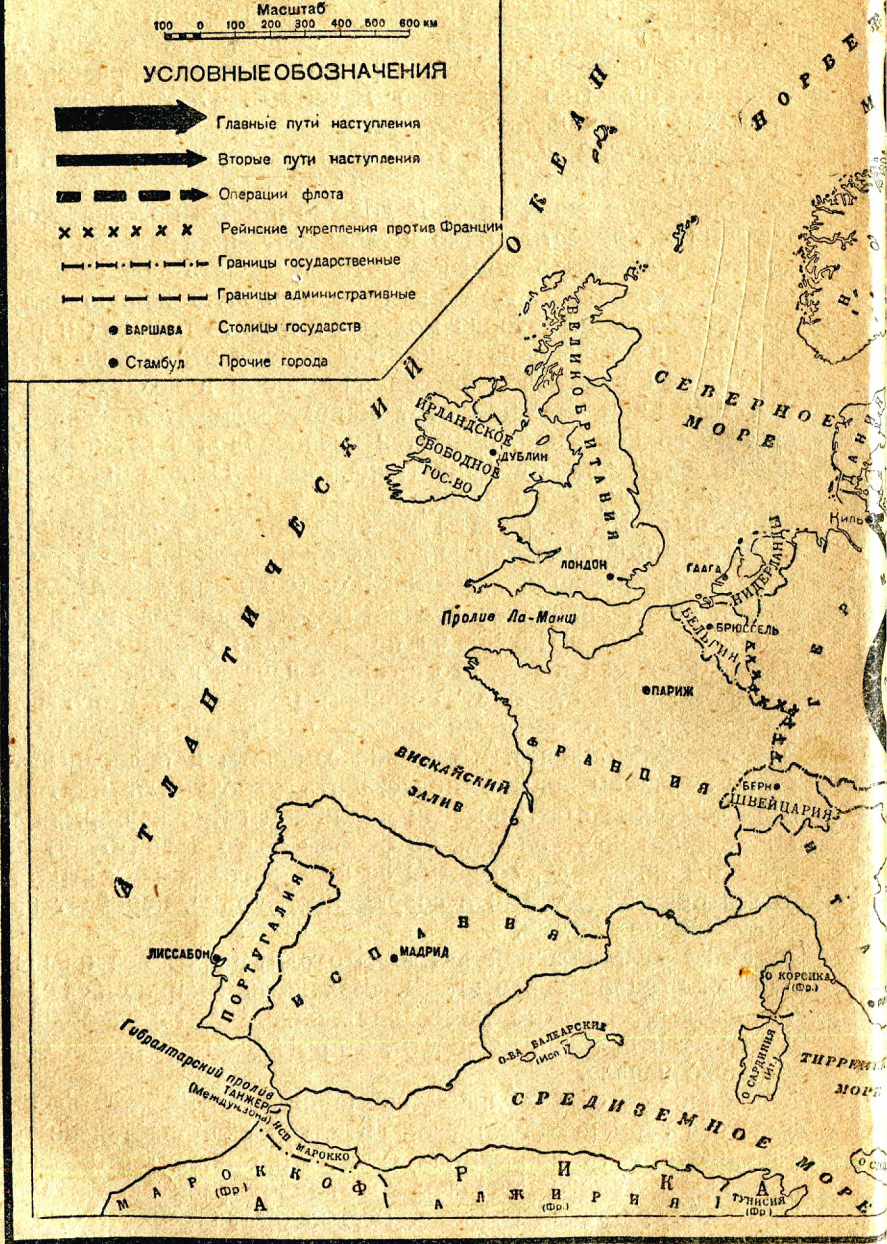
После того как начнется война балтийским фашистам вместе с германской морской артиллерией придется не только расшищать путь для марша германских войск; этим войскам придется с самого начала в кратчайший срок вступить в бой на самой советской границе. Решающее значение имеет здесь расстояние марша — 580 км по прямой, от восточнопрусской

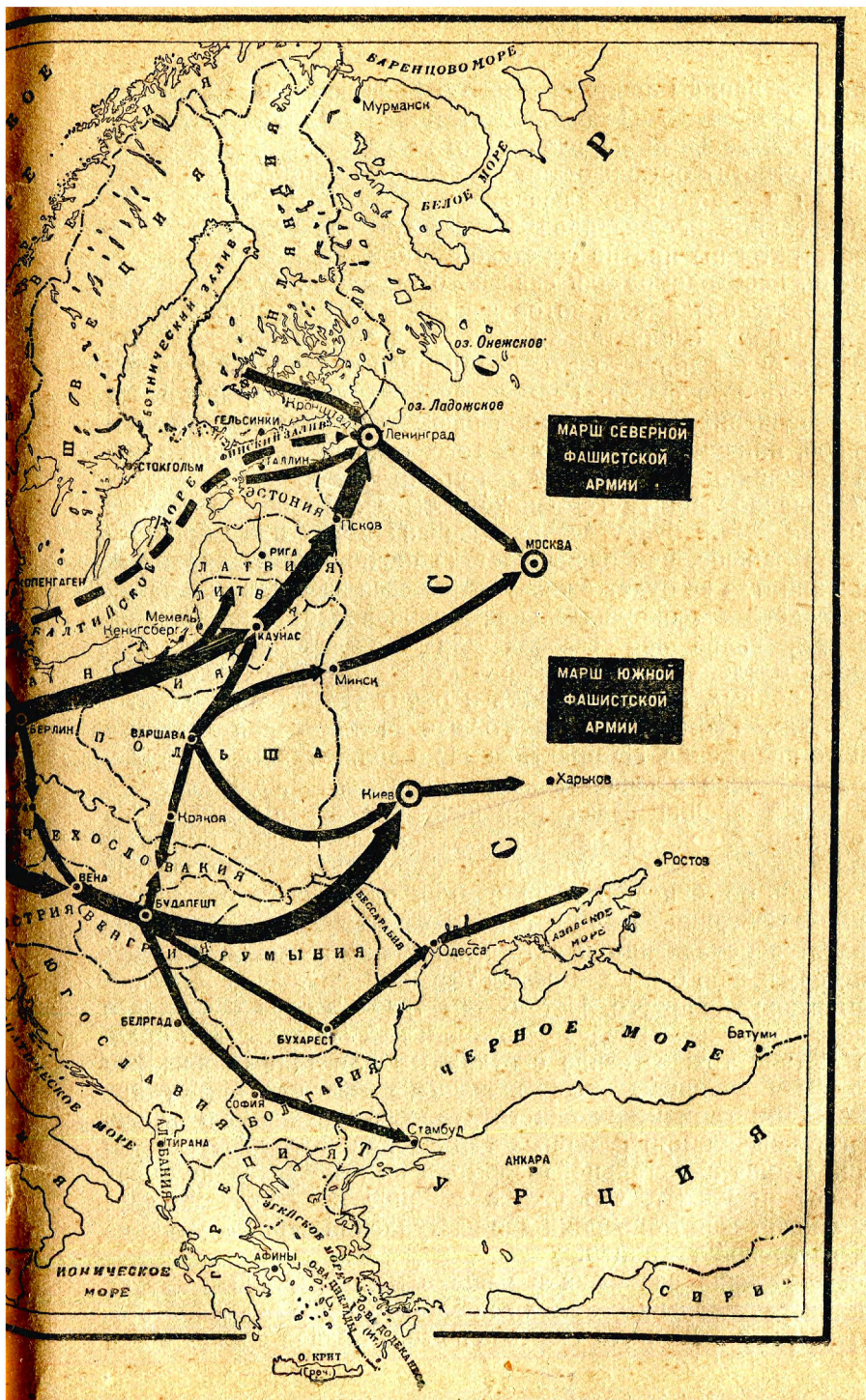
„ПОХОД НА МОСКВУ”

Масштаб
100 0 100 200 300 400 500 600 км

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Главные пути наступления
- Вторые пути наступления
- Операции флота
- Рейнские укрепления против Франции
- Границы государственных
- Границы административные
- ВАРШАВА Столицы государств
- Стамбул Прочие города

границы до границы ленинградского района на Финском заливе, и около 480 км до Пскова. Если придется предварительно совершить отдельный переход на этом расстоянии и если он даже не встретит организованного местного сопротивления, то все же он в основном исключает возможность «молниеносной сокрушительной неожиданной атаки» (главное условие современной стратегии) против советской армии.

Время, необходимое для сквозного перехода, будет использовано советской армией, которая во всяком случае уже будет готова. Однако окончательно решает исход этого дела то, что марш будет происходить под непрерывным огнем советского воздушного флота. Германская сухопутная армия будет в своем движении идеальной мишенью для советских бомбардировщиков, причем независимо от того, сколько эскадрилий выделил Геринг по своему плану для прикрытия марша (ослабляя соответственно защиту германского тыла). Во всяком случае германская армия будет дезорганизована в той или иной степени еще раньше, чем она дойдет до первой линии советских укреплений, где ее будет ожидать советская армия, а при таких обстоятельствах «сокрушительное молниеносное наступление» становится волшебной сказкой для национал-социалистской молодежи младшего возраста; «о балтийской войне», как *части «русской войны»*, не может быть и речи: это конец стратегии «трех атак». Германия с самого начала поставила бы себя в худшее положение. На практике марш должен быть завершен, по крайней мере в существенных своих чертах, *заранее*.

С точки зрения задач германского генерального штаба это означает двоякую перспективу на ближайшее будущее. Первая перспектива — реакционный фашистский путч победит в трех или по меньшей мере в двух балтийских странах — Латвии и Эстонии, и тем самым «балтийское расстояние» превратится немедленно и автоматически в продолжение внутринегерманской базы для развертывания военных действий — в германское Манчжугу. Нет нужды тратить слов о том, что победа «борцов за свободу» в Эстонии или «Балтийского ордена» в Латвии тождественна с открытым или тайным военным союзом с Германией, «реорганизацией» местных армий под руководством германских «инструкторов», «невидимым» введением германских иррегулярных гарнизонов и т. д. Это «балтийский марш» в «легальной» форме, и он действительно будет иметь тот результат, что уже в «мирное время» германская армия сможет занять позиции для наступления непосредственно перед советской границей.

Когда сегодня все чаще и чаще в международных кругах слышатся разговоры (благодаря поощрению с германской стороны) на тему о том, что Германия «в настоящее время» вовсе

не думает о большой войне на Востоке, что в данный момент она удовлетворяется только «проникновением в Балтику» (доктор Шахт), то на деле за этим скрывается не что иное, как эта стратегическая трудность германского генерального штаба; для того, чтобы преодолеть ее, изобретена теория «частичной» или «ступенчатой» экспансии Германии.

Если, однако, эта политика не даст ожидаемых результатов и реакционные фашистские путчи с маркой «made in Germany» в Балтике будут попрежнему терпеть поражение как последний (второй или третий по счету) эстонский путч в декабре 1935 г.; если балтийские рабочие и крестьяне и национально-независимые элементы (современные правительства лимитрофных государств) и друзья мира во всем мире предотвратят легальное вступление германской армии в Балтику, тогда останется вторая перспектива — один единственный путь: малая, «частичная» балтийская война со стороны Германии.

Эта война не будет частью немедленного наступления на Советский Союз, об этом не будет и речи; она будет вестись совершенно «независимо» как дело германской «национальной чести», которая попирается ужасной нацией в два с третью миллиона литовцев. Это так называемая *мемельская* война, которая должна раздавить Литву; в этой связи становится совершенно понятным специфическое значение роста германской активности в этом направлении, на что с такой симпатией взирают некоторые «правомыслящие» дипломаты и политические деятели.

Что представляет собой Мемель, этот «второй Саар»? Это маленький лоскуток территории в 2400 км² с населением в 150 тыс. жителей, лишенный как промышленности, так и сырья (в этом отношении он отличается от Саара). В какой мере германская «национальная честь» задета Мемелем? Ни в какой, конечно. Из населения Мемеля, некогда литовской морской крепости, завоеванной тевтонскими рыцарями, 59% говорят на литовском языке (официальная статистика 1925 г.), а действительная власть на мемельской территории находится в руках чисто германской администрации. Но Мемель — это *рычаг для изолированной войны с Литвой*, а изолированная война с Литвой, которая в двадцать четыре часа приведет к исчезновению литовской армии, является рычагом к военному поглощению Германией всей Балтики; вот в чем дело.

Если Литва будет покорена германской «карательной экспедицией», тогда нет ничего более достоверного, как то, что немедленно вслед за этим в Риге и в Ревеле абсолютно «сами собой» возникнут завуалированные германские колониальные правительства (такое правительство уже существует в Гель-

сингфорсе)¹. Таковы преимущества «постепенной» экспансии и «изолированной войны» в противовес коллективной безопасности. Таким образом Гитлер и его штаб надеются решить проблему «балтийского марша», т. е. сделать первый шаг к сухопутной атаке на Ленинград².

Этот марш, рассматриваемый как стратегическое целое (не обязательно точно в указанном порядке), распадается на пять последовательных операций.

1. *Марш из Восточной Пруссии* — из северо-восточной части Германии, предназначенной для вылазки отборной ударной армии, специально тренированной задолго до похода и доведенной до высшего уровня военной выучки и технической вооруженности. В настоящий момент эта ударная армия подготавливается в Германии в двух видах: регулярные и иррегулярные войска. Регулярные войска содержат большую и лучшую часть германской официальной армии, двенадцать дивизий «армии группы I» (восток), имеющей свой штаб в Берлине и Кенигсберге, столице Восточной Пруссии, и находящейся под командованием генерала-от-инфантерии Герда фон-Рундштедта, старого рейхсверовского офицера. Сюда же относятся бронетанковые и кавалерийские бригады. Это стержень будущей германской балтийской северо-восточной армии, а на генерала фон-Рундштедта возложена такая же «историческая» задача, какая лежала в свое время на генерале фон-Клуке, который стоял до войны у бельгийской границы.

Эти двенадцать дивизий вместе со своими «невидимыми», но мобильными и тесно связанными резервами СА, СС, «лагерями трудповинности» (военизированные лагеря принудительного труда), полицией, «Пограничной стражей» и Н.С.К.К. (Национал-социалистский корпус мотоциклистов) образуют на деле силу по меньшей мере в три раза большую, примерно тридцать пять — сорок дивизий; более того, это исключительно уже обученные и одетые в форму войска, военные подразделения для посылки на линию огня, солдаты которых проходят непрерывную тренировку. Число регулярных дивизий в ближайшее время будет увеличено. Резервы этой ударной армии, при помощи специальных мер, все время увеличиваются; это достигается посредством иного порядка набора рекрутов в Восточной Пруссии, отличающегося от набора в остальных частях государства; а именно — два разряда рекрутов призываются

¹ Примечание об изменениях в правительстве в Финляндии см. на стр. 166.

² И здесь также мы оставляем открытым вопрос о том, позволят ли Гитлеру проделать этот трюк Советский Союз и все друзья мира во всем мире. Одной из главных целей «восточного пакта» является гарантия независимости Балтийских стран, гарантия против нападения Германии.

для обучения одновременно (таково было положение еще до последнего декрета Гитлера), и военно-обязанными здесь являются лица до пятидесяти пяти лет.

Численность германской армии мирного времени в Восточной Пруссии велика как нигде; та же тенденция проявляется в территориальном распределении различных германских дивизий; так создается «убедительный аргумент». Непосредственно перед мемельским плебисцитом в сентябре 1935 г. во время маневров на литовской границе только между Тильзитом и Эйдкуненом было сосредоточено по меньшей мере сто тысяч войск первой очереди (столько, сколько должен был составлять весь старый рейхсвер по Версальскому договору). Это была небольшая репетиция.

К этой регулярной армии с ее резервами надо, однако, прибавить вторую иррегулярную силу: *иностранный легион* национал-социалистов, все банды международных фашистских наемников и авантюристов, главным образом из балтийских и соседних с Германией государств; он формировался без всяких официальных мандатов, но полностью вооружен, экипирован и обучен германскими штабами, точно так же, как известный «Австрийский легион» в Баварии. Уже существует, например, «Балтийский полк», составленный из латвийских, литовских и эстонских немцев (а также и русских белогвардейцев). Точную численность этих иррегулярных и, следовательно, постоянно изменяющих свой состав образований трудно установить, но, по существу, они означают восстановление старого германского иррегулярного «Балтийского корпуса», который был сформирован после войны из террористских остатков старой армии и в течение двух лет вместе с русскими белогвардейцами (Бермондт, Юденич) бесчинствовал в Балтике, как орда гуннов. Большая часть нынешних видных национал-социалистов принадлежала тогда к этому корпусу, который уже в то время атаковал Красную армию у Пскова и под Ленинградом.

Теперь этот корпус оживает в новой форме; его ряды постоянно и бесконтрольно пополняются; он и регулярная армия — все это в целом представляет живую силу, значение которой нельзя не дооценивать; эту силу можно будет в случае нужды вместе с приведенными в боевую готовность бронечастями и воздушными частями поставить на ноги в течение нескольких часов. Это та армия, задача которой определена Сектом следующим образом:

«Удар неожиданный, молниеносный, оглушительный, нанесенный в первые же часы войны и использующий каждую унцию силы для того, чтобы внести хаос и смятение в ряды врага... Подобное урагану, оглушительное вторжение армии

с лучшим, превосходящим вооружением, во главе с решительным командиром, который не отступает ни перед чем. Вторжение, проникающее глубоко в самое сердце развернутых войск (противника), сеющее одновременно... панический ужас среди населения вражеской страны».

Первые подразделения этой армии уже выведены на германскую восточную границу. Артиллерия для нее концентрируется в больших арсеналах в Восточной Пруссии (в Эйдкунене, например), и вся военная база одновременно укрепляется посредством сооружения системы подземных траншей, закладки мин и пр. С помощью систематического перенесения индустриальных предприятий в Восточную Пруссию, которое заставляет проводить предпринимателей правительство (национал-социалисты ведут специальную кампанию за «индустриализацию Восточной Пруссии»), принимаются меры к созданию будущей организации снабжения. Восточная Германия становится все более и более похожей на военный лагерь. И этот молот должен в первую очередь обрушиться на голову 2 млн. литовского народа.

2. *Оккупация Мемеля*, находящегося меньше чем в 50 км от границы,—это первый шаг, пустяжное дело для этой армии; это дело нескольких часов для моторизованных колонн, аэропланов и танков, причем эта операция будет сопровождаться комедией «национального восстания» национал-социалистов в самом Мемеле. Литва, предоставленная в этой «изолированной» войне самой себе, без поддержки Восточного пакта (едва ли ей придется надеяться и на Лигу наций), не успеет даже издать крик—в мгновение ока Мемель превратится в новую сухопутную и морскую германскую базу на Балтике. И тогда последует

3. *Набег на Литву*—страну, отделяющую Германию от Финского залива и от Польши и имеющую каких-нибудь двенадцать полков; вторжение начнется одновременно с двух сторон: посредством марша германских дивизий из Эйдкунена на Ковно (Каунас), около 65 км, и марша польских бригад из Вильно на Ковно, также около 65 км. Ковно—столица Литвы—лежит как раз посредине, в тисках между двумя сильными союзниками, и никакое сопротивление, никакой героизм не спасут изолированную Литву от этой перспективы. Литовский летчик Адамовичиус высчитал, что для обороны литовской границы, протяжением в 800 км, против Германии и Польши понадобится бы 1 595 самолетов, это, примерно, численность английского воздушного флота. А победа над Литвой отдаст аэропорты Ковно и Шауляй (Шавли) в руки Геринга; они станут промежуточными станциями на воздушном пути Берлин—Москва; германская «Балтийская армия» установит через

Ковно — Вильно прямой контакт с польской армией¹ и будет продолжать свой марш к северу по направлению Рига — Ревель (Таллин).

4. На этом этапе, в той или иной форме, должно по следующему пункту диспозиции произойти соединение германской армии с армией *балтийских фашистов* в Латвии, Эстонии и Финляндии. Это важный этап, потому что здесь в непосредственной близости позиции, откуда должно начаться наступление против СССР, ряды германских ударных войск пополнятся свежими резервами, в то время как, с другой стороны, соседство германского флота парализует всякое возможное сопротивление балтийских национальных правительств (если они еще будут существовать). В общем, резервы военной живой силы во всех «нейтральных» балтийских странах (Эстония, Латвия, Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания) составят около одного и трех четвертей миллиона человек. Нет сомнения, что в момент решающей операции на Востоке Германия попытается безжалостно использовать свое господство в Балтике на море и на воздухе, чтобы завербовать как можно большую часть этих резервов в свою армию «крестового похода».

Это прежде всего будут: старые фашистские союзники — национал-социалистов, участники северо-восточной фашистской лиги и подчиненные Гофману офицеры со своими бандами; Маннергейм, который со своими лапуасцами еще в 1919 г. хотел помочь Юденичу в наступлении на Ленинград; генерал Ларка со своими эстонскими «ветеранами»; латвийский генерал Гоппер, некогда командир армии Колчака в Сибири, и т. д. После этого фашистские диктаторы попытаются вместе с германскими генералами провести непосредственную мобилизацию населения: на защиту европейской цивилизации от большевизма, разумеется. Интересно, что уже теперь делаются попытки втянуть скандинавские страны в «оборонительный союз» с Финляндией². Воссоединение армий германского и балтий-

¹ В октябре 1935 г. Дорпмюллер, глава германских железных дорог, установил в Варшаве «сотрудничество», т. е., иными словами, согласовал в стратегических целях работу польских и германских железных дорог.

² Вспомним попытки создания «Северного европейского блока» в Швеции и Норвегии и визиты начальника шведского генерального штаба Нигрена в Финляндию и Польшу в 1934 г. Бломберг, германский военный министр, посетил Швецию в 1934 и 1935 гг. Шведская военная промышленность (заводы Бофорс) прямо или косвенно контролируется Крупном и вторым по значению (после геринговского шурина графа Розена) вождем шведских фашистов полковником Экстрем, который во время войны состоял в германской армии, а затем в русском белогвардейском балтийском корпусе. 26 июня 1935 г. Розенберг совершенно открыто заявил на конгрессе «Северного общества» в Любеке: «Мы приветствуем представителей северного мира (скандинавские страны)... Мы хотим выразить надежду, что они также полностью осведомлены о том, что вся Балтика в целом заинтересована в объединении против большевистского Востока».

ского фашизма будет последним «штрихом» перед решительным выступлением для осуществления цели кампании.

5. *Наступление на советскую территорию в районе Ленинграда*, чтобы пожать плоды воздушной и морской атаки и использовать их для прорыва на суше к красной твердыне. С точки зрения времени этот удар, как уже показано, вряд ли будет предпринят до тех пор, пока не будет совершен балтийский марш. Территориально главный удар должен быть нанесен в непосредственной близости от Ленинграда с Финского залива (с позиций эстонской Нарвы) и затем повести к Ораниенбауму — месту нахождения береговых батарей Кронштадта. Это путь, избранный в 1919 г. русским белым генералом Юденичем и его союзниками из Балтийского корпуса. Наступление может также начаться на южном секторе близ Пскова, чтобы отрезать северные русские силы от белорусской армии. Третий путь по суше — через узкие финские «ворота» к северу от города уже хорошо защищен советскими укреплениями. Тем или иным путем генерал фон-Рундштедт — Крук Востока — попытается, опираясь на Балтику, координировать свое наступление с действиями морского и воздушного штабов и удушить социалистический город в тройном кольце.

Удастся ли ему зайти так далеко — это другой вопрос; он будет решаться не только советской армией, но еще до того всеми друзьями мира. Но по крайней мере сейчас уже становится понятным, что кроется за таким «предложением»: «удовлетворение Германии уступкой ей Балтики в качестве специальной сферы влияния». Агрессору хотят дать в руки нож. Отдать Балтику Германии — это то же самое, что подарить Кале Герингу. План тройной атаки на Ленинград целиком зависит от этой промежуточной позиции, как когда-то шлиффовский план — от Бельгии.

Таков марш северной фашистской армии — «северного крестового похода», который должен привести отсюда к Москве. Путь этого «крестового похода» должен охватить львиную долю европейского континента: Германию, Скандинавию, Балтику, Польшу и СССР (теоретически) вплоть до Урала. Он превращает Балтийское море в озеро германского фашизма. Он устанавливает диктатуру германских генералов, адмиралов и воздушных коммодоров над всем пространством между меридианом Норвегии и Двиной. Только поражение на Востоке заставит германских «Наполеонов» умерить свой пыл в этой зоне. В противном случае североевропейская империя Германии должна стать совершившимся фактом. Таков путь «туда». Это только подготовка к пути обратно. Та же самая армия, когда она окончательно завладеет добычей, согласно плану Гофмана, должна проследовать назад. Победоносные фашистские орды

обратятся тогда на запад. Победоносный германский флот и воздушные силы перейдут из Балтийского моря в Северное. Что станет тогда с «западноевропейской демократией»? Что станет с Британией?

ЮЖНЫЙ ФАШИСТСКИЙ ПОХОД

Операция против Киева

Теперь остается всего один сектор стратегического гитлеровско-гофмановского плана «для Востока» — южная Европа. Операции в Богемии, на Дунае, на Карпатах, на Черном море и на Днепре должны завершить вторжение фашизма на севере. В целях экономии места мы вынуждены сократить описание этой картины, хотя с политической и военной точек зрения она не менее поразительна, чем северный «крестовый поход».

Дунайская зона представляет собой на юге Европы то же, чем является Балтика на севере: зону, к которой Германия явно питает особое пристрастие и благоволение, объект ее особой «бескорыстной дружбы» и «родства». И в самом деле, это — зона, через которую должен пройти дикий марш второй германской армии, марш «на Киев»; зона, где должны формироваться прочие фашистские, предназначенные для вторжения, орды; зона, предназначенная к тому, чтобы однажды стать территорией новых «южногерманских» протекторатов и вассальных государств.

Главное стратегическое различие состоит в том, что здесь «вводное» германское развертывание сил будет происходить в основном не на море, как на севере, а на суше — среди мелких и слабых дунайских стран; так что насилие и разрушение здесь будут применяться еще шире, чем в балтийской зоне. Вдобавок, германский генеральный штаб уже однажды проходил этим путем: в последней войне, когда фельдмаршал Макензен с начальником штаба, полковником Сектом, совершал «центральноевропейскую» завоевательную экспедицию из Австрии и Болгарии вплоть до Румынии.

Очевидно, что антигитлеровские силы на этом пути будут сильнее, чем на севере; что фашистской южной армии придется здесь сломить сопротивление государств Чехословакии, Австрии, Румынии, а возможно Югославии и Турции, если они не будут «мирным путем» завоеваны предварительно; очевидно также, что весь передовой рабочий класс и многочисленное крестьянство в этой зоне попытаются преградить

дорогу этой армии. В свете этих фактов грядущее столкновение рисуется еще более грозным. Много крови будет пролито между Мюнхеном и Днепром. «Форсирование» дунайской зоны в качестве подготовки к наступлению на Украину, снова распадается на пять отдельных последовательных операций:

1. *Оккупация Австрии*, как первый «естественный» шаг на юг, который должен сделать Вену новой главной базой для южного «крестового похода» и для всего южноевропейского фашизма. Будет ли «младший брат» Шушниц защищаться или нет, но «историческая проблема» аншлюсса Австрии, политически такая трудная для Гитлера, становится детской игрой, как скоро она облекается в военную форму. Вряд ли понадобится даже новый венский путч австрийских СС, когда баварские дивизии (под командой генерала фон-Бока, бывшего штабного офицера кронпринца) пересекут границу возле Инна и в течение шести часов стремительно пронесутся в моторизованных колоннах к Вене, отбросив маленькую австрийскую «армию».

Австрийской армии, которая могла бы остановить этот поток или, по крайней мере, дать новую битву при Садовой, не существует. Есть только замечательный героический австрийский рабочий класс, который тогда (а может быть и раньше) снова выйдет на баррикады. Но без помощи извне австрийский пролетариат не может удержаться против комбинарованного напора германских танков и местных национал-социалистов. Существует ли теперь пакт, который бы действительно гарантировал независимость Австрии? Такого пакта не существует. Есть только фашист Муссолини — «друг» и соперник Гитлера, тыл которого заметно ослабел, благодаря конфликту с Англией и роль которого еще не вполне ясна. А если генерал фон-Бок находится в Вене, то в руки германо-фашистской армии и ее союзников попадает ключ к дунайской зоне.

2. Более трудной, но с военной точки зрения также весьма не сложной является для Германии следующая стадия: *сокрушение Чехословакии*. Чехословакия, насчитывающая 15 млн. жителей, имеющая развитую промышленность, значительную армию и воздушные силы, гораздо сильнее Литвы, но она расположена словно в тисках: между Германией — с северо-запада, Австрией — с юго-запада, Польшей — с северо-востока, и Венгрией — с юго-востока. Чехословакия окружена с четырех сторон (с единственным узким сухопутным выходом на юго-востоке в Румынию), и в тот момент, когда начнется война, четыре заостренные клина разом вонзятся в растянутую территорию этой страны, встретившись внутри ее.

С северо-запада германская армия прорвет выступающий полукруг богемской границы; баварские дивизии выйдут сквозь богемский лес к Пильзену, саксонские дивизии — через Саксонские рудные горы — к Ауссигу, силезские дивизии — в судетский район к Рейхенбергу и Кениггрецу, и все они встретятся вблизи Праги, столицы Чехословакии. С юга, из долин Верхней и Нижней Австрии, на соединение с ними двинутся австрийские национал-социалисты, и Богемия, наиболее важная часть чехословацкого государства, окажется словно проткнутой. Одновременно другая, восточная, часть страны — Словакия — подвергнется совершенно аналогичной операции: наступлению польских войск из Кракова и с Карпат на севере и венгерскому вторжению на юге. В стратегии это называется концентрическим уничтожением; в течение нескольких дней изолированная Чехословакия будет разодрана на клочки, политически уничтожена и ликвидирована; от нее останется не больше, чем «историческое воспоминание», так называют эту страну национал-социалисты. Восстание германских национал-социалистов внутри страны, в Судетском районе (движение Генлейна) и крайних про-венгерских автономистов в Словакии, которое произойдет одновременно с германским, венгерским и польским вторжением, только дополняет картину.

Единственное спасение Чехословакии заключается в воздушной обороне; и в самом деле — эта небольшая страна имеет около тысячи первоклассных самолетов и числится среди стран, имеющих лучшую в Европе авиацию. Но Чехословакия уже охвачена с севера плотным кольцом германских аэродромов в Баварии, Саксонии и Силезии; время полета бомбардировщика от Дрездена до Праги составляет восемнадцать минут. Венгрия после визита в Будапешт помощника Геринга, генерала воздушных сил Мильха, в сентябре 1935 г., заключила воздушный союз с Германией и строит свои собственные авиабазы против чехов, а Польша летом того же года также ясно показала свои намерения, выразив протест против советско-чехословацкого соглашения и лаконично отказав в выдаче разрешения проложить новую авиалинию Прага — Москва через польскую территорию. Положение Чехословакии безнадежно, если ее не поддержат великие державы. И как раз эту возможность Германия хочет предотвратить во что бы то ни стало.

Германский генеральный штаб обнаружил, что Чехословакия — этот «бивуак» германской армии — может превратиться в нечто совсем противоположное, если ее будут защищать великие державы, подобные Франции и СССР: она может стать *мостом* между этими державами. Если французская

армия, двигаясь из Эльзаса, сделает рывок на Северную Баварию и пройдет 320 км, примерно, по линии Мангейм — Гоф, отрезав таким образом южный угол Германии; и если советская армия с Украины, пропущенная через румынский коридор, достигнет Подкарпатской Украины, то обе армии появятся на границах Чехословакии, а их союз будет означать военное крушение Гитлера и всех его «крестовых походов». Этого нельзя допустить. Это надо предотвратить любой ценой, и прежде всего путем дипломатии «изолированной безопасности»; а впоследствии — военным вторжением и уничтожением Чехословакии; при этом надо действовать так быстро, чтобы не дать времени другим большим армиям; мост должен быть разрушен прежде, чем на него удастся ступить. Совершенно очевидно, что Германия делает на чешской границе все возможное, чтобы подготовить это «молниеносное вторжение».

По всей баварско-саксонско-силезской границе сооружаются военные укрепления, в том числе и подземные, и проводятся частые маневры моторизованных войск (например, в июле 1935 г. в присутствии самого Гитлера). Примером этой подготовки может служить также спешное строительство в районах, прилегающих к границе, сети «сверхсовременных» автострад; на этом строительстве по всей Германии в порядке принудительного труда работают 450 тыс. человек. Автострады, согласно официальным данным, должны стоить свыше 3,5 млрд. марок. Эти автострады являются первоклассными широкими стратегическими путями; сеть их становится особенно густой вокруг Чехословакии; они могут служить и для непосредственного продвижения войск и для тактической перегруппировки. Из этого следует, что будущий набег германских моторизованных колонн на Богемию потребует с момента мобилизации рекордно коротких сроков. А это означает, что другие державы смогут прийти на помощь слишком поздно, когда Прагу уже нельзя будет спасти от уничтожения.

Если же Прага уничтожена, если все три центра дунайской зоны — Вена, Прага и Будапешт — находятся в руках Гитлера, то первая битва южного фашистского «похода» выиграна. Не только потому, что заняты наиболее важные позиции, но и потому, что тогда на базе этих позиций развернется действительное *формирование большой южной фашистской армии*. Оно будет осуществляться посредством слияния германской армии, венгерской армии, польской армии и австрийских национал-социалистов, а также посредством *принудительной мобилизации дунайских крестьян* южными фашистами и ревизионистами.

Это тот же самый процесс, который должен произойти в Балтике на основе военно-морского господства Германии

в Балтийском море, в то время как здесь он основан на захвате Вены и Праги. Фашисты попытаются также и здесь создать массовую армию. Тогда будет заново создана старая «юго-восточная европейская» главная квартира Макензена; в 1916 и 1917 гг. германские офицеры из этой главной квартиры командовали австрийскими, венгерскими, хорватскими, болгарскими и фактически также и турецкими войсками. И довольно любопытно, что нынешнего германского посланника в Будапеште зовут Макензен — это сын фельд-маршала. Гитлер хранит «традиции».

А что останется от Юго-восточной Европы, если новые Макензены начнут двигаться на юг от Вены, Праги и Будапешта с только что мобилизованными массами? София Кобургов точно так же, как Венгрия Хорти, уже сегодня находится в союзе с Гитлером. Белград и Афины не лежат на главном пути, но если дело пойдет так далеко, то они будут рады, если победители не тронут их. В таком случае остаются только два района на пути к Украине, имеющие значение для германо-фашистской армии, где эта армия может ожидать сопротивления: это Бухарест и Стамбул.

3. *Марш через Румынию* является абсолютной необходимостью для германского главного штаба по двум причинам. Во-первых, потому, что Румыния, поскольку она является другим коллективной безопасностью и членом Малой Антанты (линия Титулеску), может представить открытые ворота для советской армии, идущей вверх по Дунаю на защиту Чехословакии. «Транзит красных войск через Буковину и Семигорье» это ночной кошмар Гитлера и Геринга (а также и некоторых дворцовых кругов в Румынии).

Во-вторых, Румыния является источником нефти. Это материал, без которого моторизованная германская армия не может обойтись так же, как не может обойтись и без румынской транзитной территории. Румыния — второй крупнейший (после СССР) производитель нефти в Европе — добывает ежегодно около 8 млн. т и может, конечно, при отсутствии кризиса, добывать гораздо больше. Этот факт с военной точки зрения звучит как смертный приговор для всей этой бедной сельскохозяйственной страны. В мировой войне Германии также пришлось «завоевывать» румынскую нефть, потому что запасов нефти в Галиции было недостаточно. Ныне, в эпоху моторизованных дивизий, танков и воздушных эскадрилий, эта местная нефть является для Германии, которая, быть может, будет отрезана от других источников снабжения, необходимым условием для ведения войны.

Аэропланы, вылетевшие с венгерских аэродромов, могут, если они не будут отбиты противником, разрушить Бухарест

и бомбардировать нефтяные промыслы в первые же два часа после начала войны.

Южная фашистская армия, по соглашению с профашистскими кругами в Бухаресте (теми самыми, которые требовали сепаратного мира с Германией в 1918 г.), займет Румынию и здесь выйдет также в конечном счете к советской границе. Но, прежде чем начать наступление на Киев, штабу этой армии придется обратить непосредственное внимание на важную фланговую позицию.

4. *Контроль над Дарданеллами*, турецкими воротами между Черным и Средиземным морями, является неотъемлемой частью германской стратегии на юге; это имеет теперь не меньшее, а, пожалуй, даже большее значение, чем в 1914—1918 гг. Как и тогда, в первую очередь нужно воспрепятствовать снабжению СССР оружием и другим снаряжением через Средиземное море. С тех пор, однако, как Россия и Турция перестали быть врагами, но являются тесными и искренними друзьями, положение для агрессора против СССР стало значительно более трудным.

Если Балтика стала озером для германского флота, то советский флот вместе со своими турецкими друзьями является бесспорным хозяином на Черном море. Германия не имеет эскадры на Средиземном море и не может ее туда послать; стратегическая задача на севере не допускает ослабления или раздробления балтийского флота. Но если при таких условиях Черное море не будет закрыто и связь с Средиземным морем не будет прервана, то сухопутное наступление на Украину и юг СССР будет иметь очень мало шансов на успех.

Черноморский флот СССР, если он будет расти и дальше, может в соединении с воздушными силами приобрести в этой зоне стратегическое значение, аналогичное тому, которое имеет германский флот на Балтийском море, — в этом немцы уверены. А если Франция и другие члены Лиги наций останутся верными уставу Лиги, то может даже возникнуть возможность посылки из Средиземного моря экспедиции для защиты против агрессора. Это снова серьезная опасность для южного фашистского похода.

С этой опасностью можно бороться двояко. Первый способ — наступление по суше или по меньшей мере «нажим» на Турцию, «контролирующую» Дарданеллы. Вот здесь-то и выступает на первый план балканская политика германского фашизма и его юго-восточная лига, целиком направленные на то, чтобы взорвать нынешнюю балканскую антанту (Турция, Греция, Румыния, Югославия) и снова разжечь прежние ожесточенные балканские распри. Болгарию, Югославию и Гре-

цию систематически натравливают против Турции, хотя Греция, например, еще имеет до сих пор нечто вроде морского соглашения с Турцией, а старые разногласия почти совсем исчезли (только покойный Венизелос думал иначе, да еще, пожалуй, другой точки зрения будет придерживаться в определенный момент новый премьер, генерал Метаксас; он — воспитанник германской военной академии).

Болгария, где правит германо-фашистская партия (Кобурги и македонская «Имро»), предназначена в первую очередь к непосредственному «выступлению» против Турции. Иначе не было бы никаких причин внезапно поднимать заново старинную «фракийскую проблему» между Болгарией, с одной стороны, Турцией и Грецией, — с другой. Эта проблема была предметом забот европейской политики три десятилетия назад. Болгария заявляет явно ничем не оправданные протесты против турецкого «правления» в Восточной Фракии и производит неожиданную концентрацию войск во время путча Венизелоса в феврале 1935 г.; положение становится настолько серьезным, что Турция, которой после войны пришлось разрушить большую крепость в Адрианополисе, вынуждена строить новые укрепления в Восточной Фракии (вблизи Кирк-Ларели). Таким образом, сухопутный путь в Стамбул уже исследован настолько, чтобы однажды крепко-накрепко запереть турецкие ворота.

Имеется, однако, и другой путь, который обещает, как будто, гораздо более широкие перспективы. Если в Средиземном море нет германского флота, который мог бы воспрепятствовать проходу через проливы, то можно ведь подыскать другой флот, который взялся бы за выполнение этой задачи. Тут как раз и должен быть введен в игру мастерский трюк германской дипломатии, трюк, который может приобрести международное политическое значение.

Чей флот господствует на Средиземном море? Британский флот. Только мощная южная эскадра британского флота, обладающего влиянием на прилегающие средиземноморские страны, окажется в силах отважиться на войну в Черном море. Именно британский флот однажды это уже проделал — во время Крымской кампании 1854 г., когда британские суда бомбардировали Севастополь и высаживали войска на русском побережье. Ведь именно Британия в течение столетия считалась неизменным противником России в этой зоне; именно Британия и на деле вела длительную и упорную борьбу с русскими царями за Босфор и Дарданеллы; это она предприняла в 1915 г. экспедицию в Галлиполи, чтобы захватить контроль над проливами; это снова Британия по Лозаннскому договору 1922 г. навсегда воспретила Турции укреплять Дарданеллы, с тем

чтобы путь 1854 г. постоянно оставался свободным для эскадры с Мальты и Гибралтара.

Британия — это «исторический враг России на Черном море» (в Советском Союзе приложение этой исторической теории к современности многих скорее забавляет). Что же в самом деле может быть более естественным, чем приглашение, когда придет время, этого исторического врага для выполнения своих исторических целей? Почему бы, действительно, британскому флоту, в тот момент, когда вспыхнет война против СССР, не появиться в Черном море для того, чтобы защитить там свои интересы и заодно также одним ударом парализовать советский флот? А от такого «превентивного выступления» недалеко и до дальнейшей «заинтересованности» Британии в южнорусском театре военных действий; например, в «неприкосновенности» нефтяных источников Кавказа, в «судьбе» автономных советских республик перед Каспийским морем и за ним — ближе к Центральной Азии.

Достаточно ясно, какое значение имеет этот трюк для германской политики: если он удастся, то это означает не больше не меньше, как *вовлечение Британии через Черное море в южнофашистский «крестовый поход»*, с тем, чтобы Англия действовала в качестве тарана германской стратегии там, где последняя не имеет собственного. Крымская экспедиция и галлиполийский эксперимент должны быть проделаны заново, но на сей раз в насущных интересах господина Гитлера и его полководцев. О том, что это предположение Германии не совсем свалилось с неба, можно, например, догадаться по следующим замечаниям, появившимся в «Sunday Times» от 3 июня 1934 г. (за подписью «Скрутейтор»).

«Как бы мирно мы ни были настроены, мы сами заинтересованы (в случае германского нападения на СССР. — *Автор*) в том, чтобы послать наш флот в Черное море, хотя бы для того, чтобы помешать пожару охватить и наш Ближний Восток; и мы должны, следовательно, решительно противиться турецкому требованию (об укреплении галлиполийских проливов. — *Автор*), какими благовидными ни казались бы выдвигаемые в его защиту предлоги».

Именно это имеет в виду южный фашистский военный план, направленный против дунайской Европы, Черного моря и Украины.

Если в настоящее время, в результате конференции в Монтре, отношения между Англией и Турцией радикально изменились и вместо прежних противоречий возникает почти англо-турецкая Антанта, то это ни в какой мере не меняет германских намерений. Наоборот, Англия теперь уже в ка-

честве союзника Турции должна заставить Турцию открыть однажды свои ворота для антисоветской эскадры.

Если этот расчет оправдается, то фашистский план — с Британией на крайнем фланге наступления — получит окончательное завершение. Черноморская опасность для фашистской армии устранена, и можно приступать к финалу.

5. *Генеральное наступление на Украину* проводится:

а) германскими войсками, венгерской армией, австрийскими национал-социалистами, балканскими фашистами и мобилизованными дунайскими крестьянами; все эти силы направятся вниз по Дунаю под германским командованием;

б) польской армией, которая должна соединиться с этими силами на Днестре, и

в) британским флотом, который насильственно закроет доступ в Черное море или договорится об этом с Турцией.

Таким образом, и здесь на юге соберется кажущаяся (только кажущаяся, как в конечном счете и весь план!) чудовищная сила против страны социализма; сила, по сравнению с которой прежняя армия Пилсудского, штурмовавшая Киев в 1920 г., представляется песчинкой. И тогда вооруженный кулак должен ударить по Киеву, Одессе, Донбассу и Кавказу. Повсюду будут провозглашены «национально»-фашистские колониальные правительства, за которыми будет наблюдать начальство из германской главной квартиры; списки министров этих новых правительств уже сейчас горячо обсуждаются в русских белоэмигрантских кругах. Южнофашистская армия занимает этот южный сектор СССР, соединяется (через польскую армию в Белоруссии) с северной фашистской армией, «укрепившейся в Ленинграде», и диктует условия в Москве, — такой чести не удостоился и Наполеон Бонапарт, император французов. Мертвый генерал Гофман, «Шлиффен наыворот» новой Германии, потомщен. Геринг подписывает новый Брест-Литовск.

Какими должны быть условия второго Брест-Литовска, непосредственные *первые* результаты похода на Восток? Об этом можно часто читать в фашистской, да и не только в германо-фашистской, прессе.

Суть этих условий состоит в установлении новой *Восточноевропейской империи Германии*, простирающейся от Белого моря на севере вплоть до Азовского моря на юге, охватывая часть Северной России — Ленинград (новая главная квартира возродившегося Балтийского ордена), Белорус-

сию, Украину и район Дона. Вместе это составляет, примерно, половину современной Европейской части СССР, которая должна быть или непосредственно включена в Третью империю или подчинена номинальному управлению различных германских вассалов (Балтийский орден, Финляндия, Польша, украинские фашисты и пр.).

Что касается другой половины Европейской части СССР, то Кавказ должен быть передан грузинским, татарским и другим фашистским сепаратистам (давнишним близким друзьям клики Гофмана — Розенберга); это означает на практике, что Кавказ также попадет под германский контроль; в то время как другие «зоны» и «сферы влияния», повидимому, оставлены за Великобританией, помимо ее «интересов» в русской Центральной Азии. Сибирь должна стать протекторатом Японии, азиатского участника «крестового похода», и ее буферным государством. От СССР, согласно плану Гитлера — Гофмана, должно остаться после этого только узкое пространство между Москвой и Уралом, и там в качестве нового государства должна быть восстановлена старая «Московия».

Что такое Московия? Это — лесистая область вокруг Москвы, находившаяся под властью русских бояр, которая 500 лет назад, во времена тевтонского ордена, имела поразительное сходство с Абиссинией Менелика. Московия стала Россией, когда первый царь (Иван IV) включил в нее обширные территории на западе и Украину и сразился при этом, ради завоевания Балтики, с лидером тевтонского ордена, великим магистром Плеттенбергом; с тех пор Россия начала крепнуть, а тевтонский орден пришёл в упадок.

Нет ничего удивительного в том, что название «Московия» вновь воскрешено в устах тех, кто считает себя преемниками Плеттенберга и Генриха Льва; тех, по мнению которых мировая история кончилась с гибелью тевтонского ордена и его планов империи в XVI столетии и начинается вновь с его восстановления в году 1933. Нео-Московия — это исторически неизбежное следствие Нео-Тевтонии; так легко раскрывается внутреннее содержание некоторых пикантных многозначительных лозунгов. Здесь, по милости великого магистра, должно править русско-фашистское правительство, главная деятельность которого должна состоять в истреблении остатков коммунизма, применении системы Геринга и раздаче заказов и концессий германским фирмам. Тогда будет закончена «эфиопизация» Восточной Европы и создана новая империя цезаря Гитлера от Рейна до Центральной Азии. *После этого фашистские армии начнут поход в обратном направлении: на запад.*

Этим сказано все. Только слепой может не видеть того, что все это значит. Теперь, во всяком случае, становится со-

вершенно ясным чудовищное политическое и военное *мошенничество*, которое совершает Гитлер, выдвигая формулу особой «восточной стратегии». Нет сепаратных «восточной» и «западной» стратегий германского фашизма. Есть только первая и вторая стадии проведения наступления в целом, в которой первая стадия делает вторую несомненно возможной и безусловно осуществимой; это та самая двухсторонняя проблема, для разрешения которой до 1914 г. Бисмарк и Шлиффен избрали запад в качестве «первой» стадии (главная цель — Париж!) и которую сегодня Гитлер и Геринг хотят разрешить другим кружным путем — посредством первоначального удара на Москву. Только и всего. Всякий, кто не видит этого беспримерного обмана, в самом деле заслуживает того, чтобы стать его жертвой.

Армии, которые вернутся после завоевания Советского Союза и Востока (все это в соответствии с гофмановским планом), которые покорят страну со 175 млн. населения, шестую часть земного шара, а еще до того во время «транзитного марша» подчинят также Северную Европу и дунайскую Европу, — эти армии по своем возвращении не потеряют противников на Западе. Они должны затопить весь континент. Это должно стать в буквальном смысле слова новым нашествием гуннов; все должно быть сметено на их пути.

Что сможет сделать Франция, когда против нее выступит армия за Рейном с миллионами и миллионами новобранцев из Восточной и Южной Европы, точно так же, как было в 1814 г., когда объединенные силы германской, австрийской и русской реакции сокрушили Францию в военном отношении и вступили в Париж?

Что сможет сделать Италия, если южная фашистская армия, имея в тылу полностью завоеванную дунайскую Европу, появится в Бреннере и под Триестом? Не будет больше ни Австрии, ни Чехословакии, ни Малой Антанты; только отряды катящейся германо-фашистской лавины.

Что сможет сделать Британия, если огромный воздушный флот Геринга, владущий над двумя третями континента, имеющий эскадрильи и вспомогательные базы во всех концах Европы, появится над этим крошечным островком?

Что смогут сделать все они вместе, эти остатки «гордой западноевропейской демократии», эти основатели пацифистской Лиги наций и «спасители» Абиссинии, если после успеха, «достойного восхождения», «изолированного» восточного плана Германией им придется лицом к лицу столкнуться с трансконтинентальной империей, самой могущественной из всех доселе известных, подлинным новым Римом, со всеми человеческими, техническими, экономическими и военными ресурсами на этой

огромной территории, получающей сырье из России и имеющей таких союзников в Азии, как новая пан-азиатская империя Японии?

Ведь между Северным морем и Тихим океаном после «победы на Востоке» останутся только эти две империи и их армии сомкнутся на Урале. Кто может поверить, что обе эти империи, уже и теперь тесно связанные и сообща проводящие свои планы, будут *тогда, после такой победы*, сотрудничать в пацифистском духе и встречать Британию и Францию братскими объятиями.

Да, встреча на Западе произойдет, но эти объятия не будут приятными. Ведь военная перспектива, которая после успеха восточного плана для авторов этого плана откроется, быть может, на Западе, эта *перспектива может стать тогда поистине наполеоновской*. В этом заключается финальная идея генерала Гофмана, и эта идея в своем роде логична. Наполеонизм по отношению к СССР — это вздор. Но наполеонизм по отношению к Западу, если бы СССР в самом деле мог бы быть предварительно разбит и завоеван, — это трезвая военная реальность, и ни один мыслящий человек, в том числе и военный эксперт, не может упускать ее из виду. Две фашистских армии Востока плюс завоеванная Москва означают новое наполеоновское вторжение в остальную Европу; это ясно, как дважды два четыре. Об *этом* думает Гитлер, когда он торжественно и велеречиво отрицает всякие намерения «агрессии на Западе». Ради этого жил и умер генерал Гофман, который был только полусумасшедшим!

Мы не просим никого верить нам на слово. Это не фантазия, не теоретическое рассуждение. Возьмите политическую, стратегическую и экономическую карту Европы, наполните ее имманентной динамикой фашизма и подумайте об этом сами.

ГЛАВА X

МОЖЕТ ЛИ ГЕРМАНИЯ ПОБЕДИТЬ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?

Сравнение стратегии материальных средств

Очевидно, все сводится к одному вопросу. Может ли Гитлер выиграть свой крестовый поход? Может ли *фашистская армия разбить социалистическую армию?*

Начиная с 1936 г. эта проблема заслоняет и отодвигает все остальные. Эта простая и ясная проблема будет лейтмотивом всей мировой политики. И действительно, это последняя великая проблема капиталистической эпохи и переходного периода. Проблемы, которые придут вслед за ней, будут огромны и сыграют величайшую роль в истории человечества. Но они будут относиться к принципиально иному периоду и иметь принципиально иной характер. Это будут проблемы созидания, проблемы безграничного прогресса человечества, а проблема, о которой идет речь, это последняя в эпоху цивилизации великая проблема разрушения, проблема взаимоуничтожающей внутренней борьбы человечества. Гитлер только потому играет значительную роль в истории, что он, побуждаемый неизвестными ему самому силами, должен подать сигнал к этому решающему столкновению.

По существу ответ на этот вопрос, ответ безошибочный и исчерпывающий, дают исторические законы, законы диалектики. Здесь не может быть двух ответов. Но никто не может и не смеет в такой момент пользоваться только научными абстракциями, только понятиями диалектики. Нужно проиллюстрировать диалектические законы и подтвердить их посредством элементарной арифметики. Это совершенно необходимо. Нужно подойти к этому вопросу как бы со счетной линейкой и циркулем в руках; изучать пункт за пунктом, часть за частью, складывать, множить и сравнивать цифры и затем делать выводы — они должны быть ясны и показательны для каждого. В такой работе незачем заниматься пропагандой или поддаваться каким-либо политическим соблазнам — никто от этого

не выиграет. Вопрос этот слишком серьезен и налагает слишком большую ответственность. История дышет лихорадочно, мы все это ощущаем. Сейчас, до столкновения, нужен холодный трезвый анализ. Фашизм против социализма. Не идеи столкнутся теперь лицом к лицу, но силы, которыми располагают эти движения. Каковы эти силы?

В начале 1934 г., через год после прихода Гитлера к власти, автор этой книги на вопрос о том: «может ли Германия выиграть войну на Западе?», ответил «да», но с некоторыми оговорками¹. Да, если Запад разъединен и изолирован. Да, если западный план Шлиффена будет удачно скомбинирован с новым воздушным планом Геринга и с необисмаркианской изоляционистской дипломатией Гитлера. Анализ различных стратегических, политических и технических факторов привел в то время к предположению о вероятности такого исхода столкновения между Гитлером и Вейганом. Необходим такой же анализ, сопровождающийся как можно более точным сопоставлением сил и возможностей обеих сторон фронта Геринг — Красная армия. Однако, прежде чем приступить к этому анализу, нужно ясно определить границы, в которых можно сравнивать эти силы; нужно точно выяснить, как правильно произвести такое сравнение.

Очевидно, что Советскому Союзу в этой войне придется бороться на два фронта: с Германией и ее более слабыми союзниками на западе и с Японией на востоке; расстояние между фронтами будет для СССР составлять 10 тыс. км. Япония, без сомнения, нападет на СССР одновременно с Германией (а может быть и раньше ее) и попытается вторгнуться в Восточную Сибирь от Владивостока до Байкала. Значит ли это, что силы Советского Союза надо в этой войне с самого начала непосредственно сопоставлять с силами всей фашистской коалиции «крестового похода», т. е. с силами Германии и Японии вместе взятыми? Это было бы первой коренной ошибкой, которая направила бы все расчеты по неверному пути.

Советский Союз, расположенный на двух континентах, будет сражаться и в Европе и в Азии. И все же его азиатский фронт и его азиатских противников нужно с самого начала, в основном, скинуть со счетов при определении его стратегического баланса. Япония *не сумеет* отвлечь существенной заметной части всех наличных сил Советского Союза, как ни странно это звучит.

Дело тут не в том, что обширные негостеприимные пространства Сибири (ведь одна Восточная Сибирь равна по

¹ «Гитлер над Европой?»

территории почти всей Европе), где города разбросаны далеко друг от друга, где нескончаемы расстояния, где редка сеть дорог и железнодорожных путей, сами по себе делают невозможной быструю наступательную войну для большой армии; здесь даже медленное продвижение вперед по занятой территории чрезвычайно затруднено и сомнительно, в связи с необходимостью закрепления ее за собой. Офицер американского генерального штаба Беттс, бывший военный атташе на Дальнем Востоке, считает, что японской армии, даже если бы ей противостояли значительно более слабые советские силы, не удалось бы дать решающее сражение (на озере Байкал) раньше чем через шесть месяцев после начала войны, так как все это время ей пришлось бы тратить свои главные силы на оккупацию и закрепление обширных пространств. Даже сравнительно небольшая советская сибирская армия наверняка могла бы тогда, при желании, значительное время применять на азиатском сухопутном фронте осторожную, выжидательную, оборонительную тактику, не рискуя попасть в критическое положение и не требуя подкреплений из Европейской России.

Уже сегодня Особая Краснознаменная дальневосточная армия, в результате беспримерного всеобщего прогресса, имеющего место на советском Дальнем Востоке, совершенно независима и самостоятельна в отношении своих человеческих, технических и экономических ресурсов. Очевиден резкий контраст между современным положением и положением дел во время первой русско-японской войны 1904—1905 гг., когда царю приходилось перебрасывать свои главные силы из Европы в Манчжурию на расстояние в тысячи километров по единственной железной дороге. Кроме того, вся сухопутная граница и морское побережье сильно укреплены. Но не это является причиной того, что будущую японскую армию нужно в основном снять со стратегических весов СССР.

Дело тут также не в том, что стратегическая обстановка на азиатском материке предоставляет Советскому Союзу благоприятные возможности для продолжительной обороны, а стратегические условия воздушной войны на востоке Азии, наоборот, благоприятствуют наступательной тактике. Один рейд дальневосточных советских воздушных эскадрилий через японское море на Токио, Осака и Кобе может нанести Японии молниеносное поражение и таким образом парализовать ее одним выстрелом из «воздушного револьвера — Владивостока». Это выстрел «в грудь Японии», произведенный с кратчайшего географически расстояния (расстояние от Владивостока до японского побережья составляет около 800 км, это меньше, чем расстояние между Лондоном и Берлином); атака мощных советских бомбардировщиков в первые же часы — если не

минуты — войны на перенаселенные легко воспламеняемые японские города, представляющие собой идеальную мишень, сразу представит в ином свете всю злополучную авантюру гитлеровского союзника в Азии; это может произойти еще до того, как горделивые японские дивизии в Манчжурии пройдут первые 80 км. Летное время составляет в некоторых местах всего два часа.

Об этом хорошо осведомлены сегодня все генеральные штабы мира, и это также, вероятно, единственная причина того, почему дворцовая клика в Токио до сих пор не отдала милитаристской клике в Манчжурии (квантунской армии) ожидаемого там с таким нетерпением приказа о выступлении. Япония не может отразить такого воздушного удара, направленного в сердце страны, потому что лучшие в мире советские бомбардировщики слишком боеспособны и непобедимы. Она не может также ответить на этот удар воздушной атакой из Японии — для этого сибирские расстояния слишком огромны и пустынно. Ближайшая крупная индустриальная база — Кузнецкий бассейн — лежит вне досягаемости японских аэропланов, на расстоянии, примерно, 5700 км (о Москве не может быть и речи, и единственные пункты, которые подвергаются известной опасности — это советские авиабазы во Владивостоке и других местах, которые не дадут врагу, застигнуть себя врасплох).

Советский воздушный флот подымется в воздух прежде, чем его удастся вывести из строя неожиданным нападением, и тогда судьба Японии повиснет на волоске. Технически несовершенные японские воздушные силы нельзя сравнивать с советскими; большой действительно могущественный японский военно-морской флот придет слишком поздно, а знаменитая «непобедимая» квантунская армия в Китае со всеми своими мелкими Александрами и Наполеонами может очень легко и очень неожиданно лишиться не только базы в тылу, но и отечества — вся слава пан-азиатского марша в несколько дней развеется, как дым.

В этом заключается более глубокая причина разногласий, как известно, существующих теперь между двумя кликами милитаристов в Японии, — кликой квантунской армии (Араки — Доихара) и «умеренной» группой (двор); круги в Токио понимают стратегическую обстановку, знают о непосредственной опасности с воздуха и, следовательно, хотят выждать, в то время как тщеславные и невежественные квантунские генералы, всю жизнь имевшие дело с беззащитными китайскими «солдатами», кули и манчжурскими крестьянами, не могут думать ни о чем больше, как только о своем «сухопутном марше» (в этом отношении они являются типичными последо-

вателями генерала Гофмана, который ведь тоже хотел провести «марш» до Москвы на грузовиках). Другой вопрос, какая из этих двух клик одержит верх: Германия поддерживает квантунцев по очень определенным собственным мотивам. Подписание германо-японского соглашения в ноябре 1936 г. является фактом совершенно определенным. Но совершенно ясно, что воздушная стратегия может очень быстро и очень радикально в значительной мере разрешить проблему «второго фронта» для СССР. Японию можно парализовать в военном отношении по крайней мере на значительное время. И все-таки даже не это сбалансирует в этой войне силы Японии против СССР.

Эти силы целиком балансируются, балансируются больше чем на 100%, совершенно иной силой, которую до сих пор еще совсем не замечали, хотя она уже окрепла. Эта сила в самом начале войны (а может быть и раньше) появится на сцене, чтобы занять с этого момента доминирующую роль и стать фактором более важным, чем все прочие на этом континенте и на этом театре войны: эта сила — *революционный Китай*. Этот фактор упускают из виду при простом противопоставлении Советского Союза германо-японской коалиции, а без него такое сопоставление явно бессодержательно.

Четырехсотмиллионный народ угнетенного Китая сводит на-нет значение как нынешней, так и будущей квантунской армии, даже в том случае, если она удвоит свой состав. Китайский народ, а не дальневосточная Красная армия, является естественным и непосредственным противовесом японской мощи на Дальнем Востоке, в сравнении с которым роль дальневосточной армии значительно уменьшается. До сих пор он не был в состоянии парализовать японскую мощь, потому, что в условиях современного закрепощенного колониального Китая эти миллионы были обречены на пассивность и демобилизацию, они могли лишь выражать глухое недовольство, но не сражаться; до сих пор внутри Китая не было еще такой силы, которая дала бы толчок, чтобы мобилизовать и активизировать китайский народ. Таково было положение до сих пор. Однако в тот момент, когда разразится буря, и перевернет все в Азии, создавая принципиально новые политические и военные условия, в тот момент, когда Красная армия двинется на японских тиранов в Манчжурии, Монголии и Китае, тогда покажет себя этот новый фактор.

Огромный человеческий и социальный массив от Индии до Тихого океана, давно созревший для взрыва, вспыхнет таким пожаром, которого уже не удастся потушить. Несчастные китайские крестьяне, кули и интеллигенты, получившие, наконец, возможность организовать, вооружиться и спло-

тяться в активную национальную силу, не замедлят тогда выступить на борьбу, чтобы отвоевать свою национальную свободу: против Японии, против Манчжуго, против своих собственных ренегатов. Они смогут атаковать Японию — своего угнетателя — в ее ослабевшем тылу. И эта нация, которую так много третировали, *держава* Китай, которой никто не замечал, займет в этот момент свое место в истории, одно из первых мест, принадлежащих ей по праву. Организованная в военном отношении, эта держава со своими неисчерпаемыми массами сможет растоптать квантунскую армию и грозить главным японским силам. Итак, не дальневосточная армия, а независимая *азиатская армия* выступит навстречу Японии; и в конечном счете ее людские и социальные резервы окажутся больше японских.

Национальная революция сплотит четырехсотмиллионный народ; оборонительный союз с СССР доставит ему техническую и организационную помощь, наконец, вместе с советским воздушным флотом армия китайского народа будет представлять собой такую силу, которая нанесет квантунским генералам самый сильный удар за всю их жизнь. На этот раз политическое и социальное невежество будет наказано так жестоко, как никогда. И если квантунские генералы все еще продолжают свой безумный военный танец на вершине вулкана, если они размещают в Китае свои маленькие гарнизоны в одном районе за другим, то они только ускоряют пришествие и потенциальное формирование этой будущей армии среди угнетаемого ими народа.

Так называемая «китайская красная армия», уже существующая и правящая внутри страны различными провинциями, населенными десятками миллионов людей, эта армия непобедима, хотя ее в течение ряда лет преследуют Япония, Чан Кай-ши, бандиты и наемники; однако она не более чем маленький зародыш, кадры вождей для национально-революционной, антиимпериалистской азиатской армии будущего; такая армия будет не «службой» Советского Союза, но его независимым и свободным союзником при совместном отражении японского удара. Лига наций не найдет в Азии более верного сторонника. Главной его целью будет национальная эмансипация угнетенных народов Дальнего Востока. И в то же время эта армия определенно разрешит проблему русского «второго фронта» в будущей войне, поскольку, она в основном заменит силы Советов на этом фронте.

Нельзя терять из виду этого важного обстоятельства, исследуя соотношение сил во время гитлеровского мирового крестового похода против Советского Союза. Не одна, а *две армии* — *социалистическая и национально-революционная* —

преградят путь этому походу; европейская и восточноазиатская армия, армия, выступающая против центральноевропейского фашизма, и армия, борющаяся с восточноазиатским фашизмом. Таким образом, в поле нашего зрения должна остаться только первая армия и первый фронт, где мы сможем непосредственно сравнить в целом стоящие друг против друга силы. Что касается Особой дальневосточной армии СССР, то она все же должна быть вычтена из «актива» Советского Союза, но этому можно противопоставить тот факт, что и Германии также при любых обстоятельствах придется оставить часть своих сил на западной границе с Францией. Гитлер никогда не обнажит Рейна, даже если у власти будет находиться господин Лаваль или какой-либо другой сторонник крестового похода. Кроме того, так же как во время последней войны, когда Россия воевала с Германией и Австрией, небольшая часть ее армии была занята вне Европы: тогда это была «кавказская армия», сражавшаяся против Турции. Ныне Турция является другом Советского Союза. Таким же образом можно в общем не принимать в расчет германских меньших потенциальных союзников в Европе: Польшу, Финляндию, Венгрию и им подобных потому, что и они в свою очередь будут уравновешены другими силами, например Малой Антантой (если она не капитулирует и останется верной уставу Лиги наций), и во всяком случае социалистическими и антифашистскими элементами в этих зонах, которые во время войны не будут сидеть сложа руки.

Нет, действительными противниками, стоящими прямо друг против друга, сконцентрировав силы, являются Советский Союз и Германия, и только их можно непосредственно противопоставлять друг другу. Основа и масштабы этого сравнения теперь установлены. Имеются четыре аспекта для сопоставления сил, четыре потенциальных стратегии, от которых зависит исход в современной войне: стратегия материальных средств, оперативная, воздушная и социальная стратегия. Каждая из них имеет свой специфический смысл, каждая должна быть сопоставлена, но только общий итог определит результаты. Мы начнем со стратегии, которая представляет собой по отношению ко всем остальным как бы «коэффициент» и проще всего характеризует ситуацию: это стратегия чисто материальных средств — людей, оружия и продуктов промышленности и сельского хозяйства; все это вместе взятое определяет в итоге силы современной воюющей армии. Какие армии выставят друг против друга фашизм и социализм?

* *

*

Советский Союз — авангард социализма — имеет население в 175 млн., Германия — авангард фашизма — 70 млн. Это составляет соотношение $2\frac{1}{2}$ к 1. Но это только номинальная база для подсчета, так как количество и качество материальных средств «производственного процесса» войны (людей, так же как машин и материалов) зависят не только от количества населения, но и от уровня его организации. Нужно принять во внимание и количество и эффективность. И здесь на первый взгляд кажется, что Германия имеет преимущества над СССР не в отношении потенциальных ресурсов, а в отношении эффективной организации.

Человеческие ресурсы

Обеим сторонам в этой войне, чтобы охватить фронт в 3 200 км, линию от Ледовитого океана до Черного моря, придется выставить огромные силы. Возможно, что в этой войне, которая будет не только войной между государствами, но также и войной социальной, войной, которая будет вестись с крайней ожесточенностью, с величайшей решимостью, эти армии будут даже больше, чем армии последней мировой войны. Во всяком случае в движение будет приведена огромная человеческая масса, причем не только для того, чтобы обслуживать или управлять огромными современными военными машинами, но и для того, чтобы с помощью и под прикрытием этих машин сражаться, наступать, штурмовать и занимать территории. «Война без людей» — это романтическая мечта современных военных индивидуалистов. Наоборот, спрос на человеческую силу, а особенно на обученную квалифицированную человеческую силу, никогда не был так велик; каким он будет в этой механизированной войне танков, броневиков и воздушных крейсеров; точно так же применение современного машинного оборудования в промышленности в течение последнего столетия не сократило численности пролетариата, но, напротив, неизмеримо ее увеличило. Какое количество человеческого материала смогут предоставить для своих массовых армий Германия и Советский Союз?

Несмотря на свое относительно меньшее по сравнению с другими воюющими странами население, Германия послала в окопы во время войны самую грозную армию. Нет никакого сомнения в том, что Гитлер и Геринг на этот раз снова попытаются мобилизовать такую же силу, а если удастся, то даже большую. Германская регулярная армия мирного времени насчитывала к 1936 г. 546 тыс. человек, что равняется 36 дивизиям, и будет после удвоения срока военной

службы и образования новых подразделений составлять 750 тыс. человек, или, примерно, 50 дивизий. Очевидно, что это только официальные основные кадры (германская армия мирного времени до мировой войны насчитывала 730 тыс. человек и составляла 51 дивизию), и что помимо них существует ведь еще вторая иррегулярная, но почти столь же мобильная и хорошо обученная армия: различные «политические» и «административные» формирования вооруженных национал-социалистов. Эти добавочные постоянные кадры насчитывают в настоящий момент не менее миллиона человек:

СА (коричневорубашечники)	400 000
СС (чернорубашечники)	200 000
Военизированные отряды трудповинности	150 000
Военизированный национал-социалистский корпус мотоциклистов (НСКК)	50 000
Полиция (различные формирования)	150 000
«Охрана границ» (Grenzschutz)	50 000

Итого, примерно, 72 дивизии¹ 1 000 000

Итак, иррегулярное «завуалированное» ответвление германской армии мирного времени, которое частично уже также интенсивно вооружено, обучено и размещено по казармам, на деле значительно больше официальных кадров; в итоге мы получаем, примерно, 117 дивизий — армию, которую Германия будет иметь наготове в первый же момент войны в качестве войск первой очереди.

Германская армия первой очереди после мобилизации

50 регулярных дивизий (бывший рейхсвер)	750 000
67 иррегулярных дивизий (вооруженные национал-социалисты)	1 000 000

Итого 117 дивизий 1 750 000 чел.

¹ Для таблицы использованы по возможности официальные германские данные; численность СС и отрядов «трудовой повинности» указана по официальным цифрам. Что касается полиции, то ее формирования, выступающие под различными названиями, сложены вместе: это регулярная полиция, геринговские «фельдегери», «железнодорожная и почтовая охрана» и т. д. Оценка численности СА и корпуса мотоциклистов сильно преуменьшена. Сами национал-социалисты сообщили недавно («Völkischer Beobachter» от 30 января 1936 г.) численность трех разрядов СА: «активные СА» (от 18 до 35 лет), «резерв СА» (от 35 до 45 лет) и «ландштурм СА» (свыше 45 лет) — в количестве 697 полков, насчитывающих от 1 тыс. до 3 тыс. человек каждый, что составляет в общем, исходя из средней цифры, 1 400 тыс. человек. В цифру 400 тыс. включаются, следовательно, только наиболее активные и наиболее мобильные подразделения СА, напоминающие в этом отношении скорее СС. Согласно национал-социалистским данным, корпус мотоциклистов (НСКК) охватывает сегодня не менее 500 тыс. германских мотоциклистов, и цифра 50 тыс. приблизительно соответствует здесь численности наиболее активного его ядра.

Численность германской армии, составляющей 117 дивизий в течение первых дней или недель мобилизации, совпадает не только с предположениями крупнейших военачальников в Европе, высказывавшихся о численности первоочередной будущей германской армии (маршал Петен указывает цифру в 100 пехотных дивизий, маршал Тухачевский — 108 пехотных дивизий); но она также почти точно соответствует количеству дивизий, выставленных Германией Вильгельма II немедленно или вскоре после того, как война началась (92 дивизии после мобилизации и 112 после первых четырех месяцев войны). В течение первого периода войны страна не может дать больше этого количества; должен пройти известный срок, прежде чем следующие резервы младших или старших возрастов будут призваны, обучены и снабжены оружием для отправки на фронт. И без сомнения 117 дивизий для гитлеровской Германии далеко неплохое начало, если принять во внимание, что современная французская армия мирного времени составляет 30 дивизий, а вся царская Россия с населением, превосходившим население Германии в 1914 г. более чем в два раза, располагала после мобилизации только 105 дивизиями.

А как обстоит дело с потенциальной германской армией *второй* очереди, с резервами, которые удастся получить только в дальнейшем ходе войны при крайнем напряжении оставшихся сил нации? Весь германский резерв младших возрастов, годных для военной службы (1901—1915 гг.), равняется в настоящий момент 9 млн. человек, из которых годны к военной службе около четырех пятых или, примерно, 7 млн. В последние годы мировой войны старой Германии удалось ценой грубейшего почти рокового насилия над народом добиться неслыханного рекорда — выставить 241 дивизию — 472% армии мирного времени! Затем Германия потерпела крах.

Очевидно, что это количество явно не под силу Гитлеру, не только потому, что он не может, как Вильгельм II, вести войну в течение четырех лет, но также и потому, что все эти расчеты, в том числе и расчет количества армии первой очереди, с самого начала ставятся под сомнение в силу того, что большая часть германского народа наверняка активно выступит против Гитлера и его войны; это будет в частности рабочий класс, остающийся и теперь верным социализму. Формирование и посылка на фронт новых дивизий ни в каком случае не пройдут для Гитлера так гладко, как в свое время для Гинденбурга и Людендорфа, и чем дольше будет тянуться война, тем сильнее это будет давать себя чувствовать. Это уже вторжение в область «социальной стратегии», которая будет рассмотрена в последнюю очередь. Первый результат нашего

подсчета следующий: в «нормальных» обстоятельствах Германия начнет войну с 100—120 дивизиями.

Какую живую силу противопоставит этому Советский Союз? Армия СССР мирного времени насчитывала до сих пор 1300 тыс. человек. Таким образом, человеческая масса социалистической армии уже сегодня, в ограниченных рамках мирного времени, превышает регулярную армию и значительную часть иррегулярных первоочередных кадров германского фашизма.

Но не будет ли военное *качество* этой армии, т. е., иными словами, ее подготовка, боеспособность и выдержка, ниже, чем у германской армии?

Теория «низкого уровня» советских солдат, ставших солдатами социализма, это снова все та же старая болтовня, которую не нужно принимать всерьез. Солдаты царской армии в 1914 г. были несравненно хуже вооружены и гораздо меньше воодушевлены волей к победе, чем германские солдаты; выносливость их была большей. Красноармейцы СССР в 1936 г. по уровню военной подготовки, тактических и технических знаний, физической выносливости и боеспособности занимают место *по меньшей мере* среди лучших армий мира. Они не имеют себе равных по своей воле к победе и своему пониманию, за что ведется война; это не невежественные рекруты, но коллектив защитников социализма. Красная армия, благодаря своей социальной природе, не только дисциплинированная военная организация, это также коллектив, объединенный общей идеологией, политический, технический и культурный «университет», воспитывающий свободных и высокообразованных людей; людей, которые ненавидят войну, но которые именно поэтому будут сражаться с огромным мужеством, если на них нападут. Различные иностранные генералы во время больших советских маневров осенью 1935 г. могли легко убедиться во влиянии социального фактора на военную эффективность войск.

Ныне советская пехота по своим боевым качествам не ниже, а, может быть, даже выше французской. Советская кавалерия, летающая армия маршала Буденного, даже немцами признается самой сильной в Европе, и в качестве непосредственного вывода из этого признания Гитлер и Бломберг хотят довести число кавалерийских дивизий в своей новой армии до максимума; это — попытка компенсации боевых возможностей красных кавалеристов на широких равнинах и в степях Советского Союза.

А как обстоит дело с важнейшим «коэффициентом» массовой армии — *командным составом*. Что представляют собой кадры социалистических командиров по сравнению с фашистскими?

И здесь снова стратеги гофмановской школы, стратеги последнего столетия, считают, что советские командиры, молодые и «неопытные» красные лейтенанты и капитаны с фабрик и из деревень, не выдержат никакого сравнения с лейтенантами, капитанами и генералами классической военной державы — Германии, образующими наиболее милитаристскую касту во всем мире. Это кажется убедительным.

Но любопытно, что в 1793 г. и позже точно то же самое говорилось и писалось о молодых офицерах французской революции до тех пор, пока им не удалось померяться силами с почтенными генералами, принцами и другими наследственными носителями эполет из австрийской, прусской и русской армий. Этот забавный тезис выдвигается теми, кто искренне считают военное искусство чем-то вроде божественного дара, нерушимой привилегии известной касты; они не понимают, что это продукт и достижение восходящего в тот или иной период социального класса.

В истории, в конечном счете, всегда побеждали генералы молодых поднимающихся классов и их государства; проигрывали же всегда генералы сходящих с исторической арены реакционных каст. Только первые, благодаря молодости своего класса и своего общества, обладали чутьем и способностями для новой и как все в мире вечно «текучей» стратегии, которую они немедленно усвоили и применили во всей широте. Вот почему «дерзкие» тридцатилетние генералы мелкой буржуазии французского конвента побеждали старых дряхлых мудрецов австрийских эрцгерцогов; а позднее — представители молодой капиталистической буржуазии Германии, Мольтке и его школа, одерживали победы над генералами бездарной второй империи Наполеона III.

Офицеры более молодой и более энергичной социальной системы всегда лучше; а социалистические офицеры Советского Союза — самые молодые в мире. Они ведь имеют не только опыт последней мировой войны, во время которой многие из них сражались в окопах как солдаты и не получившие официального чина офицеры и лейтенанты; они имеют также опыт русской гражданской войны, во время которой небольшие по численности армии применяли чрезвычайно интенсивную стратегию. После гражданской войны, в период великой эпохи социалистической реконструкции, они усвоили знания капиталистического военного искусства и прибавили к этому знания, которыми они монопольно обладают — новейшую стратегию, социалистическую стратегию, соединяющую понимание значения видов оружия и знание позиции со знанием силы классов.

Эта небольшая разница значит очень много. Вслед за

ними идут молодые командиры, которые обучаются ныне в тринадцати больших военных академиях Советского Союза. В 1936 г. в них обучалось 16 тыс. высококвалифицированных командиров¹. Между тем, германская армия безусловно все еще страдает из-за недостатка офицеров и неудовлетворительной их подготовки. Нет, офицеры Сталина и Ворошилова, бывшие рабочие и деревенские парни, будут выше офицеров Гитлера и Геринга!

Таков итог простого сопоставления человеческих сил двух будущих европейских армий. Итог складывается как абсолютное, подавляющее превосходство в пользу Советского Союза, в пользу социалистической армии. По своему людскому составу эта армия будет сильнее. Но как эта людская сила будет снаряжена технически, как она будет снабжена *механическими* орудиями войны? Может быть, как раз здесь и найдется, наконец, свое выражение специфическое превосходство Германии?

Механические силы

Это законный вопрос. Ответ на него может свести на-нет результаты первого произведенного выше анализа или, возможно, привести к совершенно обратным выводам. Ведь современные «мертвые», механические воины участвуют теперь в войне на равных правах с живыми воинами, которые управляют ими, приводя их в действие и стреляют из них. В то время как в 1914 г. две трети армии состояло из пехотинцев, вооруженных винтовками, теперь половина армии состоит из различных родов технических войск, обслуживающих машины войны. Именно разница в оснащении техническими средствами войны сыграла роковую роль в том, что старая царская армия сломала себе хребет в войне с Германией.

Царь и правящая русская аристократия, привыкшие жертвовать людьми из своих обширных владений в неограниченном количестве и компенсировать этим все остальное, «затыкать все дыры» этим недорогим материалом, снабдили свою миллионную армию таким количеством пулеметов и легкой артиллерии, которого не хватило бы даже для средней по размерам европейской армии; в русской армии было очень мало тяжелой артиллерии. Оружие приходилось ввозить в самом разгаре войны из-за границы. Царская Россия импортировала 75% своей артиллерии, 60% винтовок, 75% артиллерийских снарядов, 60% патронов. Русскую дивизию никак нельзя было сравнивать с германской; хотя в ней было больше солдат (16 батальонов против 12 германских), она имела на

¹ См. М. Н. Тухачевский, Задачи обороны СССР, Партиздат, 1936 г., стр. 13. — *Прим. переводчика.*

вооружении только 48 орудий против 72 германских; естественно, что германская дивизия уничтожала живую силу, русской дивизии. Именно поэтому большинство крупных сражений в этой войне было проиграно Россией. Подсчитано, что на каждый снаряд, выпущенный русскими, приходилось 300 снарядов неприятеля. Огонь неприятеля вновь и вновь косил русских пехотинцев, вооруженных винтовками, и в этой войне Россия потеряла убитыми 1 700 тыс. человек против 1 800 тыс. человек, которых потеряла убитыми Германия, а ведь Германия сражалась и на западе и на востоке и вела войну на год дольше (1918 г.). 60 русских дивизий, которые были «заново сформированы» в 1917 г. (уже при Керенском), фактически вовсе не получили артиллерии; с таким вооружением их погнали в наступление против германских и австрийских укрепленных линий, и как раз во время этого ужасного наступления, которого никогда не забудет ни один русский солдат, случилось то, что русская армия внезапно и как один человек пошла за Лениным.

А как обстоит дело сейчас? Теперь Германия, которая в 1918 г. передала победителям или уничтожила 55 тыс. орудий, 102 тыс. пулеметов и 28 тыс. траншейных мортир, снова имеет в своем распоряжении свой старый грозный арсенал. Германская промышленность снова ежемесячно производит для Гитлера до 500 орудий (генерал Сперс назвал эту цифру в палате общин еще в 1935 г.) и 200 танков, а после того, как вспыхнет война и произойдет всеобщая мобилизация, промышленность сможет, вероятно, поставлять не менее 3 тыс. орудий ежемесячно (в конце первого года войны), а кроме того 25 тыс. пулеметов и 1 тыс. танков.

Новая германская армия вооружает свою дивизию 400—450 пулеметами и 180 легкими и тяжелыми орудиями; корпусам и армиям придаются также специальные артиллерийские подразделения, которые полностью моторизируются. В качестве нового массового ударного средства создается особая танковая армия под самостоятельным командованием; в нее входят кроме легких танков новой конструкции (команда из двух человек), которыми сейчас переполнены склады всех германских автомобильных заводов, также и тяжелые «сверхтанки» с командой в 6 человек; эта крепость на колесах весит 8 т, оборудована двумя орудиями и двумя пулеметами и передвигается со скоростью 80 км в час! Как раз эти «бронированные дивизии» должны образовать действительный стержень новой германской армии. Согласно заявлению, сделанному в бельгийском парламенте в августе 1935 г. докладчиком бельгийскому сенату де Дорлодо, германский пулемет ныне лучше французского. Снова эту концентрированную массу

механических средств разрушения собираются испытать на русском фронте; что она встретит там на этот раз, помимо людей?

Армия, которая была когда-то самой отсталой в Европе, стала именно в *техническом* смысле одной из первых армий в мире — как ни трудно переварить этот факт многим генеральным штабам в Европе. Они вынуждены, однако, признать его. В сентябре 1935 г. заместитель начальника французского генерального штаба Луазо в изумлении заявил, что «техника Красной армии стоит на необычайно высоком уровне» даже по сравнению с западноевропейскими армиями, а генерал Крейчи, член чехословацкого генерального штаба, заверил: «что касается материально-технической части..., то Советская армия в этом отношении стоит вне всякого сомнения на одном из первых мест среди армий всего мира если вообще не на самом первом месте»¹.

В 1933 г. на каждую единицу живой силы (на одного бойца) в Красной армии приходилось 7,74 лш. силы энергии двигателей (т. е. танков, моторизованной артиллерии, транспортных средств, аэропланов и т. д.): уровень моторизации более высокий, чем во французской, английской и американской армиях. Подлинный быстрый военный рост Советского Союза начался только с 1933 г. За период с 1931 по 1935 г., в процессе социалистической реконструкции, Красная армия была оснащена огромным количеством интенсивных технических средств: количество тяжелых орудий возросло за этот период более чем на 100%, количество легких танков на 2475%, средних и крупных танков на 792% и пулеметов на 750%². В то же время скорость новых танков увеличилась от трех до шести раз по сравнению со старыми, а конструкция и дальнобойность артиллерии и пулеметов достигли самого современного уровня.

Первое техническое «впрыскивание» (второе началось в 1935 г.) раз и навсегда в корне изменило весь характер советской армии, превратив ее из армии по преимуществу «ручного оружия» в сверхмеханизированную, — метаморфоза, которая так неприятно поразила иностранные генеральные штабы. «Секрет» этого изменения очень прост: он заключается в понятии «социалистическая реконструкция». Стратегии марксизма, которые всегда понимали роль современных промышленных машин, создающих базу их собственной политической армии — рабочего класса, немедленно оценили, когда им пришлось

¹ Интервью, напечатанное в «Известиях ЦИК СССР» от 18 сентября 1935 г. Господин Крейчи не коммунист — он генерал.

² Официальные цифры, приведенные на VII съезде Советов 31 января 1935 г. заместителем наркома обороны Тухачевским.

стать также и стратегами внешней войны, специфическую роль военных машин: они повернули все основание советской армии на 180°. Они сделали, таким образом, обратное тому, что делал царь и его феодальная каста, которые при построении своей армии исходили из собственного социального принципа — деспотической эксплуатации неограниченных человеческих резервов.

Результат был во всяком случае таков, что уже к 1935 г. советская армия не только была полностью оснащена технически, но ее вооружение (так как оно было произведено в течение трех-четырех последних лет) с качественной стороны стоит на самом высоком уровне; многим западноевропейским армиям приходится в настоящий момент «донашивать» свое старое вооружение. Нет, например, никакого сомнения в том, что советские танковые силы стоят сегодня на первом месте в мире, а после аэроплана танк будет самым важным орудием в будущей войне¹.

Это произошло не только в результате социалистической индустриализации; это является также и следствием социалистической переделки самих будущих участников войны. Квалифицированные рабочие с механических заводов по собственному почину и с энтузиазмом становятся водителями танков, и один из таких рабочих изобрел, например, недавно новый способ вождения танка, позволяющий танку без каких-либо специальных приспособлений подпрыгивать вверх, преодолевать рвы, стены и т. п.² Примерно то же самое можно сказать о двух других областях механизированной войны: моторизации и военной химии.

Всеобщий процесс модернизации армии продолжался и расширялся непрерывно, особенно в течение второго полугодия 1935 г., с тем чтобы специальные преимущества, которые дает относительная новизна советского вооружения, не были утрачены. В мире существует еще только одна армия, которая разделяет с СССР это преимущество, и это германская армия. Гитлер и Геринг также начали перевооружаться, главным образом, в течение 1933 и 1934 гг.; их пушки, танки и пулеметы также сверхсовременны. *Техническое качество веду-*

¹ Генерал Луазо, заместитель начальника французского генерального штаба, заявил 17 сентября 1935 г. представителям прессы в Москве: «В отношении, например, танков я полагал бы правильным считать армию Советского Союза на первом месте. Вы обладаете целой гаммой танков самых различных размеров и типов, начиная от маленьких быстрых танкеток и кончая подлинными земными броненосцами. Это открывает богатые возможности для самых разнообразных операций и взаимодействия всевозможных родов оружия. Ваш танковый парк поистине чудесен. Скажу откровенно, — мы (Франция) не прочь были бы обладать таким».

ших армий социализма и фашизма может стать равным, или приблизительно равным (хотя время постоянно работает в пользу первой). Таким образом, проблема явно сводится к вопросу о количестве, о потенциальной способности в целом производить эти механические орудия войны и возмещать потери во время войны. А это решают экономические ресурсы обоих лагерей.

Экономические силы Если потенциальные силы армии представить в виде пирамиды, у которой вершиной будет ее людской состав, средней частью — техническая оснащенность, то широкое основание этой пирамиды образует национальная экономика страны — промышленность, снабжающая армию механическими орудиями и сырьем, из которого эти орудия производятся. Сравнение стратегии материальных средств неизбежно приводит в конце концов к такому сопоставлению общих экономических сил противников, глубочайшего источника, из которого они могут черпать. По отношению к Советскому Союзу и Германии это сравнение особенно необходимо. Как бы ни велики были резервы, имеющиеся наготове перед этой войной, борьба будет такой ожесточенной, такой интенсивной, что даже кратчайшего периода окажется достаточно, чтобы вызвать острую нужду в возмещении всех этих материалов.

Современная «механическая» дивизия, которая тащит за собой 180—200 легких и тяжелых орудий, 450 танков, 2—3 тыс. автомобилей и мотоциклов, снаряжение и продовольствие для 20 тыс. человек, телефонное и радиооборудование, оборудование для наводки мостов и пр., напоминает некий гигантский организм, который надо непрерывно питать, поддерживать в порядке, перевозить и, наконец, посылать на линию огня. И весь этот материал нужно без заминки производить в тылу. Малейшая заминка в снабжении означает, что этот механический гигант остановится, и тогда его уничтожит такой же гигант неприятеля. Каждая такая дивизия предъявляет спрос на продовольствие, металл, нефть, взрывчатые вещества, перевозочные средства и на сырье, известное под названием денег, в количествах, на которые раньше могли существовать не только целые армии, но и целые нации. Так, на последних французских маневрах осенью 1935 г. французские дивизии потребляли 100 тыс. л горючего ежедневно!

Современная война, которая является в первую очередь войной массовой, во вторую очередь — войной механической, в смысле более глубоком, чем обе эти характеристики, является войной экономической, битвой между целыми отраслями промышленности, трестами и источниками сырых материалов, противостоящими друг другу, подобно армиям. Вот почему ка-

питалисты и фашисты называют эту войну «тоталитарной», давая тем самым понять, что на своей последней стадии, стадии отчаяния, умирающий капитализм вынужден превратить *решительно все*, все силы и материальные ресурсы, без исключения в массу средств разрушения, отравить все окружающее зародышами смерти. Вопрос заключается в том, какая из двух сил — фашистская или социалистическая — выдержат дольше? Кто располагает большими количествами металлов, нефти, хлеба, машин, двигателей, электричества и рабочей силы для этой войны, для механизированных дивизий — Германия или СССР?

В 1914 г. царская Россия также имела гораздо больше всевозможного сырья, чем Германия, но зато гораздо меньше машин, и вот почему в результате объем русской продукции был минимальным. Огромные производительные силы России в 1914—1917 гг. оставались в основном бесполезными. Они не участвовали в ведении войны.

Экономические ресурсы Германии и России в 1914 г.¹

	Германия	Россия
Миллионы тонн угля	208	36
» » железа	16,6	4,6
» » стали	17,6	4,9
Тысячи тонн меди	41,5	34,3
Миллионы тонн нефти	0,1	8,6
Километры железных дорог на 100 тыс. населения	90	41,5
Миллионы тонн торгового флота	5,4	0,97
» » хлеба	30	81
» голов скота	56	170

Данные этой таблицы предопределили гибель царской стратегии, экономический капитал страны не стал ее военным капиталом. Фронт остался обособленным от внутреннего производства и зависел в значительной мере от импорта, т. е. висел, так сказать, на ниточке, которую в любой момент могли перерезать неприятельские корабли или армии, что и в самом деле повторялось неоднократно. Нехватало стали для пушек, заводов для производства пулеметов и снарядов, нехватало даже железа для производства колючей проволоки. Большой

¹ В таблице приведены цифры производства этих двух стран перед началом мировой войны. Поскольку это оказалось возможным, приведены цифры 1913 г., последнего года мира, как показательного. В цифру производства угля Германией включена продукция бурого угля, переведенная в продукцию каменного угля. В поголовье скота включены лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи.

донецкий бассейн, находившийся в руках французских концессионеров, спал. Урал был небольшой промышленной областью. Кузбасс был тогда неизвестен. А в то же время Рур в Германии бурлил и с бешеной энергией выпускал продукцию. Богатейшая страна в мире проиграла войну из-за экономической нищеты. Ее хозяйственный баланс парализовал ее превосходство в живой силе.

А как обстоит дело сегодня, на девятнадцатом году существования советской власти, на девятом году социалистической реконструкции (считая с первого года первой пятилетки)?

Экономические ресурсы Германии и СССР в 1936 г.¹

	Германия	СССР
Миллионы тонн угля	174	135
» » железа	12,5	14,0
» » стали	16	16
Миллионы тонн нефти	0,4	30
Километры железных дорог на 100 тыс. населения	88,5	48
Миллиарды киловатт электроэнергии	31	32
Тысячи автомобилей	240	161,5
Миллионы рабочих и служащих	16,5	25,7

Таковы изменения, которые имели место в течение двадцати лет. За это время произошли социалистическая революция в России и фашистская контрреволюция в Германии.

Экономические ресурсы СССР по отношению к германским (в %)

(цифры германской продукции взяты за сто)

	1913 г.	1935/36 г.	
Тяжелая промышленность {	Железо	27,2	112
	Сталь	27,8	100
	Уголь	13,3	77,6
	Медь	82,6	200
Нефть	12 560	12 500	
Электроэнергия	?	103	
Хлеб	270	486	
Скот (число голов)	304	337	
Железные дороги (на километр)	17,7	21,0	
Рабочие и служащие (количество)	?	152	

¹ Таблица составлена по тому же принципу, что и первая. По возможности, использованы последние доступные цифры: для Советского Союза приведены официальные плановые цифры на 1936 г. (план 1935 г. был значительно перевыполнен), для Германии в большинстве случаев использованы последние данные за 1935 г. (Цифры народнохозяйственной продукции, приводимые в дальнейшем, представляют собой цифры плана 1936 г. — Прим. переводчика.)

Это означает следующее. По сравнению с Германией Советский Союз имеет сегодня:

в 125 раз больше нефти
в пять раз больше хлеба
в $3\frac{1}{3}$ раза больше скота
в два раза больше меди
столько же стали
несколько больше железа и электроэнергии,
притом в полтора раза большую численность рабочих
и служащих
и лишь не намного меньше угля.

Этот последний пункт, однако, нужно рассматривать, имея в виду, что в германскую цифру включена также продукция бурого угля; в то время как в цифре угледобычи СССР фигурирует только каменный уголь.

В противовес этому Германия владеет по сравнению с Советским Союзом в два раза более густой сетью железных дорог (по отношению к населению) и благодаря большей роли, которую играет для нее экспортная торговля, ее торговый флот больше торгового флота СССР в три раза.

Таков итог.

Соотношение сил «экономических армий» стало почти обратным. Верно, конечно, что население СССР в $2\frac{1}{2}$ раза больше населения Германии, этого не надо забывать, делая такое сопоставление. Но так как техническая продукция будет идти, главным образом, на нужды армий, сражающихся на фронтах, и так как в этой войне гражданское население также будет участвовать в борьбе, то значение этих цифр нельзя преуменьшать.

Основное значение этих цифр с точки зрения военной заключается в следующем: если в 1914 г. лицом к лицу стояли крупная индустриальная страна и крупная аграрная страна, то теперь друг перед другом стоят крупная индустриальная страна и *сверхиндустриальная страна*, ведь именно такой стала теперь «земледельческая Россия» в результате ее «американских» темпов развития. Эта сверх-страна имеет и сейчас крайне экстенсивное земледелие, но она имеет, кроме того, промышленность с годовой продукцией в 81,1 млрд. рублей и ее новые капиталовложения составляют половину этой суммы (32,4 млрд. рублей) в течение одного года (1936); через два-три года в этой стране будет, вероятно, 30 млн. рабочих и служащих (включая государственных служащих), что составляет почти половину населения Германии (68 млн.).

Наиболее важные последствия этого изменения следующие. Социалистическая армия может в конечном счете гораздо

лучше, чем фашистская армия, снабжать свои войска *металлом*. Правда, германская тяжелая промышленность выплавляет теперь примерно столько же железа и стали, что и промышленность СССР, но сырье, которое идет на выплавку, железная руда, импортируется Германией, примерно, на 90% из Швеции, Франции и других стран. Во время последней войны шведская железная руда спасла германскую тяжелую промышленность, а что будет в следующей войне? Советский Союз полностью обеспечен железной рудой. То же самое относится к никелю, меди, свинцу и многим другим металлам, необходимым при производстве вооружений. Долго ли удастся Германии продержаться в конечном счете с помощью алюминия, железного лома и различных субститутов, как это пытается сейчас делать Гитлер?

Социалистическая армия сможет снабжать свои моторизованные войска, танки и аэропланы *горючим* несравненно лучше, чем фашистская армия. Итак, вопрос о нефти остается одним из решающих вопросов в этой войне, подобно тому, как это было во время мировой войны. В то время как сегодня Германия производит всего лишь одну сотую советской добычи нефти и вынуждена покрывать через импорт почти половину своей потребности, Советский Союз не только смог повысить продукцию нефти с 1925 по 1936 г. с 7,5 до 30 млн. *т*, выдвинувшись на второе место в мире, после США, но открыл также добавочную «вторую нефтяную базу» — уральскую нефть. Эмбинский район на юге Урала содержит запасы в 1 млрд. *т* нефти, в то время как общие нефтяные ресурсы СССР оцениваются в 3 млрд. Эксплоатация новых источников уже началась. Кажется парадоксом, что царская Россия всегда считала себя «страной с органическим дефицитом в топливе», но это факт, и во время мировой войны Россию заставили это почувствовать.

«Будущее» советских танков и броневиков обеспечено. А каково будущее танков Германии, которой в 1916 г. пришлось специально оккупировать Румынию, дабы избежать катастрофы из-за недостатка нефти? Потребность Германии в топливе в военное время оценивается в 4 млн. *т* в год. Долго ли удастся Гитлеру, Герингу и Бломбергу продержаться с помощью нового синтетического топлива из угля, которое производят германский химический трест и рурские комбинаты?

Социалистическая армия безусловно сможет лучше *питать* своих бойцов, чем фашистская армия. Ныне сельское хозяйство СССР коллективизировано и механизировано. Хлеб для России производят уже не бесчисленные несчастные безграмотные полурабы, лишенные собственных средств производства, но могучие крупные централизованные ассоциации,

дающие возможность сельскому хозяйству работать по плану, как бы сближающие его с промышленностью. Почти 5 тыс. различных машинно-тракторных станций — технических центров крестьянских коллективов — направляют это развитие и организуют его, работая над тем, чтобы поднять СССР от уровня примитивно-восточной аграрной техники на уровень западноевропейской и американской производительности. Механизация советского сельского хозяйства доходит до 60%, против 4% в 1928 г. В СССР существует сейчас крупное сельскохозяйственное машиностроение, которое прежде, по мнению русских крестьян, было только в Германии. СССР имеет 289,7 тыс. тракторов, более 30 тыс. комбайнов и армию агрономов, вышедших из прежних крестьянских ребят.

Между тем Германии все еще приходится импортировать одну пятую своей потребности в продовольственных продуктах и тратить на это за границей 1¼ млрд. марок в год. Германия испытывает хронический дефицит в жирах; уже сегодня в городах нехватает масла, и население вынуждено потреблять как можно меньше чая, кофе, какао и других «семитских» или «монгольских» продуктов. Окажется ли Гитлер при войне любой длительности в состоянии удовлетворить народ всевозможными субститутами и «добровольной» голодной диетой, к которой призывает ныне Геринг? Для этого у него меньше времени и шансов, чем у Вильгельма II. То же самое можно сказать отчасти и о сырье для текстильной промышленности. (Германия только на 5—9% покрывает свою потребность в шерсти, на 10—19% в льне и менее чем на один процент в пеньке, джуте, хлопке и в некоторых других видах сырья.)

Согласно некоторым специальным статистическим данным из двадцати пяти естественных видов сырья, необходимых для военных целей, Германия испытывает нужду в девятнадцати видах этого сырья. Но что же: снова безжалостные реквизиции, снова «зажим» гражданского населения в пользу армии, сопровождаемый голодными бунтами женщин и рабочих в городах? Существует другой выход, — это систематическое накопление всех недостающих видов сырья в больших масштабах посредством импорта в мирное время. Гитлеровское правительство в течение трех лет только этим и занимается: германские склады ломаются от запасов в то время, как народ голодает.

Но для этого нужны деньги, деньги и снова деньги и это в конце концов благодаря непропорционально большому расходованию национальных ресурсов на импорт, который не идет на удовлетворение непосредственных потребностей, ведет к глубокому финансовому кризису. Господин Шахт — великий финансовый фокусник и германская марка — превосход-

ный канатоходец. Но если верно, что обнищавшая Германия сегодняшнего дня тратит в два раза больше денег на вооружения, чем богатая Германия 1913 г. (оценка докладчика иностранной комиссии бельгийского сената де-Дорлодо), и если прав Черчилль, оценивая германские расходы на вооружения в одном лишь 1935 г. в 800 млн. фунтов стерлингов (сумма, равная всему британскому бюджету!), то что же будет, когда начнется война и потребуются большие расходы?

Согласно подсчету польского генерала Сикорского, один бомбовоз стоит теперь столько же, сколько вооружение целой армии винтовками, а отряд в 12 танков — столько же, сколько нормальное снаряжение пехотной дивизии. Можно терроризировать народ, но нельзя таким образом добыть золото. Только золотом можно будет в военное время расплачиваться за покупки за границей; а много ли этого золота осталось в Германии уже сейчас? Каким образом будут подавляться массовые голодные бунты в тылу, когда СА уйдут на фронт? Придется ли одним СС сталкиваться лицом к лицу с отчаянием германского народа? Мы прервем здесь эту мысль, так как касаемся пока только вопроса о «стратегии материальных средств». Советскому Союзу, который имеет фактически все продукты в нужных ему количествах внутри страны (не хватало до последнего времени только машин для эксплуатации этих ресурсов), нечего бояться грядущих событий.

Однако еще в одной области Советский Союз имеет за собой превосходство над гитлеровской Германией. Это социалистический национальный доход, возросший благодаря плановому хозяйству, свободному от всех паразитических нарывов капиталистического государства. Он имеет вдобавок и быстро растущую золотопромышленность. Это еще один лишний шанс в пользу социалистической армии, которая не только лучше вооружит свои силы, лучше их прокормит и лучше снабдит их топливом и энергией, но также и финансировать их будет лучше, чем фашистская армия.

Только в отношении *транспорта* социалистическая армия явно уступает неприятельской. И обращаясь к этому важному вопросу, который пока еще не подвергнут анализу в ряду военных факторов вообще, мы переходим на высшую ступень в нашей проблеме — от статических сил стратегии к ее динамическому искусству.

ГЛАВА XI

ПОЧЕМУ НЕПРИСТУПНА МОСКВА?

Сравнение оперативной стратегии

Возникает следующий вопрос: если стратегия материальных средств устанавливает такое бесспорное безусловное превосходство Советского Союза, если теория «штурма Москвы голыми руками» с помощью грузовиков и бронемашин является без всякого сомнения с точки зрения современной военной истории величайшим вздором, то на что же в самом деле рассчитывает тогда германский генеральный штаб? Ведь это, в конце концов, люди с высшим военным образованием, у них есть превосходная контрразведка, даже если они и беззащитны перед слепой и безответственной силой, подталкивающей их сзади. Но нельзя предположить, что Гитлер и Геринг попросту с завязанными глазами идут навстречу своей собственной гибели. Нельзя также поверить тому, что они рассчитывают исключительно на свои политические спекуляции, деля надежду объединить весь мир для похода против СССР. Они понимают, хотя и недостаточно отчетливо, что война разразится, может быть, в совсем иных политических условиях; что Германии снова, как и в 1914—1918 гг., придется вынести на себе главное бремя всего наступления, несмотря на всех своих потенциальных «союзников». Стратегия материальных средств, казалось бы, не оставляет им никаких шансов на успех. Но эта стратегия еще не вполне решает. До известной степени и при известных обстоятельствах ей может быть противопоставлена оперативная стратегия — абсолютному соотношению определенных сил может быть противопоставлен перевес в специфическом искусстве движения.

Конечно, оперативная стратегия имеет дело с материальными силами — людьми, военными машинами и продуктами промышленности и сельского хозяйства. Но она подчиняет все это влиянию двух других элементов: позиции и движения. Поскольку оперативная стратегия особым образом распреде-

ляет и организует материальные силы, размещает их на наиболее выгодных позициях, она может в результате до известной степени изменять их значение и вес — часто настолько, что этого оказывается достаточным для победы более слабых сил над более мощными.

Но это возможно лишь при одном условии: если при этом оперативная стратегия будет иметь свободу действия, свободу для движения материальных сил.

В новейший капиталистический период, однако, как это хорошо известно, стратегия материальных средств настолько гипертрофирована, что она в буквальном смысле слова преградила путь оперативной стратегии. Она просто лишила последнюю пространства: там, где при иных обстоятельствах было бы место для свободных оперативных передвижений, механизированные средства войны и укрепления, огонь и сталь образовали плотную непроницаемую массу и создали «герметическую» позицию; это был абсолютный триумф стратегии материальных средств и конец оперативной стратегии, которая умерла от удушения. О конце этой стратегии свидетельствовала мировая война 1914—1918 гг., во время которой миллионные армии воюющих сторон годами стояли друг перед другом в пределах все тех же десятков километров, взаимно уничтожали друг друга, но на деле не продвигались ни на шаг вперед. За восемнадцать лет, истекших с тех пор, позиции еще более окостенели благодаря непрерывному росту и интенсификации массы материальных средств.

Количество пулеметов в шести крупнейших капиталистических странах (Англия, США, Япония, Франция, Германия, Италия) выросло к 1934 г. по сравнению с 1914 г. с 8 тыс. до 91 тыс.; количество орудий с 13 тыс. до 16 тыс.; количество аэропланов с 800 до 20 тыс.; количество танков от 0 до 10 тыс.; но подлинное грандиозное перевооружение мира началось в 1935 г. Во время мировой войны двух пулеметов было зачастую достаточно для обороны, чтобы парализовать атаку тысячи человек. И в то время как старая, применявшаяся в пехоте, винтовка (германская модель 98) могла делать до 18 выстрелов в минуту, старый пулемет в 1918 г. — 250 выстрелов в минуту, современные пулеметы делают 600 (германская модель LMG 08/18), а лучшие из них 1 тыс. и 2 тыс. выстрелов в минуту. Соединяя пулеметы по два и по четыре вместе один пулеметчик может сделать 4 тыс. выстрелов в минуту. Это абсолютная «герметическая» смерть, конец прямой атаки. После этого не такую уже большую роль играет то, что артиллерия также увеличила дальность полета снарядов (с 1918 по 1933 г.) с 9 км до 14 км, дальность

бойная артиллерия с 23 до 52 км, а специальные виды артиллерии со 120 до нескольких сот километров (реактивные снаряды)¹.

Одно время военные думали, что они нашли, наконец, орудие, которое сможет двигаться несмотря на этот абсолютный огонь, т. е. иными словами сможет действовать: таким орудием считали танк. Масса танков при поддержке аэропланов в воздухе предназначалась для стремительного натиска, «в темпе галлопа» прежней кавалерии, на укрепленную линию и для прорыва сквозь нее; фашистский британский генерал Фуллер уже изобрел теорию новой танковой войны почти без людей. Его сторонник, австрийский генерал фон-Эймансбергер, считал при этом необходимым иметь 2 тыс. танков на каждые 30 км фронта.

В настоящее время танки и в самом деле могут двигаться со скоростью 35—40 км в час (по сравнению с 3—4 км во время мировой войны), а новейшие модели развивают скорость от 70 до 120 км в час. Они могут преодолевать окопы в 4 м ширины, они неуязвимы для снарядов калибром до 2 см, проламывают стены, толщиной в 40 см; во всяком случае танки превращают обороняющуюся человеческую массу в кровавую кашу. Если пулемет парализовал пехоту, то танк, в свою очередь, парализовал пулемет.

Но здесь снова вступает в силу неумолимый закон капиталистической войны, гласящий о том, что каждое средство разрушения сводится на-нет новым еще более сильным средством разрушения. Танки—эти быстроходные механические чудовища—уже не являются больше непобедимыми и поэтому, даже они не свободны более при оперативном движении. Сначала появились минные заграждения, ямы, препятствия из бревен, которые до известной степени преградили путь танку. Затем появилось мощное современное противотанковое орудие, которое пробивает броню танка (толщиной до 5 мм); для отражения танковой атаки требуется, примерно, одно такое орудие на три танка. А теперь уже и пехотинец получает противотанковую винтовку, действующую по крайней мере против легких и средних танков, которая позволит ему во всяком случае беспокоить танк, если не вывести его из строя. Целые районы могут быть в наши дни превращены в «запретительные противотанковые зоны», в которых будет комбинироваться действие мин, ловушек и противотанковых орудий.

Однако танк еще не мертв и в будущей войне он тем или иным путем сыграет доминирующую роль на земле вместе с аэропланом в воздухе. Но мертва идея танковой войны, пы-

¹ «Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung». 1935, № 53.

тавшаяся возродить к жизни новую лишенную своих пут «кавалерийскую войну», спасти и гальванизовать старую стратегию неограниченного движения; мертва идея танка как главного носителя оперативного искусства войны. В нормальных условиях позиционной войны это искусство остается попрежнему и останется в значительной мере ущербленным.

Это в особенности более чем где-либо имеет силу по отношению к такому противнику, как Советский Союз. Все что предопределяет невозможность свободных наступательных движений в современных условиях, приложимо с несравненно большими основаниями к фронту против Советского Союза, все это как бы множится на размеры его территории; ведь Советский Союз не только обладает любым современным техническим оружием, он владеет также позиций такой глубины, что при нормальных условиях проникновение в нее является чистой химерой. Иногда даже в современной механизированной войне оказывается возможным обеспечить на короткое время прорыв вражеского фронта: ценой чрезвычайной концентрации, страшной потери сил и всеобщего риска на других участках фронта.

Людендорф проделывал это во время последней мировой войны три раза. Ему понадобилось для этого 192 дивизии — количество, в четыре раза превышающее нынешнюю германскую армию. Посредством этих 192 дивизий и благодаря всей той поддержке, которую все еще оказывала ему страна в 70 млн. человек, стоявшая за ним, он прорвал в первый раз укрепленную линию союзников в марте 1918 г. между Ла Фер и Круазиль, одним ударом уничтожив британскую пятую армию; в результате он пробил в неприятельском фронте брешь шириной около 40 км. Эта брешь оказалась как раз достаточной для того, чтобы французские резервы сумели при последующих контратаках зажать в тиски прорвавшиеся германские дивизии и восстановить свои прежние позиции. В мае Людендорф снова прорвался, близ Реймса, и на этот раз он имел в течение одного дня «свободное» пространство в 65 км: промежутка времени до вечера оказалось достаточным для того, чтобы дать возможность получившим подкрепления французским силам нанести контрудар. 15 июня 1918 г. Людендорф, в отчаянии, решился на свою последнюю попытку. Он рисковал судьбой Германии, поставив ее в зависимость от одного удара, пожертвовал целыми дивизиями германских солдат и пробил в стальной стене Фоша и Хейга брешь шириной в 88 км. Он обнаружил за ней новые укрепления, новые резервы, и тогда германская армия была поставлена на колени.

Людендорф, несмотря на крайнюю концентрацию сил и величайшее тактическое искусство, не смог удержаться после

своих прорывов более чем на несколько дней или часов, чтобы «пробежать» короткое расстояние до Парижа.

А теперь армия Гитлера и Бломберга собирается именно таким образом прорваться к *Москве*.

Эта армия в численном отношении стоит ниже, а в техническом отношении не выше неприятельской; этой армии пришлось бы наступать под непрестанной бомбардировкой с аэропланов, имеющих в поле зрения длинные моторизованные колонны, растянувшиеся на 20—30 км; колонны смогут поэтому двигаться только ночью; ко всему этому армии придется волочить за собой днем и ночью поистине чудовищный «хвост», состоящий из грузовиков, запасов снаряжения, цистерн с нефтью; склады этих «машинных дивизий», без которых такая дивизия не может жить и не может сражаться, точно так же будут подвергаться постоянной опасности воздушного нападения; может ли подобная армия прорваться к *Москве*, перескочив через многочисленные линии обороны Советского Союза?

Это невозможно.

Полководец, который по такому плану и при такой перспективе поведет сражаться свои войска, будет больше, чем безумцем, он будет предателем.

Будем считать, что армия германского наступления против Советского Союза составит всего 150 дивизий. Тогда эта армия, при современном вооружении германской дивизии, должна была бы взять с собой, примерно, следующие орудия и боеприпасы:

60 тыс. пулеметов.

30 тыс. легких и тяжелых орудий.

5 тыс. тяжелых и много тысяч легких танков.

400 тыс. автомобилей.

300 млн. артиллерийских снарядов.

15 млрд. патронов (для винтовок и пулеметов).

Огромные количества горючего и других материалов.

(Во время своего наступления на Париж в марте 1918 г. германская армия имела с собой 10 тыс. орудий и 15 тыс. пулеметов.)

И все это должно ринуться на *Москву*!

Да, современный моторизованный полк движется в десять раз быстрее, чем прежний (когда он не встречает противника); но его походная колонна растягивается уже не на 1 км, как колонна прежнего полка, а на 15—20 км. Обоз дивизии, прежде тянувшийся на 10 км, вытянется теперь на сотню километров. А каков же должен быть обоз армии, о которой шла речь

выше? Должен ли этот обоз также принять участие в галопе по СССР, — разве нет в СССР аэропланов?

Это — детские вопросы. Теоретически при известных обстоятельствах германская армия, после огромного и крайне рискованного усилия, может в том или ином месте прорвать советский фронт (мы не говорим здесь об обратной возможности), но это возможно только с ограниченными по времени и по пространству результатами. Расстояние Москвы от границы обеспечивает ее безопасность по меньшей мере на годы. А Гитлеру не удастся продержаться годы, вряд ли ему удастся продержаться и месяцы. Это означает, что нормальная оперативная стратегия сулит фашистской армии в ее войне против социалистической армии так же мало, как и стратегия материальных средств.

Есть ли у нее еще какие-нибудь шансы? Да, есть еще один шанс, но это последний.

Удушение оперативной стратегии стратегией материальных средств привело некоторых полководцев капитализма к новой феноменальной концепции: к *стратегии неожиданности*. Эта стратегия исходит из того факта, что в то время как война уже идет полным ходом, нельзя более проводить оперативные действия, нельзя вести войну движения; что к тому времени все шансы на быструю победу будут потеряны, и притом безнадежно. Но эта сверх-современная, сверх-хитроумная концепция выдвигает один последний шанс. Что если начать действовать *прежде*, чем это сделают другие? Что если использовать пространство, пока оно еще свободно, до окончательной мобилизации и развертывания сил противника и добиться решающего исхода в течение этого короткого, быстро проходящего периода?

Эта стратегия предполагает просто выиграть у неприятеля время. Свободная территория должна быть занята внезапно, прежде чем военные машины и резервы неприятеля будут доставлены на позиции; неприятель должен быть нокаутирован в материальном и оперативном отношении прежде, чем ударит гонг. Итак, эта стратегия, направленная на то, чтобы «перехитрить» противника, переносит весь исход войны на ее *старт*, фактически на первые несколько дней и едва ли даже недель. В течение этих первых нескольких дней «предварительно специально подготовленная и особо подвижная «ударная армия» должна наброситься «во мгновение ока» на ничего не подозревающего врага, расстроить его мобилизацию и поразить

его жизненные нервы. Тогда двинется остальная часть массовой армии для выполнения уже легких задач.

Военным родоначальником этой стратегии неожиданности является генерал Сект, который до последнего времени осуществлял наблюдение в гитлеровском военном министерстве за «формированием кадров», т. е. занимался как раз подготовкой ударной армии, в особенности новых сверхподвижных бронетрядов. Определение, данное Сектом этой армии, мы уже не раз цитировали. «Удар — неожиданный, молниеносный, оглушительный, нанесенный в первые же часы войны и использующий каждую унцию силы для того, чтобы внести хаос и смятение в ряды врага, *в период до того, как он начнет свою мобилизацию*; подобное урагану оглушительное вторжение армии... проникающей глубоко, в самое сердце развернутых войск (противника), сеющей одновременно и неизбежно панический ужас среди населения вражеской страны» (курсив наш. — *Автор*).

Но эта мечта Секта, бывшего начальника штаба генерала Макензена, стала теперь новой официально признанной доктриной германского милитаризма. Этой идее посвящена новая книга Людендорфа о тоталитарной войне; в этой книге он пишет, что война должна начаться молниеносным ударом, и что только в этом случае можно рассчитывать на победу. Начальник военной школы в Мюнхене, лейтенант-полковник Зиберт, заявил на лекции, часть которой была опубликована во французской и английской прессе: «Будут делаться попытки поразить врага в самое сердце; это означает, что все усилия будут сконцентрированы на продвижении в неприятельскую страну прежде, чем неприятель сумеет привести весь огромный механизм обороны... в движение». А маршал Петен, бывший победитель Германии, определяет новую стратегическую идею своих противников следующим образом: «В настоящий момент можно представить себе войну, начавшуюся неожиданно и применяющую методы, которые должны уничтожить первые дивизии неприятельских военных сил и разрушить жизненные центры его мощи»¹. Это все одна и та же идея: сведение оперативной стратегии к неожиданному сокрушению противника в короткий промежуток времени до полного развертывания его сил.

Политическими родоначальниками этой идеи являются Геринг и фашизм вообще, который, как известно, обязан именно этому роду стратегии при захвате власти в Германии в 1933 г. (поджог рейхстага). Здесь явно сказалось влияние всего склада фашистского политического мышления и методов борьбы фа-

¹ Статья в «Revue des Deux Mondes» от 1 марта 1935 г.

шизма, который всегда нападает на противника врасплох и нечестно, так же как и влияние «принципов» фашистских офицеров воздушного флота.

Ответ на вопрос: возможна ли такая стратегия для Германии по отношению к Советскому Союзу, явно сводится к вопросу: кто из них «более мобилен», *какая из двух армий скорее окажется на фронте.*

Здесь мы подходим к самому сердцу германского оперативного плана против СССР, к самому сокровенному из всех расчетов Гитлера.

Сопоставление материальных средств фашистской и социалистической армии, которое решительно складывается в пользу последней, выяснило два пункта, два пробела, противоречащих этой общей тенденции и как раз поэтому бросающихся в глаза: *это железнодорожный транспорт и военно-морской флот.* В обоих случаях заметное и даже значительное превосходство оказывалось на стороне Германии, которая имеет гораздо большее протяжение железнодорожной сети (по отношению к населению), гораздо больше паровозов и подвижного состава и гораздо больше военных кораблей. Это означает, повидимому, что германская армия может *двигаться* быстрее, чем советская армия; что она значительно более мобильна. Она может быстрее мобилизовать своих новобранцев, быстрее отправить их на фронт (вместе с механизированными средствами войны), быстрее перегруппироваться; она может, следовательно, быстрее наступать и легче «застать врасплох». Превосходство в живой силе, экономическое и оперативное превосходство (глубина позиции) советской армии существуют, но могут сказаться слишком поздно.

Ведь как раз слабость транспорта, который был «наследственной язвой» старой царской армии, была, пожалуй, даже более опасной, чем слабость промышленности и техники. Царская армия всегда отличалась недостатком подвижности, это был колосс, двигавшийся, как улитка. Известно, что мобилизация и развертывание русской армии в 1914 г. требовали не меньше месяца, а частично даже два месяца. На 30-й день после мобилизации все дивизии из Европейской России достигли пограничных пунктов, где происходило развертывание сил на западе, на 40-й день туда прибыли дивизии с Кавказа, а на 60-й день туда добрались, наконец, дивизии с Дальнего Востока! Между тем германским войскам для развертывания своих сил на русской границе понадобился срок от 13 до 15 дней. Тогда еще не существовало стратегии «молниеносной атаки» в течение первых нескольких часов, и притом главные силы Германии были заняты на западе борьбой с Францией. При всех этих обстоятельствах про-

изошла, если не катастрофа, так полукатастрофа. Русская армия начала хорошо известное наступление на Восточную Пруссию *прежде*, чем закончила развертывание своих сил. А генерал Гофман или, по мнению некоторых, Людендорф, естественно взял половину этих войск в плен при Танненберге. Как это оказалось возможным?

При густоте железнодорожной сети в 41,5 км на 100 тыс. жителей (против 90 км Германии и 103 км во Франции) среди всех этих безграничных расстояний русская мобилизация выглядела довольно странно. Сначала мобилизованные крестьяне должны были добираться до сборных пунктов в городах. А для этого призывникам, например в Сибири, приходилось совершать двух- или трехдневное путешествие в телеге, чтобы из своих деревень добраться до ближайшей железнодорожной станции. После их прибытия на местный мобилизационный пункт 7—8 дней проходило, прежде чем их грузили в товарные вагоны для отправки на фронт; во Франции каждый мобилизованный должен был, как правило, явиться на местный пункт вечером первого же дня. Затем, однако, для русских солдат, расположившихся в товарных вагонах, начинались новые трудности. Так как по всей обширной России только 13 железнодорожных линий, имеющих всего 21 колею, вели с востока на запад по направлению к фронту (неприятель располагал 32 линиями и 43 колеями), и так как работа всех этих линий шла более или менее скверно, то проходили еще 3 недели до тех пор, пока солдаты попадали на фронт. Между тем война продолжалась.

За год до войны русский военный министр Сухомлинов писал 24 апреля 1913 г. русскому министру финансов, что при мобилизации ему придется отправить на западную границу 4 тыс. отдельных поездов, а существующие железнодорожные линии могут пропустить 223 поезда в день; следовательно, ему придется потратить на это дело от 18 до 20 дней. Этот человек оказался большим оптимистом. Дивизии с Кавказа прибыли только через 6 недель, потому что оттуда вела только одна железнодорожная линия. Сибирские дивизии потеряли два месяца, так как в Сибири было проложено фактически только полпути — однопутная железная дорога. Затем, однако, когда армии посчастливилось попасть на фронт, начались следующие зловключения: задержка снабжения боеприпасами и трудности переброски войск (по вертикальным железным дорогам, идущим на юг и на север). Это продолжалось в течение всей войны. Тем временем уже в 1914 г. немцы перебросили свои дивизии из Франции в Восточную Пруссию в течение 6—7 дней, а позже они передвинули целую армию с одного фронта на другой за 10—15 дней. Германские железные дороги

нанесли русским железным дорогам сокрушительный удар так же, как германская артиллерия — русским батареям.

В этом заключается объяснение того поразительного и исторического факта, что 175-миллионный народ был побит как толпа детей страной, насчитывающей 70 млн. населения, хотя последняя, главным образом, воевала почти целиком в другом месте. Этим объясняется также и то, почему Россия с населением, в два с половиной раза превышающим германское, послала на поля сражения 152 дивизии, а Германия — 241. Куда исчезли остальные русские силы? Они имелись налицо, но не было возможности ни экипировать их, ни перевезти. Так случилось, что огромная потенциальная мощь России до сих пор еще *никогда в истории не находила своего полного военного выражения*. Она оставалась призрачной.

Является ли она призрачной еще и сегодня?

Мы видели, что в отношении технических средств войны это уже более не соответствует действительности. Мы видели, однако, что норма примерно в 48 км железнодорожных путей на каждые 100 тыс. населения СССР за последние годы и общее расположение русской железнодорожной сети до 1934/35 г. все еще свидетельствует о наличии этого слабого пункта советской позиции, этой ахиллесовой пяты социалистической армии.

Вот здесь-то и должен показать себя германский «тайный» план. Он имеет две точки опоры: относительную слабость советского военно-морского флота, что должно сделать возможной «ударную атаку» германской балтийской эскадры на ленинградскую позицию, и слабость железных дорог, что должно помешать советским дивизиям во-время развернуться для того, чтобы отразить атаку германской «молниеносной армии». На этот раз, в отличие от 1914 г., у русской армии не будет времени, каждая минута промедления используется врагом против нее. Более того, гитлеровские стратеги считают, что советская армия никак не сможет послать на поля сражений свыше 200 дивизий (вместо потенциальных 400), потому что двадцать железных дорог, которые за последние несколько лет вели к западной границе Советского Союза и которые, по их мнению, могут пропускать только 300 пар поездов (туда и обратно) в сутки, будут недостаточны для того, чтобы постоянно снабжать большее количество дивизий боеприпасами, продовольствием и т. д. Следовательно, расчет правилен. Следовательно, «стратегия неожиданности» против большевизма возможна. Маленькие, едва заметные пробы в большом списке материальных средств Советского Союза — слабость железных дорог и слабость флота в Финском заливе — погубят советскую армию; предотвратят развертывание ее гигантских сил; сде-

лают возможным германское «молниеносное наступление». То, что казалось недостижимой утопической фантазией, получает, как будто бы, в конце концов осязаемую форму.

А вот выдержка из «Manchester Guardian» от 4 июля 1935 г.:

«От времени до времени национал-социалистская диктатура выпускает директивы инструктивно-пропагандистского характера для руководителей местных организаций... Недавняя серия таких инструкций посвящена ожидаемой войне и дает детальный ответ на вопрос: «Почему Германия выиграет войну, если она будет сражаться на два фронта? Ответ заключается в следующем:

Пункт 1. Британия не присоединится к антигерманской стороне...

Пункт 2. Красная армия находится в совершенно отчаянном состоянии. Во всяком случае Советский Союз не может вести победоносную войну на западе, так как его западная сеть железных дорог находится в очень плохом состоянии».

Отметим эти два пункта и их последовательность! Что, по мнению Гитлера, должно ему помочь выиграть будущую войну? Два обстоятельства: Британия и советские железные дороги.

Не подлежит сомнению, что эта концепция стала основной идеей всей германской современной стратегии. Потому что вся эта стратегия зависит от этих пунктов, вся на них основана. План неожиданного разгрома Советского Союза, основанный на относительной слабости советского транспорта, на применении военно-морской и воздушной атаки и с учетом позиции Британии, только это нужно всерьез принимать во внимание из всех гофмановских, гитлеровских и геринговских иллюзий о «сокрушении большевизма»; все остальное — блеф.

Это кажется настолько серьезным, что даже люди вроде польского генерала Сикорского, не являющегося другом Гитлера в области международной политики, и французского депутата-радикала и докладчика палате Аршимбо, который в области международной политики является другом Советского Союза, недавно поддались этому заблуждению и публично высказали те же идеи¹.

Не заблуждение ли это? Безусловно, это по меньшей мере заблуждение.

¹ Сикорский заявил, что СССР не может стать хорошим союзником для Франции, так как его мобилизация будет тяжеловесной и медленной. Аршимбо в своем докладе палате в декабре 1935 г. подчеркнул мощь Красной армии, но повторил также, что условия транспорта заставят ее предпринимать только простые и краткосрочные операции, и что, следовательно, Франция должна ожидать помощи, главным образом, с воздуха.

Мы не подчеркиваем того факта, что если германская «молниеносная армия» предпримет свою «неожиданную атаку», то ей придется заранее покрыть все *расстояние* от Восточной Пруссии до ближайшей советской границы, и что в это время советский воздушный флот во всяком случае не отправится в экспедицию на Северный полюс. Проблема «Балтийского транзитного марша» уже рассматривалась.

Мы не подчеркиваем того факта, что ныне это расстояние стало безусловно гораздо больше для Германии, в то время как для Советского Союза внутреннее расстояние до линии фронта для развертывания сил стало, напротив, гораздо меньше. Так как граница Советского Союза лежит теперь на несколько сот километров дальше к востоку, чем граница царской России в 1914 г., то советским дивизиям для того, чтобы достичь западного фронта, потребуется, даже исходя из старой нормы, на семь—десять дней меньше, чем дивизиям царской армии.

Мы не подчеркиваем того факта, что *советский военный флот* растет сейчас с поразительной быстротой (с 1931 до 1935 г. число подводных лодок выросло на 535%, судов береговой охраны — на 1100%, торпедных катеров на 470%)¹ и что, хотя он не собирается соперничать с Германией в области больших линейных кораблей, усилия и энергия его сконцентрированы на двух других орудиях: подводной лодке и гидроплане.

Максимальное развитие и совершенствование этих орудий делают почти невероятным военно-морское наступление со стороны любого противника. Это относится и к маленьким современным торпедным катерам, обладающим исключительной скоростью. Проблема «нападения с моря на Кронштадт и Ленинград», какой бы внушительной она ни казалась, весьма и весьма сложна, она включает в себе совсем неожиданные сюрпризы для германских адмиралов и заслуживает пристального изучения. Но мы не хотим подчеркивать и этого.

Мы не подчеркиваем даже того факта, что советская граница покрыта сейчас *укреплениями*, о подлинной мощи и силе сопротивления которых придется, может быть, судить гитлеровским генералам, если дело до того дойдет. Им придется, во всяком случае, удостовериться, что Ленинград, например, окружен теперь такими укреплениями, которые быстро заставят наступающего прийти в весьма мрачное настроение, и что

¹ См. речь М. Н. Тухачевского на VII съезде советов СССР.—
Прим. переводчика.

план «оккупации Ленинграда» все же сильно напоминает воздушный замок (мы не говорим, что этот план просто чепуха).

Мы не подчеркиваем этих моментов, хотя их наличия достаточно, чтобы заставить сильно поколебаться почву под ногами Гитлера. Вместо этого, мы очень коротко и в общих чертах скажем о трех других условиях: о современном состоянии *мобильности* советской армии; об уровне ее *моторизации*, и, наконец, о новых советских *железных дорогах*.

1. Известно, что советская армия имеет постоянную мобильную эффективную силу в 1 300 тыс. чел. Однако до января 1936 г., а именно до речи Тухачевского на съезде советов, не было известно, что к этому периоду мобильность армии значительно увеличилась. В то время как прежде три четверти (74%) всех частей относились к так называемому территориальному типу, т. е. к сравнительно меньшей перманентно эффективной силе, и только четверть армии состояла из кадровых частей с более многочисленным составом мирного времени, — сейчас соотношение изменилось: стрелковые соединения армии состоят теперь на 77% из кадровых и на 23% из территориальных частей¹. Это говорит о многом, особенно по отношению к любой «стратегии неожиданности», откуда бы она ни исходила. Недавнее понижение призывного возраста в СССР до девятнадцати лет усилит действие этого фактора. Полтора миллиона полностью экипированных красноармейцев, еще до мобилизации расположенных близ границ или как раз в наиболее важных железнодорожных пунктах — это армия, которую не так легко «застать врасплох» и которая, наоборот, может при известных обстоятельствах застать врасплох атакующего.

2. Советская армия теперь как никогда независима от железных дорог, по той простой причине, что она представляет собой одну из лучших по моторизации армий мира. Это анахронизм в наше время — ставить все в зависимость от паровозов и товарных вагонов, в то время как пехота, посаженная на грузовики, может передвигаться со скоростью до 100 км в час; прежняя кавалерия никогда не могла развивать такой скорости. Для того чтобы перевезти одну пехотную дивизию, требуется (цифры из германских источников) 650 автомобилей, 6 700 грузовиков и 1 200 мотоциклов, а во время последних французских маневров генерал Гитри перебросил целую дивизию на расстояние в 100 км в течение восьми часов. Сам Гитлер собрал однажды в Берлин во время партийного сбора 200 тыс. национал-социалистов со всей Германии в те-

¹ См. М. Н. Тухачевский, Задачи обороны СССР, Партиздат, 1936 г., стр. 10. — Прим. переводчика.

чение семнадцати часов с помощью 20 тыс. автомашин и мотоциклов; специалисты считают, что хорошо организованная система автотранспорта позволяет армии отходить на 150—200 км в сторону от железной дороги; мероприятие до сих пор едва ли мыслимо.

Советская армия непрерывно продолжает дальнейшую моторизацию; дороги в СССР улучшаются, а ресурсы горючего безграничны. Автомобильное производство СССР возросло с 1702 автомобилей в 1929 г. до 100 тыс. в 1935 г. и до 162 тыс. по плану 1936 г., а после пуска автозаводов в Ярославле, Куйбышеве, Сталинграде и в Сибири продукция автомобилей дойдет до 630 тыс. в год, что будет самой большой цифрой в Европе. Две большие автомагистрали — каждая от 12 до 16 м ширины — Москва — Минск (700 км) и Москва — Киев (870 км) — свяжут вскоре кратчайшим путем столицу с окраиной. Автотранспорт уже частично ликвидировал позорное наследство царизма.

3. Частично это наследство ликвидировали и сами советские железные дороги. Долгое время они были слабым местом в организме социалистического государства; этого нельзя отрицать и никто этого не отрицает. Однако с тех пор, как в 1935 г. была намечена грандиозная радикальная железнодорожная реформа и советское правительство бросило на этот участок свои лучшие силы во главе с великолепным организатором Кагановичем, ближайшим сотрудником Сталина, дело пошло совсем по-иному.

Впервые годовой план транспорта был значительно перевыполнен, грузооборот возрос до 390 млн. *т* и достигнет в 1936 г. 457 млн. *т*¹ по сравнению с 268 млн. *т* в 1932 г., 156 млн. *т* в 1928 г. и 132 млн. *т* в 1913 г. Здесь снова был показан этот фантастический «социалистический темп», который так поражает инженеров и предпринимателей капиталистических стран — ведь они меньше всего ожидали от СССР таких темпов в области транспорта. В 1936 г. протяжение железнодорожной сети СССР достигнет 85 тыс. км, по сравнению с 78 тыс. км в 1928 г. и 58 тыс. км до мировой войны; подвижной состав вырастет вскоре до 800 тыс. вагонов по сравнению с 139 тыс. при царе. Старые линии модернизируются, однокольки превращены в двухколейные пути, и железные дороги в некоторых местах электрифицированы; число коммуникационных путей, в частности с востока на запад, значительно увеличено, их эффективность повышена. Неутомимый комиссар Каганович носится по стране, ускоряя работы

¹ За 1936 г. погружено 484,2 млн. *т* — 105,9% годового плана («Известия ЦИК» 3 января 1936 г.). — *Прим. переводчика.*

по строительству. Молодой социалистический транспорт встает на ноги.

Реорганизация только началась; действительная социалистическая норма будет достигнута лишь через несколько лет.

Но уже теперь советская железнодорожная сеть нисколько не похожа на ту, какой она представлялась германскому генеральному штабу еще в 1934 и даже в 1935 г.: — «брешью» для удара по Советскому Союзу. Время для этого упущено, и Гитлер придет слишком поздно; его шансы тают и уменьшаются с каждым днем. Фашисты не могут представить себе, что успехи социалистов могут расти так быстро. Это был их последний реальный шанс в сухопутной войне с Советским Союзом. Нельзя игнорировать того, что, осознав это все увеличивающееся опоздание, так же как и угрожающее финансовое положение в связи с продолжающимися вооружениями и растущее социальное недовольство внутри страны, Гитлер в известный момент придет к отчаянному решению: «дать старт, не дожидаясь более». На востоке готовы оказать ему должный прием.

Может ли Германия, с точки зрения материальных средств и оперативных возможностей, выиграть войну на суше против Советского Союза? *Никогда!* Идея победоносного «шлиффеновского удара» против Москвы, идея «Канн на востоке» — это химера. Гитлер никогда не увидит Москвы, разве только как пленник. А ведь во всей нашей работе мы ни разу не упомянули о возможности оборонительного наступления советских сил против фашистской Германии, о возможности контрнаступления социалистической армии!

ГЛАВА XII

ВАТЕРДОО ГИТЛЕРА

Воздушная война между фашистами и социалистами и социальная стратегия

Что будет в это время происходить в воздухе? Нет никакого сомнения, что война наверху, вспыхнув сразу же в первые несколько часов, будет такой же ожесточенной, как и война внизу. Может ли война в воздухе изменить исход борьбы?

И как раз здесь вопрос: «может ли Германия выиграть войну с Советским Союзом?», бесспорно превращается в вопрос: «может ли Советский Союз выиграть войну с Германией?».

Нужно прежде всего принять во внимание следующее. Если Гитлер и Бломберг не смогут, следуя рецептам Секта и сверхсовременной стратегии, разгромить социалистическую армию с помощью «молниеносного удара» на земле, то может быть Герингу удастся нанести такой молниеносный удар в воздухе? Такова и в самом деле задача современной воздушной стратегии. Если самолеты Геринга за несколько часов до объявления войны поднимутся с германских и «союзных» аэродромов, за одну ночь перелетят через советскую границу и стремительно обрушатся на советские вокзалы, казармы, склады, заводы и правительственные здания, то смогут ли они *помешать советской мобилизации*? В этом случае удалось бы достигнуть цели в «другом измерении».

В теории это возможно. На практике это вопрос о соотношении сил в воздухе, соотношении сил между воздушными армиями, вопрос о методах воздушной стратегии и воздушной тактики фашистов и социалистов.

Вне сомнения гитлеровская воздушная армия сейчас беспрерывно увеличивается, причем в размерах, вряд ли до сих пор виданных. Реальной возможностью является то, что она, сохранив такой *темп*, может стать не только третьей, но и второй (заняв место Франции) по силе воздушной армией

в Европе. Если количество германских военных аэропланов в начале 1936 г. по осторожной оценке составляло 1 200 аэропланов первой линии и около 1 тыс. резервных самолетов, а месячная продукция с мая оценивается в 250 самолетов первой линии¹, то в 1937 г. германская воздушная армия будет насчитывать приблизительно 4 тыс. самолетов первой линии (из которых, согласно новейшей информации французского генерального штаба, больше половины — тяжелые бомбовозы) и по крайней мере 3 тыс. самолетов в резерве. Итого 7 тыс. самолетов.

Это в пять-шесть раз превышает размеры британских воздушных сил в начале 1936 г. и значительно превосходит также и численность французской авиации в тот же период. Франция увеличила с тех пор свои вооружения. Но так как германская авиационная промышленность, включающая девятнадцать огромных заводов, значительно превосходит французскую, так как Геринг совершенно открыто и почти официально провозгласил стандарт двух держав (это означает, что общая мощь двух бывших самыми сильными воздушных флотов в Европе является минимальным стандартом для германских вооружений), то очень может быть, что германский воздушный флот через некоторое время догонит и, возможно, уже обогнал Францию независимо от того, осуществится ли «Западное воздушное Локарно», или нет. Фашистская воздушная армия может стать второй по силе в мире. Но сильнейшей в мире является воздушная армия социализма.

По свидетельству почти всех международных экспертов², советская авиация уже сейчас бесспорно занимает первое место в мире. Смехотворная «воздушная армия», состоявшая в 1920 г., в конце гражданской войны с белыми, из 300 весьма своеобразных машин, подниматься на которых осмелились бы немногие из западноевропейских пилотов, стала могучей и великолепной силой; ее самолеты затмили Юнкерса, Фоккера, Блерио и Дорнье. Число советских военных самолетов выросло с 1931 г. до начала 1935 г. на 330%, а их скорость увеличилась в полтора-два раза. К концу 1936 г. боевая численность советских воздушных сил превосходит численность 1931/32 г. больше чем в четыре раза³. Сеть воздушных линий гражданской авиации, составлявшая в 1923 г. ровно 4000 км и обслу-

¹ См. «Manchester Guardian» от 1 июля 1936 г.

² См. заявления Фоккера в американской печати в конце мая 1935 г.; «видного французского офицера» в «Petit Journal» 4 мая 1935 г.; «Temps» от 15 декабря 1935 г.; теперешнего французского министра авиации Пьера Кот в палате депутатов от 27 февраля 1935 г., и т. п. Недавно известный правый французский парламентский деятель Поль Рейно заявил в палате (4 декабря 1936 г.), что советская авиация «в два раза сильнее германской».

³ См. речь М. Н. Тухачевского на VII съезде советов СССР.

жившая всего 229 пассажиров, равняется в 1936 г. 87 тыс. км и может сравниться только с воздушной сетью США. Всего несколько лет назад советская авиационная промышленность зависела от иностранных моторов таких, как Райт, Юпитер, Испано, теперь она создала свою собственную советскую технику, и ее специалисты — Туполев, Калинин и др. — пользуются мировой известностью. Число обученных летчиков должно быть доведено до 150 тыс., это один летчик на тысячу жителей.

Горячий интерес к авиации захватил десятки, даже сотни тысяч рядовых рабочих, учащихся, служащих (военно-спортивная организация «Осоавиахим» насчитывает многие, многие миллионы членов), которые в свободное время учатся летать, потому что они держатся того мнения, что в социалистическом обществе каждый должен и будет летать. Такова причина того, что советский народ с такой небывалой быстротой «овладел воздухом», народ, для которого до войны даже путешествие по железной дороге было роскошью; это объяснение приложимо и ко всем остальным «секретам» советского прогресса. Социалисты должны стать *хозяевами воздуха* в большей мере, чем фашисты, потому что у социалистов сможет летать не только привилегированный класс или тщательно отобранная каста, но весь бесклассовый народ.

И все-таки в будущей войне будут решать в первую очередь не «человеческие» «летные способности», а техника, и первые результаты будут зависеть от тех «воздушных крепостей» эскадрилий тяжелых *воздушных крейсеров*, которые ныне, как когда-то бронированные корабли морей, заняли главенствующую роль. Потребность современной стратегии неожиданности в орудиях крайней подвижности и в то же время величайшей разрушительной силы, которые могли бы быть направлены против решающих объектов, привела к превращению целого класса самолетов (тяжелых бомбовозов) в настоящие летающие артиллерийские батареи; они настолько мощны, что большинство из них выдержит обстрел противовоздушных орудий на земле; они так быстроходны и в такой степени вооружены, что им во многих случаях нечего бояться вражеских истребителей, и сконструированы так (количество моторов, запас горючего и т. д.), что могут совершать самые длительные рейды.

Если подобные эскадрильи прорвутся к неприятельским «жизненным центрам», то ничто или почти ничто не сможет остановить их разрушительное действие. Они и в самом деле могут нарушить и задержать мобилизацию сухопутной армии, расстроить работу промышленности и транспорта, деморализовать население и вызвать политические и социальные по-

трясения. И здесь, казалось бы, именно Германия обладает первенством в области этих воздушных крейсеров.

Германия всегда была страной технических и военных рекордов; уже к концу мировой войны она при тогдашнем уровне техники собрала на своих аэродромах не менее 14 тыс. самолетов; ее крупнейшие авиационные инженеры — Юнкерс, Дорнье, Гейнкель, Экенер — выстроили к 1933 г. первые типы воздушных крейсеров «G 38», «DO X», «He 70» и др. Сейчас все эти модели уже оставлены далеко позади, и с апреля 1935 г. Геринг производит сериями тяжелые бомбовозы, которые обладают, например, скоростью в 400 км в час и могут поднять тонну взрывчатых веществ; кроме того, ежедневно выпускается по две новых мощных машины Юнкерс. Советский Союз имеет десятки тысяч летчиков-трудящихся, но имеет ли он подобные воздушные крейсера?

Можно проводить сравнение с хорошо известным гражданским самолетом, это самолет нового типа — «Максим Горький». Советский Союз строит теперь серию в 16 таких машин. Это шестимоторный самолет (7500 лошадиных сил) с размахом крыльев в 63 м, длиной в 35,5 м, высотой в 10 м, с грузоподъемностью в 60 пассажиров (не считая команды) со скоростью в 275 км в час, с радиусом действия от 1600 до 3200 км и с потолком в 6 км; эта машина может, по меньшей мере, соперничать с последней британской рекордной моделью, новым рейсовым самолетом Армстронг-Уитворт, который берет 56 пассажиров и имеет скорость в 260 км в час. Что касается истребителей, то последние известные модели в конце 1935 г. показали скорость в 480 км в час, несмотря на то, что они тяжело вооружены пулеметами (последний британский Хавк). Имеются основания предполагать, что некоторые типы советских самолетов достигнут в ближайшем будущем скорости в 600 км в час.

Нет, воздушные крейсера будут у обеих сторон; а так как советские воздушные силы сейчас намного превосходят геринговские (СССР занимает первое место, а Германия второе или третье) и так как СССР, опираясь на свои национальные резервы, ни за что не уступит превосходства в этой области, то трудно себе представить, что Герингу удастся изменить это положение собственными силами. Например, уже за первые 10 месяцев 1936 г. продукция советских авиационных заводов возросла на 90%, продукция авиамооторов на 146% (заявление комкора Хрипина). Как раз авиамооторы являются слабым местом германской промышленности, которая не научилась еще производить надежные и высококачественные мооторы. Гражданская война в Испании с абсолютной ясностью показала, что германские аэропланы значительно уступают

самолетам республиканской Испании. Лондонский «Times» сообщает, что преобладающая скорость республиканских самолетов давала им такие возможности для прорыва, которые могли быть ограничены только зенитной артиллерией мятежников; германские же самолеты решительно не оправдали возложенных на них надежд. Но как обстоит дело по крайней мере в области воздушной тактики, летного боевого искусства воздушных экипажей? Германские летчики были, пожалуй, лучшими в мире, но сейчас им надо еще доказать, лучше ли они сегодня Молокова, Леваневского, Чкалова, Громова и других пользующихся мировой известностью советских пилотов «челюскинского класса» и их учеников, или имеет место обратное.

Несомненно одно, что в важнейшей новой области авиационной тактики — массовом парашютизме, массовом воздушном десанте целых полков пехоты позади неприятельских линий — Советский Союз до сих пор пользуется своего рода «монополией». Во время маневров Красной армии возле Киева осенью 1935 г. присутствовавшие иностранные генералы видели, как 2500 красноармейцев в полном порядке высадились на землю с воздуха в течение сорока минут и немедленно открыли огонь из автоматических винтовок. Но как сообщил позже Ворошилов, они не видели одновременной высадки в другой местности Советского Союза воздушного десанта в 5700 человек (больше, чем бригада), который выполнил ту же операцию. А еще позже они узнали от Тухачевского, что десятки тысяч красноармейцев имеют значок парашютиста и что число прыжков с парашютом, сделанных гражданским населением, уже приближается к миллиону.

Народ, который массами поднялся в воздух, не боится воздушных пространств, а это не пустяковый стратегический фактор. За последнее время достигнуты новые успехи. На маневрах Красной армии в Белорусском военном округе в сентябре 1936 г. высадка воздушного десанта из 1200 бойцов в полном боевом снаряжении с 150 пулеметами и 18 тяжелыми полевыми орудиями заняла меньше 8 минут¹; а в Московском военном округе был высажен воздушный десант из двух войсковых частей, насчитывавший 5500 человек, переброшенных на расстояние в 420 км. Может ли в таких условиях идти речь о «неприятельском тыле» для красных бойцов? Советская авиация научилась перевозить тяжелую артиллерию и танки; французский военный атташе в Москве видел, согласно за-

¹ Английский генерал Уэйввелл, который присутствовал на маневрах в Белоруссии в качестве главы британской военной миссии, заявил: «Я никогда не поверил бы в возможность подобной операции, если бы не видел ее сам».

явлению Пьера Кот во французской палате 27 февраля 1936 г., как 97 советских самолетов в течение двух часов перевезли «в тыл противника» полностью вооруженную бригаду с 16 орудиями, с танками и пулеметами. Атташе закончил свой отчет правительству словами, что «никакие иные воздушные силы в мире неспособны на такую операцию». Все эти высказывания единодушно свидетельствуют, что такие операции представляют собой совершенно необычные сдвиги во всем военном искусстве.

Если Геринг со своей стороны поднимает шум и замышляет формирование целых «воздушных дивизий пехоты» (каждая, как сообщают, должна состоять из 250 самолетов, иметь в своем составе от 1400 до 1600 человек, пулеметы и артиллерию), то это не больше чем намерения и начинания, в то время как у его противника, где авиацией занимается весь народ, это уже реальность. А кто гарантирует Герингу, что его «воздушные пехотные дивизии», безопасно высадившиеся в тылу «красного врага», благодаря большой пропорции коммунистов, социалистов и антифашистов в их рядах, не присоединятся к этому красному врагу?

Социалистическая армия в воздухе в качественном и количественном отношении сильнее фашистской, хотя, может быть, и не в такой степени, как на земле. Но пока мы говорим только об армии, а не об ее позиции. А именно позиция в воздухе, воздушная стратегия приводит нас к наиболее поразительному выводу:

Геринговская воздушная армия, какой бы мощной она ни казалась, в общем бессильна по отношению к территории Советского Союза. Воздушная армия социализма по отношению к территории фашистской Германии — смертельна.

Этот дар принесла социалистам география.

Первый взгляд на карту дает ответ и объясняет почти все. По одну сторону лежит обширное пространство Советской федерации, простирающееся на два континента и имеющее решающие жизненные центры в середине, а не на периферии. Москва, Донбасс, Урал, Кузбасс, Кавказ, Харьков, Сталинград, все лежат на «средних меридианах» страны; их отделяют друг от друга и от национальных границ сотни, а иногда (как на востоке) тысячи километров; гораздо большие расстояния отделяют эти пункты от двух главных потенциальных противников Советского Союза — Германии и Японии. В результате если германским эскадрильям воздушных крейсеров удалось бы пролететь расстояния до советской границы, то вряд ли у них хватило бы духу и горячего покроить огромные расстояния над самой страной. Если во время этих дальних перелетов они будут ослаблены или рассеяны

в различных направлениях непрерывной советской контратакой с земли и с воздуха, то дело может для них кончиться совсем скверно. В лучшем случае они могли бы избрать ограниченную цель как можно ближе к советской западной границе, но ни при каких обстоятельствах не могут они «ринуться через Россию»: жизненные политические и экономические центры слишком разбросаны для этого. Решающие промышленные районы, как, например, угольный район Донбасса, металлургическая база на Урале, нефтяные районы Баку и Грозного, Кузнецкий бассейн в Западной Сибири, фактически совершенно недосыгаемы из Германии (а еще менее из Японии).

А если Геринг двинется на восток, то ему придется сначала разгромить литовские авиабазы, а на юге — чехословацкие авиабазы. Германские эскадрильи смогут появиться над польской Познанью через несколько минут, а над Варшавой меньше чем через полчаса. Но налет на Москву, при котором нужно пролететь до Москвы и обратно 2100 км, встретив на пути сотни аэропланов и серию противовоздушных укреплений, — дело далеко не простое. По мнению известного французского генерала Нисселя (сентябрь 1936 г.) радиус действия современного бомбовоза не превышает 1000—1200 км. Советские воздушные силы вряд ли будут ждать, пока эскадрильи Геринга обоснуются на польских базах.

Единственный важный пункт Советского Союза, которому всерьез угрожает опасность, это Ленинград, так как он лежит на угрожаемой позиции, на периферии, и так как германское адмиралтейство, стратегически господствуя на Балтийском море, протягивает свои морские и воздушные щупальцы к Ленинграду. Но именно потому, что заранее известно, что это единственный находящийся под угрозой пункт, могут быть заблаговременно сделаны наиболее эффективные приготовления к его обороне.

Нет, для Геринга Советский Союз это не Франция и не Англия. Идея «опустошения» целой страны с воздуха, знаменитая аэростратегическая *доктрина Дуэ*, не применима к советскому континенту (вероятно, она не применима в той же мере и к Соединенным штатам), и Герингу никогда не быть «воздушным Наполеоном» в Восточной Европе. Но у него есть все возможности стать воздушным Вильгельмом II.

Но какова стратегическая воздушная карта, если ее рассматривать из Советского Союза по отношению к Германии, — о чем она говорит? В этом случае картина как раз обратная. Налицо относительно небольшая, густо населенная, открытая со всех сторон страна, составляющая по территории одну сорок пятую часть Советского Союза; но самое главное заклю-

чается в том, что жизненные центры страны скучены на ее небольшом пространстве.

Разница ясна уже из одного факта, что в Германии насчитывается 145 человек на один квадратный километр, а в СССР 8 (в европейской части Союза — 23). Германия, с точки зрения воздушной стратегии, представляет сплошное «воспламеняемое» пространство (хотя это и не так резко выражено, как для Японии), это относится к главному политическому центру — Берлину, к саксонской промышленности, расположенной вблизи от южной границы, к верхнесилезской промышленности, лежащей непосредственно у восточной границы, и к рурской промышленности, до которой от западной границы всего несколько минут полета. Большие города, железнодорожные узлы, индустриальные комплексы, военные центры отделены друг от друга лишь небольшими расстояниями. Если советские эскадрильи долетят до германской границы, то они сразу же достигают цели для интенсивных операций; в действительности же летное расстояние для контратаки на Гитлера еще короче.

Гитлеровский «Восточный поход» по своей политической и стратегической природе не является нападением только на Советский Союз, но, по необходимости, также и походом против более слабых восточных и центральноевропейских государств по «пути» к Москве и Киеву, *поэтому линия баз воздушной обороны против наступающей Германии переместилась на юге на 500—800 км дальше от Советского Союза и ближе к Германии*; практически эта линия расположена в полчасе полета от Берлина. Это факт, важность которого трудно переоценить. Это относится, между прочим, также и к геринговскому восточному флангу, где Литва сооружает свои аэропорты. Указанное означает радикальное изменение соотношения сил на юге Германии.

Чехословакия, которая вслед за Австрией должна стать «первым привалом» во время «южного фашистского крестового похода», не испытывает ни малейшего желания, чтобы ее сравнивали с землей германские фашисты; естественно, что вследствие этого Богемия и Словакия покрываются сетью современных аэродромов.

Отношения между СССР и Чехословакией, воздушные силы которой в январе 1935 г. располагали изрядным количеством в 1000 самолетов первой линии, не исключают после заключения советско-чехословацкого пакта о взаимной помощи возможности совместного сопротивления воздушных сил обоих государств всякой агрессии; еще в 1935 г. было решено создать воздушную линию Прага — Киев — Москва. Если ясно представить себе, что расстояние от советской границы до

Германии составляет, примерно, 1 000 км, то отсюда понятно, что означает такое сокращение пути. Незначительные венгерские воздушные силы окажутся, если они выступят, между двух огней и не смогут сильно изменить ситуацию, а тогда фашистский Берлин, *если он отважится атаковать*, будет открыт для бомбардировки с воздуха.

Успешная контратака с воздуха окажется, вероятно, убийственной для фашистской Германии, убийственной для промышленности и технической организации войны, убийственной для национальной мобилизации, если последняя не была достаточно обеспеченной и быстрой; но что главное и наиболее вероятное — она в *социальном* и политическом отношении поразит воюющий фашизм в самое сердце. И здесь мы подходим к неизбежному заключительному акту трагедии этой войны, которая станет трагедией Гитлера.

Очевидно: если аэропланы социалистической и пацифистской армий обороны покажутся над фашистской землей, вылетев с советских авиабаз, с чехословацких аэродромов, из литовских аэропортов, то в первые же часы и дни войны страну охватит пожар. Пожар от взрывчатых и зажигательных бомб на фашистских позициях будет не столь опустошитель, как разгоревшееся пламя социалистического и пацифистского *сопротивления*; тут покажут себя враги Гитлера, враги войны, и враги чрезвычайно сильные! *Этот* пожар воспламенит массы людей, для которых Германия стала тюрьмой. Это неизбежно. Он даст им волю, мужество, а также и технические возможности для первых выступлений, чтобы во всеуслышание предъявить категорическое требование — преступную и братоубийственную войну прекратить немедленно и при любых обстоятельствах. Все мыслящие люди в Германии понимают, что эта война не будет войной Германии, но будет войной фашистов — гангстеров и психопатов. И поэтому с первого дня войны подгнивший организм фашизма начнет бурно разрушаться изнутри; противники гангстеров и психопатов, приведших народ на край пропасти, в первый раз почувствуют себя *не одинокими* против них, не изолированными и покинутыми, впервые ощутят присутствие могучих союзников в фашистском тылу. Автор настоящей книги, задумавший ее в строго реалистической, почти геометрической, манере, осмеливается утверждать, что в этой войне возможны случаи, когда воздушные крейсеры гитлеровского противника, появившись над германским городом, не будут бомбардировать: они спустятся для того, чтобы их экипажи могли побрататься с населением внизу. Автор считает это не мечтой, а вполне реальной возможностью. Эта война будет отличаться от войн, ей предшествовавших.

Первые же события в воздухе неизбежно побудят германский рабочий класс «встать на ноги»; этот класс никогда не был побежден, он получал только удары в спину; поднимутся сами рабочие и их жены, матери и сестры. Женщины могут быть грозной взрывчатой революционной силой: они показали это в России в 1917 г. и в Германии в 1918 г. Германские пролетарии будут требовать свободы и одновременно *мира*, простого права на физическое существование, — такое сочетание оказывается в политике самым сильным взрывчатым веществом из всех остальных. Подобно русским рабочим, крестьянам, солдатам и женщинам в ноябре 1917 г., они будут требовать мира не посредством избирательных бюллетеней, а с оружием в руках, с оружием, которое фашисты дадут в руки многим из них «против России». Конечно, фашисты будут отвечать своим собственным оружием. Они пустят в ход пулеметы; будут ставить коммунистов, социалистов и пацифистов к стенке; они опять призовут СС для нового террора и будут угрожать восставшим пролетарским районам с воздуха. Но это будет уже в полном смысле слова *вторая война* — война гражданская, разгоревшаяся во время войны внешней.

Развитие устремляется здесь по руслу этой последней из стратегий, которая обычно становится заключительным актом каждой войны и определяет ее конечный результат; это стратегия социальная. Дальше и глубже этого не может идти борьба между человеческими массами. Социальная стратегия — это не что иное, как обычная военная стратегия *плюс классовая борьба*; военное искусство плюс реальности гражданской войны. К цифрам дивизий, орудий, самолетов, к показателям выгоды позиций она прибавляет невидимые, но могучие «цифры» социальной температуры воюющей страны: состояние умов населения, настроение, преобладающее в рабочих районах, мысли жен рабочих, намерения нелегальных революционеров («субъективные факторы революции»). Социальная стратегия делает все эти факторы такими могущественными, что она сама может изменить или даже опрокинуть факторы первого порядка — чисто военные и технические показатели.

Чем дольше тянется война, тем больше социальная стратегия — стратегия живых масс, стратегия классов — берет верх над стратегией материальных средств и оперативной стратегией — стратегией масс мертвых инструментов. Последняя постепенно теряет свое значение и приходит в упадок, первая постепенно активизируется или даже порождается последней: как, например, в том случае, когда чисто автоматическая «массовая армия» генералов превращается в революционную армию восставших солдат. Благодаря социальной стратегии

в Германии следствием воздушной войны явится политическое восстание внутри страны; это невозможно в СССР, где правительство и народ одинаково стоят против войны и где уже не существует классов, а следовательно, нет взрывчатых элементов.

Это только начало «генеральной ревизии», которой социальная стратегия подвергнет все другие виды стратегии. Она в корне пересмотрит, например, такой важный «определенный фактор», как номинальная сила или численность массовой армии. Солдат является не только пулеметчиком, но и мыслящим членом своего класса, человеком с общественными интересами и целями; поэтому солдат, призванный в фашистскую армию, бывший прежде молодым социалистическим рабочим и вынужденный теперь защищать своего политического противника, представляет собой как боец практически меньшую ценность, чем социалистический солдат, который защищает самого себя; это верно даже в том случае, когда у первого пулемет лучше.

В лучшем случае солдат фашистской армии будет порочным автоматом (благодаря принуждению). Солдат социалистической армии будет не только бойцом, вооруженным винтовкой, но также революционным пропагандистом и организатором на всех участках фронта и похода этой армии; такой солдат имеет двойную ценность, многократно повышенную также и в стратегическом отношении, так как он уменьшает число своих врагов на своем пути. Фашистский же солдат множит их число. Каждый солдат социализма в военном отношении стоит фашистского офицера; какое же значение могут иметь номинальные цифры при противопоставлении численности армии социализма и армии германского фашизма, если у одной стороны часть армии хочет поражения, а у другой стороны каждый солдат надежен, как офицер? То же самое относится и ко всему остальному.

Социальная стратегия «пересматривает» и опрокидывает номинальное соотношение сил в воздушной стратегии, потому что она ставит бесперебойное производство самолетов и снабжение их запасными частями во время войны, а также и безопасность аэродромов в зависимость от труда и идей сотен и тысяч рабочих авиационных заводов и связанных с ними отраслей промышленности. Чьи воздушные силы могут с большей уверенностью положиться на рабочих и гражданское население в то время, когда армия будет на фронте?

То же самое относится не только к тылу; социальная стратегия придает иной характер и самому фронту. Чья армия во время наступления и продвижения по неприятельской территории встретит более энергичное сопротивление народа —

армия национальных и социальных угнетателей, иностранных «господ» или армия иностранных собратьев по классу, товарищей, которые хотят только мира и сразу передадут управление территорией самому народу?

• Это обстоятельство, между прочим, уничтожает последние шансы на успех весьма своеобразного германского оперативного плана, согласно которому «главная цель — Ленинград». Наличие такого плана — явное доказательство политической безграмотности, на которую способны только тупые, механически мыслящие антимарксисты. Только с оперативной и материальной точки зрения Ленинград может стать для германского генерального штаба наиболее удобной целью, якобы имеющей «наименьшее сопротивление» (Балтийский флот, близость границы и т. д.). Но с социальной точки зрения именно этот «ленинградский объект» окажется для фашистского противника обжигающим, как лава Кракатау.

Это район старой гвардии русского пролетариата; героических ленинградских рабочих, которые с Лениным в своих рядах зажгли социалистическую революцию и образовали первое ядро, из которого выросла вся коммунистическая партия Советского Союза. Это должно кое-что говорить даже буржуазному генералу. Представителей ленинградского рабочего класса можно встретить на руководящих постах во всей советской системе, от ее основания до вершины. Это люди особого склада; таких людей порождают и воспитывают только революции, а не войны или военные академии; всякий, кто попытается напасть на Ленинград, наткнется на провод высокого напряжения.

Это уже было однажды продемонстрировано в 1919 г., когда армия, находившаяся всего в нескольких километрах от Ленинграда, имевшая в своем тылу могущественную иностранную державу и ее флот, наступала на город голодных полувооруженных пролетариев, почти изолированный от всех остальных частей страны (наступление Юденича). В течение нескольких дней эта армия перестала существовать; только ее генералы и люди, снабжавшие армию деньгами, остались невредимыми за границей. Социальная стратегия пораженного разрухой Ленинграда полностью опрокинула оперативную стратегию наступавшего противника.

С тех пор в военном, техническом и социальном отношении Ленинград вырос в неприступную крепость; он стал городом процветающих, а не только сытых рабочих, городом бесклассового народа. Во всем городе не будет ни одного дома, ни одного перекрестка, который не воздвиг бы своего Вердена; не будет даже подростка, который не взялся бы за пулемет. И внутри этого революционного арсенала Гитлер

хочет прыгнуть в *первую* очередь! Он думает, что это линия наименьшего сопротивления. А встретит он линию наибольшего, максимального сопротивления, которая раз и навсегда выучит его азам социальной стратегии, покажет ему значение статических и динамических классовых факторов в истории.

На грубую чисто техническую стратегию фашизма социалистическая армия ответит технически еще более сильным оружием — укреплениями, танками, самолетами, подводными лодками. Морально, однако, она ответит таким гневом, таким взрывом всей внутренней и человеческой энергии высшего социального порядка, таким негодованием, что в языках пламени этого взрыва автоматическая армия агрессоров превратится в груды пепла.

Говоря более конкретно, все это должно найти свое выражение в следующих пяти **стадиях**.

На первой стадии Гитлер наступает, наступает с помощью всех резервов накопленных и подготовленных им сил: сухопутной «ударной армии» Бломберга, Балтийского флота Редера, воздушных крейсеров Геринга и вспомогательных фашистских лиг Бека и Хорти. Гитлер наступает, поставив на карту все, прищипорив нацию стальными шпорами, дойдя до последней стадии лихорадки и истерии с криками: «Тевтоны на большевиков», «арийская цивилизация» против «восточной угрозы»! Мировой фашизм стоит сзади и ободряет его. Гитлер наступает, имея первой целью Ленинград и Киев, второй целью Москву, третьей пан-европейскую империю нового тевтонского ордена. Его армия переходит Неман и Дунай.

На второй стадии силы фашистской армии встречаются с оборонительными силами социалистической армии; фашистская армия отброшена. Потенциальное соотношение сил в области стратегии материальных средств, оперативной стратегии, воздушной стратегии начинает резко сказываться на всем протяжении от Балтийского до Черного моря, и в результате наступление Гитлера приостановлено. После этого исход борьбы уже предопределен, так как Гитлер проиграл уже в тот момент, когда он остановился в первый раз. Аккумулированная им движущая энергия исчезает, начинают действовать противоположные тенденции. Было бы праздным занятием предсказывать точный час, когда этот критический момент наступит. Ясно одно, что он наступит, и наступит, вероятно, очень скоро после того, как вспыхнет война. От длительности этого критического периода зависят масштабы разрушений.

На третьей стадии социалистическая армия разовьет сокрушительное контрнаступление: оно начнется по существу с первой минуты войны, к которой эту армию вынудят. Массы социалистических и пацифистских сил на суше, в воз-

духе и на воде, демонстрируя свое явное превосходство над противником, нанесут ряд быстрых, оглушающих ударов по его фронту и тылу, уничтожая силы и деморализуя врага, не теряя времени, не применяя затяжной позиционной стратегии. Они перенесут борьбу на фашистскую территорию.

В этот период социалистическая армия, после успехов ее стратегии материальных средств и оперативной стратегии, начнет благодаря социальной стратегии расти и увеличиваться в объеме; в то время как фашистская армия станет сокращаться, съезживаться. Армия социализма и пацифизма будет неуклонно и повсеместно пополняться свежими рвущимися в бой дивизиями и отрядами союзных классов и народов. Армия фашизма после каждого сражения начнет терять свои набранные принудительным порядком дивизии. Резервы пролетариата и друзей мира бесконечно, несравненно больше, чем резервы фашистских поджигателей войны, сторонники которых гораздо более многочисленны до войны, чем во время нее. Теперь прежняя, позиционная война превратилась не только в войну движения, но и в своего рода молниеносную войну, когда наступление будет зависеть не только от скорости пехоты или моторизованных колонн, но и от скорости огня народных восстаний.

Социалистическая и пацифистская армия ничего не разрушает и не подавляет, но везде появляется как избавитель. При ее движении вперед внутри фашистских воюющих стран будут непрестанно возникать армии союзные с пацифистской армией, которые в ходе военных действий соединятся с ней и территориально. Это в самом деле будет зрелище нового «наполеонизма», но «наполеонизма» мира, «наполеонизма» решительных противников войны, которые братски подадут друг другу руки и освободят континент от фашистской чумы: освободят каждый народ в его собственной стране и в соответствии с его собственной волей.

Невозможно и преждевременно заранее наметать направления движения этого социалистического и пацифистского сопротивления. По всей вероятности, район «южного фашистского похода» вокруг Дуная и по соседству с Карпатами восстанет раньше, так как там национальная и социальная энергия антифашистских масс более сконцентрированы и угнетение масс сильнее (дунайские народы, украинские крестьяне в Галиции). Но главный удар этого социально-военного контрнаступления произойдет внутри самой Германии — и это будет четвертая стадия процесса.

*На четвертой стадии начнется великая антифашистская революция в Германии*¹. Несчастный народ, приведенный Гит-

¹ Стадии могут следовать одна за другой очень быстро.

лером на край пропасти, народ, у которого под угрозу поставлено не только политическое и экономическое, но и его физическое существование, восстанет, как в 1918 г.; но на этот раз он будет более энергичным и могучим. Мир будет его первым лозунгом, свобода — вторым; они по существу равнозначны. Грань между войной и фашизмом сотрется окончательно, восстание против войны и революция против фашизма сольются воедино, превратятся в *одну* политическую и техническую операцию.

Руководство революцией будет как всегда в руках рабочих, представляющих собой лучшую часть и авангард нации. Но на этот раз за рабочими пойдет и мелкая буржуазия, и в этом будет отличие от того, что было прежде. Бывшие сторонники Гитлера, конторщики, мелкие торговцы, крестьяне и интеллигенты, которых годами обманывали, над которыми издевались и насмехались, теперь, перед лицом смерти, будут маршировать плечо к плечу с революционными рабочими так же, как русские крестьяне и солдаты выступили в октябре 1917 г. вместе с пролетариями под руководством Ленина.

Итак, этой объединенной революцией рабочего класса и мелкой буржуазии в Германии закончится тот цикл, который начался трагическим расколом между этими двумя силами, длившийся в период 1918—1933 гг.; только тогда 30 июня 1934 г., ~~в~~ описания которого мы начали эту книгу, будет полностью осмыслено и получит, наконец, свое завершение. Уже не с именем Рема и Гейнеса на устах пойдут на борьбу германские мелкие буржуа, но их будут воодушевлять идеи свободы, мира, социализма; они выступят с еще большим самосознанием и большим мужеством, чем их деды в 1848 г. *Эта германская революция будет непобедима.*

Она разразится не только в германском тылу, где во время войны с первых же дней и недель сформируется сильная революционная оппозиция; ее программа сведется к одному пункту — «захват власти», к одной задаче — подготовка вооруженного восстания против Гитлера. Она распространится естественно и до самого сердца армии, находящейся на полях сражения; ведь армия составляет одно целое с народом и является лишь наилучшим образом вооруженной его частью. Эти антифашисты, юноши и мужчины, в том числе и члены приниженных отрядов СА, которые, будут мобилизованы и отправлены на фронт в первые же часы, провозуют недолго. По меньшей мере значительная часть этих рекрутов после первых задержек в гитлеровском «наступлении» впервые повернут находящиеся в их руках штыки и пулеметы в совершенно противоположную сторону. Они отомстят тогда и за 30 января 1933 г., и за 30 июня 1934 г., и за новую войну. *Вот*

каким образом закончит фашистская армия свой «великий крестовый поход»: пожар разгорится в ее тылу, враги появятся в ее собственных рядах.

Затем последует пятая и последняя стадия — бегство и гибель Гитлера и его сообщников. Огромная фашистская армия будет не просто разбита, — с ней случится нечто более серьезное и более неожиданное. Посреди своего похода она расколется на две части, которые обратятся одна против другой. Великая сила — вооруженный народ — потребует мира и добьется его. Фашистские маршалы, майоры и жандармы бросятся бежать, бежать так, как никогда никто до сих пор еще не бежал: бежать от своих противников и от своих собственных солдат. Но они далеко не уйдут.

Мир никогда не был свидетелем такого поражения, каким будет грядущий разгром «континентальной армии» фашизма. Пока полубогов «новой веры» будут сбрасывать с их глиняных пьедесталов, пока солдаты некогда фашистской армии будут стрелять в нео-наполеонов, пока в Германии будут водружаться знамена свободы и нового правительства мира, — остальная часть прежней «фашистской армии» объединится с социалистической армией для того, чтобы организовать этот мир и стать на его страже. Тогда не будет ни «Гитлера против СССР», ни «Гитлера над Европой», что, впрочем, одно и то же («мир неделим»). Ибо восторжествует мир и свобода — над разрушением и варварством.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства	3
Предисловие автора к русскому изданию	4
Предисловие автора к английскому и немецкому изданиям	6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

<i>Глава</i>	I. Восстание армии мелкой буржуазии	17
<i>Глава</i>	II. Империя нового тевтонского ордена	37
<i>Глава</i>	III. Вмешательство химического треста	50
<i>Глава</i>	IV. «Ночь длинного ножа» или апофеоз фашизма	65

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«КРЕСТОВЫЙ ПОХОД»

<i>Глава</i>	I. Поход на Австрию	77
<i>Глава</i>	II. Борьба между Тиссеном и Муссолини	91
<i>Глава</i>	III. Когда падет Вена?	111
<i>Глава</i>	IV. Создание фашистской лиги на юго-востоке Европы (Гитлер Гембеш)	127
<i>Глава</i>	V. Создание фашистской лиги на северо-востоке Европы (Гитлер-Бек)	154
<i>Глава</i>	VI. Новый германский стратегический план (план Гофмана)	184
<i>Глава</i>	VII. Этика плана Гофмана	204
<i>Глава</i>	VIII. Грядущее наступление на Ленинград и Киев	230
<i>Глава</i>	IX. Образование двух фашистских армий на континенте и будущее Запада	247
	Операция против Ленинграда	248
	Наступление с моря	—
	Воздушная атака	260
	Наступление на суше	262
	Южный фашистский поход	273
<i>Глава</i>	X. Может ли Германия победить Советский Союз?	285
	Сравнение стратегии материальных средств	—
<i>Глава</i>	XI. Почему неприступна Москва?	308
	Сравнение оперативной стратегии	—
<i>Глава</i>	XII. Ватерлоо Гитлера	323
	Воздушная война между фашистами и социалистами и социальная стратегия	—

Редактор *Д. Илок*

Техред *В. Моръи*

Сдано в типогр. 5/II 1937 г. Подп. к печат.
Зак. № 711. Тираж 20 000. Формат 62×90
в печ. л. Уполномоченный Г
Цена книги 4 р. 35 к. П

№ 124
3 знак

1-я Образцовая типография Огиза
Москва, Вр.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

